ПРОЕКТ "ЗАРАЖЕНИЕ":
ШТОРМ
ПОСЛЕ БУРИ НЕ ВСЕГДА ПРИХОДИТ РАССВЕТ

Annotation

За бурей не всегда приходит рассвет...

"Шторм" - третья книга о судьбе обычного школьного охранника, с которым произошли большие изменения, после попадания в организм зомби-вируса.

Лучший личный состав "Афалины" отправлен на базу "УЛЕЙ", откуда пришел сигнал об активации ядерного реактора... но в реакторе ли дело?

Профессор Решетов - третий из выживших во время боевых действий в Сирии - проводил научный эксперимент, пойдя совсем иным путем, и сделав ставку на мутацию флоры и фауны, так что теперь Ландскнехту и Байкалу придется сразиться с новым противником, узнать некоторые тайны и вернуться домой... которого больше нет.

"Афалина" разрушена и эвакуирована на северный полюс, и перед друзьями лежит новый путь..

- Глава 1. "УЛЕЙ"
- Глава 2. "Все тайное становится явным"
- Глава 3. Проект "Немезида"
- Глава 4. "Операция " Сев"
- Глава 5. "Начало долгого пути"
- Глава 6. "Саамы"
- Глава 7. «Этхе»
- Глава 8. "Наперегонки со смертью"
- Глава 9. «Ненужные»
- Глава 10. "Один в поле - воин?"
- Глава 11. «Пришла пора спешить..»
- Глава 12. «Шторм»
- Глава 13. «Герои тоже умирают»
- Глава 14. "Герой погиб! Да здравствует герой!"
- Глава 15. Эпиллог

Проект "ЗАРАЖЕНИЕ": ШТОРМ. За бурей не всегда приходит рассвет

Глава 1. "УЛЕЙ"

Два тяжелых транспортных вертолета упрямо двигались строго на восток, разрывая винтами чернильную тьму, расцвечиваемую иногда всполохами молний. Сделав крюк, выходя на более удобный угол захода, пилоты, борясь с непогодой, вели свои машины к цели. В пути они были всего час, но нервы что у них, что у тех, кто трясся в десантном отсеке, были на исходе.

- Долетим, не ссым! – глядя в темный иллюминатор, мимо которого проносились росчерки белых снежинок, пытаясь подбодрить солдат, прорычал Байкал.

Ему тоже было страшно, не любил капитан перелеты. Здесь он ничего не мог поделать, если что-то пойдет не так. В бою – понятно, все от тебя зависит, а здесь… Здесь Данил чувствовал себя запертым в консервной банке, которая вела себя так, как ей захочется.

- Если что, падать, хоть, не высоко, - недобро усмехнулся Хакас.

Что да, то да! Обрусевший Кореец был прав. Винтокрылые машины шли на предельно малой высоте, едва не касаясь днищем верхушек раскидистых кедров. Выше подниматься было опасно: видимость никакущая, да еще и турбулентность. Или вершину горы поймаешь, не разглядев, или винты захлебнутся.

Идти приходилось по видимым ориентирам. Вся навигация сдохла вместе с остальным миром еще полгода назад. Благо, что болтавшиеся в космосе навигационные спутники функционировали, иначе было бы совсем тяжело. Как бы ни казалось, что их достаточно, бортовая электроника – сложный инструмент. Здесь одними данными GPS не обойдешься! Нужны сведения по погоде, отклики маяков и еще куча всего, во что Петров вникать не хотел. Вот еще! Голову умными мыслями забивать! И, ладно бы, полезными, а ведь так, на раз…

- Пятнадцать минут! – раздался в наушниках голос пилота. – Если и там такая свистопляска, будет не просто!

- Сейчас нигде не просто, - пробурчал капитан. – Народ! Готовимся! Проверить оружие и снаряжение! Напоминаю! У нас вообще нет никаких данных о ситуации на месте высадки! Потому будем действовать по обстановке! Наша основная задача - проникнуть

на объект, взять его под контроль, и отключить ядерный реактор! В лаборатории могут находиться гражданские! – Петров сделал паузу, пережидая очередную тряску. – Точнее сказать, ученые. По возможности, нужно вывести их! У нашего командования к ним есть несколько вопросов. Так же приказано взять живым их главного. Как он выглядит, или как зовут, мы понятия не имеем, так что, мужики, эту информацию тоже нужно еще добыть!

Солдаты кивнули, зашуршали и забряцали оборудованием. Нервозность отряда виделась во всем. В действиях, в жестах, во взглядах и голосах. Еще бы! Не каждый день спасаешь мир в прямом смысле этого слова. Облажаться было никак нельзя! Если реактор взорвется… Трудно было представить, что тогда произойдет. Как там говорил Доронин? То, что случилось полгода назад – было легким дождиком. То, что вокруг творится сейчас – можно назвать ливнем, а то, что произойдет, если реактор выкинет в атмосферу тонный новой заразы, можно будет сравнить со штормом планетарного масштаба.

- Десять минут! – донесся в наушниках голос пилота.

Петров вздохнул. В груди появилось неприятное ощущение. Чем ближе они подлетали, тем чувство становилось сильнее. Давящее, гнетущее… его ощущали все, но больше всего - Николай. Он сидел отдельно от основной группы бойцов, скрытый от их взглядов импровизированной перегородкой. Голову начинало давить. Причиной этому был далеко не сам перелет или неудобства его сопровождающие, как то: перегрузки, болтанка или резкие изменения высот. Нет. Причина скрывалась впереди, за тяжелыми облаками, в распадке высоких, поросших тайгой гор. Он ощущал нарастающее давление внутри себя. Словно сам воздух уплотнялся, становясь осязаемым. Впереди. Что-то. Было. Большое. Огромное. Страшное. Опасное. Ощущения можно было описать как тревожные, гнетущие, обреченные. То, что таилось впереди – ждало их. С нетерпением и страхом, желанием и опасением. Оно знало, что они приближаются.

- Капитан, подойди, - все же решился Николай вызвать друга.

- Что случилось? – заглянул тот, одернув ширму через несколько мгновений. – Плохо выглядишь.

Здоровяк действительно выглядел не лучшим образом. И так-то бледное, из-за нехватки солнечного света, лицо друга, сейчас выглядело совсем белым. На лбу и бычьей шее выступил крупный пот.

Челюсти сжаты, желваки так и гуляют, мышцы бугрятся, подергиваются.

– Впереди что-то есть… - выдавил сержант, открыв глаза.

- Что именно? – насторожился Байкал.

- Не знаю. Ощущаю что-то. Как тогда, когда прорыв был. В голове давит.

- Может это от полета?

- Нет. Точно нет. Впереди что-то страшное…

Капитан огляделся, зашел за ширму.

- Уверен?

- Уверен, - кивнул гигант. – Чем ближе, тем сильнее ощущаю. Это что-то большое.

- На сколько?

- Очень! Огромное. Как… Как медуза…

- Ты это… - Петров пожевал щеку. – Может укол?

Здоровяк задумался на мгновение, прислушиваясь к собственному организму, потом отрицательно покачал головой.

- Пока не надо. Музыку послушаю, может, отпустит.

- Хорошо, если что, говори…

Петров вернулся в десантный отсек. О наличии на борту существа, еще недавно бывшего зараженным, только и мечтавшим оторвать от человеческой плоти кусочек повкуснее, знали не все. Только его группа была в курсе, что за монстра они с собой везут. Хотя слово «монстр» Петров уже давно исключил из своего оборота. Для него Николай стал другом. Они вместе через многое прошли, и назвать его «тварью», или «монстром» у Данила не поворачивался язык. Мутант – это вот скорее да! И то, как-то грубо. «Не такой». Вот – самый точный термин. Не такой, как все. Измененный. Улучшенный. И, если Николай говорил, что что-то ощущает, то это были не просто слова.

- Готовимся, - тяжело проговорил Данил, обращаясь к бойцам.

Слова друга встревожили его не на шутку. Что там еще за медуза такая? О чем он?! Задание явно начинало «попахивать», хотя к нему у капитана с самого начала были вопросы.

Вертолет нырнул вниз, клюнув носом. Одновременно с этим в наушниках раздался голос пилота, сообщившего, что они видят цель и заходят на посадку. За иллюминатором стало чуть светлее. Мощные

прожектора на носах машин разрезали тьму и тем, кому хватило места у окон, открылась долгожданная картина.

Небольшой городок, очень похожий на тот, с которого для капитана и Николая все началось, был погружен во мрак. Нигде не горело ни единого фонаря, ни одного окна в домах, ни одной фары брошенного автомобиля. Еще бы! Почти полгода прошло с момента, как на планету обрушился странный дождь, в одну ночь, превратив половину населения в кровожадных тварей.

Второй вертолет вынырнул из тучи, ушел, заложив небольшой вираж чуть влево. Его задачей стояло отвлечение и вытягивание на себя возможных зараженных, которых по предварительным данным могло быть до тысячи – по числу жителей военного городка.

- Готовимся, - скомандовал капитан, беря себя в руки, прекращая мандраж. – Высаживаемся на территории, перед самой базой. Поищите место, – пилот подтвердил получение приказа. – Вторая и третья группы – берете периметр под контроль. Первая группа – сразу к воротам базы! Пацан, на тебе двери. Чук, Гек, прикрываете программиста. Вы двое, - взгляд командира уперся в переданных полковником в усиление ученых. – Под ногами не крутитесь! Держитесь ближе! Никуда без приказа не отходите, не лезете. Понятно? – кивки. – Отлично! Держим оборону до вскрытия! Потом заходим! Вторая и третья группы дальше по обстановке. Если слишком жарко будет, уходите. У нас на все про все от силы часов пять! Если не успеем… - Байкал замолчал, вздохнул. – Должны успеть, мужики! От нас судьба мира теперь зависит.

Слева, перекрывая грохот винтов, раздался рев пулемета второго вертолета.

- Капитан, видим зараженных… Двигаются в вашем направлении от здания штаба. Их много!

- Понял, держите их, мы уже высаживаемся… Слышали!? Торопимся! Вперед идет наша главная сила, за ним вторая группа, потом мы и замыкает третья! Колян, готов?

- Готов, - прохрипело в наушниках и в темноте угла что-то заворочалось.

Солдаты замерли, когда великан показался на свет. Лишь группа Петрова, уже познакомившаяся со здоровяком на брифинге, отреагировала на появление чудища как на само собой разумеющееся.

- Укол нужен?

Николай отрицательно качнул головой. Поведя плечами, разминая мышцы, он приподнял огроменный по меркам простого человека четырехствольный авиационный пулемет до уровня пояса.

- Открывай…

Аппарель загудела, взвизгнули моторы. В салон ворвался холодный ветер, снежинки устроили круговерть.

- Вперед! Пошли! – скомандовал Байкал, пропуская перед собой группу спецназа.

Вертолет, болтаясь в метре от земли, натужно гудел. Садиться было опасно. В случае посадки, быстро набрать высоту машина не сможет, потому было решено прыгать. Сержант вышел первым. Вдохнув полной грудью чистый морозный воздух, он мгновенно уловил в нем опасность. Измененное биологическими опытами зрение быстро перестроилось.

- Справа, - прорычал гигант, поворачиваясь в сторону, откуда исходила угроза.

Почти в этот же момент к ним двинулись клёкочащие тени. Десяток, не меньше тварей, преодолевая сугробы, утопая в снегах по колено, переваливаясь друг через друга, кинулись вперед.

- Группа, к бою! На два часа! – предупредил командир спецназа и тут же по силуэтам ударили автоматы.

- На одиннадцать! – скомандовал кто-то другой и к первому залпу примешался второй.

- На шесть!

- На четыре!

Солдаты покидали чрево стальной машины, тут же вступая в бой. Твари кидались отовсюду, лезли из каждой щели. Из первого десятка их стало два, затем три, а дальше, казалось, их уже и посчитать было невозможно.

- Вперед, вперед, вперед! – гнал свою группу Петров в сторону огромных, массивных ворот, каркас которых уходил прямо в гору. – Пацан! Шевелись!

Винты огромного транспортного вертолета, подняли, взбили снежный покров. Снежинки кидало из стороны в сторону, создавая вокруг места посадки настоящую метель. Автоматы стрекотали безостановочно. Тварей вокруг было явно больше ожидаемого числа.

И это только тут! В городе второй вертолет вел воздушный бой. Высадить солдат ему было просто невозможно. По докладу пилотов, к ним двигалась целая волна мертвецов. Настоящая лавина!

Высадив десант, первый вертолет взлетел, пошел на разворот. С его борта ударил огненный росчерк трассеров и прошелся где-то за пределами базы.

- Быстрее, мужики, их слишком много! – подтвердил пилот их вертолета.

- Пацан, шевелись! – Петров нервно сжимал автомат, укрывшись за будкой КПП, высматривая в успокаивающейся снежной круговерти быстрые черные тени.

Программист утер пот, несмотря на лютый холод вокруг.

- Стараюсь!

Он замерзшими пальцами выцарапал из внутреннего кармана заготовленные заранее, еще на Афалине, чистые ключ-карты. Сперва нужно было вычислить код отклика замка, а затем через программатор залить на одну из карт запрос, создав, таким образом, копию и лишь потом, если все удастся, можно будет распечатать первую дверь.

Стянув рукавицу, зажав ее зубами, парень принялся подключать контакты провода ноутбука к карте. «Крокодилы», как на зло, то не хотели размыкаться, то мешались друг другу, то соскальзывали с медных площадок микросхемы. За спиной ударили автоматы. Программист вздрогнул. Это совсем не то, на что он рассчитывал, подписывая контракт с министерством обороны. Совсем не то!

Твари кинулись всем скопом, будто сговорившись. Перевалившись через сетчатый забор, они посыпались в сугроб, словно блохи с паршивой собаки. Пули врезались в тела, пролетая насквозь. Убить этих существ было не так-то и просто. Нужно было обязательно повредить мозг, причем не просто куда-то, а в особую его часть, где-то под затылком, а сделать это в таких условиях, как сейчас, было очень не просто.

Первые твари встали, выкопавшись из окрасившегося в алый цвет снега и кинулись вперед.

- Кнехт! – только и успел прокричать капитан, как тут же за его спиной засвистели стволы пулемета.

Загудело. В зараженных полетели росчерки крупнокалиберных пуль. Штыковой огонь ненадолго задержал волну, но что толку метлой

пытаться удержать порыв ветра? Патроны не бесконечные…

- Трубы! Трубы! – понимая, что магазины бойцов вот-вот опустеют, снова проорал Байкал.

Несколько бойцов отложили оружие, потянули из-за спин гранатометы. Бахнуло пять раз. Под забором образовались разрывы. Осколки свистнули над головами, заставляя солдат сбить темп стрельбы.

- Гранаты к бою! – продолжал командовать Данил.

Снова загрохотало.

Твари, перемолотые в фарш, не сдавались. Те, что лишились конечностей, пытались ползти, не переставая при этом клокотать измененными голосовыми связками.

Это было страшно. Казалось, волну не остановить. Второй вертолет так и не сел, продолжая вместе с первым поливать невидимого противника в какой-то сотне метров от них. Операция оказалась на гране краха.

Внезапно за спиной загудели моторы. Створки мощных ворот подались в стороны. По полу прошла дрожь.

- Получилось! – раздался радостный восклик Пацана.

- Заходим! Заходим! Заходим! – уже понимая, что им не выстоять, требовал капитан. – Вторая и третья группы, отступайте!

Бойцы спецназа, перезарядившись, кинулись в стороны от входа. Их задачей по-прежнему стояло отвлечение зараженных от основной группы на себя. Сделать это в сложившейся ситуации было сложно. Монстрам навалить огромную кучу на то, кто там что планировал. Они видят цель и идут к ней. И отвлечь их с этого пути практически невозможно.

Твари, получив передышку во время перегруппировки солдат, бросились вперед с утроенной силой. Группа Петрова явно не успевала. Створки ворот уже достаточно приоткрылись, чтобы в них мог просунуться человек, но команда не торопилась проникать на территорию базы. Первыми, как и положено, пошли разведчики - седой, уже пожилой Куль и его напарник –Хан. Бойцы первыми должны были обследовать помещение за воротами и, в случае опасности, дать время основной группе перестроиться, но все обошлось. Тамбур был пуст. Следом за разведчиками в пещеру

сунулись ученые и программист. За ними близнецы Чук и Гек, затем остальные. До последнего стояли Хакас, Байкал и Кнехт.

- Закрывай! Закрывай! – орал, пятясь Петров, отсчитывая последние мгновения, через которые его автомат клацнет пустым магазином.

Хакас вел огонь из карабина с оптикой, и, по сути, его стрельба была в данной ситуации больше беспокоящей, чем результативной, хоть Кореец и поражал свои цели каждым выстрелом. Этого было недостаточно.

Створки двинулись в обратном направлении. Петров дождался, пока Хакас сменит его на позиции и вбежал в помещение, перезаряжаясь на ходу.

- Колян! Назад!

Великан, стоявший дальше всех от двери уже ввязался в рукопашную. Огромный пожарный топор мелькал в его руках, нанося противнику, наверное, самый ощутимый урон. Пуля быстра и точна, но топор сокрушительней. Взмах, и в сторону отлетают сразу три головы. Второй, и в другую летят отрезанные руки и пальцы. Возвратное движение по дуге, и тела падают, лишившись опоры ног.

Ворота закрылись ровно в тот момент, когда гигант, все еще пятясь, переступил порог, едва-едва избежав участи быть раздавленным чудовищным прессом.

- Хрена замес, - вытирая пот и что-то ища в подсумках, нервно хихикнул Куль. – Давно я в таких не бывал! Как обратно-то потом выбираться будем и откуда тут столько тварей? Они что все разом из лужи напились?! Ну, вояки, хрен с ними, могли, ума не много, но ученые-то! Там же их почти половина была!

Пожилой воин, отыскав, вынул зажигалку, подкурился, игнорируя неодобрительный взгляд капитана.

- Не знаю, - вздохнул Данил и, дождавшись, когда разведчики вернутся, обратился к близнецам. – Докладывайте.

- Чисто, - ответил Чук, или Гек.

- Помещение метров тридцать на тридцать, - поддакнул Гек или Чук, в темноте да в одинаковой форме парней было невозможно отличить.

- Нашли люк, там, наверное, и вход, - указал рукой в темноту, куда не добивал фонарь Хан.

- Хорошо, - накинув ремень автомата на шею, ответил Петров. – Пошли! Времени мало!

***

Афалина погибала. Гудели, разрываясь, коридоры, предсмертно стонали переходы, дрожали в судорогах опоры станции, корчились в агонии и бегали люди, клокотали зараженные. Что!? Зараженные!? Откуда они здесь? Прорыв? Нападение? Бред! Чернова вздрогнула. Последнее, что она помнила, это взрыв и шок от его последствий. Но, в прошлый раз научная станция выглядела по-другому. Откуда взялась темнота, разрываемая красными всполохами аварийных ламп и ревом сирен?! Откуда вокруг крики людей? Откуда выстрелы?

Наталья, преодолевая головокружение и тошноту, поднялась с кровати. Так. Судя по всему, она в палате. Ну, конечно! Странные мысли! Это же логично! Где ей еще находиться? В богатом замке прекрасного принца?!

Пошатываясь от слабости, она подошла к двери, проверила, заперт ли замок. Нет, не заперт. Заперла, повернув язычок на ручке. А вы как думали? Молодая, хрупкая ученая первым же делом выйдет в коридор с вопросом «Что тут происходит?» и получит зубы ближайшей же твари в шею?! Трижды ха! Хрен она куда вообще выйдет! Слишком уж хорошо эти существа ей знакомы!

Обезопасив комнату, Наталья осмотрелась. Нужно избавиться от слабости. Для этого ей нужны какие-нибудь стимуляторы. Раз есть стойка капельницы, значит, и пакет, хотя бы с глюкозой, найтись может! Осмотрев прикроватную тумбочку, девушка нашла искомое. Теперь нужно аккуратно все подготовить. Да, не лучшее время. Снаружи выстрелы усиливаются, крики по ушам режут, и несется по станции зловещее «Клее-клё», но ей не привыкать. Совсем еще недавно она в такой каше побывала, что эта – детский лепет.

Вскрыв иглу, Чернова аккуратно ввела ее в вену, зафиксировала пластырем, запустила капельницу. Чистые мозги – вот что ей сейчас нужно! И, раз иных способов она не видит, то нужно использовать все, что есть под рукой. Вон, кстати, чей-то кофе на той же тумбочке. Сюда его! Сейчас все средства хороши, не важно, помогут они или нет. Нужно что-то делать. И ждать прихода спасателей.

Подперев дверь для надежности еще и стулом, Чернова спряталась за кроватью. Сев на пол, она попыталась

сконцентрироваться. Что все-таки произошло, пока она была в отключке!? Прорыв! Тут к бабке ходить не нужно. Но откуда? Опять на нижних этажах прохудилась система очистки воды? Или это еще с прошлого раза не всех монстров выловили? Афалина слишком велика, чтобы проверить каждый закуток, а людей, не занятых разборами завалов и решением проблем после взрыва, почти не осталось, но ведь, судя по крикам, там далеко не пара зараженных, которых могли случайно не заметить! И что со светом? Отключили из-за опасности возгорания, или накрылись генераторы? Вроде в прошлый раз, когда она пришла в себя, такой угрозы не было, все работало исправно. Спасатели и добровольцы разгребали завал в лабораторном блоке, врачи занимались спасением раненых, свет был! Воспоминания нахлынули, заставив зубы скрипнуть.

- Тихо, тихо, - прошептала она вслух, чтобы хоть как-то заглушить страшные мысли и воспоминания.

В дверь кто-то ударился, дернул ручку.

- Есть кто? – приглушенный мужской голос.

- Есть! – хрипло прошептала ученая и тут же, прочистив горло, повторила намного громче. – Есть! Есть!

- Оставайтесь в помещении! Мы за вами вернем… - фраза оборвалась на половине. - Справа! - Раздался выстрел, затем целая очередь. - Все живы?

- Все…

Голоса удалялись, но Наталья облегченно выдохнула. «Мы за вами вернемся» - вот! Все не так и плохо! Умница, что сразу никуда не пошла! Есть время себя немного привести в порядок…

Закончилось все примерно через час. За это время девушке стало заметно лучше. Может быть дело в капельнице, а может организм сам начал набираться сил. Как бы то ни было, но за ней действительно вернулись.

***

- В результате аварии и прорыва зараженных мы потеряли два комплекса, - докладывал полковник на аварийном совещании, собранном в кабинете генерала, на котором самого Доронина почему-то не было. - …лабораторный и инженерный. Лаборатории практически полностью разрушены в результате взрыва. Инженерный блок сгорел из-за пожара во время прорыва. Потери высоки. Мы

потеряли больше половины оставшегося личного состава солдат, и процентов восемьдесят мирного населения. Уничтожен главный генератор, запасные переведены в режим сохранения энергии. Отказали насосы и вентиляция…

- Откуда взялись зараженные?! – прервала, задав волнующий ее вопрос, Чернова, ощущая неприятный тяжелый взгляд заместителя командира базы.

- Хороший вопрос, товарищ… ученая! Его мы вам и хотели задать. Ведь они пришли из ваших лабораторий! Чем вы там занимались?!

Девушка попыталась встать, что-то возразить, но за ее спиной обозначилось движение. Зашуршала одежда, бряцнули карабины на оружии.

- Что вы такое говорите!? В нашем комплексе больше не велись подобные опыты! Это чушь!

- Мы провели служебное расследование, - улыбнулся полковник самыми уголками прищуренных глаз, не сумев сдержать эмоции. – Эти твари – ваши! У нас есть записи с камер наблюдения! Так что, Наталья Владимировна, вам сейчас нужно будет пройти с нами для ответов на некоторые вопросы.

На плечо девушки легла рука. Чернова дернулась.

- Я никуда с вами не пойду! Где генерал Доронин?!

- Товарищ генерал… - полковник сжал зубы, - скорбит по безвременной кончине его дочери. И, раз уж вы задели эту тему, на этот вопрос вам тоже придется ответить. Что вы такого вкололи, после чего ей стремительно стало плохо! Все! Увести!

Девушка онемела. Как? Что? Она умерла?! Но все же было хорошо! Она же перед самым взрывом ее наблюдала! Падла! Это точно полковник! Он все подстроил! Ах ты тварь!..

Наталья промолчала. Смысла оправдываться не было. В зале заседания небыло никого, кто бы мог ее поддержать. Вон как смотрят, словно она самая последняя мразь… Ну, собственно говоря, в их глазах она ей и была.

Девушку грубо подняли из-за стола, вывели в коридор. Ничего! Не привыкать! За последний месяц ее так, если память не подводит, уже третий раз выводят и что в итоге? В итоге от лаборанта она доросла до начальника целой лаборатории, но! То было тогда! Сейчас же все было

намного серьезнее! Ее вели, а в голове ученой кипела бурная деятельность. Стресс придал сил уставшему организму.

Информация! Ей нужна информация! Солдаты, ведшие ее под руки, говорить не хотели, но Черновой это было и не обязательно. Что они вообще могут ей рассказать? Сами ничего, наверняка, не знают… Она из того, что по сторонам видит, может больше информации получить, так что эти двое – вообще не вариант, а вот подвернувшийся в одном из коридоров, которыми ее вели неизвестно куда, Павел, был тем, кто ей нужен!

- Наталья Владимировна! – заметив начальницу, попытался было подойти к ней лаборант Пашка.

- Стоять! – остановил, дернувшегося было паренька с забинтованной головой, вояка.

- Что?! Наталья Владимировна... Куда вас...

- Паш! – спросила Наталья. – Что там произошло!?

Ее повели быстрее, стремясь увести за угол коридора, но время, чтобы перекинуться хотя бы парой слов, у коллег еще было.

- Молчать! – рыкнул охранник.

- Они... Они… - Павел сделал робкий шаг за начальницей, но один из охранников остановился и, развернувшись, пригрозил автоматом.

- Молчать, я сказал!

Павел на мгновение запнулся, но выполнять приказ конвоира не стал.

- Что-то произошло! – выкрикнул он, отлично понимая, что рискует головой. - Говорили, что погибшие под завалами были заражены!

- Молчать! – солдат ударил лаборанта, сбив тому дыхание. – Я тебе щас все зубы повышибаю, урод! Плохо меня понял?!

Павел хекнул, упал на колени, схватился за живот. Ему тут же заломили руки за спину, на запястьях хрустнули наручники.

- Они прямо в зале, куда трупы сносили, встали! – продолжал хрипеть Пашка.

- Ну, все, гаденыш, - сапог угодил под ребра. – Докричался…

Наталью повели еще быстрее, уже заставляя бежать. «Погибшие под завалами были заражены» - звенели в голове слова лаборанта. Так! «Были заражены!» Откуда такая информация? Кто сказал, как определили? Были первичные признаки? Вторичные? Явные? Откуда

они под завалами оказались? Там же были только те, кто работал и жил в лаборатории! Зараженным попросту неоткуда было взяться! Да! Их могли согнать специально, но тогда почему Пашка сказал, что «зараженные были под завалами»? Не в комплексе, а именно под обрушением?! Может он что-то напутал?! Вряд ли. А вот передать уже заведомо измененную информацию ему вполне могли! Как там? Деза! Дезинформация! Он ведь сам пострадал и на месте раскопок не находился… Значит могла быть подстава! Очередная. Наталья сжала зубы. Это точно дело рук полковника! Больше не кому! Может быть сперва был прорыв, а затем, чтобы скрыть следы, взорвали научный комплекс? Но зачем? Зачем уничтожать оборудование, образцы, людей и данные!? Теперь же им больше никогда не удастся повторить свой эксперимент! Год работы… Наталья осеклась. Полгода работы коту под хвост! Может он что-то скрывал? Но что? И зачем? А может он специально не хотел другого эксперимента? Или продолжать этот? А может успели вынести все данные, чтобы дальше самим продолжать работу? Но без оборудования все это бессмысленно, без образцов они ничего не смогут!

Ладно! Дальше! «Они встали в зале, куда сносили трупы»… Это как понять? Зараженные не умеют притворяться! Да и трупы же от бессознательных отличали, проверяли! Кто-то подложил зараженных? Но то, что она видит вокруг… Нет, это не вяжется! Вокруг работали люди. Складывали все тела зараженных в одну кучу и куча эта явно насчитывала далеко ни один десяток трупов. Среди них, кстати, и люди в инженерных комбинезонах, и в гражданской одежде и, даже, лабораторный халат виднеется. Может, туда всех подряд сносят? Нет! Вон, кого-то, вроде как без признаков укусов и заражения понесли отдельно…

Тварь прыгнула внезапно. Наталье повезло. Солдат вел ее с правой стороны, оттуда зараженный и кинулся на них, вцепившись мертвой хваткой первому попавшемуся ему на пути человеку сперва в руку, а потом и в горло. Чернова вздрогнула, отшатнулась, запнулась и упала. Кто-то закричал, кинулся к ним на помощь, но сопровождавшему ученую уже было поздно помогать. За мгновение зараженный прогрыз гортань конвоиру, залив его форму темной кровью. Тот даже вскрикнуть не успел.

Девушка быстро поднялась. Страх придал сил и не позволил телу бездействовать. Зараженный продолжал грызть шею парню. Неприятно хрустнули хрящи на зубах. Солдат забулькал, попытался оттолкнуть напавшего, но тот повалил его, не дав подняться. К месту схватки подскочили носильщики трупов, но следом за первой тварью, на них кинулась вторая и вот уже самому помощнику нужна помощь.

Наталья бросилась назад, но остановилась. Ее внимание привлек оброненный автомат. Конвоир не успел им воспользоваться, а вот Наталья… Приклад сам собой прыгнул к плечу, глаз соединил мысленной линией мушку, целик и затылок первой твари. Палец нажал на спуск и… ничего не случилось. Крючок не сделал даже половины движения.

- Черт! – выругалась девушка.

Наклонить автомат на бок, убедиться, что дело в предохранителе, большим пальцем его вниз, до упора, продолжая материть нерадивого военного. Левой рукой под ствол, зацепить пальцем затвор, оттянуть назад и отпустить без сопровождения. «Клац»… Мертвяк встрепенулся на звук, оскалил рожу и кинулся к девушке. Грохнул выстрел. Затем второй, третий. Зараженный распластался на скользком от крови полу. Перевести прицел на второго, вжать спуск, осмотреться, убедиться, что рядом больше нет монстров. Выдохнуть.

Первым делом Наталья подскочила к военному. Чем помочь? Парень еще жив, но… Но его укусили, а это значит что? Верно! Это значит, что у него мало времени, да и с дырой вместо гортани долго не проживешь, потому прицел на лоб, вжать спуск, зажмуриться от плеснувшей на лицо крови.

Рядом крик. Это вопит носильщик трупов. Не тот, кому тоже горло вскрыли, а второй, выпучивший на женщину глаза. Он пятится, выставляет руки перед собой, словно пытаясь закрыться и… И тут же его хватают из темноты еще две твари. Чернова вскидывает автомат. Все, как во сне. Никаких эмоций, только четкие, расчетливые движения. Никаких мыслей, словно она робот. Выстрел. Второй. Третий. В темноту ответвляющегося коридора улетают трассерные росчерки. Света от пуль не хватает, чтобы понять, попала она или нет, но с момента как зараженные схватили жертву, и до выстрела прошло меньше секунды. Коридор узкий, никуда не денешься. Для верности Чернова выстрелила еще дважды. Проверять результат стрельбы она

не пошла. Ну на фиг! Сунешься, так и сожрут, потому, не опуская оружия, она попятилась назад.

Перешла на бег девушка лишь после того, как дистанция между ней и местом бойни стала достаточной, чтобы можно было поддаться страху и повернуться спиной. В ушах стоял звон, плечо болело от отдачи, а глаза начали слезиться от пороховых газов. Появилась тошнота и головокружение – последствия стрельбы и недолеченной контузии после обморока.

- Стоять! Мордой в пол, бросить оружие! Ты что, тварь, сделала!? – встретил ее сразу за углом второй военный, вероятно, кинувшийся на звуки выстрелов.

- Зараженные! – всхлипнула Чернова, опустив оружие. – На нас напали зараженные!

Звучали ее слова фальшиво. Никто не поверит холодному тону безжалостного убийцы, если тот попытается притвориться невинной овечкой. Вот и у Натальи все эмоции внезапно куда-то пропали и даже сама себе она бы не поверила. Как Наталья не пыталась показаться напуганной, внутренняя напряженность и собранность не давали ей сыграть эту роль. Благо, что из коридора, откуда она только что вернулась, раздался душераздирающий крик, а за ним глухие гортанные всхлипы монстров.

- Где Саня?

Автомат второго охранника нацелился на женское тело.

- Там зараженные!.. – попыталась оправдаться девушка. - Они напали на твоего друга!

- Не гони! Ствол брось! – процедил военный, скосив глаза на угол коридора. – Ствол я сказал!..

- Ты глухой!? Боец!?

Оружие женщина не опустила, а, напротив, чуть приподняла. Голос ее стал внезапно злым и грубым. Выбора между тем, выстрелить в военного или стать жертвой вот-вот собирающихся примчаться на шум тварей, не было.

- Там зараженные!

Вояка напрягся, выжал слабину спуска и тут… Чернова такого не ожидала… Павел дернулся, сбив солдата, подбив тому ноги. Вояка вскрикнул, пошатнулся, взмахнул руками. Грохнул выстрел. Пуля чиркнула потолок, осыпала девушку пылью. Наталья вздрогнула.

Палец на спуске сжался сам собой и раздался второй выстрел. Охранник всхлипнул, дернулся, выронил оружие, схватился руками за грудь.

На нем, конечно, был бронежилет, но в отличии от рейдеров, выходивших за пределы базы или других, настоящих военных, этот носил простенький жилет, защищающий от порезов и пистолетных пуль до 45 калибра, а 5,45 - это вам не ленивая толстенная блямба, для того, чтобы останавливать живую силу. Это шустрая, маленькая пулька, предназначенная для проникновения. «Пенитрации», как говорят за рубежом. Вот и выполнила она свою функцию, пробив тонкий кевларовый слой.

Парень захрипел. На шее у него проявились следы крови. Он выгнулся, задергал ногами, пытаясь расцарапать, сорвать с себя ненадежную защиту, добраться до причины боли и зажать ее ладонью, но силы в организме таяли стремительно.

Павел выпучил глаза на умирающего. Наталья помогла ему сесть, шлепнула по щеке.

- Паша, смотри сюда! Вставай! Нужно бежать!

- Вы… вы его…

- Да, я его убила! Это была самооборона! Паш! Не тупи! – Чернова встряхнула лаборанта так, что у парнишки клацнули зубы. – Там зараженные! Нужно уходить!

- Зараженные?! – перевел удивленный взгляд лаборант на начальницу. – Так вы не обманывали?

- Нет!

- Я думал… Я думал, вы отвлечь его просто хотели! Откуда они тут? Там же все…

Чернова осмотрелась по сторонам, нерешительно сунула руки в карманы ремня охранника, который уже затих. Пошарила в одном, в другом, потом облегченно вздохнула и выудила ключ от наручников.

- Давай руки…

Расстегнув браслеты, она подобрала второй автомат, оглядела его, бросила свой. Патроны в нем вот-вот закончатся, а запасных магазинов сопровождавшие ее надзиратели не имели.

- Нужно срочно уходить!..

Павел встал, потер запястья.

- Что вообще происходит, Наталья Владимировна?!

- Хрень, Пашенька, хрень происходит! Я думаю, все это дело рук полковника.

- Полковника?

- Да! И взрыв и зараженные и даже… - про гибель дочери генерала девушка умолчала.

- Но зачем ему все это?! Бред какой-то! Зачем уничтожать базу? Мы же все без нее умрем, и он тоже!

- Не знаю, - уже на ходу кинула Наталья. – Нам нужно это выяснить! Возможно, это как-то связано с тем самым «Ульем»… Мне срочно нужно к генералу!

***

Вход в подземный комплекс открываться не хотел. Пацан матерился, пыхтел, потел, но чертов люк никак не отвечал на запросы.

- Взорвать, может? – топнув по бетону, поинтересовался Рыжий и тут же сам себе ответил. – Нет, хрена там… Если б изнутри, а с поверхности только щебенку снимем…

- Да и не поможет, - покачал головой Петров. – Я бывал в подобном месте. Этот люк как пробка на бутылке. Вниз не продавишь, только вверх. Домкратами или компрессорами. Специально так сделали. Его даже краном не поднять, внутри запоры…

- Где это ты такие видел? – усмехнулся Хакас.

- Было дело… Там этажа два-три вниз еще идет… Ели не вскроем, придется водоток искать.

- Что?

- Водоток. Реактору охлаждение нужно. Такие комплексы обычно над водяными жилами строят, или подземными реками. Вода должна куда-то вытекать и отстаиваться. Какое-то озеро огражденное…

- Не-не, - сплюнул Куль. – Я в радиоактивное озеро не полезу!

- Что, - улыбнулся сурового вида, одноглазый, боец по кличке Бабай. – …боишься что бубенчики отвалятся? Так, недолго осталось, да и в твоем возрасте, отец. Побойся бога! Неужто нас, молодых пошлешь? Ты-то пожил свое.

- Ухи откручу, будешь скалозубить… - беззлобно пробормотал старик. – Нашелся тут молодой…

Вмешиваться в разговор Данил не стал. Пускай мужики пошутят, стресс выплеснут, все равно этим никак ни ускорить, ни замедлить открытие шлюза не сможет.

- Ты как? Хреново выглядишь, - подсел к другу Петров.

Николай действительно выглядел не лучшим образом. Весь какой-то напряженный, уставший, словно тяжело болеющий. Состояние товарища капитана заботило в первую очередь, ведь на него во всей этой операции делалась самая большая ставка, а он пока, как бы сказало высокое начальство «не оправдывает возложенных надежд».

- Не пойму, - отмахнулся здоровяк, сняв наушники с гремящей в них музыкой. – Голову давит, в ушах шумит. Как от подстанции высоковольтной. В костях все гудит.

- Может все же уколоть?

- Не, пока нормально… Посижу немного и снова в строю буду.

- Ну, ты смотри, если что, говори. Хрен знает, что на тебя так действует…

Капитан ушел, а Николай, вновь натянув тактические наушники на голову, прикрыл глаза. Он знал, что именно на него действует, что именно тянет его туда, в низ, что шепчет в самое ухо тысячами голосов. Гигантская грибница, кальмар, медуза, масляное пятно в луже… он не мог это описать словами, лишь ощущал липкие щупальца, которые тянулись к нему с момента, как их вертолет приблизился к этой проклятой базе. Нет, тут явно что-то скрыто! И это что-то - пострашнее ядерного реактора.

- Получилось! – наконец-то обрадовался Пацан. – Хрен тебе, не сделаешь меня!

Бетонный пол дрогнул. Где-то внизу загудели моторы и бетонная плита, чуть просев вниз, словно поезд, перед началом движения откатывающийся назад для лучшей сцепки вагонов, пошла вверх.

- Внимание! – пришел в движение и Байкал. – Включить ночники! Огонь на поражение, но смотрите в оба, там могут остаться ученые!

Грузовой лифт, на котором им нужно было спуститься в саму преисподнюю, доверия как-то не внушал. Да, вроде, как и пространства в нем достаточно, чтобы сразу с десяток человек в себя вместить и контур безопасности был внушительным – ребра куба были сварены из толстенных балок, но вот что-то в нем настораживало.

- А нахрена такой люк огромный? Как они оборудование вниз спускали? – оформил мысль в слова Чук.

- Хороший вопрос, - нахмурился капитан.

Лифтовая кабина была в разы меньше шахты, открывшейся взорам группы после того, как бетонная пробка заняла свое положение над их головами. Тут таких лифтов могло штук пять-шесть вместиться, да и сама кабина не в центре, а вот прямо у самой стены.

- Может там площадка грузовая еще как-то поднимается? – почесал переносицу брат близнец Гек.

- Посмотрим…Ладно, как там заряды? – Рыжий показал большой палец, спрыгнул с крышки.

- Все готово, вот пульт. Надеюсь, мощности хватит, если что, там композит какой-то, не знаю, из чего именно крышка сделана. Если опоры просто бетонные, с арматурой, то точно хватит, а если там еще чего хитрое, то не уверен, но пяти зарядов должно хватить…

- Хорошо. Таймер поставил?

- Да. На пять часов…

- Тогда заходим… Шевелимся. У нас всего пять часов на все про все!

- А он нашего эм… здоровяка выдержит?

Куль был как всегда практичен в своих вопросах.

Кнехт подошел, аккуратно, словно перед нырком щупал холодную воду, потрогал пол кабины.

- Да куда она денется, - резюмировал он после того, как топнул уже посильнее. – Поехали…

Вошли. Поехали. Кабина с гудением сервомоторов пошла вниз, погружаясь во мрак. Аварийное освещение, загоревшееся при открытии люка, не пробивало даже и пяти метров тьмы, а, судя по убегающим вниз световым маячкам, спускаться группе придется очень долго.

- Три этажа, говоришь? – вглядевшись в серое марево, которое великан видел своим изменившимся зрением, поинтересовался Николай. – Да тут метров сто!

Действительно. Шахта лифта шла вниз, и дна ей не было видно, сколько отряд не пытался просветить ее фонарями. Судя по всему, комплекс был вырублен прямо в скале, на месте какой-то глубокой пещеры. Стены не везде были заключены в бетонные кольца, и в таких «разрывах» виднелся черный, блестящий, словно антроцитовый камень.

Чем ниже они спускались, тем становилось теплее. Если снаружи руки мерзли через несколько секунд после того, как снимешь перчатки, в помещении можно было обойтись и безшапки, то теперь, преодолев примерно половину пути, отряд чувствовал себя вполне комфортно. Можно было даже снять теплые куртки.

Наконец-то, через бесконечность времени, лифт достиг дна. Как и предполагалось, внизу оказалась большая грузовая площадка. Судя по уходящим вверх тросам, она тоже могла подниматься и опускаться, доставляя габаритные грузы.

- На таких и танк опустить можно, - осмотрев сотни идущих вверх стальных кабелей нахмурился Куль.

- Избыточно, - качнул головой Хакас.

- Может реактор опускали? – предложил кто-то еще.

- Вряд ли! Его, скорее всего, на месте собирали, слишком уж громоздкий, - впервые за все время, с момента проникновения в «Улей» заговорил ученый, приданный в усиление. – Даже самый компактный займет никак не меньше трех этажей стандартного помещения. Плюс комната управления, охладители… Нет, проще было бы собирать его уже на месте…

- Если не спускали, то, может что-то поднимали? – снова предложил старик. – Руду эту, которую выбирали, куда-то же нужно было девать…

- А вот это уже вполне возможно, - снял и протер запотевшие очки ученый. – Я не знаю, как тут все устроено, но судя по тому, что я вижу и видел снаружи, так оно, вероятнее всего и было.

- Кончай болтать, - прервал капитан. – Не на рынке. Выходим. Колян, ты как?

- Нормально. Уже лучше, - кивнул здоровяк, выходя вперед. – Открывайте… За дверью чисто…

Сказано это было с такой уверенностью, что Данил ни разу не усомнился в словах друга. Он уже не раз подтверждал свои экстрасенсорные способности, или как там это еще назвать, по отношению к зараженным. Кто знает, что там с его сознанием случилось, пока он полгода находился за гранью привычного понимания жизни, будучи простым зараженным. Как-то же твари определяют где свой, а где чужой, не кидаются на себе подобных. Может между ними какая-то связь телепатическая? Может, пахнут как-

то, а может… да хрен его знает, что может! Это пусть Чернова разбирается!

За дверью действительно, никого не было. Лишь лестничная клетка, сваренная из арматуры, да уходящая вниз и вверх винтовая лестница без ступеней, выполненная в виде пандусов. Вероятно, для перемещения по ним тележек или мини-каров.

- Вниз, - решительно заявил капитан. - Чук, Гек, вы наверх, - через мгновение добавил.

Братья кивнули, вздохнули, но ослушаться приказа не смели.

- Проверьте, может там есть жилые помещения или выход запасной. Да и мало ли, твари… Не хочется их за спиной оставлять, когда потом экстренно валить придется.

«Улей» встретил группу мертвыми и холодными коридорами. Нет, температура тут была приемлема, даже становилось жарко, но вот общая картинка описывалась именно этими двумя словами. Где-то гудели перекрытия, словно огромный зверь прочищавший горло, скрипели петли, играя на нервах, то начиная свой визг, то внезапно обрывая, будто двери кто-то задержал рукой. Внизу, в глубине что-то жужжало.

- Чувствуешь что-нибудь? – не громко поинтересовался Петров у Николая, когда группа спустилась и вышла на первый, попавшийся им, этаж.

Здоровяк отрицательно покачал головой.

- Все темно, не пойму, есть кто или нет, но, что-то слышу… - сержант поднял лапу, призывая к тишине, наклонил голову. – Да. Там! Впереди! Стонет кто-то.

- Группа, внимание! – направив автомат в коридор, скомандовал Байкал. – Впереди угроза. Хакас, со мной, наука на месте. Кнехт, вперед.

Зараженного нашли в одном из боковых помещений. Бывший ученый стоял, тупо пялясь в стену перед собой и потому подкравшегося гиганта почуял слишком поздно. Свистнул топор, хрустнули кости, и голова бедолаги слетела с плеч. Сделано все было тихо и аккуратно. Петров мог поклясться, что услышал только два этих звука. Даже падения тела не было, видимо Николай подхватил труп, но именно в этот момент в дальней части коридора раздался глухой гортанный всхлип.

- К бою! – не став скрываться, прокричал Данил, разглядев в прибор ночного видения кинувшихся к ним тварей.

Они выскочили из последнего помещения и, толкаясь, побежали вперед. Великан встретил их первым. Он успел выйти из комнаты и перехватить нескольких голодных существ. Одного лапищей прямо поперек тела, и, размахнувшись им, словно куклой, снес еще стразу троих. Раздались глушеные выстрелы, по полу заскакали гильзы, но спокойствие базы уже было нарушено.

- Капитан! У нас контакт! – почти одновременно с этим раздался в наушниках голос одного из близнецов.

- У нас тоже! – прорычал Байкал, выцеливая тварей.

Они растревожили «Улей». Причем в прямом смысле этого слова. База словно ожила. Леденящий кровь клекот понесся со всех этажей, сливаясь и смешиваясь в непонятный, инфернальный вой.

- Вперед! На прорыв! – понимая, что единственный способ хоть что-то успеть сделать, отдал приказ капитан.

Нужно было, во что бы то ни стало, добраться хоть да какого-то укрытия. Идти назад – бессмысленно. Это им придется аж до самого лифта отступать. А оставаться на месте – верный способ завязнуть в схватке, потеряв время. Так что, пока оно у них было, нужно стремиться отыграть у врага как можно больше территорий.

Группа перешла на бег. Тварей в коридоре был от силы десяток, и справиться с ними хорошо вооруженному отряду не составило труда. Но это сейчас, пока у них есть боеприпасы, но если и дальше так пойдет, патронов может на всех не хватить. И тут ни пулемета Кнехта, ни его револьверного типа гранатомета может тоже не хватить…

Они открыли следующую дверь, оказавшись в огромном помещении – узле, куда сходилось сразу четыре коридора.

- Сюда! – капитан повел людей налево, в самый широкий коридор. – План! Ищите план!

Бойцы закрутили головами, в поисках карт. Не мог ведь такой огромный центр обойтись без планов эвакуации, памяток, или стрелок. Ну, никак не мог! Строился объект давно, а в то время безопасности еще уделялось самое главное внимание.

- Здесь! – заметил первым прямоугольник на правой стене Николай.

- Так…

Петров включил фонарь. На приборе ночного видения схема сливалась в кашу.

- Где мы? Ага… - он провел пальцем по пластику, смазывая пыль.

Слева раздались выстрелы - это Хан и Бабай встретили первых тварей. Справа, отстав всего на секунду, застрекотали автоматы Куля и Хакаса. Здоровяк, рыкнув, двинулся куда-то вперед, а Петров все продолжал изучать запутанную схему коммуникаций и коридоров.

Вдруг в конце коридора раздался металлический удар, за ним последовал лязг, с каким металлическая труба скользит по бетонному полу. Куль выругался, подслеповато прищурился.

- Что за срань?!

Существо, выскочившее из-за распахнувшихся дверей, издали напоминало тигра. Высокая, мощная фигура хищника на четырех лапах, да вот только…

Кнехт среагировал быстрее всех. Разогнанный биологическими опытами организм отреагировал на опасность мгновенно. Тварь кинулась на него в прыжке, тоже безошибочно вычислив самого опасного противника. Они сцепились. Зверь рыкнул… причем обеими головами. Та, что побольше, глядящая чуть вправо, клацнула зубами, а меньшая, какая-то неказистая, недоразвитая, протяжно завыла. Откуда-то снизу на этот вой пришел громогласный рык, от которого не то, что стены задрожали, а кровь в жилах стала ледяной. Бывалые бойцы сбились с ритма. Куль чуть было не перекрестился, Хакас обернулся, опешив, и лишь одноглазый Бабай продолжал вести огонь, словно ничего не произошло.

Николай принял передние лапы монстра себе на грудь, связывая противника в клинче. Когти заскребли по броне, соскользнули с верхних листов бронежилета, но уперлись в верхний край нижнего, не дав тем самым гиганту заломить лапы твари. Клацнув зубами, чуть не ухватив великана за плечо и шею, рычащий и воняющий как тысяча трупов, зверь оттолкнулся задними лапами от пола и легко опрокинул здоровяка на спину. Такого Кнехт не ожидал. Силищи в образине было куда больше, чем казалось на первый взгляд. Ударили автоматы. Пули цокнули по кости черепа, срикошетили, уйдя в потолок.

- Не стрелять! – тут же среагировал на опасность Петров. – По мертвякам!

Бойцы сконцентрировали огонь на двуногих, пока здоровяк выкручивался из-под острых лап тигра. Встав, он больше не церемонясь, со злости от обидного падения, схватил зверя прямо за морду. Зубы впились в ладонь, тварь завыла, когда кости черепа захрустели. Николай рыкнул, махнул свободной рукой, ударил по хребту зверю, а когда тот оступился, резко приложил морду твари об пол. Хрустнуло, плеснуло в стороны. Тигр заскреб лапами, но не помер. Вторая голова вновь взвыла. Николай перехватил зверя за холку. Недоразвитую голову схватить, как первую было не возможно - она почти не имела формы, будучи словно впаяна в шею. Вздернув резко обмякшего зверя, он с высоты своего роста ударил тварь второй раз. Позвоночник наконец-то не выдержал, переломившись, острым концом натянув шкуру зверя.

- Вперед! – прокричал из-за спины гиганта Петров.

Сержант вздохнул, мотнул головой, отгоняя пелену злости, возвращаясь в реальный мир, из которого он выпал, впав в ярость. Надо же, сам как зверь стал! Забыл и про оружие. Снова рыкнув, теперь уже на самого себя, он поднял брошенный на пол пулемет.

Засвистели стволы, загудели приводы, зазвенела лента в приемнике, и коридор наполнился гудящими разрывами. Твари посыпались, словно по полу горох. Резко запахло кровью и кишками. Николай пошел вперед, водя оружием из стороны в сторону, заливая рванувшую на них толпу свинцом. Не экономно, но зато надежно. Пока он вел огонь, капитану удалось отыскать большое помещение, судя по всему, какую то лабораторию… В ней отряд и укрылся ровно в тот момент, когда лента в пулемете здоровяка закончилась. Бросив оружие на пол лаборатории, Кнехт в два скачка оказался внутри помещения и привалил створки дверей своей могучей спиной.

- Это что за хрень там была? – оглядывая безлюдное помещение, косился на дверь Куль. – Это реально тигр был?

- Нет, - тяжело дыша, ощущая боль в прокушенной руке, ответил Кнехт. – Если это тигр, то я балерина. У нее тьма в голове, и воняет она, как труп…

- Что за тьма еще? – не понял Хакас. – Ты о чем?

- Так, - здоровяк махнул здоровой рукой. – Не важно. Но я уверен, что это точно такой же мертвяк, как и те, обычные!

- Делаааа, - снял седоволосый воин с головы каску. – Не удивлюсь, если эту хрень здесь вывели… Капитан, кажется мне, не договариваешь ты чего-то про этот «Улей»…

- Все, что знал, сказал, - Петров выглядел озадаченным. – Этот «Улей» полгода на связь не выходил. Хрен знает, что они тут делали… Надеюсь, она была одна…

- Не надейся, - вздохнул гигант, прислушиваясь к шуму в коридоре. – Еще кто-то идет…

***

Глава 2. "Все тайное становится явным"

Лаборатория, в которой укрылся от набежавшей толпы мертвяков небольшой отряд, была погружена в полумрак. Бойцы нервно сидели, кто где. Твари за дверями все еще не разошлись, столпившись и постанывая. Шорох от их движений и гортанные всхлипы слышались постоянно.

- Почему они не уходят? – прошептал кто-то, вырывая Николая из своих мыслей.

Он по-прежнему подпирал могучей спиной створки, оставаясь основной преградой между людьми и зараженными.

- Они знают, что мы тут, - негромко ответил он, открыв глаза.

- Какие-то слишком умные… - раздался второй голос из темноты.

- Не забывайте, что именно здесь велась финальная разработка всей этой заразы, - прошуршал одеждой Петров. – Кто знает, что тут у них еще было. Видели ту тварь? Она явно выведена в этой лаборатории. Когда вторая голова выла, у меня как ступор какой-то начинался…

- У меня тоже…

- И у меня… - подтвердили другие.

- У меня сердчишко зашалило, - поддакнул Куль.

Николай задумался, попытался вспомнить собственные ощущения. Тщетно. Впадая в режим берсерка, он порой не отдавал себе отчет в том, что делает, а входя в боевой раж после стимуляторов так и вовсе, словно терял связь с внешним миром. Несколько раз это чуть не привело к печальным последствиям, но благодаря новой формуле энергетика, в купе с тяжелой музыкой, что-то там делающей с волнами его мозга, в полное беспамятство он больше не впадал.

- Эти - другие, - подтвердил великан слова друга. – А внизу что-то еще есть…

- Этого нам только не хватало!..

- Так, отставить панику, - начал командовать Петров. – Проверить БК, связи с близнецами нет?

- Нет, не отвечают, - пожал плечами Хакас. – Скала, бетон…

- Ясно. Справятся… Надо как-то выбираться отсюда. Кнехт, сможешь коридор расчистить?

- Смогу, - прислушавшись к себе, подтвердил Николай. – Укол только надо, в голове шумит немного…

- Хорошо, тогда давай, мы сейчас заляжем, а ты выходи, подчисти, чтобы нам тоже можно было выйти. Пойдем дальше. Они вроде угомонились, может подмога не сразу не придет…

- Кстати, видел, - вмешался Кореец, - как они быстро навелись? Причем все разом…

- Да, - покачал головой Данил, но в темноте этот жест никто не увидел. – Тоже странно как-то… И не уходят… И много слишком!

- Умные, с-собаки!

- Учтем! Все, погнали! Нечего засиживаться, реактор ждать не будет!

***

Зараженные толпились в коридоре, не в силах покинуть его. Им бы и хотелось уже куда-то уйти, но со всех сторон на них давила невидимая сила. Она заставляла топтаться на месте, перерыкиваться и чего-то ждать.

Дверь открылась неслышно. Вот только стена была цельной и внезапно в ней образовалась дыра. Те, кто посвежее, еще помнили, что такое «дверь», а те, у кого мозги уже сплавились под воздействием температуры и заразы, на темный квадрат в чем-то сером даже не отреагировали. А зря.

Николай выскочил из темноты в один прыжок. Тут же двери за ним закрылись, и началась мясорубка. Жижа, введенная в тело, начала действовать. Объекты раскрасились в яркие краски, собственные движения стали резкими и быстрыми, а все вокруг словно замерло. Сметя ближайших к себе противников, он взмахнул топором, снеся головы еще парочке, затем, словно сумоист, бросился вперед, давя и расталкивая опешивших от взрывной силы великана монстров.

Бойня в коридоре постепенно уходила в сторону. Дождавшись, пока звуки потасовки затихнут совсем, Петров скомандовал группе и солдаты вышли в залитый кровью и кишками коридор.

- Хорошо, что он на нашей стороне, - нервно дернул потерянным в бою глазом Бабай, оглядев место схватки.

Некоторые зараженные еще были живы, если термин «жизнь» можно было применить к их существованию.

- Пошли, пошли, пока новые не набежали. Док. Куда?

Ученые почесал за ухом и нерешительно указал направление движения.

- Думаю, туда… Я ведь тут никогда не был, но логически рассуждая…

- Понятно, - оборвал умника капитан. – Идем за Кнехтом, по сторонам смотрим, тварей не добиваем, экономим патроны. По возможности, пользуемся холодняком…

Отряд быстрым шагом двинулся вперед. Проходя мимо мертвой двуглавой твари, все снова ощутили странное давление внутри головы. Даже в таком виде монстр внушал страх и какое-то напряжение.

Звуки бойни доносились уже где-то далеко впереди, явно удаляясь. Данил насторожился: как бы у их «танка» снова крыша не слетела, вон как ломанулся вперед, словно таран…

Догнали они здоровяка лишь на переходе на нижний этаж. Кнехт отмахивался от новой невиданной твари. На этот раз она была похожа на... на крокодила… Только лапы больше, точнее выше, морда более тупая, а все тело при этом какое-то вытянутое, словно змеиное. Сержант явно проигрывал - видимо измотался топорищей своей махать. В тот момент, как отряд добежал до него, тварь уже скрутила великана в два оборота, словно анаконда, и пыталась дотянуться зубастой мордой до шеи товарища. Тот, сумев как-то насадить тварь на топор, пытался вскрыть ей брюхо, но сил в руках явно не хватало.

Завидев новых противников, крокодилообразная тварь зашипела, словно кот, забила хвостом, покрытым мощной чешуей. Пока капитан прикидывал, как бы не зацепить друга, Хакас, выхватив мачете из-за плеча, нанес сильный удар лезвием куда-то в область глаз и тут же отскочил назад.

Змеевидный крокодил дернулся, мотнул головой, ослабив хватку, и тут уже захрипел, словив в морду очередь сразу из трех автоматов.

Николай, кашляя, словно где-то рядом заводится целый локомотив, устало откинулся назад, раскинув руки. Капитан тут же, улучив момент, сделал товарищу укол. После стимулятора нужно быстро глушить разбушевавшуюся в крови друга заразу.

- Твою мать, да сколько их тут?! – разглядывая полуразбитую голову монстра, поддел ее кончиком ствола Байкал.

- Даже знать не хочется, - пробормотал Хакас.

- Док, что скажешь? Что за хреновина и почему мы уже второго перезверя, недомонстра видим?

Ученый опасливо подошел ближе, осмотрел монстра, затем с таким же удивленным поглядел на капитана.

- А мне почем знать? Я физик-ядерщик вообще-то!

- Может радиация?

Куль пожевал губами, нервно посмотрел по сторонам, словно силясь увидеть летающие рядом рентгены.

- Не-е-е-е-ет,- чуть было не рассмеялся Док. – Чтобы в такую тварь эволюционировать, нужны сотни лет! Поколения должны меняться постепенно, закрепляя новые признаки. За полгода такого обычная радиация наделать точно не могла! Да и не та доза тут…

- Что? Доза? – встрепенулся старик. – А чего ж ты, заразина такая молчишь?! Мы что нахватаемся?!

- Да успокойся, дед, - ухмыльнулся Бабай. – Что ты ее так боишься? Рентгеном больше. Рентгеном меньше. Если до реактора не доберемся, то уже все равно будет…

- Иди ты… - зло выругался старик. – Не до шуток…

- Успокойтесь, - поднял руки ученый. – У меня дозиметр молчит, значит, в норме пока. Будем ближе подходить, замеры сделаю, так что не переживайте…

И тут сумка ученого, словно издеваясь, разразилась диким стрекотом, а со стороны перехода на нижний уровень раздался глухой рык.

- К бою! – тут же перешел в боевой режим Петров, выцеливая того, кто поднимался к ним, тяжело шагая, заставляя лестницу вздрагивать.

- Не, Байкал, - сплюнул Куль. – Опять в какую-то жопу затянул… - старик сильнее сжал цевье автомата. – Бутылкой не отделаешься…

- Две?

- Да тут минимум на три!..

Тварь заурчала, заставляя воздух уплотняться и вибрировать. В ушах от низкого неприятного шума заложило, а в груди появилось ощущение падения.

- Ка-пи-та-н, - пробился внезапно голос одного из близнецов через помехи в наушниках. – Мы на-ш-ли вы-жив-ших. Повт-ю! Наш… вы-ших! Уч-ые…

- Что делать будем? – удерживая себя на самой грани от того, чтобы не попятиться, поинтересовался обычно хладнокровный Бабай.

- У тебя мотоцикл был когда-нибудь? – внезапно хихкнул Куль.

- Старый. У тя кукуха совсем поехала? Ты о чем? – насторожился Петров.

- Да нет... Предлагаю просто ручку в пол и упёрдывать отсюда… Командир?

- Предлагаешь не сбежать, а занять оборонительные позиции на дальних рубежах?.. - Данил усмехнулся. – Знаешь, а я, наверное, с тобой соглашусь! Группа, развернулись и алга!

Счетчик Гейгера, казалось, завис на одной ноте, добавляя тревожности и волнения. После слов командира, бойцы, не сговариваясь, словно гончие, сорвавшиеся с поводка, тут же кинулись в обратном направлении. Даже старик Куль бежал, не уступая молодому компьютерщику, позабыв про вечную боль в спине и коленях. С непонятной хренью воевать ему явно хотелось меньше, чем с невидимой радиацией.

***

Ученые, запуганные и обессиленные, нашлись братьями в небольшом помещении, куда те заскочили, когда на них, как и в случае с командой Петрова, кинулась целая волна зараженных. Близнецы утверждали, что массированная атака началась внезапно, без предупреждения обычными гортанными всхлипами.

- Может спалились где? – хмурился Петров, понимая, что дело уже не просто попахивает, а откровенно воняет.

- Командир… - укоризненно склонил голову Чук. – Ну, не первый раз замужем… Четко все было, даже зайти в коридор не успели еще, а они на встречу ломанулись!..

- Так у них связь!.. - напившись из протянутой Хакасом фляжки, устало проговорил старший научный сотрудник и, по совместительству, начальник инженерной лаборатории Михаил Егорович Шпиль. – Вы что впервые с ними сталкиваетесь?

- С такими, - Данил подчеркнул последнее слово, - впервые! Наши как-то попроще были…

- Ваши? А это какие именно?

- Не важно, - не стал открывать все карты командир группы. – Кнехт, как там у вас?

- Нормально, пока тихо, - отозвался наушник. – Твари активничают, но вперед пока не прут.

Его, Хана и второго бойца полковника было решено оставить снаружи, на охранении. Двери, ведущие в этот отсек удалось закрыть, но доверия они не внушали. Помещения в «Улье» были выстроены таким образом, что открывая створки противоположных дверей, можно было перекрыть весь коридор – полумера для защиты от пожара, или диверсий. Лабораторию с выжившими учеными отрезать без потерь не удалось. К сожалению, одна из тварей серьезно подрала ногу другого бойца полковника. Не смертельно, заражения вроде бы как не было, но все же, решено было пока дать ему успокоительное и снотворное из запасов лаборатории, так как молодой лейтенант принялся истерить по поводу раны. Для надежности его еще и сковали, так как Шпиль многозначительно вздохнул, оглядев ранение тщательнее. Никто из членов отряда капитана не знал, как местная живность влияет на организм и, потому, всецело доверились местным «светильникам» науки. На Афалине твари были другими. Да ещё там, в небольшом сибирском городке, откуда все началось, названия которого Данил даже и не запомнил, самые первые существа не походили на этих. Мир явно менялся. Менялась и зараза.

- У них микоризальная связь, - продолжил начальник лаборатории, после того, как ему помогли усесться на стул.

Выглядел Шпиль очень уставшим. Впрочем, как и десять других научных сотрудников. По их словам, они уже давно ничего толком не ели и не пили. Выживать удавалось только за счет оранжереи, расположенной тут же. Воду собирали из росы и системы полива, ели молодые побеги и стебли. Выйти наружу боялись и не могли. Причем из разговора лаборантов было понятно, что боялись они не только тварей… Точнее не совсем тварей. Больше них они боялись своего главного ученого, профессора Решетова, который из-за всего этого эксперимента сошел с ума. Видимо, именно он запустил реактор, подав тем самым сигнал высшему командованию, из-за которого команда Петрова и прилетела в «Улей».

- Какая? – насторожился Куль. – Ты тут эту толерантию прекращай, мне не очень интересна их связь… Я за нормальные отношения «мальчик-девочка»…

- Вот ты старый, а глупый, - не мог не поддеть старика одноглазый боец, сам ни слухом, ни духом не понимавший о чем речь.

- Микоризальная связь! – кивнул ученый, посмотрев на одноглазого военного с небольшим ирокезом щетки волос на голове так, словно нашел в нем собрата по серому веществу в голове. – Грибница, другими словами.

- Грибница? – пришла очередь удивляться Петрову.

- Да. Что-то вроде нее. Вы знали, что грибы умеют передавать между собой информацию?

- Ага, о приближении грибника или погоде! - буркнул ущемленный Куль. – То-то я, когда в бор выхожу, ни одного гриба найти не могу!

- Нет, - вымученно улыбнулся ученый. – Я не буду вдаваться в подробности, скажу вкратце. Грибная микориза это некий… ну, орган у гриба, в общем, который связывает его с другими грибами. Грибница. Ее способность передавать информацию от организма к организму была известна уже давно, аж в девятнадцатом веке. Еще тогда ученые предположили, что грибы способны передавать друг другу излишки питательных элементов по некой связи. Это как раз и обуславливает их колониальный рост, но способность передавать именно информацию, открыли совсем недавно. На этой основе профессор Решетов и делал свои опыты… - мужчина вздохнул. – Что в итоге и привело к бесконтрольным мутациям первых образцов и всему тому, что вы видите вокруг.

- Доктор, - остановил Данил ученого. – Или как вас, простите… Все это забавно, но я ни хрена не понял!

Шпиль вздохнул, пожевал губами, потер лоб и, наконец-то заговорил на нормальном, человеческом языке.

- Эти мутагинезы… эм… организмы... способны общаться между собой, обмениваясь информацией.

- Телепатия что ли? – саркастически усмехнулся Куль, усевшись на стул, и сложив ногу на ногу, принялся расшнуровывать ботинки. – А я всегда говорил, что бабка моя та еще… как ее там… микориза! Все заначки находила, лучше твоей ищейки!

- Нет, - ученый улыбнулся. – Мысли они передавать не способны, да, и, как нам удалось выяснить, мыслительной деятельностью обладают лишь высшие мутагинезы…

- Что за мутагинезы?

- Мутагинезы… Ну, мутировавшие организмы…

- Мутанты что ли? Еще их нам не хватало! – окончательно запутался в словах Шпиля Данил. – Проще говорите, профессор, проще!

- Вы их называете зараженными, но это не совсем верно. Это скорее мутагинез, чем заражение… Это отличные друг от друга процессы, хотя на ранней стадии очень схожи… Ну, так вот… Мыслительной деятельностью обладают не все. Только высшие, как я уже сказал ранее. Большая часть… кхм… Зараженных, пусть будет так, так вам понятнее, способны обмениваться между собой простейшими… Ощущениями, что ли. Да, скорее это слово самое приближенное к понятию. Они могут ощущать тревогу, страх, злость, испытываемую другими существами в цепочке. Мы бы давно уже выбрались, но увы… Стоит одному муту нас учуять, как вся база встает на уши…

- Хрена дела, - почесал затылок, сняв мокрую каску Байкал. – Так вот что получается… да, мужики, засада… Вот почему они всем скопом кинулись!

- Да! Стоит одному организму возбудиться, как возбуждается вся грибница…

- Развели тут Садом и Гамору, - сплюнул Куль, стягивая вонючие портянки. – Возбуждаются они…

- Так и чего делать-то, командир? – задал правильный вопрос Хакас, за подобные мысли и выбранный в заместители командира группы.

- Что делать, что делать, - пробурчал Петров. – Уши муравью приделать! Значит, будем валить всех! Реактор надо заглушить!

- Заглушить? – насторожился Шпиль. – Зачем? Что вы задумали?!

- У нас приказ – остановить ваш долбанный ядерный реактор, - повернулся к ученому капитан. – По нашим данным он взорвется через несколько часов и тогда в атмосферу попадут тонны веществ, которые вы в этой лаборатории разрабатывали…

Ученый секунду глядел на Данила, а затем оглушительно рассмеялся.

- Что? Взрыв? Реактор? Да кто вам такую чушь сказал?! Это же не бомба! Он не может просто так взорваться!

- Не понял, - нахмурился еще больше Байкал. – Нам из Москвы приказ пришел! Ваша лаборатория послала сигнал о том, что реактор перегружен и вот-вот взорвется! Нас прислали заглушить его.

- Реактор!? Заглушить?! Вас?! – ученый рассмеялся снова. – Да-а-а.. забавная ситуация! – Наконец-то вытер он слезы, отсмеявшись. – Чем вы его отключать будете? Пожарными шлангами? Его в аварийном состоянии почти неделю глушат, а в штатном – месяц. Если бы с ним что-то случилось, вы бы точно не смогли его остановить… Там такие протоколы защиты… Опять же! Автоматика все сделает сама, если что-то пойдет не так...

- Так с ним что, все в порядке?!

- Конечно! Реактор исправен и проработает еще лет сто! Если, конечно, такие как вы к нему свои ручонки не протянут!

- Но, как же тогда… - Данил оглядел команду в поисках поддержки. – Как же сигнал из Москвы?!

- Какой сигнал? Космическая связь вырубилась месяца два назад, а мощности нашей радиостанции ни при каких условиях бы не хватило достучаться аж до Москвы через всю страну! Вы же сами знаете, какие помехи в атмосфере! Даже наших мощностей хватит максимум километров на сто… Но ни как не на четыре тысячи километров!

- Командир, - насторожился Хакас.

- Подожди, - отмахнулся Петров, заставляя голову работать, обрабатывая полученную информацию.

Что это получается?! Реактор исправен… «Улей» никакой сигнал не посылал. Москва обманула? Стоп… А кто вообще сказал, что пришел сигнал? Если до Москвы даже такой объект как этот «не дозвонится», то как научная станция могла с ней связаться?! А был ли мальчик?!

- Вы уверены, что с реактором все в порядке?!

- Ну-у-у, - Шпиль задумался. – Не совсем, в центр управления мы попасть не можем, но если бы что-то было не так, тут бы сирены выли, а, как видите, у нас довольно тихо.

- И сигнал вы точно не передавали? Может кто-то другой?! Есть еще выжившие не станции?!

Ученый замолчал, переглянулся с коллегами.

- Есть, но… Я бы не назвал его выжившим… - Петров промолчал, вынуждая ученого продолжить. – Профессор Решетов… Я про него вам уже говорил… Он… Он сошел с ума, и… в общем, он принял разработанное им вещество и теперь… Теперь он не совсем человек…

- Он мог послать сигнал или повредить реактор? – ухватился за ниточку сомнений Данил.

- Мог, - после нескольких секунд раздумья подтвердил опасения капитана ученый. – Но опять же, повторюсь! Сработала бы система защиты, а сигнал все равно бы не дошел до Москвы… Мы даже с соседней частью в в двух ста километрах от нас связаться не можем!

- А что там про не человека? – насторожился Куль. – Как наш?

- Ваш?

Петров скосил глаза на старика.

- Потом увидите. Сейчас надо решать, что делать. У нас приказ… нам нужно во всем убедиться! Где, вы говорите, этот центр управления?! Нам нужно попасть туда и лично удостовериться, что с ним все в порядке!

- Это невозможно, - печально вздохнул Шпиль. – Центр управления находится прямо в реакторной. А это два этажа вниз… Мутагинезов много, не пройти. Хотя с вашим оружием… - ученый замолчал, подумал, потом кивнул. – Да, наверное, можно по сервисным туннелям, там проложены кабеля и трубы. Но я вам ответственно заявляю, с реактором все хорошо!

- Хорошо, не хорошо, - поднялся со стула Куль, успевший переобуть берцы и, затянув шнурки по новой, - …а проверить нужно! Капитан, давай я схожу с молодым и умником нашим? Посмотрим, да вернемся…

Петров задумался, но потом кивнул.

- Да, давай. Можете не карте какой показать, или объяснить, как туда добраться? – последние слова адресовались научникам.

- Могу. У нас тут план эвакуации имеется… - при этих словах у Байкала чуть не начался нервный тик.В воспоминаниях всплыла та исчерченная линиями схема, попавшаяся им в коридоре. – Я на ней показать могу, но вы зря теряете время…

- А ты наше время не считай, - хитро прищурился старик. – Сколько есть, все наше! Сказано – проверить, значит – проверим!..

***

Полковник находился в замешательстве. Такого с ним уже давно не случалось. Весь его четкий и вытроенный план сыпался на глазах, и с этим нужно было что-то делать! Нужно было как можно скорее заставить Доронина действовать так, как нужно было ему! А не этой сраной пигалице, которая оказалась крепче, чем он думал. Он спешил. Нужно было опередить Чернову! Нужно, во чтобы то ни стало, пока состояние генерала близко к краху, спровоцировать его на действия! Ждать и мешкать больше нельзя! Да, еще не все готово, но он привык к подобного рода форс-мажорам.

Генерал находился у себя. Отсутствующий взгляд. Запах алкоголя. Помятый вид… Отлично – усмехнулся заместитель командира базы и прочистил горло, для привлечения внимания.

- Товарищ генерал… - позвал он громче. – Товарищ генерал!

Доронин поднял голову.

- А? Что?

- Товарищ генерал, я понимаю, сейчас не время… я безгранично скорблю по вашей потере, но у меня важное дело… Я бы не стал вас тревожить в такой час, но…

- Говори уже… - голос командира был тихим и печальным.

От одного этого наполненного вселенским горем шепота кого-то могло бросить в беспроглядную тоску, но полковник был тверд.

- Я по поводу… По поводу общей обстановки… - он специально затягивал речь, стараясь выглядеть опечаленным, показать, что ему тяжело об этом говорить. – К сожалению, нам не удержать Афалину… Мы потеряли слишком много людей… Нужно эвакуировать оставшийся личный состав. Зараженных слишком много! Мы теряем сектор за сектором…

- Эвакуировать? – Доронин снова опустил голову. – Куда? – усмехнулся он. – Вокруг один чертов лед! Пустыня льда! Целая, мать его ледяная бесконечность! И ночь… К нерпам?! К чукчам!? Куда эвакуироваться-то, а?!

- Товарищ генерал… разрешите?..

- Ну… говори, - махнул рукой начальник кабинета и в один залп опустошил граненый стакан, в котором оставалась еще примерно

половина чего-то крепкого и алкогольного.

- Нам нужно принять серьезное решение! По моим подсчетам, «Титан» сможет вместить весь оставшийся личный состав, провизию и вооружение, что у нас осталось.

- «Титан»?

- Да, тот самый лайнер, помните, что прибило к нашим берегам недавно… Инженеры осмотрели двигатели. Один уничтожен в результате теракта, но второй-то все еще на ходу! Топливо у нас есть!

- И куда? Куда мы поплывем? А-а-а-а-а! Ты все про свой чертов север?! Нам там не выжить, полковник! Арктику раздирают войны! Там уже черт разберет, кто с кем воюет! Наши, не наши, ихние, техние…

- Товарищ генерал… Потому я и предлагаю отправляться на станцию! Это наш шанс захватить власть над континентом! Люди там истощены войнами и холодом! У них заканчиваются припасы…

- И что?! – генерал вздохнул, потер в руках снимок дочери. – Что мы можем им противопоставить?! Сам говоришь, людей почти не осталось!..

- Проект двадцать три, три нуля «Э»! - Произнес полковник, и лицо Доронина изменилось.

- «Шторм»?

- Именно, товарищ генерал! Проект «Шторм»!

- И что он… Ты знаешь, где он!?

- По моим сведениям, судно находится всего в шести ста километрах от нас и «Титан» способен преодолеть это расстояние!

- Ты уверен?

- Уверен, товарищ генерал! Авианосец на ходу! Он вышел в рейс как раз в ночь, когда все началось! Нам всего лишь нужно его захватить и тогда… Тогда вся Арктика будет наша! Мы сможем диктовать свои условия! Сможем установить свои правила! Сможем наконец-то найти себе дом!

- А… А экипаж!? Это ведь военное судно! Как ты намериваешься его захватить? Да он наш лайнер в пыль сотрет еще на подходе! Бахнет торпедой, и нету нас…

- Предоставьте это мне! У меня все просчитано! По моим предположениям, авианосец не избежал участи заражения. В замкнутом пространстве, без возможности покинуть судно, большая

часть команды уже наверняка заражена. Опыт «Титана» это только подтверждает! К тому же, мы с вами военные люди, а не самалийские пираты! Вы - генерал армии! Вас послушают! Сообщим, что пришел приказ из Москвы и нам подчинятся!

- Думаешь, сработает?!

- Ну, с «Афалиной» же сработало!.. Люди там тоже, наверняка, не в курсе всех дел снаружи, запутаны и напуганы случившимся. Это наш шанс! Нельзя его упускать!

Доронин при этих словах сыграл желваками. Ему было неприятно напоминание об их обманах, но иначе они просто не смогли бы удержать в кулаке такое количество народа!

- Времени нет… нужно действовать! Нужно отдать приказ на эвакуацию, товарищ генерал! С каждым часом промедления мы теряем все больше и больше людей и ресурсов…

Доронин сжал кулаки. Что же делать?! Не легкое бремя давило на плечи. Потеря дочери после долгой болезни и шанса на то, что она все-таки выкарабкается – на душу. Слова помощника - на сердце. Нужно что-то решать…

- Проверь все еще раз, Илья! - Глубоко вздохнул и поднялся из-за стола Доронин. – Если ты уверен в своих расчетах, то будем действовать!.. Но проверь еще раз, прошу!

- Хорошо, - кивнул полковник. – Я заставлю моих специалистов еще раз все проверить и, как только ко мне придут результаты, я сразу вам сообщу!

- Добро… - начальник кабинета надел фуражку, одернул китель, размял плечи. – Я надеюсь на тебя…

Полковник возликовал. Внутри все взорвалось. Да! Ему удалось! У него вышло обмануть этого дряхлого старика! Ай да сукин сын! Ай да Илья Резников! Такой схемы он не прокручивал еще никогда!

Снаружи полковник остался непроницаем. Он умел скрывать эмоции и умел их проявлять. Сейчас нужно было первое. Второе он сделает потом. Много позже. Сейчас нужно было, чтобы все сошлось.

- Ах да… - уже выходя из кабинета, командира словно вспомнил он. – Чернова…

- Что с ней?

- Вы как-то говорили, что она… как бы это сказать… Про ее прошлое… Мне кажется, она не чиста… Мы ведем служебную

проверку по поводу саботажей…

- Она наш человек! – отрезал генерал. – Я в ней уверен!

- Откуда такая уверенность, товарищ генерал? А не она ли... то, что случилось с вашей дочерью очень печально, но не она ли причастна…

- Закрой рот! – вскинулся Доронин. – Илья, молчи! Даже не вздумай! Чернова… Она не могла! Она не тот человек!

- Но откуда вы знаете?!

- Знаю, Илья. Поверь! Она хороший человек! Офицер! И не смотри, что на ней белый халат! Я убедился в этом не раз! И то, что мы тут еще все живы – ее заслуга! Хотя… - генерал хмыкнул. – По иронии судьбы как раз из-за нее мы тут все и оказались…

***

Петров был хмур. Информация, открывшаяся ему, шла в разрез с тем, что он знал. Тут явно или какая-то ошибка, или… Да черт возьми! Какая на хрен ошибка!? Он сжал кулаки. Их тупо подставили! Бросили сюда специально! Он прям чуял это левой пяткой! То, что они нашли выживших ученых – чистая случайность! Если бы его отряд не встретился с ними… кто бы знал, что тогда произошло?!

Шпиль рассказал много всего интересного, над чем непременно нужно подумать. Противник оказался совсем другим, чем он себе его представлял. Больше он уже не был тупым зомби, которого можно крошить налево и направо, подкравшись со спины… Теперь это хитрый враг, имеющий шпионов и разведчиков в своих рядах, да, к тому же, прикрываемый тяжелой артиллерией, в виде разгуливающих по базе монстров профессора Решетова, и самого его в образе… Нет, он отказывался в это верить, но застывшее изображение с одной из камер наблюдения, расположенной где-то на нижних этажах, не могло врать! Да, картинку, конечно, можно подделать, но зачем? Какой в этом смысл?

Он разглядывал изображение уже несколько минут. Сперва ни он, ни остальные члены отряда своим глазам не поверили.

- Херня какая-то, - резюмировал Хакас.

- Монтаж? – высказал недоверие Пацан.

- Вот это ебо-бо! – описал всю ситуацию простым словом Бабай.

А ебо-бо было еще той! В росте профессор Решетов, если его еще так можно было называть, не уступал Кнехту, а то и покрупнее его был

раза в полтора. Человекоподобное, антропоморфное, как выразился Шпиль, существо, передвигалось по коридору, с трудом помещаясь в нем. Что там такого придумал Решетов, и что заставило его превратиться в это - выжившие не знали.

- Последнее время он был замкнут, а месяц назад так и вовсе, перестал выходить на связь… Над чем он там внизу работал, мы даже догадываться не могли, но когда увидели это…

- А это точно он? – в надежде спросил Куль, как-то резко потеряв желание куда-то идти. – Может… Может, все же, это этот самый.. Монтаж. Фотошоп?

- Точно, - вздохнул ученый. – Видимо, тот проект, над которым он работал, пошел не по плану.

- Прям как наш Кнехт, - почесал затылок старик. – Не родственники, случаем?

Капитан стрельнул взглядом.

- Что за Кнехт? – поправил очки Шпиль. – Вы уже второй раз его имя упоминаете, я так понимаю, у вас… - он сделал осторожное лицо. – Есть… Что-то подобное?

- Сам ты что-то, - обещая болтливому старику взглядом несколько нарядов вне очереди, неохотно ответил Петров и, нажав кнопку вызова, позвал в микрофон. – Ребят, зайдите.

Когда гигант вошел в помещение на лицах ученых сначала отразился страх, затем неподдельный интерес, а затем радость. Они принялись сыпать какими-то непонятными терминами, осматривая здоровяка со всех сторон, словно новогодний подарок.

- Как вам удалось?! – все еще с сомнениями спросил старший научный сотрудник у капитана.

- Это не нам, это нашим ученым…

- Господи! Это то, над чем мы работали! А я же говорил! Я же говорил, что будущее именно за людьми, но нет! Меня не слушали! Профессор Решетов меня не слушал! Господи! Как же это?! Кто этот гениальный ученый?! Как вам удалось?

- Об этом вы сами с ней потом поговорите, - продолжая размышлять над тем, что им теперь делать, ответил Байкал. – У вас будет много времени для разговоров. Чернова любит поговорить на эту тему. Сядет на уши, не…

- Наталья Чернова?! – перебил Шпиль. – Наталья Владимировна Чернова?!

Капитан медленно обернулся. Так медленно, что в помещении стало даже как-то темно.

- Откуда. Вы. Ее. Знаете?!

Шпиль как-то съежился. Капитан встал. Его напряжение передалось бойцам. Близнецы мгновенно оказались за спинами ученых, Куль отскочил к двери, а Кнехт сжал кулаки. Бряцнуло оружие, щелкнули затворы, ученые, казалось, уменьшились в размерах втрое.

- Тише, тише, - выпучил глаза и выставил перед собой ладони Шпиль. – Ее многие знают! Она же известный биолог! Вот, смотрите…

Доктор медленно подошел к столу, указал на висящее на стене фото.

- Вот! Смотрите! Она, наш профессор Решетов и Доктор Вильгельм. Они втроем работали над формулой боевого препарата! Стояли, так сказать у истоков его формулы!

Петров сделал шаг. В глазах потемнело. Фото было старой вырезкой из какого-то отчета, но сомнений не было. Это. Чернова. Чуть моложе, кажется, хотя не на много, чуть стройнее, не такая уставшая, но это точно была она!

- Твою мать! – выругался Данил, снимая фото со стены. – Колян, узнаешь место?

Кнехт скрипнул зубами.

- Сирия? – Петров повернулся к ученому в надежде, что тот опровергнет его догадку, но Шпиль кивнул.

Еще бы он не кивнул! Тот самый, мать его аэропорт! Хрена с два бы Петров его не узнал! Та самая операция! Те самые ученые! Твою ма-а-а-а-ать! Голова закружилась. Так вот почему она ему казалась знакомой! Вот почему-у-у он иногда думал, что где-то ее встречал!!! Она - та самая лаборантка, которую эвакуировали из Пальмиры! Она - та самая Чернова, из-за которой Кнехт чуть головы не лишился, вызывая огонь артиллеристов прямо на позицию врага, находясь в непосредственной близости от него! Она та, из-за кого погиб целый отряд ССО-шников! И… Решетов! Тот самый Решетов, который придумал и разработал эту заразу! (прим. Автора: имеются в виду

события книги «Леший: рыцарь в зеленых доспехах») Данил не смог сдержать эмоций.

- Да что ж вы там все не сдохли?! – в сердцах, смяв фото, заорал он.

- Тихо, капитан, - легла на плечо тяжелая огромная рука. – Успокойся…

- Успокойся?! Ты понимаешь?! Это из-за них! Из-за них все это! Из-за нее ты такой! Твою-у-у-у-у ма-а-а-а-ать!

- Да, - кивнул Николай. – Из-за нее! Из-за нее я такой! Живой... Если бы не она, я бы так и ходил, мозги искал на пропитание! Если бы не ты, если бы он она, я бы там и остался, в той школе… Наталья лекарства ищет! А эти двое… - здоровяк сжал челюсти, вперившись взглядом в мятый листок. – Вот эти двое сделали с нами все это. А не она! Как ты про нее вообще такое думать можешь, после того, что между вами было!?

Капитан дернулся, скидывая ковшеподобную лапу с плеча, тяжело задышал, зло глянул на друга, мотнул головой, отгоняя мрак.

- Командир! Надо что-то делать! - тихим, вкрадчивым голосом позвал Хакас. – На Афалине потом разберетесь, кто виноват… Надо как-то выбираться отсюда…

- Да-да… и с реактором что-то решать, - поддакнул Куль.

- И с этими мутагенц… тьфу… - сплюнул Бабай. - С тварями этими тоже! Сколько их тут?! – Шпиль пожал плечами.

- Много. Виварий внизу насчитывал больше двух сотен единиц подопытных на момент аварии…

- Прикинь, капитан, если они выберутся…

Группа переглянулась.

- Лифт!.. – бросило в пот Петрова. – Мы же этот чертов люк не закрыли!..

- Если подопытные разбегутся, то… - Шпиль замолчал, что-то обдумывая, - …тогда у нас ко всему наболевшему добавится еще одна проблема!

- Нужно взорвать реактор! – внезапно проговорил старый воин. – Это можно сделать?

- Что? – Петров подумал, что ослышался.

- Взорвать реактор, говорю! Свалить отсюда и взорвать его!

- Но тогда зараза же… Она же все снова накроет! - начал было Пацан, но его прервал Шпиль.

- А зараза и так в нас, так что больше, меньше - нет разницы, но ваш коллега прав. Мы уже обдумывали такой вариант, но не смогли…

- Что? – переспросил Петров.

- Мы уже думали над тем, чтобы и вправду взорвать реактор… У нас не было выхода из лаборатории, мы были на краю гибели… То, что там внизу… Это нельзя выпустить! Если эти твари разбегутся по окрестностям… Черт! С вами у нас есть шанс!

- Нет, я про заразу! Вы заражены?!

Шпиль переглянулся с коллегами, насторожился.

- А у вас что, иммунитет?! У всех?!

- Что еще за иммунитет?

- Не подверженность заражению…

Теперь пришла очередь переглянуться бойцов.

- Не знаю, - честно ответил Байкал. – Ну, мы все себя же хорошо чувствуем…

- Так… Давайте по другому… Вы что ни будь знаете про иммунитет?

- Ну, это когда не болеешь, - кивнул Куль. – У меня только понос бывает, это считается? А бабка моя постоянно с соплями, чуть простынет.

- Я о другом! – Вздохнул ученый. – Я об иммунитете к укусам!

- Ну, у него есть… - Данил указал на здоровяка. – Ему на них пофиг.

- Это понятно! Но это приобретенное, а я о природном… так. Вижу, вы не в курсе. Вы знаете, что все мы заражены этой заразой? Судя по взглядам, нет… Что ж, спешу огорчить. Увы, друзья, но мы все являемся носителями вируса…

- Но мы же не пили отравленную воду! У нас на станции фильтрованная! Нас же проверяли!

- А причем тут вода? – искренне удивился Шпиль.

- Ну, как… Заражение же происходит через воду! Тот дождь!..

- Тот дождь вызвал лишь первичное заболевание! – оборвал капитана ученый. – Все, кто выжил после него - являются носителем заразы. Вторичные зараженные, так сказать!

- Так что мы все… Мы все станем такими…

- Увы, да, - покачал головой ученый. – После смерти мы все станем такие… Лишь примерно у одного процента выживших имеется иммунитет к заразе, да и то, только к ее части. Скажем так, это отсрочка. К примеру вот наш профессор Решетов ее имел и, потому, вероятнее всего, мутировал… Смею предположить, что и ваш товарищ был иммунным…

- Он полгода овощем ходим, - отрицательно покачал головой Капитан. – Черновой удалось что-то там сделать и вылечить его…

- Ну! Так я и не говорил, что иммунитет это сто процентная защита! Это лишь от-сроч-ка! Он позволяет более эффективно бороться с заражением, но не исключает мутации! Некоторые, насколько нам удалось уже выяснить, могут пережить серьезный укус, некоторые даже два… Но запас здоровья, увы, не безграничен.

- Так может лекарство тогда какое-то есть? Способ этот самый иммунитет выработать?!

- Увы. Он передается лишь по женской линии. Наши XY-хромосомы способны его воспроизводить, лишь сохранять. И только женская XX может передаваться по наследству, но… Пока мы до этого дошли, слишком уж много народу погибло… Боюсь, человечество перешло за ту критическую массу, после которой восстановление популяции более не возможно.

- Так это что, выходит конец земле?

- Выходит, - пожал плечами Шпиль. – Рано или поздно мы все-таки вымрем… Хотя, может я и не прав…

Слова ученого повергли всех в шок и апатию. Капитан сел на стул. Куль задумчиво покусывал ус. Чук и Гек печально опустили головы. Лишь Хакас и Бабай внешне никак не выказали тревогу. В углу сдавленно хрюкнул раненый, о котором все благополучно уже и забыли.

- Добейте, - бросив короткий взгляд, вздохнул капитан и поднялся.

Раздался выстрел. Новоиспеченный зараженный затих.

- Что делать будем, командир? – Хакас, казалось, был не прошибаем.

- Выполнять приказ… - накинул Петров ремень автомата на шею. – Как там Куль сказал? Все время, что есть – наше!

***

Глава 3. Проект "Немезида"

Из отчета главы инженерного отдела генной модификации М.Е. Шпиль:

«Образец «11-00-Х «Химера»

Основные характеристики: возложенных надежд не оправдал. Слияние сиамских близнецов, с целью усиления ментальной связи, чрезмерно вариабельно. Из ста экспериментов удалость взрастить четыре. Лишь последний, «11-19» смог дожить до половозрелого возраста. Отпрыски объекта «11-19» помещены в криогенный отсек для дальнейших опытов.

Основные черты: слаборазвит, интеллект в зачаточном состоянии.

Способности: Свойства объекта находятся в зачаточном состоянии. У менее развитого ишиопага наблюдаются сильные мозговые импульсы. Опыты с близнецом-паразитом доказали, что именно он испускает низкочастотные волны, способные вызывать у человека головные боли и, даже, мигрени. Из десяти эксперементов, девять подопытных подтвердили боль в области лобной части мозга, один сообщил о потемнении в глазах. Вероятнее всего низкочастотные вибрационные волны способны вызывать повышение внутричерепного давления.

Слабые стороны: непереносимость яркого света.

Образец «12-00-Т: Тревожник».

Основные характеристики: После неудачного эксперимента с «Химерой», из-за большого цикла с эмбрионального до половозрелого состояния, было решено провести эксперимент с лабораторными крысами. Время полного цикла эксперимента удалось сократить до нескольких недель. С каждым поколением способности усиливались, и, образцы уже третьего поколения, показывают высокий уровень агрессии, связанный с ростом особого отдела в мозгу. Удалось выявить это слишком поздно, первичные подозрения на гормональный сбой были не подтверждены. Четвертое поколение мышей получило кодовое имя «Тревожник». Нам удалось выявить устойчивый мутационный ген у трех особей. Все три особи выделяются более прогрессивным навыком.

Основные черты: агрессивен, осторожен.

Способности: Способен вызывать у жертвы неконтролируемое чувство тревоги. Десять из десяти добровольцев утверждали, что в ситуации, при которой они оказывались один на один с объектом, у них появлялось стойкое чувство тревоги, или легкого страха. После трех минут контакта проявлялась паника. Лишь один из десяти лаборантов смог находиться в комнате с объектов более четырех минут, что вызвало у лаборанта потерю сознания и большое количество мелких кровоизлияний в мозгу. Путем экспериментов было доказано, что объекту необходимо находиться в поле прямой видимости образца «12-04-Т», причем совершенно не обязательно при этом смотреть на сам образец. Лаборантам завязывали глаза, отворачивали от объекта, но результат был одинаковым. Однако стоило перенести клетку с объектом даже за тонкий лист бумаги, как десять из десяти лаборантов подтверждали резкое падение чувства тревоги.

Слабые места: не способность жить вне стаи, короткий срок жизни.

«Объект «19-10-К: Конструктор».

Основные характеристики: Вершина генной инженерии. Соединительные ДНК некоторых пресмыкающихся показывают отличные результаты! Впервые в мире нам удалось совместить ДНК различных видов в одно целое, благодаря разработкам профессора Решетова. Это прорыв в генной инженерии! Объект, выращенный искусственно, с нуля, не поддается описанию. Это новый подвид животных. Нам удалось скрестить ДНК крокодила и анаконды, и получить устойчивый вид передающихся клеток.

Основные черты: пуглив, ловок, силен.

Способностей не имеет.

Слабые места: неспособность потеть и остывать самостоятельно. Объекту требуется холодная, влажная среда.

«Объект «Х-1. Саблезуб»…

Основные характеристики: данные повреждены.

Основные черты: сила, ловкость, жажда убийства.

Способности: данные повреждены.

Слабых мест не имеет»

Петров закончил листать файл.

- Да вы тут совсем охренели!? – печально проговорил он, откинувшись на стуле. – Вас самих к этим вон… тревожникам надо отправить и через одного в газовую комнату! Сколько вам надо коленных чашечек прострелить, чтобы вы поняли, что то, что вы тут делали, делать ни при каких случаях нельзя?!

Данил встал, поглядел на понурившихся ученых.

- Вы кино вообще не смотрите!? Книжек не читаете? Сколько там таких вот мутантов понаплодили, а потом весь мир обосрался!?

- Мы, конечно виноваты, - поднял голову и негромко проговорил Шпиль. – Но и вы не белые и пушистые! Все это ведь для вас! Для нужд армии! Не забывайте, для чего все это разрабатывалось!

- Слышь! – навис над научником капитан. – Ты меня в это не втягивай! Я в бога не играю!

- Да ну? А разве вы не убивали? А кому, кроме господа, дано решать, кому жить, а кому умереть?!

- Тихо вы, - вклинился Николай.

Он положил руку на плечо друга.

- Забей, командир, действовать надо. Времени в обрез… там взрывчатка…

Петров послал лучи гнева в очкарика, дернул щекой. Верно. Забывать про установленные на крышке люка снаряды не стоило. Рыжий ставил таймер на пять часов. Час они тут уже пропердели ни за понюх табака.

- Потом поговорим, - зло пообещал Байкал. – Куль, Чук, Гек, берите ученых и дуйте к лифтам. Кореец за старшего. Колян, мы с тобой к реактору. Ни одна тварь не должна выбраться отсюда! Огонь на поражение во все, что движется. Мы будем на связи…

- Понял, - кивнул Кореец и принялся командовать сборами.

- Доктор, а вы куда? Вы с нами… - обратился капитан к Михаилу Егоровичу, когда тот двинулся к группе корейца, разом оборвав ученому сладкие мечты на легкое спасение. – Мы тут без вас не разберемся. Проводником будете…

***

Нижние этажи «Улья» были погружены в полумрак. Редкие лампы аварийного освещения позволяли ориентироваться в помещениях без использования фонарей или приборов ночного видения. Профессор Шпиль, как знаток устройства лабораторного комплекса вел группу

узкими переходами сервисных, как он их назвал, туннелей. Здесь было грязно и сыро, но намного безопаснее, чем в больших, просторных коридорах.

- Нам сейчас нужно будет отсюда перейти в соседнее крыло, - остановившись возле какой-то кривой жестяной двери, негромко предупредил ученый. – Там коридор не широкий, из нее нам нужно будет в бойлерную попасть. Она дальше, слева.

- Далеко?

- Нет, метров десять… Мутов вроде тут не было, но как дальше дела обстоят, мы не знаем. Там все вышло из строя, еще когда все только началось. Так что, я даже не представляю, что нас там ждет и в каком состоянии переходы.

- Разберемся. Сколько тут вообще человек работало?

Ученый подумал, покачал головой.

- В научном центре смена - это примерно полторы тысячи человек. Из них три сотни ученых, остальные военные или техперсонал.

Николай крякнул.

- Хрена себе, - почесал здоровяк лоб. – Нам другие данные сообщали.

- Ну, так секретный объект! – гордо поднял подбородок Шпиль.

- Это все объяснят, - кивнул своим мыслям Петров. – Вот откуда там, на верху столько зараженных было…

- Да, в городке тысяч десять населения… Когда все началось… ну, в общем, мало кто выжил. Это была еще одна наша проблема. Если бы нам даже и удалось выбраться из подземного комплекса, то снаружи бы нам точно не выжить. Ни оружия, ни даже одежды подходящей…

- Ладно, пошли, - оборвал капитан умника, который, видимо от страха, начал говорить быстро и отрывисто.

- Да-да… - кивнул ученый, сняв запотевшие очки.

Вперед вышел Николай. Протиснуться в узкий дверной проем ему было очень тяжело. Пришлось выдыхать, материться и скоблить навешанным снаряжением о металл, создавая лишний шум, но, к их счастью, на звуки никто не среагировал.

- Может, уснули? – в надежде спросил ядерщик. – Они же сон впадают, если долго цель не видят…

Николай прислушался к ощущениям, отрицательно покачал головой.

- Нет, они там, внизу. Ждут…

- Реактор тоже там? – Байкал не сомневался в ответе ученого и, потому, задал вопрос чисто, чтобы утвердиться. Утвердился. Вздохнул. – Ну, тогда придется пробиваться с боем.

Здоровяк радостно оскалился. Руки чесались. Хотелось узнать свой предел. Это тебе не в тренажерке под штангой потеть! Тут настоящие, боевые испытания!

Коридор миновали без проблем, попали в так называемую бойлерную, из нее снова узким лазом куда-то дальше.

- А вот мне всегда интересно было, - снова обтирая задницей горячие трубы, прошипел Николай, едва-едва помещаясь в проходе. – А откуда ученые знают такие ходы? Ну, нет! Серьезно! В каждом фильме, кого герои не возь-му-т… уф, - он выбрался в просторнопомещение, - так те сразу все лазы знают и строят их, как специально для этого!

Шпиль пожал плечами.

- Это Россия! Тут, если ты ученый, это еще не означает, что в чистом лабораторном халате сутками напролет сидишь за компьютером. Не поверите, но нам и унитазы самим чистить иногда приходится от засоров, и генераторы и проводку!.. Тут пока допросишься что-то починить… - ученый махнул рукой, - сам все триста раз сделаешь…

- Логично, - улыбнулся гигант. – Ну, что. Теперь-то куда, Сусанин?

Шпиль указал на двери.

- А теперь все… только так. Главный коридор, по нему до лифта и вниз на три этажа… Другой дороги, увы, не знаю…

- Хреново, - досадливо сжал зубы Данил. – Я думал, мы прямо до нужного места так дойдем…

- Увы, - пожал плечами профессор. - Там система безопасности… Объект повышенной надежности. Туннелей никаких нет… Вернее есть, но по ним даже крыса не пролезет!

Снаружи раздался гул. Металлический удар. Скрежет. Затем снова по коридорам прокатился низкий звук, от которого в голове и грудной клетке стало как-то неуютно.

- Нас ждут, - вздохнул Кнехт, ощущая усиливающуюся внутри тревогу.

***

«Кап-кап-кап», - звучало где-то одновременно далеко и близко. «Кап-кап-кап» – бесило до самых кончиков пальцев. «Кап-кап…» Алиса вздрогнула. Она снова провалилась в сон. Тревожный, тяжелый, мучительный. «Кап…» Она открыла глаза, хотя в этом не было смысла. В камере, где ее держали, не было света. Сколько она уже здесь? Сутки? Двое? Неделю? Непонятно. Бесхребетный червь приходил уже… Девушка напрягла память… Кажется, семь раз. Если это три раза в день, то она тут - третий. А если два, то…

Мысли путались. Общее самочувствие ухудшилось. Тело ослабло. Его било мелкой дрожью – в помещении было сыро и холодно, а на девушке легкая форма лаборанта, которая давно промокла. Учительница вздохнула. На глазах выступили слезы. Как там ее девочка? Как там… она уже со всей серьезностью относилась к Маше, как к собственной дочери. Сдержал ли Валентин обещания? Дает ли необходимые лекарства? Вот бы увидеться…

Холодные стены научной базы вздрогнули, заскрипели. Гул прошелся по помещениям.

- Лед, это просто лед, - прошептала Алиса Евгеньевна, чтобы услышать собственный голос.

Казалось, где-то возят огромным стальным канатом по металлической пластине. Стены завибрировали.

- Лед… Это просто лед…

«Агуууууууу» - прогудела станция следом, словно живая.

Алиса поерзала на неудобной кровати, сменив положение. В полной темноте, не имея возможности отмерять время иначе, как по опостылевшим каплям падающей воды, ей казалось, что здесь она уже целую вечность. «Кап-кап-кап», - неслось из-за двери, отсчитывая мгновения, затем ровно три секунды тишины и снова «Кап-кап-кап»… И так постоянно. И днем и ночью. Когда Алиса бодрствовала или спала. Кап-кап-кап…

В размеренный метроном вплелся новый звук. Алиса расслышала шаги. Опять он… Опять будет приставать! Опять будет требовать!.. Опять будет угрожать…

Девушка села, сжала кулаки. Сил в теле все меньше и меньше. Сколько она так еще продержится?.. Надо что-то делать! Что-то решать! Ей нужно выбраться из клетки и тогда она сможет хоть что-то сделать! Нельзя бездействовать! Хватит!

Шаги дошли до комнаты. Открылась внешняя дверь. Затем, ровно через три шага прошуршала отодвигаемая задвижка в ее «камере».

- Алиса Евгеньевна? – позвал вкрадчивый голос.

- Да, - ответила женщина, стараясь придать себе как можно больше усталости.

Руки сжали с трудом выковырянный из кровати саморез. До хруста. До боли в подушечках пальцев. До дрожи где-то в животе. Девушка встала, медленно пошла к светящемуся прямоугольнику.

- Как вы себя чувствуете?

- Нормально, - робкий шаг к цели.

Ткнуть рукой, наверняка угодив казанком пальцев в край двери, содрав кожу, а то и вовсе их сломав, но не важно! Лишь бы импровизированный снаряд достиг цели!.. Лишь бы попасть ему в глаз…

- Хорошо… - Валентин замялся и почему-то не спешил со своим традиционным вопросом, «подумала ли она над его предложением».

- Хорошо, нам нужно вас перевести…

Алиса замерла на полушаге. Металл в руке нагрелся, грозя вот-вот расплавиться.

- Куда?

- В другое место, - немного помолчав, ответил невидимый из-за яркого света Валентин.

Голос его был настороженный и какой-то нервный. Учительница опустила ногу на пол. Из-за не до конца прикрытой внешней двери доносились странные звуки. Голоса людей сюда проникали плохо, они сливались и слов разобрать было невозможно, но по общей окраске они были возбуждены или даже напуганы.

- Что-то произошло? – голос предательски дрогнул.

- Да, - снова выждав театральную паузу, едва слышно, ответил помощник заместителя командира базы. – Мы эвакуируемся…

- Куда?

- Этого вам знать не положено…

- Что с Машей? Как она?

- С ней… С ней все хорошо… Но вам… вам, чтобы ей и так дальше было, нужно кое-что сделать… Я вас выведу, устрою на новом месте, но вы… вы должны вести себя паинькой! Вы поняли?

- Нет, - искренне ответила девушка.

- Нам с вами придется см++енить место пребывания незаметно. Тайно… Если вы сделаете все, как я скажу и не создадите проблем, я позволю вам с ней даже встретиться…

- Хорошо, что мне нужно делать? - почти сразу, без раздумий согласилась Алиса, опустив руку с зажатым в пальцах саморезом.

Что-то менялось, и, возможно, в лучшую для нее сторону. Тогда месть пока можно было отложить. Вдруг все обойдется и будет лучший шанс поквитаться.

- Хорошо, - опять о чем-то подумав, ответил голос из-за двери. – Тогда я скоро за вами вернусь и, давайте без фокусов, помните! Мария!..

Щеколда задвинулась и свет погас. Алиса Евгеньевна снова оказалась в полной темноте наедине со своими мыслями. Сердце ее забилось быстрее, дыхание стало взволнованнее. Что-то меняется. Что-то меняется! Не важно, в какую сторону! Главное – меняется!.. Девушка вернулась к кровати, отыскала ее на ощупь, села. Нужно экономить силы! Нужно быть собранной и решительной!

Вернулся Валентин через несколько томительный часов ожидания. На Афалине что-то явно происходило. Отголоски гула тяжелых двигателей, гомон толпы и, даже, выстрелы стали слышны более отчетливо. Наверху, кажется, шел бой. Что случилось? Снова зараженные? Или на них кто-то напал?

- Скорее, надевайте! - протянул бывший завуч ей какую-то тряпку. – Нам срочно нужно уходить!

Тряпкой оказался просторный плащ с большим капюшоном, на два, а то и три размера больший, чем девушке требовалось. От природы не высокая, в нем она просто тонула, но, судя по всему, на это и был сделан расчет.

- Руки! – потребовал помощник заместителя командира базы, вынув из кармана наручники.

Хотелось съязвить, сказать что-то про игрушки взрослых, но Алисе было не до смеха. Она покорно выставила сжатые в кулаки запястья. Наручники щелкнули. Валентин застегнул пуговицы

балахона так, чтобы никто не мог случайно заметить металлических браслетов, хрустнул скотчем.

- Это для вашей же безопасности…

Скотч коснулся щек, залепил рот. Выглядел мужчина возбужденным и напуганным, нервозным и каким-то рассеянным. Он постоянно оглядывался по сторонам и обильно потел. Все это могло говорить о том, что операция, задуманная им - не официальная. Что то, что он с ней делает – его личная инициатива, иначе бы ее вела охрана… А так как они тут вдвоем, девушка сочла Валентина действительно единственным человеком, знавшем о ее судьбе и, потому продолжила выжидать удобного момента.

Ее повели длинными переходами нижних этажей Афалины. Слабость в организме играла на руку. Алиса постоянно оступалась, стонала, громко сопела, нависая на руке Валентина все сильнее, от чего худощавый мужчина начинал злиться и уставать. В голове у девушки теплилась надежда на побег. Она изо всех сил изображала ослабленную и больную заложницу, чтобы ввести конвоира в заблуждение, усыпить его бдительность для того, чтобы в решающий момент собрать все силы и вырваться из его лап…

Дверь переходного шлюза открылась и… Алиса сразу передумала. Им открылся длинный коридор, наполненный криками боли и ужаса. Гортанные всхлипы зараженных, булькающие разорванными глотками и умирающие в страшных муках люди. Все это подкреплялось выстрелами и запахом, от которого у девушки сразу к горлу подкатил неприятный ком. Она едва сдержалась, сделав над собой усилие. Рот ее был заклеен скотчем и мысль о том, что девушка попросту захлебнется рвотой, если не удержится, придала ей сил. Страх наполнил тело. Валентин тут же нажал кнопку блокировки двери, но было поздно. Пока створка шлюза занимала свое положенное место, отсекая людей от ужасного места, несколько тварей, среагировавших на звук, кинулась к ним.

Грянули выстрелы. В руке Валентина, оказывается, был пистолет. Алиса этот момент как-то откровенно проворонила. Один из зараженных споткнулся. Пуля угодила ему куда-то в грудь, закрутила и опрокинула тело прямо в кровавую лужу. Вторая тварь дернулась в сторону, ушла от выстрела, прыгнула вперед и в самый последний

момент успела повалить Валентина на пол. Алиса глухо вскрикнула и бросилась бежать, оставив за спиной возящиеся тела.

Валентин хрипел, стараясь схватить монстра за шею и не допустить того, чтобы тварь дотянулась своими зубами до его плоти. Он застучал пятками лакированных туфель по измазанному полу, заерзал на спине, пытаясь скинуть навалившегося, завертел головой, дабы слюна и кровь, брызжущая из пасти, не попали в глаза или рот. Тварь рычала, скрипела поломанными пальцами и давила, давила, давила, с каждой секундой выигрывая сантиметр за сантиметром. Мужчина уже ощущал смрад дыхания, видел кусочки застрявшего в зубах мяса. Он заскулил, вложив в руки все силы, но одежда монстра была слишком скользкой. Зараженный дернул плечами и вырвался из захвата. «Тук» - раздался глухой удар железной трубы по черепу монстра в самый последний момент. Валентин взвизгнул, уже практически ощутив на собственном лице зубы бывшего человека.

- Вставайте! – протянул ему руку кто-то. – Скорее! Как вы?!

Двое мужчин взявшиеся из ниоткуда оттащили зараженного и продолжили мутузить его голову обломком трубы. Валентин поднялся, огляделся. Алисе сбежать не удалось, ее перехватили. Четвертый мужчина в синем комбинезоне скинул с нее капюшон, удивленно поглядел на заклеенный рот девушки, потянулся, чтобы отлепить клейкую ленту.

- Эй, какого черта?.. – начал было он, разглядев женские руки, скованные наручниками и обернулся к мужчине.

Валентин не раздумывая, вскинул пистолет и выстрелил. Инженер схватился за грудь, упал на колени. Вторая пуля досталась тому, кто пытался помочь подняться бывшему завучу и еще три - оставшимся. Алиса вскрикнула.

- Ну что же вы, - утерев кровь с губы, зло проговорил Валентин, подходя к девушке. – Я же говорил, чтобы без фокусов!

- Я… Я…

Девушка не договорила. Валентин скорчив недовольную гримасу, приклеил ленту скотча обратно и зло дернул девушку за руку, поднимая.

- Еще раз вы что-то подобное выкинете и ваша Маша… - он не договорил, но демонстративно поднес пахнущий порохом пистолет к лицу учительницы. – Вы поняли? – Алиса затравленно кивнула. – Вот

и молодец, Алиса Евгеньевна… А то вон! Из-за вас уже четыре человека погибло…

Валентин накинул капюшон на голову женщины, скрыв ее лицо. Мужская ладонь скользнула по ее голове, щеке, шее. Алиса внутренне сжалась. Безумный взгляд помощника командира базы облизал ее тело. Да, оно скрыто безразмерным балахоном но в этот момент девушка почувствовала себя голой. Мужчина дышал тяжело, поверхностно. Глаза его блестели, руки дрожали. Страх и адреналин, возбуждение и чувство собственного превосходства отразились на крысоватом, заостренном лице и тут… Валентин подался вперед и впился губами в ее губы. Точнее - в ленту скотча. Алиса дернулась, попыталась отмахнуться, но мужские руки оказались сильнее. Валентин попытался прижать девушку к стене. Его рука скользнула под балахон, коснулась ее бедра, задрала халат... В пах коленом! В бровь лбом! Ногтями в глаза – забились мысли в голове учительницы, но Валентин внезапно отстранился. Лицо его было искажено злобой.

- Потом! - прошептал он сам себе. – Потом! Сперва надо выбраться… Сперва выбраться… Сперва надо…

Да он безумен! – проскользнула испуганная мысль в голове учительницы. Он сумасшедший! Он… он одержим!

Валентин отошел, крутанулся вокруг невидимой оси, разочарованно махнул пистолетом, затем как-то раздраженно пнул труп инженера, что-то захотел сказать, но передумал, с силой провел рукой по волосам. Все движения были резкими, дерганными, злыми. Что там у него в голове сейчас творится, девушка не представляла, она вообще кроме страха ничего не ощущала. Внезапно Валентин показался ей опасным. Вот только что был тюфяк-тюфаком, а теперь… Словно дьявол какой-то!

- Так! - Наконец-то собрал мысли в кучу мужчина. – Сейчас идем наверх… Вы подвергаете меня риску, Алиса Евгеньевна. Так что учите! Если что-то пойдет не так… - он не договорил, но по виду его было понятно, что он и сам еще не знал, что он сделает, - так что только дернитесь!.. Вы меня поняли?

Алиса испуганно кивнула. Сердце ее билось быстро-быстро от отвращения и страха к этому… нет, не человеку! Человеком она назвать стоявшее перед ней существо не могла. Подходящих слов с описанием на ум просто не приходило.

- Тогда идем! У нас мало времени! Нужно успеть до конца эвакуации!

Валентин грубо схватил девушку за запястья и, дернув, потащил прочь от этого ужасного места.

***

Лифт опустил их на самое дно комплекса. Здесь было неуютно, темно и… жарко.

- Прям сауна, - вытирая пот со лба, нервно прошептал Петров, двигаясь за другом, которого, казалось, жара вообще никак не смущала.

- Тут всегда так, - сняв очки, чтобы их протереть, кивнул Шпиль. – Камень частично поглощает тепло реактора, проводя по всей системе пещер. Мы это места так и звали – «сауна».

- Вот бы еще девочек, - цокнул Данил.

Они шли по большому темному коридору, приближаясь к цели операции. Единственным источником света была дверь с квадратным окном, из-за которой бил ровный красно-оранжевый свет, похожий на языки пламени, только не пульсирующий, а равномерный.

- Реактор там, - указал ладонью Шпиль на дверь. – А комната управления справа…

Кнехт внезапно остановился, поднял ладонь, призывая к тишине, опустил голову, словно прислушиваясь и практически тут же, рыкнув, вскинул топор. Дверь в конце коридора издала барабанный звук. Кто-то ударил в нее чем-то тяжелым, не металлическим. Глухой удар отразился от стен, рассыпался эхом. «Бам» - второй удар. – «Бам» - третий и створка заметно вздрогнула, выйдя из направляющих.

- Вперед, - опуская голову на манер быка перед атакой, скомандовал Николай, переходя на бег. – В комнату!

Они не успели.

Профессор Решетов выползал в коридор неспешно, но неотвратимо. Сначала показались руки, раздвигающие створку, затем голова, затем все тело втиснулось в щель и, шлепая босыми ногами, показалось в полный рост.

Видеокамера не передавала всех деталей, а вот глаза, проклятые гляделки, делали это отлично! Не скажи, что эта оплывшая масса на тумбообразных конечностях, раньше была человеком, никто бы и не догадался!

Нижние конечности существа, перевязанные жгутами вспухших, словно варикозных вен, цокали когтями, шаркали кожей. Правая нога была заметно толще и короче левой. Туловище, как впрочем, и все остальное, словно стекало вниз, жировыми и кожными наростами. Тело оплыло, будто свечка на солнце. Оно подрагивало, раскачалось и издавало странные звуки. Голова существа, лысая, покрытая такими же кожными наплывами, отдаленно еще напоминала человеческую, но такой уже явно не являлась.

Деформировавшийся череп вытянулся на затылке. Правый глаз стек куда-то на щеку, рот перекосило, шеи и ушей не было видно, как и левой глазницы. От носа остались лишь две небольшие дырочки.

Руки заслуживали отдельного описания. Правая рука, в противовес ноге – была гипертрофированной. Огромная, мускулистая, она беспрестанно подергивалась. Короткие, толстые пальцы постоянно находились в движении. Со стороны было похоже, что уродец, в которого превратился профессор Решетов, постоянно клянчил мелочь характерным жестом. Левая... уже скорее лапа, чем рука, больше походила на щупальце осьминога. Кости в ней, если еще и остались, то, наверняка были или изломаны, или истончены до состояния бумаги. Пальцы слиплись, срослись, превратившись в конус, похожий на лопаточку для торта.

Завершала гротескность существа сгорбленность. Горб, а, точнее, искривленный позвоночник выпирал довольно высоко. В некоторых местах он прорвал кожу и торчал белесой гребенкой.

Монстр рыкнул, расправил плечи, точнее шаровидные суставы, в которые они превратились, и медленно пошагал к людям, которые оцепенели при его появлении.

Как только тварь вышла и кинула на них свой взгляд, всех, включая Николая, парализовало. Петров застонал, ощутив в голове неимоверное давление. Казалось, кто-то схватил его мозг и начал сжимать, погружая в него пальцы. Боль была адской, но он не мог ни пошевелиться, ни вскрикнуть. Шпиль заскулил, сощурился. Его тело задрожало. Ядерщик осел на подогнувшихся ногах и упал лицом на пол. Тут же из под него показалась лужа темной в отсветах инфернального пламени крови. Лишь гигант еще как-то мог сопротивляться. Руки его медленно поднимались. Казалось, на них давит неимоверный груз. Вены взбухли. Шея напряглась так, что

грозила передавить позвоночник, сломать трахею, лишить хозяина воздуха. Плечи затрещали разрываемыми связками.

Голова разрывалась от нахлынувшего ужаса, а тварь все приближалась, усиливая давление. Решетов давил взглядом, порабощал волю, заставлял сознание ежиться в темноте, прятаться от неимоверного, первобытного страха. Ужас сковал людей, заставляя сердца биться словно бешенные. Мгновение, второе, третье и они, казалось, лопнут.

Решетов сделал еще один шаг. Ему было тяжело передвигаться, но профессор приближался. Схватив гиганта, как самого опасного в отряде за горло свой гипертрофированной рукой, профессор с легкостью поднял его. Взгляд единственного нормального глаза прожег сознание, перемешал мозг словно миксером. Булькнув, монстр толкнул великана с такой силой, что тот, сбив в полете Петрова и Шпиля, пролетел еще пару метров и с грохотом и звоном бронепластин, прокатился по бетонному полу.

- Встать, встать, встать! - твердил сам себе Николай, пытаясь скинуть тяжелый занавес с разума, которым монстр накрыл его.

Все силы противника теперь были сконцентрированы на нем. Сержант видел, как капитан застонал, заворочался, получив слабину. Наверное, монстру не хватало сил контролировать всех сразу.

- Встать, встать, встать! – билась мысль о стенки черепа, постепенно теряя силу.

Сознание сворачивалось, ныряло во тьму, как тогда, в школе. Было страшно. Страшно от того, что он больше никогда не откроет глаза, не скажет важных слов, не доделает дел. Страшно от того, что его больше не будет, что его место займет другое существо. Похожее на него, имеющее его тело, но совсем другое. Монстр внутри заворочался, чувствуя приближающуюся свободу. Ему тоже было больно. Ему не нравилось то, что человек слишком слаб и не может, не хочет противостоять монстру, который словно ледокол наступает на них.

- Дай! – заурчал монстр в голове генетически измененного великана. – Дай! Мне! Жить! Да-а-а-ай!

Николай сжал зубы, потратив на это последние силы. Нельзя! Нельзя! Если монстр вырвется на свободу… Нет! Терпеть! Решетов только этого и добивается. Его холодные пальцы проникли в мозг и

выловили оттуда все самые сокровенные страхи. А больше всего на свете Николай боялся именно этого – снова стать кровожадной тварью, питающейся человеческой плотью. Забыть друзей, забыть Алису.

- Дай! Дай мне жи-и-ить! – бился запертый в клетке разума зверь. – Да-а-а-а-ай! Ты слаб! Ты ничтожен! Дай! Дай мне! Дай нам!

Голос шуршал, заслоняя собой все звуки извне.

- Дай! Дай! Дай!

Ужас не отпускал. Еще немного и он порвет его изнутри. Сердце не выдержит, или мозг взорвется от неимоверного давления.

- Да-а-а-а-а-а-ай!

Ужас, страх - самое сильное чувство. Страх нельзя победить. Его можно лишь отодвинуть. Он всегда возвращается. Страх заставляет делать то, на что ты не способен. Лишь страх может заставить оцепенеть перед ликом смерти, не дав сбежать или рационально мыслить. Лишь он способен убить. И нет силы, способной победить его… Кроме одной. Злоба. Злость всегда была сильнее. Она важнее! Она может помочь отогнать страх! Злость! Ярость! Огонь!

- Страха нет! – едва слышно прошептал монстр, таившийся глубоко в душе, выудив из памяти своего человека странные воспоминания, запрятанные так далеко, что Решетов до них еще не добрался. – Страха нет! Страха нет! – шевельнулись губы, когда профессор навис сконцентрировав все свои силы на одной точке в мозге гиганта. - Нет страха! – рыкнул монстр вместе с человеческой оболочкой, заставляя противника отшатнуться.

- Есть злоба, что сжигает душу в прах! – уже тверже, ощущая слабину давления, продолжил Николай, вспомнив старые слова верного друга. - Нет правды - есть истинна, что на сердцах кровью написана! – он смог приподняться, встав на колени, а затем и медленно выгнуться, понимая, что над ним больше нет власти.

Существо, сидящее внутри него, набирало силу. Оно рычало, требовало крови, требовало сопротивляться.

- Нет страха! – уже в полный голос прорычал Кнехт, сжимая кулаки.

Решетов покачнулся, навалился ментальной волной в полную силу, пытаясь сломить волю, вогнать противника в ужас, но уже было поздно. Накачивая себя злобой, Кнехт поднял топор.

- Я не боюсь быть мёртвым! Нет страха! Воин жив, пока из памяти не стёрт он! – давно забытые слова сами собой всплывали в памяти, придавая сил. - С распростертыми руками на кресте – Спаситель наш. Мы проливаем вновь, кровь его спасительную! Люди кричат, в объятом пламенем городе – «спасите нас, мы сгорим на холоде»! Но нет страха! В душе их нет страха! Палач стучит в набат, готовя плаху! Но и перед ним у меня нет страха! Я посмотрел на небо, небо затянулось мраком. «Отец, не оставляй меня, мы все ждём знака»… Нет страха! Не-е-е-ет! – кричал он уже в полную мощь своих легких, сплевывая кровь и слюни. - Он умер вместе с болью! – топор зазвенел в руках, словно живой. - Я вытер кровь с клинка, я снова брошусь в бой! Я снова с головою брошусь, во тьму кромешную, ибо нет страха! Пусть нас вешают! Мятежный дух страха не ведает! Пусть мы поляжем все, но мы отметим смерть победою! Я слышу ветер! Он пророчит смерть, но смерть трусливо прячется в руинах краха! Она боится тех, в ком нету страха! А если страх вселился в душу твою - ты проиграл! Ты пал! Твой дом… разрушен!

Воздух загудел. Тело великана напряглось. Ноги согнулись, сжимая внутренние пружины, и разогнулись, бросив тело вперед словно снаряд. Пусть враг сильнее и больше, пусть он быстрее и может разорвать сердце страхом, но он не может сдаться! Топор врезался в голову Решетова. Тварь дернулась, но устояла. Вторым ударом прямо в мерзкую жирную плоть вонзилось колено. Руки схватили кожу на голове в месте рассечения, дернули в разные стороны, стараясь разорвать плоть, оголить кости черепа. Решетов забулькал, махнул конечностями, схватил здоровяка, обвив рукой-щупальцем, и попытался содрать с себя, но монстр, занявший место Николая за управлением его телом, сдаваться даже не планировал. Он бил, ломая собственные кости о броню адского создания, вырывал куски мышц из оплавленного адским пламенем и химией тела Решетова словно зверь, абсолютно не обращая внимания на собственные раны. Хрустнула кость левой руки. Плевать! Есть правая! Вот что-то стегануло по ноге. В двух местах кости не выдержали. Плевать! Хрустят ребра, словно пленка-пупырка в упаковке - «щелк, щелк, щелк»! Пле-ва-ть! Душить! Ломать! Рвать! Нельзя отпускать. Второго шанса не будет. И пусть он сам погибнет, но и эту тварь заберет с собой!

Адский вой, рык и мощнейшие удары содрогают научную базу, заставляя стены рушиться. Сыплется бетон. Вокруг кровь. Они утопают в ней, скользят, падают и оступаются, но бой продолжается.

- Нет страха! Нет страха! – рычит великан, не умолкая, до предела накачивая себя ненавистью, придавая сил, разжигая в душе гнев. – Страха нет! Я не боюсь быть мёртвым!..

Николай открыл глаза. Морок отступил. Решетов стоял перед ними изумленный. Глаз его выпучился.

- Хана тебе, - утер кровь, текущую из носа Кнехт. – Текай…

Руки подняли пулемет. В одно мгновение пропали реки крови, разрушенные стены, поломанные кости… Видение, наведенное существом, схлынуло, как волна, оставив в голове лишь неприятный туман.

Палец нащупал выведенную кнопку управления. Завыли, загудели сервоприводы, разгоняя стволы охлаждения. Тварь, забравшаяся ему в голову, дернулась. Она не понимала, как такое может быть. Еще никто не выходил из-под его контроля! Еще никто не имел сил противостоять ему!

Пулемет взорвался грохотом и огнем и в несуразное тело бывшего ученого полетели пули. Решетов завыл, бросился назад. Николай не отпускал спуска, ведя росчерки трассеров, стараясь не упасть. Голова гудела, словно мозг из нее вынули и, запихнув в стиральную машину, простирав, затрамбовали обратно, как попало. Но он стоял, вжимая спуск, а тварь все не умирала. Пули вырывали из его тела шматы жира, чешуи и кожи, но Решетов все еще был жив.

Свет в коридоре моргнул и все снова вернулось на исходную. Тварь уползала. Николай стоял на четвереньках, упершись ладонями в пол. Кровавая лужа, натекшая из носа отразила его перекошенную морду. Собрав силы, он поднялся. Решетов позорным червем уползал в свою конуру. За ним тянулся противный склизский след, по которому, оскальзываясь, Николай и пополз, не в силах подняться. Профессор был напуган. Он источал страх, но тот страх уже был его.

- Ну, теперь точно доигрался…

Разгоняя мрак в голове, сержант дернул ручку двери, отсекая коридор от просторного помещения с реактором. Дверь зашипела, покатилась обратно, встала в запоры и тут же адское давление на мозг пропало.

Пришел он в себя от шума в голове. Дернувшись всем телом, он махнул лапой в надежде схватить Решетова за горло. Опять морок! Опять эта тварь играется с ним!

- Тихо! Тихо! – отскочил от друга Петров в самый последний момент. – Зашибешь!

Николай сконцентрировал взгляд. Так. Капитан. Ученый… И все. Больше никого.

- Где… - он едва смог это прошептать.

Горло, набитое миллионом осколков, саднило и першило. Данил убрал опустевший шприц в подсумок.

- Там, она, тварь эта, - кивнул он на дверь за спиной друга. – Я не знаю как, но ты его там запер. Что произошло? У меня голова раскалывается… Это был какой-то кошмар! Бесконечный сон!

- Проект «Немезида», - устало прошептал Шпиль, привалившись к стене, не открывая глаз. – Мы уже третий год работаем над этим проектом. Волновые импульсы мозга…

- Прошу вас избавить от подробностей! – прервал Данил. – И так голова квадратная! Он что, телепат?! Как эти ваши, Тревожники?!

- Ментальные способности... Не совсем телепатия. Скорее эмпатия. Зеркальные нейроны… Чувства. Ощущения. Профессор Решетов был одержим этой идеей, и, судя по всему, у него вышло воплотить это в жизнь!

- Хрень это, а не жизнь, - начал подниматься Николай, чувствуя, как после укола становится легче.

- Вы тут точно долбанулись! – Петров напротив, сел. Стоять было невыносимо тяжело. - Лучше б бомбы какие новые делали, чем это!

Ученый развел руками.

- С этим что, все?

Николай покачал головой. Ядерщик так и не пришел в себя, оставшись лежать неподвижно под стеной, в углу коридора в луже крови. К сожалению, это наваждение никуда не делось.

- Жаль. Но ладно, сами разберемся…

- Отдых две минуты и вперед… Надо еще мир спасать от этой вашей нечестии. Нет! Теперь я точно взорву этот долбанный реактор!

- Поддерживаю, - дурашливо поднял великан руку вверх. – Не дай боги такому вот Решетову в мир выползти…

Он не договорил. Двери лифта за их спиной зашуршали открываясь. Великан и капитан среагировали на опасность молниеносно. Луч фонаря автомата Петрова уперся в темную фигуру, что пошатываясь вышла из лифта.

- Куль! Твою мать! – рыкнул Петров, опуская автомат. – Ты какого хрена…

Старик сделал два шага и, упав на колени, выронил автомат. Николай в один скачок подбежал к нему. Тело старика было сплошь покрыто кровью. Старый воин поднял усталый взгляд.

- Прости, командир… Не уберег…

- Что? – прихромал Данил. – Где остальные?!

Лифт был пуст. Кроме старика в нем больше никого не было.

- А нету больше никого… - Куль вздохнул, дрожащими руками вынул сигаретную пачку из подсумка и похлопал себя в поисках зажигалки. - …погибли все…

***

Глава 4. "Операция " Сев"

База "Улей". За час до гибели объекта.

- Как?! Что случилось?! Докладывай! – ошалел от вестей старика капитан, нависнув над ним.

Куль поморщился, покосился на ученого, перевел взгляд на здоровяка.

- На выходе нарвались... Твари толпой хлынули, всех порвали. С двух сторон коридор обложили.

- Подробнее! – потребовал Байкал, ощущая нарастающую злобу внутри себя.

- Да нет подробностей! За секунды все произошло! Крысы эти ихние, - старик зло посмотрел на ученого, - в коридоре как появились, так и все… руки ходуном, в голове каша… Ученые сразу наутек, к лифту, но не успели. Чук с Геком попытались их вернуть, да куда там!.. Мертвяки накинулись, порвались всех в клочья. Хан с Рыжим пока тылы держали, Хакаса достали. Мы его с Бабаем оттащили в подсобку, там и заперлись. Потом гранатами откидались, но Бабая зацепило, он мне сказал за вами идти, предупредить… Сам там остался…

- Твою мать! - выругался Петров, ударив кулаком о стену.

- Вы тут как? Нашли реактор? А где этот… как его...

- Нашли, - зло проговорил Петров. – И Решетова этого тоже… Он там как раз ползает. Тварь нас чуть не прихлопнула. Страх наводит, осторожнее с ней. Если б не Колян… Ладно! Давай сейчас в комнату управления, там обсудим. Ты сам-то как? Ранен?

Куль отмахнулся.

- Так. Осколком посекло ляжку… Жить буду, хотя не знаю, стоит ли теперь…

Кнехт помог старику подняться, дохромать до пункта управления.

Комната контроля реактора выглядела совсем не так, как его представляли себе солдаты. Николай видел много хроник по аварии на печально известной Чернобыльской АЭС, а Петров, по долгу службы, охранял подобное сооружение в одной маленькой, но гордой африканской стране. Так вот там, как помнили оба, была куча всяких

лампочек и кнопочек. Целая стена состояла из разных датчиков и экранчиков, а здесь…

- Это точно оно? – нахмурился Байкал, оглядев два стола, лишь на одном из которых стоял компьютер сразу с тремя мониторами.

Шпиль развел руками.

- А что вы хотели увидеть? Сейчас всем компьютер управляет. Сам сервер там, за стеной, - ученый указал пальцем на металлический шкаф в дальней части комнаты. – Тут только дублирующий процессор.

- И как нам этот ваш реактор взорвать? Ты что-нибудь в этом понимаешь?

- Вообще ни бум-бум, - ответил здоровяк, Куль развел руками, мол, и я такой же дремучий в этом.

- Ну, тут есть система экстренного сброса напряжения… - подумав, нерешительно начал Шпиль.

- Доктор, нам не сбросить нужно, а наоборот, накопить, что ли…

- Вы не дослушали! Нас обучали на случай всяких непредвиденных ситуаций. Простой персонал, конечно, до такого не допускался, но не забывайте, я начальник… биоинженерной лаборатории… Так вот… При экстренном сбросе выделяется большое количество лишнего тепла. При этой процедуре, логично, необходимо сперва открыть заслонки охлаждения. Если этого не сделать, есть риск получить перегрузку реактора… Но только компьютер не даст этого сделать! Нужно заслонки закрыть вручную и как-то обойти электронную защиту…

- Эх... Пацана бы сюда… - Петров вздохнул, посмотрел на старика, тот сокрушенно покачал головой.

- А как эти створки закрыть? – вмешался в разговор Николай. – Что вы там про ручное управление говорили?

- Заслонки там, - указал пальцем профессор за толстенное стекло, ведущее в помещении с реактором, и подошел ближе. – Во-о-о-он тот вентиль видите? – здоровяк кивнул. – Его нужно повернуть, чтобы перекрыть люки с поступающей в бассейны водой. Тогда реактор вскипятит имеющуюся, а что с паром становится, когда он быстро нагревается? Именно! Взрыв! Вот, чтобы этого не произошло, внутри установлены термостаты. Они передают данные о температуре в компьютер, и уже он принимает все решения. Так что, как только

датчики передадут информацию о перегреве, электроника сама начнет открывать заслонки…

- А если не дать им открыться? Ну, там, заварить эти вентили? Реально?

Шпиль подумал, кивнул.

- Наверное, да… Там шнеки внутри, и, по идее, если преодолеть силу электромоторов их вращающих, то, вполне, думаю, реально, но у нас нет сварочного аппарата, да и спецкостюмов тоже… Там же радиация! Плюс температура… Нет, нереально в нашем случае. Нужно как-то через компьютер отключать, наверняка там есть на такой случай программа, функция, или что там в них?..

- Времени нету, да и может не найдем… - задумчиво проговорил великан и Петров насторожился.

- Придумал что-то?

- Ага, - наклонив бычью шею хрустнув позвонками, оскалился Кнехт. – Я сам попробую…

- Нет, слишком высокий уровень радиации! – тут же возразил ученый.

- Даже не думай! - Вскинулся Данил.

- А это может сработать! - Потер подбородок пальцами Куль.

- Ну, вот, - улыбнулся здоровяк. – Два на два! Выбора все равно нет. Это место надо ко всем хренам уничтожить… Сам же говорил!

- Не, не гони, Колян! Давай компьютер ломать!

- Давай! – улыбнулся Николай и размахнулся кулаком.

Петров дернулся, но друг улыбнулся еще шире.

- Шучу, шучу…

- Шутник херов, - успокаиваясь, буркнул Байкал. – А если не сможешь?

- Ну, тогда будете взламывать систему или искать другой путь…

- А может взорвать?

Николай покосился на гранатомет в кобуре. Скорокамиллиметровых гранат у него много… Есть и разрывные, и зажигательные и осколочные, и, даже, кумулятивные… Может и сработает, но ведь для этого все равно туда идти нужно - у «Бульдога» точность и дальность не самые высокие. Он предназначен для поражения целей в прямой видимости до ста метров. По сути это больше автоматический ручной подствольный гранатомет, чем

настоящий гранатомет, и мощности гранат может не хватить, чтобы повредить в таком серьезном агрегате что-то важное, но, с другой стороны, как там говорил их физик-ядерщик? Вполне возможно, что электроника чересчур хрупка и предельно чувствительна к поломкам…

- Ну, давай, и так попробуем… Двери откроем. Я улитку раскидаю, авось получится…

- Молоде-е-е-ежь! – проскрипел Куль. – Вам бы лишь взрывать! Сказали же! Там шнеки! – старик постучал себя по лбу. – Думать надо! К тому же закрыть надо, а не сломать! Тут по любому вручную только!

Николай почесал затылок. А старик ведь прав… Что-то он в последнее время тормозить начал. Все бы, действительно, как сказал Петров, грубой силой решать, да под пули первым кидаться. Что это? Последствия мутации, внутренний зверь тянет во мрак первобытности? Или еще что-то? Нужно будет по возвращению обязательно поработать с мозгами. Мысли все чаще стали какими-то тягучими и медлительными и лишь после укола они начинают разгоняться, и чувство это, словно наркотик, хотелось обретать все чаще и чаще, буквально купаться в нем…

- Колян! – легонько стукнул его Петров, вытаскивая из водоворота мыслей. – Ты тут? – здоровяк кивнул.

- Задумался.

- Шпиль говорит, что да, только вручную можно… Но я тебе приказ отдать такой, сам понимаешь, не могу…

- Нормально все. Вдруг мне радиация только на благо? Не проверяли же!

- Ага! А если кони там двинешь? Мне за тебя головой отвечать…

- На меня не смотри, - открестился Куль. – Мне мои бубенчики важнее…

Петров вздохнул. Что-ж... придется, наверное, самому тогда. Кнехт слишком важен для науки, старик может не вывезти, ученый нужен на базе… Остается только он – тупой солдафон, которыми во все времена правители и командиры раскидывались как семечками.

Пока Данил раздумывал, Николай поднялся, скинул рюкзак и принялся разминать руки. Если с этим вентилем обычный человек справлялся, то ему, с его силой это раз плюнуть. А радиация… Может не все так и плохо?! Вон, Чернобыль люди руками голыми разгребали

и многие ведь выжили! Тут главное время! Скорость! А скорости у него хоть отбавляй.

Перед самым носом Петрова сжался огромный кулак, заставив солдата моргнуть.

- Коля… - попросил друг и его решительный взгляд говорил о многом. Спорить с ним Данил счел бесполезным.

- Три осталось… - достав спец аптечку, нахмурился капитан. – Уверен?

- Ага! Я быстренько! Туда, да обратно… Вы тут пока включайте, что нужно, а я пойду, руками поработаю.

- Осторожнее там, а то мне Чернова за тебя яйца оторвет…

Друг подмигнул, явно пытаясь опошлить шутку, но Байкалу сейчас было не до смеха. Его что-то тревожило. Он даже обернулся, не сидит ли где в углу очередной проект безумных ученых, вызывающий у него смешанные, запутанные чувства.

Получив дозу стимулятора, Николай дождался, пока вещество начнет действовать. Использовать его так часто было не желательно, но выбора особого-то не было. Или они сейчас все сделают правильно и быстро, или останутся здесь навсегда, или выпустят бродить по планете чудовищ, порожденных в этой чертовой лаборатории.

Натянув тактические наушники, здоровяк включил в записях плеера первую попавшуюся запись и блажено выдохнул, когда тяжелые басовитые удары барабанов, переплетаясь с ярким, насыщенным визгом электрогитары, ударили по мозгам, напитывая тело силой, и шагнул к двери.

Реакторная встретила жаром. Помещение действительно напоминало сауну, причем не финскую, сухую, а нашу, русскую. С паром и сырым, обжигающим легкие, паром. Помещение было огромным. В центре находился наполненный до краев исходящей паром водой здоровенный бассейн, из которого от непонятной, похожей на очищенный гранат, конструкции, исходил ярко-оранжевый свет. Лучи преломлялись в подвижной воде, слегка играя неясными, почти прозрачными тенями на стенах, затянутых странной субстанцией. Она походила на пепел, но при этом была насыщенно-черного, до маслянистого состояния цвета. Грибница, а это была именно она, Николай не сомневался, слегка пульсировала. Мельчайшие жгутики, протянутые от узловатых соединений,

опутывали стены, потолок и пол помещения, словно венозная система. Были видно, как она вздрагивала при любом резком звуке. В голове тот час же, как только здоровяк вошел в помещение, что-то зашуршало. Мысли стали еще более медлительными, какими-то медовыми и с каждым шагом, с каждым ударом сердца, с каждым мгновением, лишь замедлялись. Где-то в углу, под армированным пандусом, куда вела какая-то лестница, зашуршал профессор Решетов. Существо больше не обладало над ним своей силой и, ощутив это, само постаралось убраться с пути накаченного странной энергией чужеродного монстра.

Сержант тяжело пошагал вперед, огибая гудящий реактор, стараясь дышать через смоченный в воде халат Шпиля, который тот с неохотой, но все же предоставил ему в качестве хоть какой-то защиты дыхательных путей от радиационной пыли, которой, буквально было напитано все пространство вокруг.

- Мы запускаем протокол, - раздался усиленный динамиком голос ученого и грибница пошла волнами.

Николай тут же ощутил агрессию и страх, испускаемую этой исполинской медузой, как на тревожный сигнал откликаются сотни, нет, тысячи организмов, связанной с ней.

Огромный сине-зеленый с красными прожилками «гранат» загудел, понижая вибрацию до зубодробительной. В груди откликнулось вибрацией, которая неприятно прошлась по костям, засверлила мозг.

Сержант ускорил шаг. Если он задержится, то хрен знает, что его добьет первым: невидимое излучение, жара, апатия густых, черных мыслей, или этот звук.

Подойдя к огромному вентилю, преодолевая муть в голове, которая уже казалась реально опасной, чем просто тревожной, он крутанул его сперва вправо, затем влево, наблюдая за тем, как огромные бетонные створки, никак не меньше метра толщиной, сначала пошли вверх, открывая русло подземной реки, наполняющей бассейн охладителя водой, затем пошли вниз, перекрывая поток. Поднимать заслонку оказалось проще. Как только Николай начал крутить металлический обруч в другую сторону, он сразу ощутил сопротивление. Наверное, это те самые моторы немного сопротивляются, но, сделав пару оборотов, давление на системе пропало. Однако, стоило массивным бетонным плитам закрыться

полностью, как моторы тут же загудели сильнее. Вертлюк попытался пойти в обратном направлении. Видимо, сработала та самая система защиты, о которой говорил Шпиль. Пара в помещении стало значительно больше. Реактор загудел тяжелее, протяжнее, даже по полу пошла вибрация, а интенсивность свечения явно усилилась. Бассейн начал бурлить.

В голове по-прежнему что-то шуршало. Это было похоже на то, как огромная толпа народа пытается шептать тебе в ухо, как ветер гонит сразу тысячу листьев, как где-то пересыпается из одной емкости в другую песок в гигантских песочных часах.

Николай навалился на колесо, сжал его и с усилием повел обратно, закрывая образовавшиеся щели, снова перекрывая воде путь.

Свет усиливался. Через минуту он уже слепил глаза, а бассейн трясся от бурлящей в нем массы воды. Дышать стало тяжело даже через тряпку. Температура резко прыгнула вверх. Где-то вверху крякнула и что-то проскрипела сигнализация. Слов Николай не разобрал. Голова его к тому времени уже перестала что-либо соображать. Шопоты-шорохи все пытались что-то сказать, но и их бывший охранник разобрать сколько ни силился, не мог. Он продолжал держать дергающийся в руках запор. Моторы в стене не сдавались, усиленно пытаясь поднять заглушки, но гигант не отпускал. Руки, как и все тело - взмокли, пот щипал глаза, заставлял одежду прилипать и по чуть-чуть, по миллиметру он начинал проигрывать напору механики. Внезапно в стене что-то хрустнуло. По рукам ударило, чуть не вырвав запорный механизм, и тут же вверху завыла сирена. Диск провернулся в холостую, от моторов потянулся вой холостых ходов. Видать что-то сломалось. Николай ослабил хватку, вытер пот, попытался рассмотреть сквозь клубы пара заглушки, но это оказалось тщетно. Белый туман окутал все вокруг и, окажись помещение больше, в нем можно было бы легко заблудиться.

Кинув взгляд в сторону, где в стене, на высоте десятка метров должно было находиться обзорное окно, ведущее в комнату управления и, так до сих пор больше ничего не услышав от Шпиля или Капитана, великан насторожился. Что-то пошло не так? Или это то, что они хотели получить? Тогда чего молчат? Еще держать, или уже хватит? Реактор дрожит так, что с потолка бетон сыпется! Грибница не

просто волнуется, она бьется в панике, а в голове все сильнее и сильнее нарастает чувство опасности.

- Эй! Как там?! – прокричал, закрывая лицо от нестерпимого жара, идущего со стороны бассейна, спросил пустоту Николай.

Ответа не было. Ни по рации, ни по громкой связи и это уже настораживало.

- Эй! – позвал он снова, но ему опять никто не ответил.

Пора выбираться! Реактор начал как-то не хорошо себя вести. Им точно удалось вывести его из равновесия, а если нет, то хрен с ними! Погибать как-то резко расхотелось. Одно дело, в бою, как герой, а другое вот так, что никто не узнает.

Николай двинулся к дверям. Лестница и пандус были хорошими ориентирами. Решетов все так же бесформенной массой жался где-то в углу, боясь выползать. Не мудрено было оплыть от такой жарищи! Кнехт тут всего сколько? Минуту? Две? А уже вон как кожа горит! А ведь этот здесь уже столько живет! Стянув с морды высохший, уже пахнущий плавящейся синтетикой халат ученого, великан рыкнул на монстра. Тот дернулся и снова спрятался. Видать и ему тоже творящееся здесь было не по нутру.

Дверь нашлась быстро. Голова уже не просто болела, а буквально раскалывалась, и великан шел на последних морально-волевых, волоча свое тело к заветному выходу. Легкие горели, кожа, стала покрываться мелкими волдырями. Свет заливал помещение, врезаясь в глаза тысячами иголок. Шаг. Еще шаг. Вот и заветная дверь! Ноги дрожат, но упрямо несут хозяина вперед. Вот шершавый металл под ладонями, горячая, потекшая пластмассой ручка… и… Заперто! Николай дернул рукоятку еще раз. И еще. Створка не поддалась. Что за хрень?! Твою мать! Сработала система безопасности!? Точно! Они об этом не подумали! Наверняка все двери блокируются на такой случай! Что делать?

За мутным стеклом мелькнула тень. Лицо. Кнехт стер горячие капли со стекла и… Сразу все понял по ухмылке с той стороны. Здоровяк рыкнул, ударил ладонями в дверь, от чего та загудела. Средний палец, выставленный в самое стекло недвусмысленно говорил о том, что ему не выбраться из западни.

- Ах ты тварь, - прорычал гигант, вздыхая. – Я ж тебя, падла, достану…

Губы на лице с той стороны шевельнулись, но слов за толстым металлом расслышать было невозможно.

***

«Улей». Три минуты до предательства.

- Мы запускаем протокол, - проговорил Шпиль в микрофон, как только великан вошел в реакторную.

Ученый защелкал мышкой, вызывая нужные окна, запуская программу экстренного сброса напряжения реактора.

- Долго это? – поинтересовался Куль, оставленный капитаном для присмотра за ученым, пока сам Петров напутствовал товарища у входа в помещение с реактором.

- Нет, - задумчиво, сверяясь с какими-то цифрами и данными на экране левого монитора, отозвался Шпиль. – Сейчас… Сейчас... все готово…

Ученый перевел взгляд на второй экран, кивнул сам себе и обернулся. Дульный срез черного зрачка автомата уперся профессору в грудь. Старик, еще вот только что стонавший из-за ранения внезапно преобразился.

- Это. За-чем? – поинтересовался профессор, на всякий случай замерев.

Его взгляд забегал по сторонам. Куль усмехнулся.

- Не дергайтесь… профессор Решетов… Я на вашей стороне… - военный кинул взгляд на дверь, в которую вот-вот должен был войти Петров.

Ученый попытался что-то возразить, но старик скорчил гримасу, после которой профессору все стало понятно.

- Как вы догадались?

Куль хмыкнул.

– Делай все, как скажу, если хочешь жить! Документы по проекту где?

- Какие?

- Дурачка не строй! Проект «Немезида»… Мне приказано тебя и эти чертовы бумаги доставить! Но достаточно и чего-то одного… Так что если ты Ваньку валять не перестанешь, я тебе коленную чашечку сперва прострелю, потом руку… В общем, мучиться долго будешь, у нас еще часа два с тобой тут есть! А, если и не скажешь, я сам найду,

то, что меня интересует. Твои коллеги успели кое-что мне рассказать, так что обманывать не рекомендую… Понятно?

Решетов зло сжал зубы, поиграл желваками.

Дверь в помещении открылась. Петров вошел, хмуро глянул на старика, держащего на прицеле профессора, ничего не сказав, подошел к окну.

- Запустили эту свою программу? – ни о чем не подозревая, повернулся Данил спиной к боевому товарищу, чтобы рассмотреть, что там внизу делает его друг.

- Да, - как-то сдавленно, немного не так, как того следовало, ответил Решетов.

Куль сделал осторожный шаг к командиру, замахнулся прикладом. Петров почуял опасность спиной в буквальном смысле. Он успел дернутся в сторону, от чего удар вышел смазанным. Приклад угодил в ухо и скулу, чуть не выбив зуб, расцарапал шею, больно ударил по ключице. Байкал тихо рыкнул, дернувшись назад, на противника, стараясь сбить его с ног. Почему Куль его атаковал, он не знал, но с самого его появления, старик вызывал у капитана какие-то сомнения. Как он нашел их? Они шли сервисными переходами, которые вряд ли были отмечены на картах! История старика тоже насторожила Данила, особенно «откидались гранатами». Не так уж тут и далеко, они должны были слышать взрывы! Но тогда он списал все на ментальную атаку профессора Решетова. Он не знал, сколько времени прошло с момента, как монстр ударил и навел морок. Они вполне могли и не слышать разрывов из-за толстых стен пещер, но, как говорится, осадочек от всей истории остался и не давал капитану расслабиться.

- Ах ты падаль, - попытавшись ударить старика кулаком из нижнего положения, прорычал Данил.

Куль заблокировал удар локтем, приняв руку противника на болевой. Не зря говорят, бойтесь стариков в профессиях, где долго не живут. Куль жил долго. И воевал долго. Он был смелым и опытным воином, и ни раз это доказывал на деле. Вот и сейчас он чуть было не ввел капитана в заблуждение своими старческими оханьями и аханьями. Вон как шустро отбил атаку, да еще и свою провел, зарядив капитану коленом в живот. Паскудник! А ведь в пах целил!

Петров снова зарычал. Ключица, куда пришелся внезапный удар автомата, заныла. Боль пронзила руку, ударила в глаз и куда-то под

ребро. Старик воспользовался секундной слабостью и сильным ударом по ногам, сбил Капитана на пол. Упав, Данил тут же дернул из кобуры пистолет. Дистанция короткая. Не промажет. Старик было дернулся, но Байкал, словно борец, оказавшийся на спине, выставил одну ногу, подбив деду колено. Куль зашипел, качнулся в сторону.

- Не хочу тебя убивать, капитан! – прорычал он, навалившись на руку командира, прижимая ту к бронежилету так, что, чуть было не сломал Данилу застрявший в скобе палец. – Просто, полежи тут…

Удар в грудь выбил воздух. Это чертов ученый ударил сверху вниз пяткой, что было сил. Бронежилет уберег от перелома ребер, но воздух внезапно покинул тело. Тут же старик скрутил его в захват, начал душить. Шпиль пинал, стараясь угодить ногой в лицо, но капитан отмахивался свободной рукой, второй пытаясь вывернуть пистолет для выстрела.

Куль ослабил хватку и резко снова надавил. Петров сморщился от боли в горле, попытался провернуть пистолет еще хотя бы чуть-чуть, но профессор, словно взбесившаяся фурия, осыпал его ударами ноги. Данил хрипел, сопротивляясь, но с каждым мгновением в глазах его все чаще темнело. Секунды растягивались и сжимались, и он уже не знал, сколько времени сопротивляется. Раздался выстрел. Тело пронизало болью в области груди справа. Сознание капитана вспыхнуло взрывом и тут же, свернувшись, угасло. Тело обмякло.

Куль сплюнул кровь с разбитой губы, вытер слюни.

- Прости, капитан, - поднявшись, вздохнул он, глядя на рану. – Может, выкарабкаешься еще… Уходим! – подняв автомат Петрова и отстегнув от него магазин, зло проговорил Куль.

Шпиль, точнее уже Решетов не шевельнулся.

- Глухой? Пошли, говорю!

- Нет, - спокойно глядя на военного, ответил профессор.

- Не понял!?

- Я никуда не пойду, пока вы не объясните, зачем я вам нужен!

- Ты мне в хер не уперся! - Прорычал старик в самое лицо заартачившегося ученого. – Но твоя жизнь сейчас стоит жизни моей дочери! – Он демонстративно передернул затвор, мысленно морщась от звука падающего патрона, но как говорил его комбат: «Звук передергивания затвора заменяет пятнадцать минут разъяснительной беседы.

Ученый чуть вздрогнул. Куль оскалился.

- Ноги в руки! – рыкнул он, обдав Решетова запахом табака, - и вперед! Пока сам еще идти можешь … или забыл? - Ствол невзначай коснулся ноги Решетова и тот сдался. – Пошли, документы покажешь, все, какие есть! И без фокусов!

- А с этим что делать будем? – ученый покосился но огромное стекло, за которым реактор начал набирать силу.

- Запрем! Сам сдохнет…

***

«Афалина». Неделей ранее. За несколько часов до взрыва.

Стук в дверь раздался внезапно. Переживания за друга, да бессонные ночи довели ее нервную систему до предела. Алиса Евгеньевна вздрогнула. Маша, даже будучи полностью поглощенная чтением книги, заметила это отчетливо. Бывшая учительница, вытащившая ее из того страшного ада, что произошел в ночь выпускного в школе, ставшая ей второй мамой, заботилась о ней изо всех сил и Мария это ценила. В этом страшном, холодном и одиноком мире она была единственным близким Марии человеком, но сегодня она просила небеса, чтобы у женщины нашлись важные дела. С самого утра девочка не находила себе места. Записка, подброшенная другом, жгла карман. «Приходи вечером» были написаны на ней всего два слова, от которых на душе становилось трепетно, а в животе начинали парить бабочки, и, кажется, боги услышали ее!

Разговора с лаборантом Мария не слышала, но после него Алиса Евгеньевна как-то загадочно заулыбалась, засмущалась… Видимо, у нее тоже намечался томный вечер…

- Что-то вы какая-то веселая, - поддела Маша учительницу.

Алиса отвернулась, попыталась скрыть покрасневшие щеки.

- Мне надо отойти, Маш… Ненадолго… Побудешь тут? – девочка с готовностью кивнула.

Алиса Евгеньевна заметалась по комнате, собираясь явно не по рабочим вопросам. То прическу поправит, то помаду нерешительно возьмет, отложит, снова потеребит в пальцах, то шкаф откроет…

- У кого-то сегодня свидание…

- Мария! – Алиса поджала губы, но сдержать улыбку не смогла, кивнула. – Погода плохая, вылет отложили, - ничего не поясняя, добавила женщина.

- Ну, здорово! Дядь Коле привет!

- Маша! – снова хотела было возразить женщина, но, встретившись со взглядом «дочери», сдалась. – Хорошо. Передам. Не скучай, я скоро…

- Не торопитесь, - отложив книгу, ухмыльнулась девочка. – Я никуда не денусь!

- Хорошо… - Алиса оправила белый форменный халат, покрутилась перед небольшим зеркалом, оценивая фигуру, вздохнула. – Ладно, пойдет. Из комплекса не выходи, лабораторию не покидай, пока меня нет. Хорошо?

- Хорошо, - соврала Маша, даже не запнувшись ни на мгновение. – Книгу пока почитаю…

Женщина снова вздохнула. Задержала дыхание, выдохнула, успокаиваясь.

- Все, я побежала!..

- Удачи вам!

Стоило только шагам стихнуть, как Маша тут же подорвалась с кровати. Так. Помада. Духи… Жаль, что косметики нет… Эх! Ну, что поделать! Глянув в зеркало, перед которым только что вертелась «мама», Мария оценила теперь уже свою внешность на удовлетворительную четверку. Все равно ей тут конкуренцию некому составить. Или слишком взрослые все или слишком неопрятные.

Приоткрыв дверь комнаты, она вышла, заперла за собой, свернула по коридору направо. Эх, Димка! Эх, какой выдумщик! И надо же было назначить встречу в бойлерной! Жуть-то какая! – думала Маша, ступая по полутемным коридорам нижнего этажа, оглядываясь по сторонам.

- Дим! – не громко позвала девочка, услышав шорох.

- Сюда, - позвал шепот и Маша, обернувшись, никто ли их не видит, улыбнулась и сделала шаг вперед.

Все, что она успела запомнить в следующую секунду, это лицо мужчины, который недавно устроил ночной дебош. Его адская ухмылка и укус пчелы куда-то в плечо. Ее схватили, дернули в сторону, закрыли рукой рот. Маша попыталась дернуться, выпутаться из захвата, но сил у подростка не хватало. Она не ожидала такого поворота событий, не была готова. Сердце забилось сильнее. От внезапности девочка даже ничего не успела сообразить. Голова

внезапно начала наливаться тяжестью, в глазах потемнело то ли от стресса и страха, то ли от укола. Маша вяло махнула рукой и, обмякнув, начала отключаться. Сперва тело онемело, затем закружилась голова, язык распух, не в силах сглотнуть взявшуюся из ниоткуда слюну, а через какое-то время она потеряла сознание.

Валентин подержал девчонку еще немного, затем, поняв, что тело ее безвольно и похоже на желейное, аккуратно уложил на пол. Половина дела была сделана. Теперь осталось перехватить Алису Евгеньевну и можно взрывать… Время есть. Торопиться пока не стоит! Хоть он и сомневался в своем плане, в своих силах, в себе, но теперь… Теперь он уверен! Все получится!

***

База «Улей». Полчаса до гибели объекта.

Коридоры «Улья» гудели. Гул реактора, перешедшего в аварийный режим и готовый вот-вот рвануть, казалось, слышался в любом уголке подземной лаборатории. Дверь, ведущая к энергетическому сердцу комплекса, сотрясалась от гулких ударов, но причиной тому был далеко не гранатоподобный шар.

Кнехт с упорством парового молота долбил плечом створку, отходил и снова, с короткого разбега, врезался в металл. Дверь по чуть-чуть поддавалась. Сама она, конечно, сделана из толстенного металла, как и рама, а вот крепления - подкачали. Видать, недорассчитал там что-то инженер при проектировке, а может и вовсе не хотел рассчитывать, работая на полставки еще и дворником. Как бы то ни было, уже на пятом или шестом яростном ударе Николай понял, что выход из западни есть! Противная рожа Куля так и стояла перед глазами. Знаете, такая… с выпученными глазами от нехватки кислорода, с вываленным синюшным языком… и со сломанной шеей. О да! В трех местах!

В каждый удар он вкладывал всю ярость и злость, на которую только был способен. Короткий разбег, столкновение. «Донн» - гудит металл двери. Отойти, не спуская дикого взгляда с перегородки, словно перед ним не кусок брони, а самый закадычный враг и опять «дон-н-н-н-н». Снова разбег, снова столкновение. Разбег, столкновение. Разбег, столкновение.

Металл дверной рамы наконец-то со скрежетом дает слабину, черный камень сыпется мелкой стекольной крошкой на пол. Отойти.

Разогнаться. Очередной удар, и рама с диким грохотом падает на бетонный пол. Клубы пара врываются в коридор вместе с диким гулом и треском реактора, работающего на пределе мощностей. Туман дрогнул, разгоняемый поднимающимся могучим телом.

- Тук-тук, мать вашу, - прохрипел Николай, поднимаясь.

Одежда на нем дымилась, местами подплавившись. Да, старик-инженер со своим подмастерьем, разработавший и собравший ее, явно не рассчитывал, что детище его ума и рук будут подвергать высокотемпературным пыткам, но прорезиненные ремни, окутывавшие тело великана все же выдержали.

Отжавшись, сперва встав на колени, а, затем и в полный рост, утерев выступивший пот со лба, сержант тяжелым шагом направился в комнату управления. Попадись ему сейчас Куль, он порвет его на куски!

Входил в помещение здоровяк аккуратно. Все оружие он заранее оставил Петрову, мало ли, как дела пойдут, оставив при себе лишь гранаты, да «Бульдога», но ни первым, ни вторым пользоваться сейчас было нельзя, можно было зацепить Данила. Ворвавшись, прислушиваясь к инстинктам, дабы не словить в рожу весь магазин, Николай сразу же отпрыгнул в сторону. Хрустнул, лопнув, ремешок на груди и левая бронепластина, повисла, звонко брякнула об пол. На грохот и движение никто не среагировал. Таиться в комнате было негде, это Николай понял еще в прыжке. Байкал нашелся у стены.

- Эй, эй, - ощупал шею товарища великан первым же делом и встряхнул капитана.

Тот застонал, вяло попытался отмахнуться от видения.

- Тихо, тихо! Это я! Что тут случилось?

Данил открыл глаза и его тут же вырвало. Откашлявшись, он вернулся в прежнее положение. Выглядел капитан плохо. Весь белый, губы синие, в крови. Под глазом, кажется, фингал набухал.

- Где Куль, где ученый?

- Сбежали, - с трудом, ответил друг и, ощупав горло, несколько раз кашлянул.

- Ладно, понял, молчи. Давай сматываться…

Оглядевшись по сторонам, обыскав свой рюкзак, но не найдя там оружия, - видимо старый мудень прихватил весь боезапас - Николай накинул лямки на плечи, подтащил поближе также оставленный Кулем

«Вулкан». Из-под бронежилета друга сочилась кровь. Осмотрев наспех рану, здоровяк грустно вздохнул. Серьезная. Тут шить нужно, но времени нет. Пришлось воспользоваться всем, что было под рукой в аптечке: гемостатическим шприцом с мелким порошком, и кровоостанавливающей подушкой, залепив это все пластырем.

- Идти можешь?

Петров едва кивнул, вынул дрожащей рукой из кобуры пистолет. Видимо или обыскивали второпях, или еще что, но табельное почему-то Куль ему все же оставил.

- Это Куль тебя так? Я думал, вы друзья…

- Оба, - голос Петрова хрипел.

Было видно, что капитану трудно говорить, потому он старался изъясняться короткими фразами.

- Накинулись, придушили.

- А че так? - Они неспешно вышли в коридор, где Данила снова вырвало. – Дай минуту отдышаться… Шпиль, падла, по голове еще напинал…

- От суки, - рыкнул гигант, помогая другу пристроиться на полу возле стены.

Времени на отдых не было, но капитану он нужен был обязательно. В конце концов, минутой больше, минутой меньше, какая разница… Когда именно рванет реактор и рванет ли он вообще – не известно. Успеют они или нет? Если нет, то и спешить некуда, а если успеют, то вряд ли вот прям минута даст какую-то фору…

Скинув рюкзак, Николай отыскал в нем бутылку с водой, скрутил крышку, подал другу. Данил принял баклажку с благодарностью.

- Я ему ноги повырываю, - глядя на ослабевшего друга, пообещал Николай. – Я ему жопу до самого затылка раздеру!

- Как-то двусмысленно, - хихикнул Данил. – Ты ж вроде не из этих…

Николай улыбнулся. Шутит? Значит хорошо. Значит, жить будет…

- Я ему нос в щеки вобью, а потом голову в плечи… Он у меня срать зубами собственными до конца жизни будет… Короткой и…

Подобрать слов, чтобы описать, что он именно сделает с уродом, напавшим на капитана Николай не мог. Картинки кровавой расправы мелькали перед глазами одна за одной, но слов для их описания не было. Накачавшись злобой до макушки, сержант в сердцах ударил по

стене с такой силой, что грибница снова вздрогнула и тут… Он ощутил ее. Словно ветерок дунул, прошелся сквозь него. «Страх, боль и растерянность» пронеслось через него. Эти чувства были не его. Сейчас он был зол как никогда. Он готов был голыми руками эту чертову базу разнести и ни о каком страхе речи не шло. Попытавшись снова уловить «дуновение», Николай насторожился.

Что там Шпиль говорил? Существа общаются между собой. Они обмениваются ощущениями и, если он уловил сейчас что-то, то, наверное, может и отправить? Связь же двусторонняя! Он все-таки, как ни как, бывший зараженный, носитель этой инфекции… Этого вируса. Но как это сделать? Вряд ли нужно что-то очень сложное для этого, ведь зараженные, откровенно говоря, туповаты. Ни о каком выходе в астрал, познания дзена или иных сложных манипуляций тут быть не должно! Чистые эмоции! Что-то поверхностное…

- Пошли, - простонал Петров, но Николай шикнул на друга, призывая к тишине.

И так. Что-то простое. Нужно не просто представить, а ощутить чувство, послав его из себя. И так, что это может быть? Страх? Нет, не то! Грибница и без него напугана. Тогда может злоба? Злость как-то может помочь? Твари по всей базе от нее резко активизировались, но это тоже не то… Что он вообще сам-то хочет? Пока не понятно. Им нужно выбраться из «Улья». Это самое главное! Жажда жить! Вот оно общее желание! Догнать и поквитаться с Кулем и Шпилем – вторично. Главное выжить! А для этого… Для этого нужно что? Целенаправленность! Упорство! Стойкость! Нужно твердо верить, что ты дойдешь до конца, чего бы то не стоило, что уничтожишь всех на своем пути… Словно пьяный возбужденный мужик, который идет, глядя вперед диким взглядом, истинно верующий в то, что он непобедим, что он точно дойдет до дома!

Николай сжал зубы, сомкнул веки. «Я дойду… дойду, дойду» - начал твердить он себе, накачивая организм. «Ничто нас не остановит! Ни что! Все, кто встанут на моем пути – будут уничтожены!» «Уйди! Спрячься! Иди следом! Но не вставай на пути!» Он настолько все это четко представил себе, как идет вперед, словно танк, ступая огромными ножищами, как утопает в крови и кишках зараженных, что сам себя чуть не испугался. Волосы на теле вздыбились, в затылке стало щекотно, глаза начало резать от подступивших слез ярости,

горло стянуло жгутом. Он резко открыл глаза и рыкнул, от чего и у самого капитана побежали мурашки по всему телу.

Грибница задрожала, получив сигнал, передала их дальше, словно по паутинке. Ощущения лютой уверенности в себе идущего вперед монстра передалось по всем монстрам и они трусливо спрятались в темноте своих нор.

Долго находиться в таком состоянии Николай, наверное бы, не смог. Он понимал, что с первого раза у него не выйдет держать контроль больше десятка минут, к тому же, его отвлекали сторонние мысли, но он чувствовал отклик монстров, знал, что они его боятся и не посмеют встать у него на пути, потому шел вперед уверенно, не теряя сил. Он знал, что за дверью справа, попискивая, притаилась стайка тревожников, что на выходе из лифта их ждала химера, что пол сотни зараженных топтались на главной развилке коридоров верхнего этажа, что Куль с профессором пробираются тайными путями в обход лифта прямиком к грузовой платформе. Он знал все, что знала грибница, и знания эти кружили голову. Он словно смотрел в сотни телеэкранов, видя мир под разными углами. Нет, не то сравнение. Телевизор передает только картинку, а он принимал и звуки, и запахи и, даже, ощущения от всех существ, таившихся в «Улье». Их было много. Далеко не пять сотен и не тысяча и, даже не десять тысяч. Их был уже целый легион. Нельзя!.. нельзя допустить, чтобы они… он старался не думать, но не мог. Нельзя допустить, что бы монстры вырвались наружу! Черт! Грибница вздрогнула. Она уловила его мысли, его образы и ощущения. Черт, черт, черт! Она злится. Она злится на него! Она знает, где он… Надо спешить! Монстры хотят жить. Они не хотят погибать! Они… Они начали действовать.

Ответный удар грибницы не заставил себя ждать. Голову опалило вспышкой, но на этот раз чувства не исходили от него, а напротив, были на него направлены. Обида, злость и желание уничтожить – вот как можно было охарактеризовать оттенки пришедшего сигнала. Удар был настолько сильным и неожиданным, что гигант споткнулся, упав на колени. Голову сдавило. Николай завыл от разрывавшей его изнутри боли.

- Эй, ты чего? – толкнул в плечо друга Петров. – Колян? Ты чего?!

Ощущение безволия, не способности что-то сделать захлестнуло разум человека, и монстр в темноте оскалился. Он только и ждал, когда

человеческое сознание вновь померкнет, чтобы занять рычаги управления его телом, чтобы снова начать жить, начать убивать. Он уже видел, точнее, ощущал, как возбужденная грибница выпускает в воздух триллион спор и бактерий вируса, усердно накапливаемых ей последнее время. Черно-зеленый туман потек по коридорам, словно океанские волны, накатывая и переваливаясь, стремительно распространяясь по базе

Петров пытался растолкать дуга, но тот словно находился в трансе.

Навалившиеся чувства порабощали сознание. Даже то, что делал Решетов с ним, было несравнимо с тем, что делала сейчас огромная грибница. Теперь Кнехт понимал, кто тут на самом деле кто. Кто отдает приказы, и кто их выполняет. Он пытался сопротивляться, но огромная медуза была сильнее. Тысячи сознаний, объединенные в одно навалились на него, прижимая, вдавливая в пол, ломая кости, плюща органы. Он хрипел, пытаясь преодолеть сопротивление, пытаясь что-то сказать.

Данил все понял без слов. Друга плющило не по-детски.

- Нахватался все же, - вытаскивая предпоследний шприц со стимулятором, сдернув колпачок зубами, прошамкал капитан. – А я тебе говорил!

Укол. Поршень шипит, вгоняя зеленоватую жижу в руку. Сам Петров, потратив на это все свои силы устало опускается рядом. В голове стук как от железнодорожного состава. Рана отвечает на удары сердца ноющей, сковывающей болью.

Укол помог. Он ненадолго помог прийти Николаю в сознание. Ровно на столько, чтобы суметь дотянуться до помятой бронепластины, сунуть под нее руку, выудить непослушными пальцами небольшую коробочку с двумя проводками. «Ну, держись, падла!» - рычал человек внутри собственного запертого сознания, борясь с накатывающей слабостью. «Сейчас я тебе такой Армагеддон устрою»…

Левый наушник в правое ухо, правый в левое. Плевать, что перепутал местами, на качество звука это особо не повлияет. Пальцем нащупать большую треугольную кнопку и вжать ее. В ушах тихо щелкает и следом, по нарастающей, начинает появляться мелодия. Простые странные переливы, переплетающиеся с красивым женским

голосом, что-то явно с восточными мотивами. Перед внутренним взором встали сирийские барханы, гонимые ветром, яркое, ослепляющее солнце, чистое голубое небо и парящий в них орел, взирающий на бесполезное человеческое кипишение внизу.

- Занеси меня в «Красную книгу», - немного хрипловатым, каким-то тихим и печальным голосом запела девушка первый куплет. - Если кажется странным мой прикус. Но мы дети не неба Индиго, не снаружи. Нет, а внутри. Да! Я не видела дня и ночи без сна. В этом море миров — я волна. Я не видела страх так давно. На устах моих скоплен слов ряд. Загляни в глаза! Загляни в глаза мне! Загляни в глаза, но не замерзай в них! – Музыка постепенно нарастала, голос солистки становился более хриплым, переходя на более низкие частоты и к припеву, когда грянули ударники, и завыла электрогитара, Николай резко открыл глаза.

Из носа потекла кровь, но он не обращал внимания на эту мелочь. Он сумел отрезать связь с гигантским черным пятном, и теперь снова был самим собой. Загривок вновь вздыбился от льющейся в самые уши музыки, вызывая неконтролируемое желание рвать и метать всех, кто встанет на его пути.

- О том, что в мире, где нас растили так много гнили! Так мало мира, но я буду сильна! О том, что в мире, где нас растили так много гнили! Так мало мира, но я буду сильна!

Он встал, утер кровь, сжал кулаки.

- Надень-ка противогаз, - пробасил здоровяк, мельком глянув в конец длинного коридора. – Не нравится мне это.

Он помог другу натянуть маску на морду и, не церемонясь, легко закинул капитана на плечо.

- Держись. Придется пробежаться…

***

«Афалина». Кабинет полковника. Минута до аварии.

Полковник был не в настроении. Хотя теперь он постоянно был таким. Чем ближе подходило время выполнения их плана, тем больше заместитель командира базы нервничал, чего Валентин за начальником никогда еще не замечал.

- Ты уверен, что все изъяли?

- Да, товарищ полковник, - сглотнул прихвостень, забегав глазами по помещению, прокручивая в голове список поручений. – Все. Все

жесткие диски - скопированы двукратно, все бумаги, касающиеся проекта «Заражение» - изъяты, необходимые специалисты… - Валентин кашлянул, подбирая слова, - …эвакуированы и находятся в специальном помещении иготовы сотрудничать.

Полковник побарабанил пальцами по столу.

- А Чернова?

- Да, мы сможем обойтись без нее, но-о-о-о... все-таки желательно ее непосредственное участие.

- Понятно, не страшно, незаменимых людей нет…

- Это-то да… но-о-о-о остается вопрос в оборудовании… - нехотя прервал провалившегося в размышления начальника бывший завуч. – Реактивы, аппараты, компьютеры, лабораторная техника… Это мы не сможем эвакуировать. «Титан» не способен подойти к берегу так близко, а на плотах все не перевести…

- На счет этого не переживай! У меня есть одна лаборатория на примете… Даже если с Профессором Решетовым не выйдет, то у нас и без него достаточно и данных, и рук. Как там наш второй образец? Все также? – Валентин кивнул. – Ничего, что-нибудь, да сделаем! Главное, есть с чем работать! В конце концов! По планете куча всяких лабораторий раскидана, а времени у нас с тобой, Валентин, впереди еще очень много! Даже если не выгорит, обойдемся без мутантов! Всегда есть запасной план! Тут как в шахматах… Ты в шахматы играешь? Нет? Жаль… Научись, полезная штука! Так вот… Тут как в шахматах, нужно думать наперед! Что ж… Если у нас все готово, то давай, приступать…

Заместитель начальника базы мгновенно покрылся потом. Сердце пропустило удар. Да, он знал, что последует за тем, как полковник достанет из стола небольшой пульт управления и нажмет на нем кнопку, но покуда это не случилось, был призрачный шанс, что все так и останется, как сейчас. После того же, все резко изменится. Пропадет размеренность и стабильность. Все опять завертится, а он только привык! Но праздность жизни рождает лень! Лишь хаос способен заставить двигаться вперед!

Полковник встал, зачем-то оправил китель. Зашуршал ящик стола, и в его руках появился тот самый пульт с одной единственной, почему-то синей, а не как думал Валентин, красной, кнопкой. Палец

уверенным движением вдавил ее и через мгновение «Афалина» содрогнулась от чудовищной силы взрыва.

***

База "Улей". Начало операции "Сев".

Темные коридоры секретного подземного научного комплекса наполнились нечеловеческими криками, стонами, всхлипами, шорохами и клекотом. Они шли откуда-то с нижних этажей и постепенно приближались. Капитан безвольной куклой болтался на плечах сержанта, ударяясь шлемом о его могучую спину. Он морщился при каждом шаге друга, который неустанно тащил его наверх, прочь из этого страшного места. Верилось в то, что они выживут как-то смутно. За какие-то сутки от элитного, вооруженного до зубов отряда осталась всего пара… кхм человек? Да! Ведь человека делает человека не набор хромосом, а человечность души. Кнехт мог бы бросить его истекать кровью там, в пункте управления и спокойно спастись в одиночку, но он этого не сделал.

Они плутали по полутемным коридорам, пытаясь добраться до точки эвакуации, целую вечность. Все вокруг уже было затянуто ядовитым для простого человека воздухом. Грибница старалась в ударном темпе. Видеть микрочастицы, конечно, никто из них не мог, но Николай ощущал их при каждом вдохе.

- Держись, капитан, - рычал он, преодолевая очередной завал из оргтехники, брошенной посреди переходного туннеля. – Еще чуть-чуть!

Удерживая одной рукой почти опустевший пулемет, он аккуратно подошел к закрытой двери, ведущей в основной коридор. По расчетам, они должны были обойти большое скопление тварей и выбраться почти к самому подъему, ведущему на главный уровень, откуда добраться до грузового лифта будет уже на много проще. Выше монстров быть не должно, они все кинулись к ним, он это помнил из ощущений грибницы, но те, что шли попятам, рано или поздно, все же, нагонят их. От вездесущих крысюков скрыться было очень сложно. Их красные глазки так и сверкали из каждой щели, сопровождая практически каждый шаг великана.

Ситуация осложнялась еще и тем, что рюкзак Николая был практически пуст. БК почти нет. Все что могли, Куль и Шпиль утащили, оставив лишь увесистую бандурину, которую простому

человеку нести равно, что получить грыжу через несколько минут, да то, что сержант оставил на себе во время входа в реакторную. В гранатомете - улитка полная, так и не расстрелянная, плюс десятка два гранат на широком ремне, перекинутом через голову, ну и, верный, пожарный топор. У Петрова - только пистолет с початым магазином… Как они будут выбираться – неизвестно. Рано или поздно снова придется столкнуться с безумными экспериментами местных ученых и тогда все может обернуться не в их сторону.

Они успели отойти от очередной двери всего на несколько шагов, когда в нее с громким стуком что-то врезалось изнутри. По коридору разнесся гул, навстречу которому пришел сперва одиночный клекот, затем почти мелодичный перелив из нескольких голосов, а дальше в боковой коридор, куда вышли друзья, заглушая все остальные звуки, ворвался целый хор из крика, воя, рыка и топота…

Сержант скрежетнул зубами. Не успели! Он до последнего надеялся тихонечко пробраться до самого лифта, но, видать, не судьба!

Странный туман накрыл их на половине пути. Он сочился из небольших, расположенных под потолком и у самого пола, решеток. Сержант замер в нерешительности.

- Газ! – громко прошептал он в микрофон.

Байкал приподнял голову, насколько это было возможно.

- Противорадиационная смесь, ядовита… - прошептал он и попросил, - брось меня! Со мной ты не пройдешь.

- Прорвемся! – прорычал Кнехт, разминая плечи. – Он вновь аккуратно погрузил друга на плечи и, отдышавшись, набрав полные легкие воздуха, упрямо пошел вперед.

Туман окутал их фигуры, скрывая под непроглядной пеленой, и тут же по всему комплексу завыли сирены.

- Внимание! Всему персоналу срочно покинуть комплекс! – закряхтели динамики. – Всему персоналу срочно покинуть комплекс! Угроза нестабильности реактора. Повторяю…

Николай вздрогнул от ударившего по ушам воя. Петров зашипел от боли.

- Точно не успеем, оставь…

Кнехт неуклюже поправил друга, поиграв плечами, призывая того заткнуться.

Идти приходилось практически на ощупь, благо, что коридор был прямым, как стрела. Рука в перчатке коснулась дверного проема. Первый, второй, третий… На десятом в голове начало шуметь. Легкие стали давать о себе знать, требуя порции нового воздуха. Газ занимал все видимое пространство, а пространства этого, к слову сказать, было не так уж и много… Буквально метр, полтора, а дальше стояла сплошная зеленая стена.

Пелена была странной, больше похожей на туман. Он липкой влагой оседал на руках, слегка холодя открытые части тела. Никаких неприятных ощущений в виде слезотечения, жжения или чесотки не ощущалось. Дойдя до второго перехода, Николай наконец-то сделал небольшой вдох. Сразу почувствовав кислотно-химический запах, ускорил шаг, вдыхая воздух маленькими порциями. Прислушавшись к организму, он счел, что ядовитость облака капитаном была завышена, или ему и это теперь не страшно? Если так, то это вообще отлично!

Туман пропал также внезапно, как и начался. Он стал редеть и истончаться в районе лестницы на следующий этаж. Выйдя из марева, Николай жадно вздохнул, набирая горящие легкие. Глотая на ходу такой приятный «чистый» воздух, осмотревшись, понял, что они почти добрались до финишной прямой.

- Оставь… меня… - усталым голосом проговорил капитан, пытаясь сосредоточить свой мутный взгляд на коридоре. – Оставь, Колян! Ну не уйдешь же!.. Не успеешь! Заряды… Вот-вот рванут! И люк… люк захлопнется!

Внезапно Кнехт остановился, и капитан смог перевести дух. Они находились на развилке коридоров. Вправо уходил туннель, опоясывающий базу по периметру, левый – к переходу на минус третий этаж. Грохот догонявшей их толпы усиливался. Боец оглянулся. Коридор за ними пока пуст.

- Бро-о-о-ось! – проорал в микрофон капитан. – Колян! Это приказ!

- Хрен тебе, - злобно отозвался Николай. – Десант своих не бросает!

- Баран упертый!..

Капитан застонал, когда здоровяк потащил его дальше, набирая ход. Бронежилет упирался в подмышку, доставляя нестерпимую боль, но Байкал терпел. Терпел, сжав зубы, стараясь не потерять сознания.

- Дай гранату… - прошептал он, когда сержант остановился в очередной раз, чтобы перевести дух.

- Хрена тебе! – выругался Ландскнехт, выпрямляясь. – Чё удумал? Все лавры посмертно себе? Последний патрон и гранату на грудь?..

- Дурак? – искренне удивился офицер. – Я ее им в жопу засуну, если сунутся… с пистолетом много не навоюю. Я ж не ты, - он закашлялся и прислушался ко все усиливающемуся гулу сотен ног-лап. – Я не ты, Кнехт, меня кажись, никто так не охраняет…

- Ты о чем? – здоровяк нахмурился. Друг, кажется, начинал бредить.

- Нет у меня никакого предназначения, я ошибался… Это у тебя целый путь еще впереди… Хах! Целая недописанная книга! И ты в ней главный герой! Так что, давай гранату. А лучше две! И вали наверх, они уже рядом…

Сержант угрюмо покачал головой.

- Кончай скулить, капитан, - он поднялся, едва дыхание успокоилось. – На побалаболить я вижу, у тебя силы еще есть! Значит, выкарабкаешься! Я обратно уже не спущусь, если выйду! Сдохну от усталости!

- А так вместе сдохнем!

- Если реактор рванет, то так и так сдохнем, так что кон-чай ску-ли-ть! - Он аккуратно погрузил тело друга себе на плечи. - Посматривай лучше назад!

Их догнали метров через… а хрен его знает, через сколько! В этом сумраке, да после бесконечного бега и усталости не то, что расстояние, время не знаешь, сколько прошло! Оттащив Петрова в какой-то закуток, Николай вытащил топор и принялся ждать. Измазанный кровью, весь в зазубринах от недавнего боя, стальной друг не раз уже спасал своему хозяину жизнь. Патроны нужно было беречь – неизвестно, сколько еще времени пройдет до того, как прибудет подмога, а, судя по шагам, никаких крокодилов, химер и прочих монстров к ним пока не приближалось. Пулемет он лучше чуть попозже использует. Хотя таскать гробину уже изрядно надоело.

Взглянув на последний шприц со светящейся зеленоватой жидкостью, взятый у капитана на всякий случай, Николай грустно вздохнул. Действие предыдущего укола уже закончилось и успокоительное в этот раз едва-едва смогло вернуть его к нормальному

состоянию. Слишком часто за последние сутки он возбуждает в себе зверя, но есть ли выбор? Вколоть сейчас и дать Петрову шанс уйти самому пока он тут бесится, или, все же отложить? Кто знает, как там, снаружи все пойдет!? Доберутся ли они до выхода? А ведь и предателя Куля со счетов списывать рановато! Он может ждать на выходе, может закрыть двери, а может и вовсе, тупо улететь, бросив их тут и что тогда? Нет! Рано! Сунув шприц обратно в подсумок, сержант спрятал его понадежнее под бронепластину. Силы еще есть, а значит, потерпит!

Твари добрались до него меньше чем через минуту. Даже отдышаться не дали, ироды бессердечные! Толпа, копошась, мешаясь друг другу, словно в каком-то кошмарном сне или фильме ужасов, спешила ему навстречу. Кнехт посильнее сжал рукоять оружия, продолжая наступать, предвкушая драку. Зараженные скулили и рычали, создавая непередаваемый гул. Сделав еще один шаг, гигант замер. Топор в руках задрожал от нетерпения и жажды новой крови.

Твари кинулись на него одним рывком. Три быстрые, размытые в измененном зрении великана, тени вырвались чуть вперед, за что и поплатились. Свистящее острие разрубило воздух, а вместе с ним и тела бывших людей пополам.

- Эх, дубинушка, - прогудел сержант, вновь размахиваясь, - ухнем!

Обратным движением оружия он впечатал в стену еще парочку, поломав тела, словно соломинки. Снова свист топора, и несколько обезглавленных тел повалились на пол. Резкий тычок от себя – и целый ряд, словно кегли, оказался на полу. Под ногами запищали, загоношились тревожники. Их юркие тела с длиннющими хвостами и острющими когтями, начали взбираться по его ногам. Ощущение было еще то. Мерзкое до тошноты. Добравшись до колена, твари попытались прокусить его толстенную кожу, но Николай, топнув, скинув крысюков. Разбираться с мелочью было некогда. Все внимание сконцентрировалось на ползущей к нему фигуре крокодилоподобного монстра. Вспомнишь солнце, вот и лучик… Приползла, гадина, когда ее не ждали!

Крутанув оружие над головой, Николай свалил второй ряд бывших людей, словно косарь пшеницу, и принялся отступать. Зараженные зашевелились, поднимаясь, но, ударом обуха топора, он сгреб их всех к стене. Под ногами плескалась черная лужа крови, костей и органов. Запах бойни пьянил. Гигант входил в раж. Темная

сущность брала верх, но он сумел вовремя себя остановить. Того и гляди, сам на их сторону встанешь!

Топор, рассекая воздух, звенел в руках медленно отступавшего человека. Вытягивая наступавших из каши разорванных органов и обрубков тел, заставляя их растягиваться, мешать друг другу, а не атаковать всем скопом, Николай наблюдал за мутантом. Крокодил не спешил. Он шел, держась чуть позади, нервно помахивя хвостом, словно выжидая. Хотя почему словно? Эта тварь – представитель животного, хищного мира! Намного более опасного чем человек, так что да, тварь именно выжидала.

Когда человекоподобные существа закончились, крокодил щелкнул пастью, но в атаку почему-то не пошел.

- Иди сюда, я из тебя сапоги сейчас сделаю… - вытирая чужую кровь с лица, прохрипел сержант, уже едва стоя на ногах.

Мутант издал звук, сравнимый с человеческим «хм» и, попятившись, растворился в темноте. Умная тварь! Видимо, знает, что перед ним опасный боец…

Николай, поспешил к другу. Новая волна зараженных вскоре доберется до них и, пока они еще далеко, нужно сделать очередной рывок к выходу.

***

Едва протиснувшись из-за массивной брони, в узкий для него дверной проем межэтажного перехода, Николай потянул ручку запорной решетки, находящейся под самым потолком, опустил за собой перегородку, повернул защелку. Заслон тварей задержит, но долго она не простоит. Тяжелым шагом, словно сумоист, Кнехт похромал по плавно поднимающемуся бетонному полу, напрягая мышцы ног, сбивая дыхание.

Выбравшись на следующий этаж, он вновь дернул за ручку, отгораживая спуск и коридор очередной дверью. Внизу раздался грохот падающей арматуры. Зараженные навалились всем скопом и выдавили хлипкое препятствие.

«Эх! Тут бы мину!» – подумал гигант, оценивая получившийся бетонный мешок, но, к сожалению, взрывчатки ни у него, ни у капитана при себе не было, но была ручная артиллерия, которой, как он, опять же, думал, наконец-то пришло время!

Сержант распахнул ближайшую пару противоположных дверных створок коридора, закрепил засовы на ручках. Дверные створки хоть и были довольно толстыми, но, по сути, оставались обычным деревянным полотном, обитым металлом, которые, наверняка, тоже долго не продержатся под напором сотен оголодавших монстров. Данила он опять оттащил подальше, уложил у самой грузовой платформы. Лифтовая кабина, на которой они спускались сюда в самом начале, была наверху, и на ее спуск требовалось время. Очень много времени, которого у них как раз и не было.

Вернувшись к импровизированному заслону, отложив топор, Николай вынул из кобуры «Бульдога», снял его с предохранителя, провернул огромный барабан, проверил взвод, повесил обратно, поднял пулемет. Сейчас твари ринутся, и он встретит их сперва из крупняка. Ну, сил же нет, ей богу! Ну, задолбался он уже эту дуру таскать! Половина ленты осталась и из-за нее он вынужден тащить всю конструкцию! Бросить «Вулкан» не поднимались руки. Они вообще уже не поднимались! Но нужно было еще чуть-чуть повоевать!

Вздохнув, словно штангист перед взятием веса, Николай распрямился, пристраивая блок вращения сменных стволов на бедре, выискивая удобное положение. Там, под одеждой, уже наверняка синячина такой, что никакими стимуляторами не вывести и никакая регенерация не спасет, но что делать?! Пулемет не был предназначен для подобного использования.

Словно специально, очередная композиция в плеере закончилась, и все смолкло.

Двери дрогнули, выгибаясь. Музыка в наушниках начала набирать силу. От второго удара петли в косяках вывернуло, выдрав их из бетона, а от третьего они посыпались вниз. Створки разошлись и, хищно оскалившись, Кнехт вжал спусковой крючок. Четырехствольный пулемет, быстро вращая стволы, органично вписал свой бас фоном хриплому крику солиста «тудук-тук-тук», "Держи рубежи! Так и есть, ты в финале!» «тудук-тук-тук» «…Держи рубежи, можно встать во весь рост!..".

Вспышки, грохот и пороховая гарь мигом заполонили весь коридор, оглушив. Пулемет брыкался в сильных руках, отсылая один снаряд за другим, перемалывая в кашу, пытавшихся пробраться сквозь пролом в дверях, зараженных. Тудук-тук-тук-тук, тудук-тук-тук-тук

басило оружие, подыгрывая льющейся в наушниках музыке, где первую партию наконец-то взяли ударник с гитаристом. Дикое сочетание тяжелой музыки и смертельной песни пулемета звучали в унисон, и, казалось, это будет длиться вечно, но! Всегда есть эти две противные буквы. Кто-то умный и простой, как сапог однажды сказал, «все, что сказано до «но» - лошадиное дерьмо»...

Из ствола вырвался последний бело-желтый росчерк и пулемет зашелся в холостом свисте охлаждения стволов. Ощущение всемогущества внезапно пропало. Откинув бесполезное теперь оружие в сторону, и, выхватив уже подготовленный гранатомет, он нажал на спуск. «Бумк» – сказало оружие, и в сторону врагов устремилась болванка зажигательной гранаты. «Бумк» - второй сорока миллиметровый снаряд вырвался следом за братом. Гранаты по пологой дуге пролетели почти под самым потолком, над головами первых из прорвавшихся тварей.

- Кушайте, - оскалившись, проговорил Николай, отслеживая идеальную траекторию полета гранат, и еще четырежды нажал на спуск, добивая барабан гранатомета. - Не обляпайтесь!

Первая граната угодила точно в морду крокодилоподобной твари, не успевшей отскочить в сторону. Вторая ударилась перед ней. Два огненных цветка вспыхнули почти одновременно. Жидкий, липкий огонь выплеснулся на чешуйчатое тело, брызнуло по стенам и полу, освещая коридор практически как днем. Пламя быстро перепрыгнуло на зараженных, заставляя тех верещать и неистово клокотать. Странно, вроде бы они не испытывают боли, но, может быть это тот самый крокодил им передал свои ощущения? Вот тебе и микариза! Вот тебе и не совершенность системы! Оставшиеся четыре гранаты в лохмотья и кровавый фарш размотали бывших охранников базы, которые замешкались после того, как крокодила обдало жаром.

Музыка в наушниках смолкла.

- Тю, а разговоров-то было! - немного разочарованно бросил солдат через плечо и, тяжело шагая по бетонному полу, направился к лифту.

Последняя волна нагнала их, когда лифт почти опустился. Николай уже отчетливо мог разглядеть приближающуюся решетку пола, которая ползла слишком медленно, словно издеваясь над уставшими бойцами.

Все это время Кнехт ждал какой-нибудь подлянки от Куля. Ну не мог он просто так взять и понадеяться на то, что капитан отдаст богу душу, истекая кровью! Ведь он старый солдат! Он не мог совершить такую ошибку! А это серьезный просчет! Капитана не проконтролировал, его вот тоже просто в реакторной запер, а не взорвал… и лифт… Нажимая кнопку вызова лифта гигант подсознательно был готов к тому, что кабина так и останется висеть под потолком, что урод что-то с ней сделал, но нет… Решетчатая коробка уже почти доехала и нужно было продержаться всего несколько мгновений!

Окровавленные, без некоторых частей тел, обгоревшие бывшие сотрудники научной базы рычали в спину своей вредной добычи, никак не хотевшей становиться их ужином. Как только крокодил уполз во мрак, зализывать раны, зараженные снова стали сами собой.

Николай достал из подсумка последние две осколочные гранаты, выдернул чеки. Он слышал, как по полу к нему крадутся, подступая, чешуйчатые тела. Подоспел авангард. Элита. Самые сильные твари.

По коридору прокатился нечеловеческий вой. В голове стало как-то шумно. В груди снова задавило.

- Ближе, ближе, уроды! – уже ощущая вибрацию от почти подъехавшего лифта, прохрипел Николай.

В красных вспышках аварийных ламп проступила огромная кособокоя тень.

- Товарищ профессор! - Скривился гигант, узнав старого знакомого. – На прогулочку вышли? Тогда вот вам пара яблочек, вкусные, говорят…

Размахнувшись, он одну за другой бросил вперед обе последние гранаты. Бахнуло, через пару секунд снова. По стенам застучали осколки, взвыли раненные монстры. Усмехнувшись и, оттопырив средний палец, Николай облегченно вздохнул.

- Хрена вам лысого! Тут, уроды, останетесь!

Лифт опустился и замер. Устало дыша, сержант затащил тело друга, ткнул кулаком в кнопку и тяжело упал на задницу, неуклюже перевернувшись на бок. Пара зараженных все же успела вскочить в лифт до того, как он начал подниматься. Не вставая, как-то отрешенно, буднично Николай ударил со всей оставшейся силы ближайшего

нападавшего в голову, от чего та лопнула, столкнувшись со стенкой кабины.

- За проезд, - устало проговорил он, занося руку для второго удара, - …передаем!

Второй зараженный влетел в решетку, ударился о нее, и скатился на пол лифта изломанной куклой, продолжая скалить зубы и пытаясь подняться, но изуродованный чудовищным ударом позвоночник отказывался подманить раненное тело.

Матеря бесконечно долгий день, чувствуя, как и собственное туловище начинает ломать от усталости, добравшись до предела собственных сил, Николай просто вытянул ногу, размочалив черепушку твари, и на пару секунд прикрыл глаза. Кровь стучала в ушах, виски пульсировали, а вывихнутый локоть давал знать о себе ноющей болью. Чуть-чуть! Еще чуть-чуть!

Лифт доехал до верхнего этажа через целую вечность. Все это время Николай всматривался в бледное пятно света над головой – не мелькнет ли там старческая голова с хитрым прищуром, не прыгнет ли вниз ребристая граната, не сунется ли в шахту ствол автомата. Все время, что лифт вытягивал их из мрака, он прикрывал тело друга своим, готовый в любой момент принять град пуль, но ничего так и не случилось. Никто не поджидал их и снаружи. Как только лифт поднялся, здоровяк одним скачком прыгнул в сторону с топором наготове, сделал кувырок через голову, развернулся, но опять ни с кем так и не встретился.

Дыша, словно разъяренный зверь, стоя в боевой стойке, он медленно оглядел пустой зал. Он что, реально вот так их оставил? Понадеялся на удачу? Да бред! Ну не может такого быть! Если только… Если только он не хотел, чтобы они выбрались?!

Нахмурившись, вернувшись к лифту, Николай помог выйти пришедшему в сознание другу.

- Кэп, - задумчиво проговорил он. – Засадой пахнет…

Петров кивнул головой.

- Я про это всю дорогу думаю…

- На выходе, поди, ждет…

- Может, спешил? Понадеялся, что кони двинем? Не стал пачкаться или тянуть?

- Тогда он очень сильно ошибся!

Байкал вытащил пульт управления из подсумка.

- Рвем?

Николай качнул головой.

- А что еще делать? Давай, пока не вылезли… Скребутся, слышу, поднимаются…

Данил нажал кнопку.

Раздался взрыв. Колонны, удерживавшие крышку, рассыпались и пробка опустилась, закупорив «Улей» навсегда. Точнее до следующего взрыва, который, судя по гудящим стенам и крякающей сирене, должен произойти совсем скоро.

Меньше суток назад они установили здесь взрывчатку, прежде чем спустились в чрево этого адского муравейника, а теперь их только двое... Десять человек! Десять прекрасно вооруженных и подготовленных бойцов, на чьи плечи легла самая ответственная миссия в истории человечества – погибли за считанные часы! Чук и Гек, Хан и Рыжий, Бабай и Пацан… Двое ученых, с которыми они так и не познакомились пали от рук всего на всего одного предателя… Петров сжал зубы. А если они живы? Если эта тварь их обманула? Что, если они остались там, внизу, среди полчищ монстров?

- Они погибли, - прочитал ощущения друга Николай. – Я слышал их… Они теперь с ними… Только одного не нашел…

- Кого?

Николай пожал плечами.

- Они больше не люди, у них нет имен. Я не знаю, но кто-то еще смог выжить… Я… ощущал его их чувствами. Он ушел…

Данил сжал зубы еще сильнее. Ну, хоть так… Хоть мучиться мужикам не придется!.. Его разрывали противоположные чувства. Кто-то выжил, это радовало. Но группа все равно погибла… Погибла из-за предательства, причем предательства не Куля, а того, кто их сюда послал. Полковник, падла! Это все его рук дело, Данил был в этом просто уверен! Тварь! Он специально отправил их сюда, с целью заполучить ученого, уничтожить неугодных и…

- Эх, Наташка, - не удержал вздоха Данил.

- Что?

- Полковник нас слить хотел. Понимаешь? Ребят, меня… тебя… Ты – ценный эксперимент…

- Ну, спасибо…

- …и, им нужен был ученый! Понимаешь?! Ученый, именно отсюда! Тот, кто работал с заразой, но, раз Решетов превратился в монстра, Куль решил другого прихватить с собой. Они успели сговориться! Значит?! Значит, полковник что-то задумал! Наталья в опасности! Они хотят продолжить эксперемент, заменив тебя!

- Пойдем, надо уходить, - через полминуты раздумий, зло прорычал Николай. – Это еще не все. Нужно выбираться с территории. Хрен знает, как сильно бахнет эта штука… Как второй Чернобыль или похлеще… Что там могли эти яйцеголовые с реактором намудрить… Выберемся, я ему лично голову оторву!

***

«Афалина». Сутки после убытия группы Петрова.

Сирены выли, заставляли людей спешить. Они бежали, сжимая в руках сумки и рюкзаки, ящики и контейнеры. Их было много. Маша до этого момента и не представляла, сколько народу обитает и работает на этой станции. Нет, ей говорили, но число - обычное математическое значение. Вот сколько это, к примеру «тысяча человек», а две? Не каждый сможет представить, и, скорее всего, она даже готова была поспорить, что увидев эту самую тысячу или две, человек бы обязательно осознал, что ошибался.

«Афалина» умирала. Это девочка увидела сразу, как Валентин, проведя ее коридорами, ничего не говоря, заставил надеть теплую куртку со штанами и вывел на улицу. Ледяной, морозный воздух тут же проник под одежду, но Маше не было холодно. Она во все глаза глядела на дом, который их приютил. Два огромных шарообразных блока горели. Судя по всему это лаборатория, разрушенная на половину и соседний, кажется, инженерный. Столпы огня и дыма вырывались из разбитых узких окон, сочились языками пламени сквозь вентиляционные выходы, прорывались то тут, то там из треснувших стен. Никто не прилагал никаких усилий, чтобы потушить бушевавшее пламя. Со стороны жилых помещений почти постоянно раздавались выстрелы, крики и, даже взрывы. Оттуда же несся протяжный гортанный клекот. Маше стало не по себе. Что вокруг происходит? Ее держали взаперти без лекарств, и она была истощена, напугана. Ей срочно требовалась инъекция, в голове и теле была не проходящая слабость, постоянно тошнило.

- Давай быстрей! – зло дернул Валентин девочку за рукав, отчего она чуть не упала. – Шевели ногами, я сказал! – и тут же прикрикнул на кого-то из бойцов. – Эй ты! Да! Ты! Снегоход, быстро! Мне плевать! Не видишь, кто я? Я помощник заместителя командира базы! Пшел прочь!

Валентин грубо спихнул в два раза больше себя детину с транспортного средства, дернув, заставил Марию усесться на сидение.

- У нас экстренная ситуация! – отмахнулся бывший завуч, когда здоровяк, отошедший от напора плюгавенького мужичка попытался что-то сказать против. – Не видишь? Девочке плохо!

Со стороны ворот, из которых они только что покинули базу, раздались вскрики и выстрелы. Детина обернулся, быстро сорвался с места, и на ходу, сдергивая автомат с плеча, что-то закричал. Ветер унес его слова. Назло одним и на благо другим, час назад поднялась пурга, но Валентин отлично знал дорогу. Он тут уже несколько раз проехал за это время. Снегоход был заведен, и ему оставалось лишь выкрутить ручку газа, да повернуть руль в нужном направлении.

Маша обернулась. Зараженные! Они кинулись на людей, давя и сбивая их с ног. Господи! Если бы они задержались хотя бы на минуту! – почему-то эта мысль о собственной шкуре, а не о том, что твари рвут живых людей, пришла в голову первой.

Снегоход подпрыгнул на трещине или льдине, зубы Марии клацнули, больно прикусив язык, и она, сама того не ожидая, на мгновение вцепилась в спину ненавидимого всей душой человека. Она знала, что произошло с Алисой Евгеньевной. Он рассказывал. Они приходил и упивался своей силой, требовал от нее покорности, предлагая непристойности.

От воспоминаний руки разжались сами собой, и, почти в туже секунду, Маша слетела в сугроб. О том, чтобы сбежать, она даже не помышляла. Куда там?! Вокруг снега и льды, к тому же у нее слабость. Просто все так совпало.

Больно ударившись о лед, девочка вскрикнула. Снегоход дернулся, и, судя по звуку, пошел на разворот. Фары осветили ее со спины, озарив светом и кричащую толпу. Военные уже подоспели и вели беспорядочный огонь по всем. Она видела, как пули пробили грудь девушки, пытавшейся убежать от зараженного, как выбили фонтан крови из колена какого-то старика… Солдаты, не разбираясь,

стреляли во все, что движется, и от этого девочке было страшнее всего.

Это было как в страшном фильме. Она лежала, скованная страхом, не в силах пошевелиться. Валентин, вернувшись, пытался ее поднять, а она все глядела, глядела, глядела… Она не могла отвести взгляда от кровавой бойни, а адреналин, вброшенный организмом в кровь, не давал упустить ни единой ужасной мелочи.

Справа из тени к месту бойни подоспела вторая группа военных и… Маша вздрогнула. Сердце бросилось в галоп. Огромная тень, сопровождающая людей, словно тараном ворвалась в схватку. Свет фары снегохода туда добивал плохо, и мелочей разглядеть девочка не могла, но то, что это был он, она поняла сразу. Таких огромных людей здесь больше не было!

Великан, рыча, раскидал зараженных в стороны, принялся их топтать, вбивать в снег, молотя кулачищами, не переставая урчать, словно дикий зверь. Люди, кому удалось выжить после штыкового расстрела, закричали еще громче, кинулись в стороны, кто куда. Все это произошло за считанные секунды, пока Валентин поднимал девочку из сугроба и усаживал обратно на снегоход. Привлеченный шумом, он зло выругался, разглядев причину паники и, зачем-то вынул пистолет из-за пояса.

- Назад! – крикнул он кому-то. – Назад! Он не контролирует себя! Назад я сказал!

Великан, раскидав зараженных взрыкнул и, по-звериному, словно огромная, злая обезьяна, на всех четырех конечностях кинулся на военных. Схватив кого-то за грудь, он ударил человека о лед, набросился на второго… Маша ойкнула. Она отчетливо увидела, как в стороны брызнула кровь. Он… он что? Откусил ему голову?! Но! Но как же?!

Валентин прыгнул за руль, выкрутил ручку газа. Гигант, привлеченный шумом двигателя и светом, бросился к ним. В темноте, Мария видела, как в спину здоровяка летят росчерки пуль, как одна пролетела совсем рядом с ним, как здоровяк, словно поезд, пронесся сквозь толпу бегущих прочь людей…

Расстояние между ними сокращалось. Маша испуганно вжала голову в плечи, не в силах отвернуться от преследующего их гиганта. Она не могла поверить. Нет! Этого не могло быть! Дядя Коля, друг

Алисы Евгеньевны! Он не такой! Он не мог так поступить! Она же с ним общалась! Он добрый и отважный! Он не мог убить тех людей просто так! И где тогда… Где тогда сама Алиса Евгеньевна? Что случилось?..

Свет мощных фар ударил гиганту в лицо, и тот сбился с шага, оступился, попытавшись отвернуться от ярких лучей, исходящих от автомобилей, с установленными в кузовах тяжелыми пулеметами, подоспевших на шум рейдеров. Грянули крупнокалиберные стволы, вокруг все загрохотало и Маша едва снова не выпала из сидения. Великан взвыл, зарычал, попытался броситься в сторону, но два пулемета успели сделать свое черное дело. Огромное тело вздрогнуло, он упал на колено, затем завалился на бок.

- Отставить! Вашу мать! – орал Валентин, стараясь привлечь внимание. – Вы же его убьете! Отставить, я вам сказал! Что вы наделали?!

- Он вырвался, когда мы пытались перевезти его! – испуганно ответил кто-то. – Ему двойную дозу поставили, но не помогло!

- Дебилы! – продолжал яриться Валентин. – Вы хоть понимаете, что наделали?! А-а-а-а-а-а! Все пропало! Господи! Все пропало!

Заместитель командира базы кинулся к телу гиганта, продолжая на чем свет материть стрелков. Маша, сама не понимая зачем, пошла за ним. Она не могла поверить своим глазам, и ей хотелось удостовериться. Мысли запутались, ей стало плохо. Фонари солдат осветили тело гиганта, и тут Маша не устояла на ногах.

Его лицо было искажено заразой. Стянутое гримасой боли, хирургическими швами и шрамами, но она его узнала.

- Леша, - прошептала девочка и, заплакав, упала на колени.

Перед внутренним взором невидящего взгляда промелькнули картины. Вот они вместе пошли в школу. Хоть и жили на одной улице, но попали в разные классы. Маша, как более умная девочка, в «А», а вечно непоседливый Лешка в «Б». Вот первые каникулы, где они в одном лагере, затем смешки в подворотне на тему «Лешка-то в Машку влюбился»… Дальше первые робкий поцелуй в щеку, затем разные друзья, разные интересы, ссоры, разная первая любовь и выпускной… Тот самый, перед которым они вновь открыли друг друга заново. Тот, на котором они планировали встречать вместе восход… Маша провалилась в сугроб с головой. Она падала бесконечно долго,

погружаясь в ледяную мглу. «Алексей погиб» - звучали вокруг голоса разных людей. «К сожалению, нам не удалось его спасти»… «будь сильной»…

Врали! Они все врали! Все! И эти люди, нацепившие белые халаты, прикидывающиеся добренькими, и этот капитан! И… И Алиса Евгеньевна! И дядя Коля! Все! Он все ей врали! Он не погиб! Они!.. Они сделали с ним это! Они заставили пережить его адскую боль и теперь убили… По настоящему! Навсегда!.. Мрак окутал девочку и мысли, словно миллиард иголочек рассыпались, ударившись об него.

***

База "Улей". Минута до гибели объекта.

Приоткрытая входная дверь манила свободой. Слабый, рассеянный свет едва-едва освещал коридор. Каждый их шаг наполнял друзей тревогой, надеждой, радостью и печалью. Снаружи было тихо. Лишь вьюга пела свою песню, ласково трепля арматуру, торчащую из разорванного бетона. Разбитый вертолет они обнаружили сразу. Его обломки еще горели, служа товарищам верным маяком. Вокруг были раскиданы тела бойцов. Лица искажены болью, припорошены снегом и пеплом. Они походили на восковых кукол. Безжизненных, каких-то не настоящих. Что здесь произошло за время их отсутствия, понять было сложно. Авария при посадке? Куль где-то раздобыл гранатомет? Или еще что-то? Разбираться было некогда. Земля под ногами задрожала.

Глубоко под землей пришло в действие устройство, похожее на очищенный гранат. Его структура начала разрушаться. Огромные раскаленные шары посыпались со своих мест, вступая в реакцию. Гора, под которой располагался замаскированный объект, внезапно вздохнула. На ее поверхности образовались трещины, из которых в снежное серое небо взметнулись столбы пыли. Вершина чуть просела, и после этого все затихло. Никаких вспышек или эпохальных событий. Никаких ядерных грибов. Только легкое землетрясение и все… И, будь у Николая с капитаном дозиметр, они бы увидели, что даже уровень радиации практически не изменился.

- И это все? – как-то разочарованно вздохнул Петров, глядя на оседающую гору.

- Ага, я тоже думал, что будет покрасочнее как-то…

- Ага… Хотя там такая глубина… Порода, наверное погасила.

- А, может, не сработало? – нахмурился сержант.

- Да не, вон как, смотри, верхушка упала, метров на пятьдесят, наверное… Надеюсь, твари там спеклись… Чувствуешь что-нибудь?

Николай отрицательно покачал головой.

- Грибницу больше не чувствую, точно погибла… надеюсь и все остальные тоже вместе с ней.

- Было бы очень хорошо. Ну что, как до дома добираться будем? Куль, видать, второй вертолет все же угнал.

- Предлагаю на танке.

- На каком еще танке? – не понял Данил.

Николай указал пальцем куда-то в сторону. Капитан проморгался от попавшего в глаза снега и присмотрелся в указанном направлении. Там, среди улочек погибшего города, раздвигая сугробы и завалы мощным телом, облепленный зараженными, словно жук муравьями, ворочался самый настоящий танк.

- Але, мать вашу! – ворвался голос в наушники. – Есть кто живой? Прием? Это Бабай!

- Бабай! – излишне радостно, захлебнувшись и закашлившись воздухом, искренне удивился капитан. – Это Байкал! Прием!

- Капитан! – радостно ответила рация. – Я так и думал, что ты выкрутишься! Это ваших рук дело сейчас было? Хрена вы дали! Куль, сука, глушилку установил, я ее искать забадался! Ты как? Один?

- Нет, тут еще Кнехт… Мы еле успели вылезти. Куль где?

- На вертушке свалил! Я одну снес прямой наводкой, но он на второй ушел!

- Что? Так это ты?

- Да. Он им там наплел с три короба что-то про нас, что заражены, а умник этот, что с ним, подтвердил. Хочешь, под трибунал отдай, но мне своя шкура ближе… Ты знаешь… Я совестью мучиться не буду! – Данил выматерился.

- Принял. Подберешь?

- А вы где?

- На семь часов от тебя, с полкилометра, примерно, на холмике…

- Что-то плохой у тебя голос, командир. Зацепило?

- Зацепило, но особо не радуйся, жить буду…

- Эх, - хмыкнув, притворно вздохнул, одноглазый солдат, разворачивая башню. – Ну, сейчас поправим…

***

«Афалина». За три дня до предательства. Кабинет полковника.

- Задачи ясны?

Голос полковника был тяжелым и грубым. От такого хочется сразу кивнуть, отдать честь и стремглав покинуть кабинет, даже если тебе совсем ничего не ясно, но он выстоял. И не таких видеть за годы службы доводилось! Тем более что то, что он сейчас услышал, требовалось хорошенечко обдумать. Да! Чаши весов имеют не равный груз, но он привык получать выгоду и думать. Он любил думать.

Выдержав тяжелый взгляд хозяина кабинета, мужчина мысленно досчитал до десяти, затем неспешно, давая себе еще немного времени на ответ, достал из кармана пачку сигарет, сунул одну в зубы. Нет, курить он не собирался, меру при общении с начальством нужно знать, но привычка – великое дело! Так он сможет выиграть еще немного времени. А оно сейчас ему было нужно. Другой бы на его месте согласился, не думая! Еще бы! На кону жизнь родного человека! Сына ведь он уже потерял в огне событий, не хватало теперь еще потерять и дочку! Он обещал Танюше, что позаботится о ней, что сделает все, чтобы она выжила, что сбережет ее, а что по итогу? По итогу она сейчас прикована к постели, в тяжелом состоянии и, чтобы выбраться из него, девушке требуются особые лекарства, способные блокировать заражение. Чертов вирус! Будь он не ладен! Ладно бы он сам заразился и сдох бы где-то в закутке этой чертовой базы, так ведь нет! Судьба, сука, решила поиздеваться над ним напоследок, подкинув свинью в виде полковника! Видите ли, у него есть доступ к этим самым лекарствам, которые могут продлить жизнь внучке! Но! Как принято у таких людей, за это нужно заплатить! И вот на второй чаше весов та самая плата.

- Я жду, - поторопил полковник.

Мужчина медленно вдохнул аромат так и не подкуренной сигареты.

- А чего тут ждать?! Выбора-то у меня нет?

- Есть, - улыбнулся заместитель командира базы. – Или сделаешь, что я сказал, или она превратится в одну из этих тварей, но твоя совесть перед друзьями будет чиста…

- Не очень-то выбор…

- Ну, какой есть, - пожал плечами полковник. – Время такое…

- Время такое… - задумчиво пожевал губами мужчина. – Сколько есть, все наше… Хорошо, - он кивнул, – но у меня есть небольшое условие…

- Ты не в том положении, чтобы ставить условия…

- Не в том, - степенно кивнул мужчина. – Но! Тем не менее! Вам придется его выслушать и принять…

- А вы не наглеете?

- Отнюдь…

Любимая фишка полковника переходить с «вы» на «ты», обычно деморализующая оппонента на этот раз не сработала. Закаленного в боях воина так просто не проймешь! Видел он и генералов, брызжущих слюной, требовавших выполнения их приказов, и тихих лейтенантов, от взгляда которых хотелось зарыться в песок и воздавать хвалу небесам, за то, что они на его стороне. Так что…

- …гориллу эту я уложу! Еще не знаю как, но, постараюсь… Документы и ученых постараюсь отыскать и доставить в целости и невредимости, если это вообще возможно, но!.. Данил… С ним мы через многое прошли. Не могу…

Полковник вздохнул, откинулся на спинке стула, хитро глянул на мужчину.

- Увы, но он – главная цель… Этот капитанишка мне уже поперек горла. Так что его и его подопытную обезьянку нужно убрать! А если вы сейчас думаете, что удастся как-то съюлить… То в группе у меня помимо тебя есть еще один осведомитель. Я обо всем узнаю… И не думай, что согласившись сейчас, ты все потом Петрову расскажешь... За тобой приглядят! И, если что-то пойдет не так… Сперва твоя ненаглядная дочурка помучается - поверьте, я умею делать людям больно - затем она обернется в одну из этих тварей. Точнее то, что от нее останется… И при этом вы за всем этим будете наблюдать. Понял? У вас нет выбора. Отбросьте эти бесплотные надежды! Просто сделайте так, как я говорю! Устраните последствия неудачного экспермента, убери Петрова и всю его группу и доставь мне документы по проекту «Немезида»! Это три основных пункта нашего договора!

- Четыре, - постарался сохранить непроницаемое для эмоций лицо боец.

- Да по хрену! – напряг спину полковник и поднялся из кресла.

Всем своим видом он попытался продемонстрировать силу и опасность, но на этого человека его уловки не действовали.

- И после операции вы нас отпустите… - добавил он еще одно условие, стараясь выторговать наибольшую цену.

- Да проваливайте! – усмехнулся хозяин кабинета. – На все четыре стороны! Я вам даже припасов дам и транспорт!..

- Хорошо, - кивнул мужчина, отлично понимая, что, скорее всего, после завершения операции его самого постараются устранить, как нежелательного свидетеля и исполнителя, но, то уже другое.

Главное сейчас - жизнь Тани! Если полковник не врет, то цена жизни родного человека вполне может перевесить чашу весов, что бы ни лежало на второй. А если врет, тогда ему точно не жить! Он этому уроду его же пагоны в глотку поганую и затолкает! Благо, уже знает, как это делается…

***

Окрестности объекта "Улей". Пятнадцать минут до операции "Сев".

Грузовой вертолет, чадя побитым двигателем, уносил выживших на север. Куль, блаженно привалившись спиной к стенке, закурил.

- Ты мне должен, - зло глядя на профессора сквозь дым, проговорил он.

- Думаю, не вам, а вашему начальству, - оторвал взгляд от иллюминатора ученый и поглядел на часы.

Он улыбнулся. Еще. Пять. Минут... Жаль, что он не станет свидетелем своего гениального плана, но заставить задержать машину чтобы воочию убедиться в ходе выполнения операции "Сев" он никак не мог. Чертов сбрендивший наемник, откуда-то раздобывший танк и так уже сбил один из двух вертолетов. Жить Решетову все же хотелось больше. Судя по тому, что старик ему рассказал, там, куда его везут, ему предоставят все необходимое для продолжения работы, а это означало, что, по сути, профессор Решетов ничего и не потерял, если только время, но впереди его у него еще много.

Профессор снова посмотрел вниз. Где-то там, под замаскированными под обычные строения секретными хранилищами, вот-вот должны были открыться тайные ходы, по которым его любимые детища должны будут покинуть свою ловушку. Конечно, выживут не все, но те, кто сможет, в будущем дадут новое потомство,

более устойчивое к патогенным микроорганизмам, более сильное, более стремительное и свирепое... И вместе они будут править этими землями. Они и он...

Глава 5. "Начало долгого пути"

Окрестности научно-исследовательской базы «Улей». Час после аварии.

Танк, скрипя гусеницами, подкатил к самой насыпи, откуда Кнехт с Байкалом могли безопасно погрузиться на него. Зараженные, кинувшиеся было за стальной гробиной, быстро утратили к ней интерес. Ломать зубы, пальцы и неловко подставленные конечности им не понравилось, потому, они, немного побегав вокруг грохочущего «нечто», в какой-то момент всей своей веселой гурьбой сорвались куда-то в сторону.

- Хреново выглядишь, командир, - высунулся из люка Бабай.

- Все… равно… краше… тебя… - простонал Петров, добираясь до люка.

Одноглазый усмехнулся. Голова его скрылась в чреве танка.

Загрузив раненого, Николай взгромоздился на броню. С его габаритами разместиться внутри - и нечего даже было думать! После приключений в «Улье» тело его немного изменилось. Он ощущал это впившимися, хоть и тянущимися ремнями, и общим самочувствием. Возможно, после последнего приступа мутации он еще не вернулся в привычные рамки, но, судя по затихшим в голове шорохам, он уже в нормальном, насколько это можно было применить к нему, состоянии.

Петрова Бабай разместил на месте заряжающего, оглядел в тусклом, льющемся сверху свете, вздохнул.

- Хреновы дела, командир… Тут хирург нужен. Я не врач, но связку порванную вижу… Как ты так? Шить надо!

- Ну, так шей! – сдерживая боль пока Бабай ковырялся в ране, простонал Данил. – Аптечка есть?

Одноглазый осмотрелся, открыл боковой ящик, кивнул, достал необходимые инструменты. Первым делом поставил блокаду, обколов обезболивающим рану. Затем как смог, промыл ее края, выложил и надорвал упаковку одноразового скальпеля и иглу с заранее вдетой нитью, плеснул на руки из бутылька антисептика, позволил им просохнуть.

- Ну, давай, - склонился он над дырой. – Попробуем… Пуля вроде вышла, но мясо тебе тут порвало изрядно…

- Давай уже, - поморщился капитан. – Балабол хрено-о-о-о-о-о-о-ов…

Игла коснулась кожи, подцепив и кусочек мяса. Петров едва не вылез из собственной шкуры. Горевшая огнем конечность и так-то доставляла боль при каждом неосторожном движении, а сейчас и вовсе показалось, что ее попытались варварским способом отделить от туловища. Бабай старался шить аккуратно. Он, конечно, не то, чтобы хирургом не был, даже фельдшер – для него слово чужое, дикое, инородное, но базовую школу оказания первой помощи за плечами имел. Правда, было это давно, но все же, кое-как он смог стянуть края некрасивой раны. Надо же! Вроде маленькая пулька, а столько дел наделала! Хотя не только пулька… Вон, видно, что кожа разорвана, видать командиру досталось. Судя по морде, он не сам себе эти синяки наставил.

- Кто тебя?

- Куль, - простонал Петров и поморщился. – Самострел, точнее, но он, сука… Из-за него… Еще этот… - Данил сжал зубы, терпя боль. – Ученый этот… Шпиль… Ногами… По… го-ло-ве…

- Не Шпиль это, - затянув первую петлю, нахмурил бровь над уцелевшим глазом Бабай. – Это Решетов… - Байкал ничего не сказал, но по его лицу и так все было понятно. – Когда на нас твари поперли, козел этот нескольких ученых отбил и в какой-то комнате зашухерился. Мы отбиться не смогли. Тварь эта крокодиловая приползла. Я чудом смог, хотя… - Бабай печально хмыкнул. – Хакас собой закрыл, толкнул в сторону… А сам там остался. В общем, я слышал потом разговор… Куль про какой-то проект выспрашивал. Одного вроде как из ученых грохнул. Второй ему все рассказал. Точно ничего не скажу, но этот Шпиль на самом деле Решетов и есть.

- Понятно, - простонал Байкал, хрустя зубами. – Тварь, а я ему верил…

- С меня пример бери, - снова хмыкнул одноглазый. – Я вот никому не верю.

- И мне?

Бабай затянул очередной стежок, поднял взгляд, внимательно посмотрел на командира.

- Даже тебе… Ты уж извини, но после этого, - он дернул глазом. – Я больше никому не верю…

Данил кивнул. Он слышал историю, что глаза парня лишил его собственный командир. Мутная какая-то история вышла, не до конца понятная. Одни говорят, что это случайность, другие, что командир его тогдашний с местными бармалеями екшался и хотел слить свидетеля… Сам Бабай ничего о том случае особо не распространялся, и, потому, ни одну из сторон не подтверждал и не опровергал. Что ж, судя по словам, случился как раз второй случай.

- Готово, - закончив шить в дальнейшей тишине, через пару минут негромко проговорил Бабай. – Но надо будет перешивать. Это так, полумера. Сам видел, там все в кашу… Долго срастаться будет. Как бы рука совсем не отказала. Ты ей как, шевелить можешь?

Данил попытался сжать кулак и понял, что не может этого сделать. Пальцы едва-едва шевельнулись. По лицу командира пробежала тень.

- Бывает, - вздохнул одноглазый. – Может от обезбола еще… Я, когда глаз потерял, тоже долго не мог привыкнуть, но, видишь, в строю… Хорошо, хоть левая…

Петров снова попытался сжать кулак. Ладонь дернулась. Он сдавил челюсти. Это действительно, еще не приговор. Все болит, организм устал, обезболивающее в крови, нервы воспалены…

- Давай я тебе промедольчику вколю?

Петров отрицательно покачал головой, и едва смог сдержать стон боли.

- Давай, давай. Поспишь чутка, отдохнешь… нам из города валить надо, а эта херня трясется, что вибратор… растрясем тебя еще больше. Так хоть немного сил наберешься…

- Да, капитан, - донесся сверху тяжелый голос Николая. – Плохо совсем выглядишь!

- На себя посмотри! – поднял взгляд на друга Данил. – Харя вон какая…

Гигант вздохнул, кашлянул. Действительно. Внутри у него все горело. Кишки крутило, голова гудела как колокол. Гребаный звонарь снова проснулся и приступил к своей излюбленной работе. В ушах стучала кровь, в горле царапало. По всем признакам - гриппозное состояние, но Николай ощущал, что с ним что-то не то. Конечно!

«Так» быть не могло! Радиации нахватался, в голове твари всякие мозги перетряхнули, столько раз подряд активировал свои силы, да и люлей выхватил! Холод этот еще чертов! Вон как знобит!.. Все это влияло на организм не лучшим способом. Нужно было как можно скорее добраться до Афалины, чтобы получить квалифицированную медицинскую помощь или хотя бы просто передохнуть. Они сутки на ногах. Да какой там! Уже больше! А это тоже очков здоровью не добавляет.

Петров откинулся. Зажмурился. Бабай убрал шприц, посмотрел на гиганта, вопросительно кивнул. Николай кивнул в ответ. Одноглазый уселся за рычаги. Танк взревел, огласив округу, дернулся, начал разворот и пополз прочь, в сторону окраины погибшего города.

***

Ветер завывал, заглушая все звуки; снежинки налипали на очки, снижая видимость до нуля. Холод пробирался под одежду. Николай перебрался ближе к моторному отсеку. Здесь было теплее и голые руки не так сильно обжигались о заиндевевшую броню танка. По ощущениям, температура сегодня опустилась далеко за тридцать, приближаясь к сорока градусам. Что поделать? Север! Здесь лето короткое и, как шутят местные - хорошо, если выпадет на выходные.

Машина остановилась минут через тридцать. Они уже давно покинули окраины города и теперь находились посреди обширного заснеженного поля. Ни о каком намеке на дорогу тут и речи уже не шло, хотя на выезде они какой-то КПП случайно смяли.

- Приехали? – спросил великан, приподнимаясь.

- Капитан в себя приходит, - отозвался одноглазый по рации. – Надо перекур сделать. Соляра не вечная.

Действительно. К величайшему горю, как бы ни было удобно ехать на броне танка, но топливные баки, увы, были заполнены меньше, чем на половину. Это Бабай сразу сказал, обрушив надежды пусть так, стуча зубищами от мороза, но, все же, с куда большей скоростью добраться до самой Афалины. Хотя Николай и понимал, что даже будь они заправлены под горлышко, топлива все равно б не хватило на весь путь. Слишком далеко они забрались! Да, к тому же, обширные нефтяные болота, которые он помнил из описания местности на брифинге, раскинувшиеся где-то севернее «Улья», вряд ли смогли бы выдержать вес их машины.

- Доброго утра, - сунул он свою морду в люк, глядя на помятого командира. – Как самочувствие?

Петров бросил косой взгляд, оттопырил средний палец правой руки. Левая все еще с трудом шевелилась. После принудительного беспокойного… даже не сна, нет, скорее забытья, сил в организме не прибавилось. Да и откуда им взяться, если наркотическая химия наносила вреда организму чуть ли не больше, чем общее состояние их дел. Тело-то не расслабляется.

- Где мы? – разлепил Данил пересохшие губы.

Бабай тут же протянул фляжку. Сделав короткий глоток, Байкал покатал по рту холодную влагу, медленно проглотил. Он знал, что пока наркотик не покинет организм, сколько не пей, все равно не напьешься. Так к чему переводить жидкость в мочу просто так?

- Километра на три от города отъехали, - принял баклажку одноглазый после второго осторожного глотка командира. – Точнее сказать не могу, приборы не работают.

- Понятно… - Петров попытался усесться удобнее, но в тесном нутре танка проще было съесть ежа, чем найти комфорт.

Тута вам не «Мерседес»! Тута вам боевая техника! А в ней все угловатое, металлическое. Даже можно сказать, угловато-металлическое и металлическо-угловатое, стремящееся этим самым угловатым то в ребро тебе угодить, то в локоть, а то и вовсе по башке со всей силы трахнуть! Практичное тут все, короче, простое, мать его! Капитан стиснул зубы, сдерживая боль, злость и раздражительность.

В чреве стальной машины повисла тишина. Было слышно, как заглохший двигатель слегка потрескивает и чем-то поскрипывает. Данил пытался думать, но выходило это туго. «Что дальше?» - этот вопрос мучает всех, но именно он, как командир, должен дать четкий ответ! На то он и командир! У него всегда должен быть план, стратегия, идея! Но голова! Голова словно желе наполнена! Даже не желе, жилём! Вот им самым. Серым, густым, тягучим и пахучим. Она отказывается думать. А думать надо. И много.

- Топки часа на три хода, - начал рассуждать Бабай, видя, что старшему боевому товарищу сейчас не просто. – БК нет. Главный калибр на один выстрел, в КОРДе несколько лент. Можно соляру, конечно в городе поискать, вернуться, но что-то мне не улыбается туда

ехать… Мой лысый череп подсказывает, что туда лучше ближайшие лет пятьсот не соваться.

- По ручной стрелковке что? – прикрыв ненадолго глаза, борясь с тошнотой, спросил Байкал.

- «Калаш» и шесть магазинов. Три гранаты.

- У меня две «улитки» с «сороковками», да топор, - отозвался Николай.

- Не густо, - вздохнул командир, отмечая, что сам он вооружен одним пистолетом, к которому осталось всего полтора магазина, да двумя ручными гранатами, что Кнехт ему отдал в подземельях. – Ладно. Надо думать, как добраться до дома…

- Это, - Бабай посмотрел на командира, затем на гиганта через люк. - Договор наш помнишь? – Байкал тяжело кивнул.

– Не передумал? События-то вон как повернулись… Нам сейчас любая помощь пригодится.

- Нет. И не переубедишь. Извини. Дела…

- Вы о чем? – вклинился в разговор Николай.

- Тут мы расходимся… - взял слово лысый. – У меня другие планы и задачи.

- В каком смысле? Отдельная БЗ? (боевая задача)

- Нет. Я сразу с капитаном, на берегу еще договаривался. Это мое последнее дело с вами. Вышло даже еще лучше, чем я предлагал… Так что, мужики, если что планируете, то дальше без меня.

- Точно? – еще раз для проформы спросил Данил.

- Точно, - уверенно ответил одноглазый. – Удачи вам, но я дальше сам…

Разделение отряда ни Петрову, ни Николаю не нравилось, но наемника переубедить было невозможно. Весь его решительный вид и стальные нотки в голосе давали понять, что решение окончательное и сомнениям, правкам или изменениям не подлежит.

Данил с ним действительно, имел разговор перед вылетом. По задумке Бабая, он должен был «погибнуть» на задании, и отправиться куда-то по своим делам. Куда именно, Байкал не спрашивал. Тут и так все понятно. К семье. С «Афалины» свалить сложно. Во-первых, за всеми всегда пригляд. Во-вторых, без припасов далеко не уйдешь – расстояние до дома большое. В-третьих, остров. И вот он, почуяв что-то, решил свинтить после выполнения операции. Бабай уверял, что

все, что от него требуется, он выполнит и группу не подставит! Не сбежит сразу по прилету, а выполнит все поставленные задачи, и этим словам Данил поверил. Не зря. Даже сейчас он выполняет свою сторону договора, так что и Петрову честь офицера и просто человека менять правила игры было противно. Да и что, в сущности, он сможет сделать? Состояние не улучшается. Его так долбить теперь пару дней будет – нормальная реакция организма на то, как в тебя сперва стреляют, пусть даже ты сам, и даже пусть по касательной, затем душат, а в придачу еще и по голове ногами мутузят. В кино по голове дадут дубинкой, герой или негодяй потеряет сознание, а через пару минут уже снова бегает, как ни в чем не бывало. В жизни такое не прокатывает. В жизни ты мучаешься страшной головной болью несколько дней. И, ладно, если дурачком еще на всю жизнь не останешься… Можно ж и вообще кони двинуть. Мозг в черепной коробке хоть и защищен толстой костью, но не защищен от сотрясения. А это больно. Это чертовски больно! Данил поморщился. Еще и температура поднимается! Суставы ломит, в груди скребет, в глазах песок. А ведь это еще цветочки! Ягодки могут вылезти позднее! Причем горькие и не вкусные. Одному Шпилю… тьфу ты, Решетову известно, что там в этом «Улье» в воздухе было! Мало ли, как они этих мутантов делают! Может, они чем-то отравлены давно? Той же радиацией! Забывать о ней не стоит. Ее не видно, сразу не почувствуешь, но, когда ощущения эти придут, будет уже поздно. По-хорошему бы таблеточками закинуться специализированными, а ещё лучше и переливание крови сделать, да под контроль врачей упасть, но ни первого, ни второго, ни третьего, сколько по этой снежной пустоши не бегай, и в кастрюлю половником не стучи, не найдешь!

- Ты там как? – расслышав сдавленный кашель гиганта с крыши, поинтересовался здоровьем друга Петров.

Колян-то вообще в самом пекле побывал! Ему сейчас, наверное, еще сложнее!

- Нормально, - ответил тот пару секунд. – Подмерз чутка…

- Точно?

- Точно.

- Двигать надо, - вмешался Бабай. – Мое предложение: сколько есть, все выкатаем, а дальше разбегаемся. Надо подальше от этого

места уехать. Хрен его знает, что там под землей делается. А ну, как рванет… – никто не возразил.

- Поддерживаю, - отозвался Николай.

– Но нужно хотя бы примерно понимать, куда именно ехать, - почесал лоб лысый и тут на выручку пришел гигант.

- Якуты! - внезапно задумчиво проговорил он.

- Что?

- Якуты, Саамы, Чукчи… Оленеводы, короче! Тут же, наверняка, кто-то живет! Надо только найти!

- Хм. А дальше? - Петров скептически обдумал предложения друга, но за неимением собственных, решил разрабатывать пока это направление. – Оленями?

- Зачем? – улыбнулся великан. – Снегоходы! Ты не думай, тут не джунгли! Тут же народ продвинутый! И связь есть, и техника! Ну… была, по крайней мере!

Бабай одобрительно покачал головой.

- Идея здравая! Хотя бы переодеться, да сориентироваться…

- Как найти? – начал просчитывать варианты капитан. - Тут наверняка между деревнями расстояние большое…

- Скитами, - поправил Николай. – Они скитами живут, кочующими.

- Один хрен не жарко…

- Нет, это важно! Они абы где пасти стада не будут! Нужно искать большие распадки. Дальше - болота нефтяные, вряд ли они рядом с ядом таким селиться будут… Правее – открытая часть, я, когда летели, видел. На юге та же история. На востоке есть горы, но туда нам и не нужно, до них далеко, а вот на западе…

- Да, там вроде что-то было, - припомнил одноглазый. – Когда летели, кажется, что-то пацаны видели. Какие-то строения… Туда тогда покатим? – капитан кивнул. Выбора по-прежнему не было.

- Сколько до этого места по прикидкам?

- Мы минут тридцать потом еще летели… Вряд ли доедем. Пока горы и лес этот обползем - крюк большой выйдет, всю соляру сожжем, - прикинул в голове расстояние лысый. – Нет, точно не хватит… но все равно лучше, чем пешком напрямки! - наемник помолчал, хмуро посмотрел на капитана. – Но, я так понимаю, ты танк вести не можешь?

- Нет.

Бабай покусал губу, недобро улыбнулся.

- И э-то-т то-же… А мне возвращаться же потом… В другую сторону надо. Что-то решать надо, мужики…

***

И решили так. Бабай, хитрожопый наемник, одной ногой уже будучи на вольных хлебах, но имевший совесть и честь, умело этим пользуясь, согласился подвести инвалидную команду, выступив их личным водителем. За то, что он потратит время, а, главное, увеличит расстояние собственного пути, он вытребовал у капитана его автоматные рожки, которые Петров и так был готов отдать. Ведь имея один автомат на троих, целесообразно отдать лишний вес в виде БК тому, у кого он есть. Также одноглазый получил в качестве оплаты три из четырех ручных гранат и найденный в танке ящик сухпая. Как он его будет тащить, Данил не представлял, потому легко махнул рукой, мол, забирайте, но, когда лысый еще и пластиковый поддон для слива масла прикарманил, капитан понял, что его откровенно надули, но что уже было делать, коль по рукам ударили.

Зато друзьям остался сам танк… недвижимый, но бронированный, а с ним тот самый КОРД, который Николай, быстро осмотрев, предложил снять со станка.

- Машинка хорошая, хоть и тяжелая, пригодится! – довольно растянув болезненную улыбку на усталом лице, резюмировал он. – Там еще четыре ленты к нему есть. Тоже прихватим.

- А дотащишь? – засомневался Петров. – Он же килограмм под шестьдесят весит!

- Это с лафетом, - ухмыльнулся здоровяк. – А его нам не надо. Считай, минус шестнадцать кило…

- И с рук сможешь?

- Ну, с «Вулкана» смог же!

- Там калибр другой… - все еще не верил друг.

- Ну, вот сейчас сниму, и посмотрим. Эй, кучерявый, иди-ка помоги, подержи эту гайку…

Бабай, недовольно что-то буркнул и скрылся из виду. Петров остался один. Он попытался сжать кулак раненной руки, но пальцы лишь слегка коснулись друг друга. Силы в них не было от слова совсем, а вот потрачено ее самой на это движение было неимоверно

много. Страх разгорался все сильнее. Из едва тлеющего уголька, он уже превратился в горящую искорку, грозя перерасти в костер, а затем в пожар. Что если все так и останется? Он не раз видел то, что с человеком делает, казалось бы, легкое ранение. Разорванная связка, сухожилие, даже маленький нерв и здоровый человек превращается в овощ. Бывает и наоборот, конечно. Никто не верит, что с такими травмами можно жить, а люди мало, что живут, так еще и как это делают! Вот он, живой пример, на крыше матерится. Пуля пацану в глаз попала, череп вскрыла, а он выжил и стал лишь крепче…

Снаружи грянул выстрел. Петров дернулся и зашипел от боли.

- Норма-а-а-а-ально! – раздался голос Бабая. – Мне б твою силу…

В люк сунулась рожа Николая.

- Ну?! Я ж говорил, смогу! Метров на семьсот дал!

- Да где тут семьсот! Максимум триста… - усмехнулся впечатленный лысый.

- Это тебе из-за одного глаза так кажется! – улыбнулся Николай. – А я двумя вижу в два раза дальше! Семьсот! Точно! Эй, командир, ты чего?

Данил опустил руку, попытался улыбнуться.

- Предупреждать надо! Дернулся, в руку отдало…

- Так я ж сказал!.. Э, да ты еще и на ухо тугой стал… Все! Старость...

Данил усмехнулся. Точно. Не в бровь, а в глаз! Старость! Сколько он еще так вот по полям бегать будет? Нет! Надо заканчивать! Вот вернутся сейчас на Афалину, звездюлей полковнику за его мутки навесят и уйдет он на покой… Уедут они с Наташкой с этой проклятой земли куда-то на юга. И пускай юга уже не те, но главное куда-то подальше от всего этого! Сейчас, когда все поменялось, когда ты больше не зависишь ни от чего, лишь от самого себя, когда каждый день может быть последним, когда только ты сам управляешь своей судьбой, ты и лишь ты отвечаешь за то, что будет впереди! Нет больше границ и территорий. Нет больше якорей. Теперь ты сам за себя в ответе! Хочешь, езжай туда. Хочешь – сюда. Ты можешь быть кем захочешь. Все зависит только от тебя! Да, есть определенные трудности с получением всей это свободы, не стоит забывать, что раньше был закон, правила, которых большинство придерживалось, а сейчас любой отморозок, почуявший власть может выстрелить из-за

угла, но все же! С этим можно бороться! Сердце кольнуло иглой. Вспомнился разговор в лаборатории и то фото… Настроение, вроде бы начавшее приподниматься, рухнуло в бездну. «С Наташкой»… надо же. А он и не заметил, как подумал такое. С Натальей Владимировной! Так будет правильнее. А ее правильнее – без нее! Ведь это она изобрела этот вирус! Она виновата в том, что творится вокруг! Это ее рук дело! Как смотреть теперь на нее? Как относиться? Чем она лучше Решетого? Тем, что спасла Коляну жизнь? Так ведь не было бы ничего всего этого, если б не она… Хотя друг в чем-то прав. Она работала над лекарством от всего этого. Так может она и не виновата? Может… Но на сердце пока какая-то обида. Даже злость и легкая ненависть.

- Командир, ты уснул?

Голос Николая снова заставил его вздрогнуть.

- Задумался…

- Двигать надо, Бабай уже собрался…

- Иду, - поморщился Петров, перевалился на бок и выползая из люка.

Оказывается, за время, что он отлеживался, мужики уже все сделали сами. Хитрый наемник смастерил подобие саней-волокуш, использовав тот самый поддон, загрузив в него все свои пожитки и теперь, накинув лямки на плечи, осматривался вокруг, выбирая направление.

Николай тоже времени не терял. Из тросов, найденных на танке, собрал себе ременную систему для переноски КОРДа. Огромный по меркам обычного человека пулемет смотрелся на нем скромно. И сам Николай, хоть и выглядел уставшим и потрепанным, при этом особо, вроде как, не смущался по поводу дополнительной тяжести.

- Тебе б лыжи и на соревнования по биатлону, - пробухтел Данил, неловко скатываясь с брони.

- Ну, давайте, мужики, - стянул с руки стрелковую перчатку одноглазый, и протянул ладонь сперва капитану. – Удачи вам, и спасибо за все, - сжав кулак, стукнул им о костяшки великана. – Может, еще свидимся…

- Давай, - качнул головой Петров. – Береги кальций. – Бабай оскалился в улыбке.

- И ты не старей.

- Удачи, - кратко поддержал слова друга Николай, поправив на плечах пулемет. – Земля круглая, на углу встретимся…

Затягивать с прощанием не стали. Одноглазый напоследок улыбнулся и, потащив за собой волокуши, двинулся куда-то чуть в сторону от курса следования танка.

- Ты как, идти сможешь? Шатает, как пьяного, - поглядел на товарища Николай, когда они остались одни.

- Смогу, - вздохнул Данил. – Деваться не куда…

- Ну, тогда пошли. Нам километров пятьдесят сделать нужно…

Люди разошлись. Каждый пошел своей дорогой, своей судьбой, не ведая, что с вершины ближайшей горы, из чахлой сопки за ними наблюдал Он. Хищник. Совершенная машина для убийства. Охотник внимательно следил за ними, выжидая и предвкушая. Сейчас он был ранен и истощен. Уставший и обессиленный. Троих ему никак сейчас не одолеть… Но вот один человек отделился от своей стаи и стал отличной целью для атаки.

Мощные лапы взрыли снег, бросая сильное тело в сторону, под защиту редкого кустарника, оставив на месте, где охотник только что стоял, глубокие рытвины.

***

Пройти им удалось не много. Стихший на несколько часов ветер снова поднял пургу, закрывая и так-то бледный блин солнечного диска, не способного пробиться сквозь бесконечный слой водяной взвеси именуемой облаками.

- Нужно переждать бурю, - с трудом выдирая ботинки из сугроба и удерживая себя в вертикальном положении, прокричал Петров.

Рации окончательно сели на морозе и теперь приходилось кричать, чтобы Николай его услышал. Здоровяк шел впереди, утопая в снегу, пробивая в нем тропу. Он шел неутомимо, но было видно, что другу тяжело. Сжатые кулаки, напряженная спина и резкие движения выдавали в нем таившуюся злобу.

- Колян! Надо передохнуть!

Гигант рыкнул, но хода не сбавил. Он и сам это прекрасно знал, но зараза, гложущая его тело изнутри, не давала остановиться. Теперь он отчетливо ощущал, что с ним что-то не то. Слишком много! Слишком много он находился на грани, вглядывался в бездну и, когда бездна взглянула в него, не был к этому готов.

Очередной шаг подвел его, и грузное тело великана повалилось на колени.

- Эй, эй, - подскочил тут же Петров. – Ты чего?

Николай тяжело дышал, уткнувшись лицом в сугроб. От его дыхания снег начал быстро таять.

- Да ты весь горишь! – ощутил исходящий от друга жар, взволновался Петров. – Так. Сейчас… Потерпи.

Непослушными от холода пальцами, он нащупал застежку на подсумке, расстегнул молнию, вынул последний шприц успокоительного.

- Потерпи, потерпи. Сейчас… Что ж ты сразу-то не сказал!

- Не надо, - прохрипел друг и, закашлявшись, сплюнул на белый снег тугой черно-красный комок. – Передохнем и дальше пойдем… - утерев лицо снегом, согласился гигант, отводя руку капитана со шприцом.

Активные сутки кого хочешь измотают. Особенно организм, неоднократно стимулированный тяжелой химией. После такого всегда настигает откат и, судя по всему, сейчас он навалился на него настоящим шквалом. Тело дрожало, било судорогой, глаза слезились, голова гудела, мысли начали водить хороводы вокруг одного случайного слова. Нужно было найти укрытие и немного вздремнуть… Но холод… Этот чертов холод! Спать опасно. Можно ведь и не проснуться…

- Идем, - отдышавшись, снова поднялся великан. – Еще немного хотя бы…

На заснеженное поселение они набрели внезапно. Никаких признаков, что тут живут люди, не было видно. Наверное, если бы не пурга, то они бы смогли загодя разглядеть покосившийся и поломанный ветхий заборчик, приземистую юрту и еще пару каких-то строений, но снежная круговерть по-прежнему не давала разглядеть ничего далее десятка метров. Как они сюда вышли, никто из них сказать не смог. Чистая случайность. Николай, вроде, смог разглядеть под ногами подобие дороги и по ней, по неширокой кромке более плотного снега, они и вышли к обиталищу местных. Выйти-то вышли, но…

Присыпанное снегом мертвее тело, повисшее на заборе, красноречиво говорило, что некогда здесь произошло что-то не

хорошее. Внимательно осматриваясь, подавая друг другу знаки руками, друзья обошли периметр. Нашли еще два тела. Подросток и старик. Все трое погибли достаточно давно, чтобы их тела превратились в закоченевшие бревна. Хищники знатно потрепали их, и понять, что здесь произошло, было невозможно.

Еще два тела нашлись в юрте.

- Их медведь, что ли задрал? – осмотрев огромные рваные раны на телах двух женщин, в свете тусклого фонарика, спросил в пустоту Петров.

- Не знаю, - прислушиваясь к завыванию бури снаружи, негромко ответил Николай. – Никогда не видел, как медведь убивает, сравнить не с чем…

- Я тоже, - задумчиво проговорил Данил. - Следов нет, не поймешь… Но раны, - он приложил ладонь, чтобы сравнить кровавый росчерк, - это явно не писец какой-нибудь. Кто тут вообще обитает из хищников?

- Моржи может?..

- Моржи?

Николай пожал плечами. Он как-то внезапно понял, что практически ничего о местности не знает. В школе мельком проходили и все… Живут ли тут белые медведи? Или они там, севернее? А другие хищники? Волки, например? Вроде да… А кто еще? Да хрен его разберешь, кто! Главное, что тут кто-то точно живет!

- Что делать будем? – поднявшись, осмотрел убежище Байкал.

- Предлагаю тела вынести, закопать и передохнуть немного.

- Поддерживаю, - согласился капитан. – В такую метель идти опасно. Я уже ног не чувствую.

- Да. Свежо… однако… - хихикнул внезапно гигант, проникшийся местным убранством жилища.

- Не богохульствуй, - осадил Данил, закрывая тело осматриваемой женщины оленьей шкурой. – Хватай, давай, пока мы сами не задубели…

Тела присыпали снегом, чтобы возможный запах не привлек других хищников. Да, местные одеревенели и уже вряд ли чем-то пахли, но, кто знает, вдруг это их, человечий нюх ничего не улавливает, а хищник, сделавший это, учует и снова наведается в столовую… Из этого же соображения установили растяжки из оставшихся ручных

гранат так, что к юрте подойти можно было только со стороны входа, а его перегородили втащенными в жилище санями, или нартами? Не важно. Чем-то в общем-то таким. Если кто-то сунется в чум, то сперва наткнется на эту преграду, а потом уже на штыковой пулеметный огонь. «Корд» поставили так, чтобы он стволом смотрел аккурат над санями. Снаряд калибром 12.7 х 108 мм не то, что медведя, десяток медведей остановит и не задумается.

- Давай, ты первый, - уселся Николай рядом с пулеметом, привалившись боком к саням. – Я пока покараулю.

- Тебе нужнее, - возразил капитан. – Вторые сутки на ногах уже!

- Мои ноги не твои, - отмахнулся здоровяк и закашлялся. – Спи, давай, я потом, - сипло вздохнув, когда кашель отступил, добавил он. – Сейчас все равно пурга, с тебя толку мало. Меня кашель все равно, сам видишь, мучает… Не усну.

- Ага, - усмехнулся Данил. – А ты думаешь, я усну после такого? Тебя за километр слышно. Как себя чувствуешь?

- Нормально, - отмахнулся сержант. – В груди царапает. Простудился, видать в этом БДСМ-костюме вашем…

- Смотри, яйца не отморозь, - улыбнулся Данил, укладываясь в дальней части юрты, где на приземистой кровати были навалены шкуры. – А то за километр звон слышно будет…

Николай скривил лицо, передразнивая друга, но ничего не ответил, лишь снова сдавленно кашлянул. Петров уснул быстро. На этот раз это был именно сон, а не его подобие, вызванное медикаментами. Настоящий, лечащий и восстанавливающий.

Николай вздохнул. Голова теперь болела еще и с недосыпа и усталости. Ему до одури тоже хотелось завернуться сейчас в теплые шкуры и проспать часиков этак сорок-пятьдесят. Он дико устал. Тело стало тяжелым, неповоротливым, как и мысли. Они с каждым часом замедлялись, становились все более ленивыми, расплывчатыми, но виной тому, все же, была не только усталость. Гигант сжал и разжал кулак. Мелкая черная капиллярная сетка, на указательном пальце правой руки никуда не делась. Он заметил ее еще там, снаружи, на танке, но тогда он думал, что это масло, или копоть, может солярка, но пятно не стиралось. Синяк? Но какой-то странный. Обморожение? Николай повертел ладонь. Такое же пятнышко нашлось между большим и указательным пальцем на тыльной стороне ладони правой

руки и еще одно чуть выше запястья. Покусав губу и поцарапав кожу, попытавшись разогнать на местах кровь, ничего не добившись, парень с тревогой поглядел на спящего друга.

- Зараза! Точно нахватался! - Тихо выругался он.

Прислушавшись к себе, он ощутил тревогу. Тело горело. Может, ему, конечно, это только кажется, но что, если там, под землей он словил опасную дозу радиации? Что, если сейчас он фонит не хуже самого реактора? Дозиметра-то нет!.. Помотав головой, сержант отогнал темные мысли. Нет! Если бы он облучился, то ощущал рвоту, зрение бы упало, а так… У него только признаки гриппа. Может это что-то другое?.. Нужно как можно быстрее добраться до Афалины! Мало ли, что это такое! Может, просто синяки от схватки, может даже какие-то точечные ожоги, а может… Может он переоценил свои способности и силы, и теперь медленно умирает?.. Снаружи что-то хрустнуло. Николай тут же встрепенулся. Взгляд уперся в щель, через которую в чум попадал узкий луч света. Нервы мгновенно натянулись, а палец на спуске пулемета напрягся, но прошло несколько минут, а ничего так больше не произошло.

***

Петров проснулся через три часа. Организму для отдыха этого, конечно же, было мало, но дрыхнуть больше было нельзя. Не дома. О друге тоже надо позаботиться. Вон как плох!

- Ты как? – поднялся Данил, с неохотой выбираясь из под шкур.

- Нормально, - устало и сонно ответил Николай.

- Иди, отбивайся. Я посторожу теперь.

Парень ничего не ответил, лишь едва кивнул головой, и, не вставая, просто перекатившись с бока на бок, на четвереньках перебрался ближе к кровати.

- Как дежурство? – растирая щеки холодным снегом, поинтересовался капитан, занимая нагретое другом место за пулеметом.

- Нормально, - отозвался тот. – Там что-то хрустит иногда, не обращай внимания. Наверное, ветер…

- Ага, - мотнув головой, принимая сведения Байкал, укладываясь и кладя палец не спуск. – Ладно, спи, часа через три разбужу.

- Лучше не надо, - вздохнул Николай, накрываясь теплыми шкурами.

Данил хмыкнул. Да! Он бы и сам не отказался проснуться не где-то посреди снежной пустыни в юрте, где недавно какой-то хищник растерзал целую семью, а в теплой, мягкой постели, желательно чтоб рядом еще красавица какая лежала… а еще лучше чтобы она с чашечкой кофе и чем-то вкусным встретила! Живот на эти мысли утробно заворочался, напоминая о себе. Так! С этим тоже что-то нужно делать! Еды у них нет. Один паек на двоих. А идти сколько? По прикидкам, если вот так как они сейчас, пешком, то это… неделя? Две… Данил нахмурился. Чет дохрена выходит! Но да! Пешком же! Сколько они летели? Часа три… До Афалины километров пятьсот значит… По пятьдесят километров в день… мдааа! Нужно обязательно найти поселение, но что, если все они… если все они такие? Кстати! Данил нахмурился. А почему они не встали? Должны же были! Петров скосил глаза на щель. Снаружи что-то хрустнуло. Мужчина сглотнул. В голове сразу нарисовалась картинка, как закоченевшие чукчи, или кто они, саамы? Якуты?.. не важно… Ползут вот они сейчас к чуму, глядя на него мертвыми глазами… Этакие снежные ходоки! Холодный пот пробежал по спине и Петров плотнее прижался к пулемету. От запаха пороха и масла стало чуточку спокойнее. Да пусть там хоть сотня ходоков будет! Он с ними справится!.. Хотя нет… В ленте пятьдесят патронов… С сотней не справится… Тогда лучше пол сотни! Вот! Пусть там хоть полсотни ходоков будет!.. Ему больше не страшно. Как там Кнехт кричал, когда на него образина эта перла? Нет страха? Надо будет спросить. Хорошие слова!

***

Сон, который снился Николаю, был тяжелым и страшным. Кошмар не отпускал. Он шел по каким-то бесконечным извилистым коридорам, утопая по колено в крови, убивая всех, кто попадется ему на пути. Пару раз мелькнули знакомые лица, но он и их убивает, и, что было еще страшнее – ему это нравится! Ему хочется их крови, он ее жаждет и не может остановиться. Но, одновременно с этим, ему все это противно, а остановиться не получается. Его тело ему больше не подконтрольно. Зверь, таившийся внутри, выпущен на волю и теперь творит бесчинства. Ему нет разницы, кто перед ним – военный, или ребенок, мужчина, или женщина, солдат или старик. Он убивает хладнокровно и кроваво. Где-то вдалеке слышится музыка, но слов песни не разобрать. Кто-то зовет его, называет его имя и это

единственный путь, которым он может следовать. Сон длился бесконечно долго. Он мечется, запертый в собственном теле, не в силах помешать вышедшей из-под контроля темной стороне, имея возможность лишь наблюдать, словно через экран телевизора, за собственными же действиями. Но, в отличие от голубого ТВ-экрана, здесь все было намного красочнее. Присутствовали ощущения, запахи, вкусы… Сон длился и длился. Николай понимал, что это именно он, но проснуться никак не мог.

Вот перед взором мелькнуло лицо Петрова. Безжизненное. Тело бывшего друга, переломанное в нескольких местах, лежит в углу коридора, рядом с ним Наталья, правда, почему-то блондинка. Дальше, в коридоре за стеклом в гермодвери Алиса. Это она его зовет, машет ему руками, еще не понимая, что это больше не он… Николай пытается затормозить чудовище, крикнуть, чтобы она убегала, уходила прочь, как можно дальше, но девушка вместо этого открывает дверь и… Тело его вздрагивает, пытаясь кинуться в рывке, но что-то держит его и наконец-то кошмар заканчивается.

Тяжело вздохнув. Дернувшись всем телом, гигант открыл глаза.

- Доброго утра, - встретил его неприветливый голос капитана.

- Ага, и тебе, - утирая лицо ладонью, сгоняя сон, пробухтел Николай.

- Кошмары снились? – сержант не ответил.

Он выбрался из-под шкур, потянулся, хрустнув спиной. Сон, хоть и был коротким и тревожным, но позволил телу хоть немного отдохнуть. Звонарь в голове улегся спать, и песок из глаз высыпался.

- Ну, что, собираться будем? – подошел он ближе к напарнику, выглянув в прореху. – Метель вроде стихла.

- Ага, где-то полчаса назад, - кивнул Данил. – Поедим да пойдем, наверное, осмотримся только тут сперва, может, чего ценного найдем.

- А есть что пожрать? – нахмурился великан. – Там паек только один, так, на зуб…

- Вон, - Петров качнул головой куда-то вперед.

Николай присмотрелся.

- Что? На человеченку потянуло? Я думал, это скорее меня ждет, чем тебя…

- Олень!

- Сам такой!

Данил улыбнулся, вздохнул.

- Олень, говорю, там лежит! Местные их в пищу употребляют…

- А-а-а-а! – улыбнулся Николай. - А я уж думал, тебе карачун совсем голову отморозил…

Оленина оказалась замерзшей, как и тела местных. Ни один из них никуда не уполз, не попытался проявить хоть малейшую активность, на что сержант логично рассудил, что при таком морозе жидкость в мозгу, наверное, тоже замерзла, повредив его.

- Так что, они тут не зомбируются, выходит? – нарезая аккуратные тонкие полоски мяса, задумался Данил.

- Наверное, - держа округу под контролем, пока товарищ занят заготовками, ответил здоровяк.

- Ну, так-то логично… мозги в лед смерзаются… Особо не походишь с такими… Значит, здесь вполне можно жить, выходит?

- Ага, - буркнул Николай. – Но что-то им это не особо помогло… Зверье гуляет голодное, а это, как видишь, тоже нифига не весело.

Данил покачал головой, соглашаясь. Везде есть не только плюсы, но и минусы. Срезав очередной пласт мяса, он отрезал от него маленький кусочек, положил на язык, дождался, пока тот растает и проглотил.

- Маканины к ней не хватает, - посетовал он, оценивая вкус. – Но пойдет. На, попробуй…

- Чего? Сырое? – нахмурился сержант.

- Ну, да… Струганина. Не слышал? Местная кухня! Привыкай! А маканину делают из соли и перца…

Николай недоверчиво принял тонкий, завитый, словно стружка пластик мяса, сунул его в рот. Ему-то особо нет разницы, что есть, лишь бы энергию восполнялась, но после кошмарного сна есть сырое мясо как-то не хотелось! Кто знает, как он на все это отреагирует. О том, чем ему приходилось питаться целых полгода в состоянии зараженного, он даже не хотел думать. Всяко это вкуснее и полезнее…

Мясо растаяло мгновенно. Сглотнув, он одобрительно покачал головой.

- А неплохо… Соли, правда, не хватает…

- Она тут есть, по любому… Надо будет поискать. Сильно не налегай только! Хотя-я-я-я… тебе, наверное, пофиг… желудок и лом переварит.

- Прихватит, думаешь?

- Еще как! С непривычки так проносит, мама не горюй! А бумаги тут туалетной нету… Даже лопуха не найдешь…

- Что, знаешь уже? – усмехнулся товарищ.

- А то! Я ж с Байкала! Забыл? У нас там это частое явление! Приедут туристы, наедятся, а потом кабинки туалетные оккупируют до утра…

Закончив с нарезкой, отправились на поиски полезностей. Соль нашлась в покосившемся строении, присыпанном снегом. Вместе с запасами потрошеной рыбы и нехитрым инвентарем для ее добычи, в виде пешней, крюков и прочих острых и опасных на вид предметов. Еще из полезного нашлись два старых двуствольных ружья, несколько десятков самодельных, крученых патронов, порох, пыжи и гильзы к ним, пара отличных якутских ножей, и теплая одежда. Больше в мертвом селении ничего не было. Оно и ясно! Откуда тут что-то ценное возьмется? Тут самое ценное это - жизнь! Все найденное добро было погружено в сани, которыми блокировали вход в юрту и, которые, вероятно, ранее таскали те самые местные олени, а теперь, как бы горько-то не звучало, придется тащить неместному.

- Ну, а что, - развел руками Данил. – Я не утащу, а тебе полезно будет…

Николай вздохнул, пробухтел что-то не довольное и впрягся в упряжь. Тащить их оказалось легко. Даже не смотря на вес самих нарт, нагруженного в них добра, пулемета с БК, и самого Петрова, сидящего на горе всего этого, словно Кощей над златом. Наглая эксплуатация силы, скажет кто-то? Отнюдь! Просто так оказалось идти на много быстрее. Шаг великана и шаг капитана были не равны и, потому, или Данилу, или Николаю приходилось подстраиваться, замедляясь и сбиваясь, а так дело пошло споро. Гигант тащил сани легко, почти не ощущая сопротивления, удивляясь тому, как же местные все грамотно придумали и рассчитали! Ну, еще бы! Они ж тут поколениями живут! Сотнями, а, может, даже, тысячами лет! Они все эти премудрости с молоком матери или кого там, тюленя, знают?! Здесь их земля, их территория, их дом и они знают его лучше любого пришлого!

Еще одно поселение замаячило на горизонте через несколько часов хода. Первым его заметил Байкал. Он чисто случайно увидел черные пятна теней от засыпанных снегом юрт уже, когда они их

прошли. Глаза замылились от белого снега и, потому, что-то неестественное, отличавшееся от этой белесой белизны, сразу бросилось в них.

Это поселение, как и предыдущее, тоже было мертво. И вот это уже не на шутку настораживало.

- Хреновы дела, - оглядываясь по сторонам, водя двустволкой, прошептал Данил.

Николай не ответил.

В этом селении юрт было аж пять. Живых, как и в прошлый раз - не нашлось. Характер ран на телах был таким же: рваные царапины от когтей и зубов.

- Тот же хищник? – осматривая огромный след на снегу, нахмурился Данил.

- Вроде, - присмотрелся Николай. – Причем, один. Видишь, один палец как-то в сторону немного? Думаю, это тот же! Причем одиночка, других следов нет.

- Что ж это за зверь такой? Вот по любому одна из тех тварей, что в лаборатории Решетова выводилась! Ладно, давай по быстрому осмотримся да дальше пойдем… не нравится мне тут, да и опять хмурится…

Небо над ними, немного прояснившееся, из черного став туманно-серым, снова темнело. Здесь так частенько. Или солнце светит такое, что кожу обжигает, причем стоит лютый мороз, или бури снежные неделями одолевают. Им не посчастливилось попасть во второе.

С этого поселения друзья поимели еще пару ружей, бочку жира, да несколько патронов и шкур. Может быть, если поискать получше, тут и можно было бы найти еще что-то ценное, но поломанные, засыпанные юрты приходилось в буквально смысле слова откапывать, прежде чем можно было забраться под их пологи. На это уходило очень много времени, а с учетом, что капитан левой рукой все также не мог работать, копать приходилось Николаю, причем голыми руками, но, находя после утомительных раскопок лишь пару новых шкур, ему это быстро надоело.

- Смысла нет, - утирая пот, осмотрел окрестности здоровяк. – Это какие-то семейные дома. Только время тратим…

В желудке у него оглушительно заурчало.

- Да, я тоже так думаю… - согласился Данил. – Нужно севернее идти, к воде. Там должны быть большие поселения. Здесь пастбища летние, наверное, или «перегонные» какие-то, а в них ничего ценного нет. Давай перекусим, да дальше двинем. Ты как? Идти можешь? – сержант вздохнул, устало кивнул.

Выглядел он не очень. Видно, что устал, что его мучает температура, но парень держался.

- Хорошо, тогда семь минут перекур и в путь.

- Почему семь?

- Пять мало, а десять много, - усмехнулся Данил, видимо, какой-то своей шутке. – В книжке одной вычитал… Умные слова… Кстати! Что ты там в лаборатории про страх говорил? Откуда это? Сам придумал?

- Не, - намного подумав, о чем именно идет речь, ответил здоровяк, насаживая кусок ткани юрты на обломок столба, создавая примитивное укрытие от ветра. – Знакомый один постоянно их повторял. Говорил, вроде, какая-то молитва какого-то воина… Запомнилось видать, а как урод этот в голову залез, так само и всплыло…

- Надо будет запомнить потом, - выуживая мешок соли и нарезанное мясо, уселся рядом капитан. – Хорошие слова, до дрожи пробивают!

***

Глава 6. "Саамы"

Деревня погибала и погибала кроваво. Бестии, словно сговорившись, атаковали людей внезапно, когда все охотники ушли на промысел, а остальные готовились ко сну. Десяток стариков и детей, да пара подростков, оставленных на пригляд за престарелыми родственниками, противопоставить живой массе противника ничего не смогли. А массы той было превеликое множество. Покрытые густой, непробиваемой для пешней и копей шкурой, медведи рвали и ломали людей, словно спички. Откуда они пришли в таком количестве? Как они умудряются атаковать настолько слажено, и что вообще происходит – не понимал никто.

Сиркэ забился в угол юрты и старался не дышать. Старое отцовское копье, которым он еще сам, будучи мальчишкой, убил своего первого тюленя, скользило в окровавленных детских руках. Древко, иссохшееся за десятилетия, покрытое глубокими трещинами не казалось надежным, но другого оружия поблизости не было. Справа к нему жалась Морен. Младшая сестра испуганно прятала голову, стараясь смотреть только вниз. Вход в юрту был разорван и скособочен. В дыру забивал ветер и снег, крики и рычания холодили душу. Мальчик боялся пошевелиться.

Внезапно юрта дернулась, накренилась, сорвалась с кольев и опала. Девочка закричала. Сиркэ не успел прикрыть сестренке рот, а через мгновение их, вместе с домом, мощным рывком дернуло куда-то в сторону. Детей протащило несколько метров. Мальчик слышал тяжелое дыхание хищника, его рев над самым ухом, стук могучих лап по снегу. Дети закрутились, завертелись, теряя понимание, где верх, а где низ.

Медведь взревел, звук словно вознесся к небу, и в этот момент Сиркэ все понял. Многотонная туша встала на задние лапы, чтобы через мгновение обрушить на их тела весь свой вес, раздавить, сломать, убить, размазать, впечатать в лед. Страх заставил действовать. Выудив нож, он вспорол полог и буквально за мгновение до гибели успел выскочить из смертельного мешка сам и вытащить сестренку за руку.

Огромный, покрытой кровью медведь, обрушился на остатки юрты. Таких Сиркэ еще никогда не видел. Это был не медведь. Это был сам страх, сам ужас, во плоти! Поняв, что люди выбрались, монстр медленно обернулся. Открыв пасть и показав свои огромные клыки, он не спеша двинулся к ним. Детей от смерти отделяла всего пара метров. Смешное расстояние для стремительного хищника, но тот не спешил. Он сделал шаг, махнул правой лапой, откидывая какой-то мусор с дороги, и снова поднялся на задние лапы, демонстрируя всего себя.

Морен заскулила. Сиркэ принял решение. Он толкнул девочку, крикнул ей, чтобы та убегала, а сам сжал в дрожащих руках отцовское копье, нацелив острый конец хищнику прямо в сердце. Зверь опустился на передние лапы, сотрясся снег и пошел в атаку. Мальчик зажмурился, ткнув копьем нугад. Сильнейший рывок заставил зубы клацнуть. Одежда заскрипела, разрываясь, с ноги слетел один сапог.

В уши ворвался рык. Такого он еще никогда не слышал. Заскрипел снег, раздался глухой звук удара. Мальчик распахнул глаза. Он лежал в нескольких метрах от места схватки. Схватки медведя и… и… Гиганта. Самого настоящего гиганта! Великана! Здоровенный, закрывающий свод человек, не уступая зверю ни в росте, ни в силе, атаковал бестию. Огромный красный топор рассекал снежную круговерть, окрашивая алыми брызгами снег вокруг места схватки.

Внезапно его кто-то схватил за плечо, развернул. Незнакомый мужчина в военной форме. Он что-то спросил у мальчика, но язык для Сиркэ был не знакомым. Да даже окажись сейчас рядом его собственный отец, мальчик бы наверняка от страха ни понял бы ни слова.

- Ты как? – встряхнул Петров побелевшего от страха мальчишку.

Поняв, что малец в шоке, он дернул его за руку, уводя дальше от места схватки.

Николай едва-едва успел. Еще мгновение и дети бы погибли в зубах хищника.

Медведь был силен, но он был обыкновенным животным, коих в окрестностях было много. Обычный зверь, с отточенными навыками и привычками. Все что он мог, это давить массой, рвать клыками и ломать лапами тюленей или на кого они тут еще охотились. А сейчас

перед ним предстал новый противник и что делать с ним, медведь не знал.

Кнехт ворвался в драку, как говорится, с двух ног. Он мощным ударом плеча, словно таран, оттолкнул зверя, чуть не опрокинув того, давая детям и капитану немного времени на отступление. Топор загудел, врезался в плоть, срезав хищнику правое ухо и макушку скальпа. «Промазал», – досадливо подумал Николай, чувствуя, как собственное тело закручивается по инерции. Крутанувшись, словно спортсмен, отправляющий ядро на поле, он нанес второй удар. Оружие угодило в переднюю лапу. Медведь взвыл от боли, припал на раненную конечность, но следующим ударом, сверху вниз, гигант раскроил ему череп. Огромная туша упала замертво, но к месту сражения, судя по нарастающему реву и топоту, уже мчались другие.

- Уходим! – выкрикнул гигант, обращаясь к другу, поднимая за капюшон еще одного местного. – Сейчас придут другие!

- Давай туда! – Данил, неловко придерживая раненной рукой двустволку, отпустил пацана, которого он тащил за загривок и здоровой конечностью указал куда-то в сторону.

Николай кивнул, поднял топор и гигантскими скачками помчался за другом. Там, в районе большой юрты шло основное сражение. Две туши медведей уже валялись под ногами, но третий хищник теснил небольшую группку местных.

Разогнавшись, словно болид так, что снежинки для гиганта из падающих пушинок превратились в горизонтальные росчерки, Николай прыгнул вперед. Налету растопырив лапы, он с рыком упал на зверя, вцепился в него, и принялся душить. Медведь под его весом сдавленно хекнул, просел на передних лапах. Скинуть напавшего со спины великана ему не удалось. Топор снова ударился о кость, вскрывая медведю щеку и нижнюю челюсть, затем воткнулся в бок, полоснул в сторону, оголяя ребра, дернулся в другую, когда зверь зарычал от боли и попытался скинуть великана. Из разрыва с неприятным чавкающим шумом, заглушенного воем ветра для всех, но не для Николая, вывалились склизские органы. Жертва обессилено упала, и лишь тогда сержант разжал вторую руку.

Местные заверещали, затараторили на неизвестном языке, со страхом глядя то на чудовище, выросшее из снежной круговерти, так

быстро разобравшееся с полярным медведем, то на погибшего в одно мгновение главного хищника этих земель.

Гигант, тяжело дыша, развернулся спиной к людям. Тут же откуда-то из мглы вынырнула другая фигура, за ней бежали Сирке и Морен.

Мальчик сразу же разглядел деда и, замахав ему руками, предупредил, что пришлый мужчина и гигант спасли их от смерти.

Петров подоспел и, задыхаясь, повторяя маневр товарища, развернулся спиной к людям, лицом к опасности.

- Че-т их слишком много… - глядя на то, как в снежной пелене прорисовываются силуэты медведей, нахмурился Байкал.

Николай не ответил. Что тут скажешь? Все и так очевидно. Десяток, не меньше… Он воткнул топор в сугроб рядом с собой и принялся стягивать импровизированные лямки «Корда» с плеч. Музыка в наушниках захрипела, в ней стали появляться пропуски. Наверное провода замерзли! Или сам плеер… Мороз то лютый! Как он до сих пор вообще еще не сломался?!

Сторонние, какие-то даже можно сказать бытовые, отстраненные, а не просто сторонние мысли накрыли сознание. Медведи. Белые… А вы знали, что они на самом деле черные? Только мех у них белый? Да, а вот Николай это откуда-то знал. Совершенно бесполезный и, скорее всего единственный факт о местных расхитителях деревень, сам собой для чего-то всплыл в голове. А ведь они еще и одиночки! Что же тогда заставило их объединиться? Голод? Скорее всего. С момента краха цивилизации прошло чуть больше полугода, а для этих мест – полгода что такое? Обычное явление. Здесь нет связи, нет той самой цивилизации и ее благ в виде интернета, телевидения или даже почты. Здесь люди живут по собственному расписанию, подолгу не получая вестей с «большой земли».

Ледяной приклад «Корда» прижался к плечу, ствол уставился на первую рисуемую метелью тень. «Интересно, - продолжались крутиться в голове странные мысли. - А как местные восприняли все эти события? Самобытность здесь процветает пушистым ковром. Думали что это проклятье? Демоны спустились с небес? Или они все же достаточно продвинутые, чтобы понимать, что такое биологическое оружие?» Палец вжал тугой спуск. Грохнуло так, что заложило уши, в плечо ткнулась отдача. «Надо будет потом обязательно это узнать…»

Рядом грохнула двустволка Петрова. Николай моргнул, перевел прицел на второго зверя, снова выстрелил. Огроменная гильза отскочила куда-то в сторону и шибанула спасенного недавно паренька по лбу. Тот вскрикнул, спрятался за более старшего сородича. Выстрел. Рев раненного медведя. Выстрел – предсмертный рык, хлюпанье. Выстрел. Вой кружащей вокруг метели, словно смех невидимого духа. «Вуууууу» - дует ветер, «Вжжжуууу» - отвечает ему разорванная юрта. «Фшшшшшшш» - несет по насту острые колючки снежинок, и над всем этим грохочат выстрелы. Один за одним. Один за одним.

Медведи кинулись в атаку, но расстояние было слишком велико, а калибр пулемета слишком могуч, чтобы она увенчалась успехом. Против такого не каждый танк попрет, не то, что обычные мишки! Не зря он ведь именно на нем и стоял! Это вам не на колья с факелами переть! Это вам, мать вашу, понимать надо, на кого пасть разеваете! Внезапное чувство злобы окутало сержанта, отгоняя ленивые мысли. Он даже головой мотнул, чтобы окончательно прийти в себя. Не время расслабляться…

Схватка закончилась довольно быстро. Двенадцать туш, одна ближе другой, замерли на снегу, истекая кровью, плавя его, и тут же образовывая красноватый лед.

- Вроде, все, - опустив оружие через минуту с последнего выстрела, хрипло проговорил Николай.

На этот раз не ответил Петров. Он продолжал вглядываться в снежную пелену, следя краем глаза за испуганными, прижавшимися друг к другу местными.

- Вы как?

Один из… Чукч, чукчей, чукчов? Хрен там разберешь, как правильно, что-то быстро проговорил, но слов капитан не разобрал.

- Понял что-нибудь?

Николай отрицательно покачал головой.

- Хреново...

Речевой контакт, как ни старались, не устанавливался. Потратив минут пять на объяснение того, кто они такие, и, что более важно, что вот эта верзилище-эксгибиционистище, в шкурах поверх полуобнаженного мускулистого тела в резиновых ремнях, не опасен для них, Байкал наконец-то плюнул и принялся показывать жестами.

Всеми понятными. Такие, которые на подсознательном уровне осознают даже пьяные гориллы-гомодриллы.

Тыкая пальцами в сторону окраины селения, матерясь и злясь, ему кое-как удалось отогнать местных от места побоища. Те порывались куда-то идти, указывая руками в разных направлениях, но жесты чукч были не столь красноречивы, как Петрова.

- Больше нету? – укрывшись от лютого мороза и усилившегося снегопада в самой дальней юрте, спросил Петров вернувшегося с разведки друга.

- Нет. Пара еще живы были, но я добил. Нечего мучиться было.

- Кто дебил? – переспросил Данил, не расслышав бурчащего под нос здоровяка.

- Добил, говорю, глухня! – вздохнул Николай. – Пятнадцать было. Трех они уделали, остальных мы.

- Не хило. Так это может они те деревни и выгрызли?

- Вполне похоже. Такая стая могла.

- Что их, интересно, заставило на людей напасть? Че, тюлени все повымерли? Или кого они там жрут? Рыба на нерест ушла?

- Сходи, спроси, - устало опустился на снег великан и поглядел на местных.

Те все еще старались держаться от него подальше, но теперь, по крайней мере, выбраться из собственной шкуры - чтобы убежать как можно дальше от великана – не стремились. Особенно дети. Те даже стали смотреть на него как-то с интересом и удивлением. Ну, дети везде одинаковые. Сержант сгреб охапку снега, сжал его до твердого состояния и аккуратно поднес ко лбу мальчишки, которому прилетело горячей гильзой.

- Шишка будет, - улыбаясь, как можно более дружелюбно, проговорил он, стараясь успокоить дернувшихся при его движениях старших Чукчей.

Мальчик что-то пролепетал, но снежок ко лбу, все же, приложил.

- Ну, что теперь с ними делать будем? – заняв положение за спиной друга, глядя на вход, чтобы не оставлять тылы неприкрытыми, задал животрепещущий вопрос капитан. – Твоя идея была помочь… Они ж ни «бе» ни «ме» по-нашему… Как дорогу узнать?

- Будем устанавливать контакт, - пожал плечами здоровяк. – Все равно пурга, не понятно, куда идти… Переждем метель, да будем

решать.

В животе гиганта утробно зарычало. Местные вздрогнули, но сержант добродушно улыбнулся.

- Да не сыте, у нас олень есть… - и, не меняя лица, добавил: - я вас утром съем, если не хватит…

Чукчи, конечно, его слов не поняли, но натянуто заулыбались, видя, как расплылся в улыбке и второй повернувшийся пришлый.

За санями, оставленными где-то перед деревней, пришлось идти Николаю. Петров бы их не дотащил со своей рукой, да, к тому же, выходить пока еще было опасно. Сержант нутром ощущал чье-то присутствие. Заодно и еще раз все разведал.

Вышли из юрты лишь под утро… ну, как утро… Так, по часам. Снаружи стало лишь чуточку светлее, да и то, чисто из-за успокоившейся метели. Ни о каком рассветном ярком и согревающем солнце речи не шло. Спали по очереди, причем, что местные, что пришлые. Петров не доверял косящимся в их сторону людям: то на шкуры покажут, то на сани, которые Кнехт едва-едва отыскал в сугробе, то на огромный пулемет с двустволкой, и все что-то на своем булькают. Явно что-то обсуждали! Но агрессии пока не проявляли.

- Свежо, - высунулся великан первым, сразу ощутив разницу между тем, что внутри надышали за несколько часов и, какая температура стояла снаружи.

Ветер исчез, а с ним немного и мороз силу сбавил, но все еще было холодно. Над деревней стояла мертвая тишина. Причем в прямом смысле. Обведя взглядом заснеженное место схватки, гигант покинул нагретое убежище.

Осмотр ничего нового не дал. За время, что они прятались, новых следов на плотном насте не прибавилось. Тела, примерно там, где их застигла смерть и остались.

- Они что, правда, настолько замерзают, что сразу погибают? – глядя на то, как местные пронесли мимо них тело мертвого соплеменника, пробормотал Данил.

- Наверное… Хотя что там этот, Решетов говорил? Есть какие-то иммунные…

- Думаешь, они все тут такие? Неподвержены заражению?

- Хрен их знает! – пожал плечами здоровяк. – Может воздух чистый, натуральная еда без ГМО, или что-то такое в рационе есть…

Надо будет Черновой об этом рассказать. Она заинтересуется наверняка, сразу их на куски…

- Ты себя как чувствуешь? – оборвал друга Байкал.

- Нормально, - сразу же, без запинки перешел на другую тему сержант. – В голове немного шумит, но это от усталости.

- Это хорошо. Раз шумит, значит, что-то в ней есть… А то в вакууме звук же не распространяется…

- Слышь! Смотрю, силы на пошутить появились?

- Ну, языком молоть – не мешки ворочать… Чего это они?

Местные заволновались. Они что-то быстро и возбужденно заговорили на своем языке, поглядывая куда-то в сторону. Николай нахмурился, напряг зрение.

- Еще кто-то, - разглядел он силуэты в полумраке. – Сани?..

Пулемет, который он не выпускал из рук ни на секунду, чуть приподнялся. Данил напрягся. Несколько незанятых местных побежали приближающимся силуэту навстречу, а поравнявшись с ними, принялись обниматься. Это могло говорить о близком родстве новых действующих лиц со старыми. Две группы долго что-то обсуждали, пока Николай с Даниилом неспешно шли в их сторону, давая как бы понять, что они все видят, но ничего не боятся, и идут на контакт. Застали они уже конец разговора, хотя даже приди они сразу, все равно бы ничего на тарабарском не поняли. Как вчера выразился Николай: «Не пойму, ты или тонешь, или что-то говоришь?», когда какой-то паренек пристал к нему, жадно поглядывая на «Корд».

Старик, из вчерашних, понизил голос при их приближении, явно не успев договорить последнюю фразу. Охотники – оценил Данил взглядом приехавших людей в санях, запряженных двумя молодыми и сильными оленями. Сразу видно. Крепкие мужики и парни, с двустволками и пиками. Одеты добротно, плотно, сбито. На ногах короткие, но широкие лыжи. Эти рядом с упряжкой бежали, причем, даже не задохнулись. Видать, им это не впервой. С ними еще были три собаки, которые при приближении Николая принялись рычать, но стоило тому посмотреть на четвероногих, как те сразу притихли.

- Ки-то та-ка-я? – неожиданно, на ломанном русском, спросил один из вернувшихся с промысла мужиков.

Данил выматерился.

- Да наконец-то! Наконец-то кто-то по-нашему говорит! Военные мы… с базы пришли. Вашим помогли. Медведи напали, мы их убили…

***

С появлением кого-то, кто более-менее говорил на русском, общение между местными и пришлыми худо-бедно наладилось. Конечно, не все было понятно из ломанной и неправильной речи охотника, но общее положение дел капитан с сержантом разобрать смогли. Дэнси рассказал, что вчера они отправились к соседнему скиту, посмотреть, что там стряслось. До этого туда ушло несколько человек, обменять рыбу на жир, но, так до сих пор и не вернулись. Как оказалось, тот скит был уничтожен. Тогда Дэнси повел людей обратно, почуяв беду для своей семьи. По его словам то, что произошло – не укладывается ни в какие рамки окружающего мира. Белые медведи никогда прежде в их краях не объявлялись. Они, как правило, живут ближе к воде, намного дальше на север. Что вынудило сбиться хищников в одну стаю и устроить набег на поселения – осталось для разведчиков загадкой.

- Это начался летом, - усевшись у разведенного прямо в юрте огня, рассказывал охотник, немного расслабившись после разговора с односельчанами о случившемся вчера, и проникнувшись благодарностью к гостям. – Наш охотника отыскал труп звери. Мы таких еще не видать. Нойд назвать его демоном. Следы, вести с гор, а сдохнуть он от голода и холода. Мы тело трогать бояться, ждать, когда Василий вернется с летних пастбищ. Он тогда с Негостаем изучать какой-то мох ходить.

- Василий? – услышал нормальное для уха русского человека имя Данил.

- Да. Ученая. Василий. Приехать давно, жить с нами… Как это сказать… - охотник нахмурился. – Экспедиция! Много раз приезжать, мы его знать, он нас знать… Василий прийти, смотреть, говорить, что опасность! Мы труп сжечь. Много дров ценных потратить, но сжечь! Василий умный! Дэнси ему верить! Великий Нойд ему верить! Все ему верить… Потом странность приходить. Холод лютый, с-собака! Снег странный. Затем мертвые вставать. Первым бабка Трефилка встать. Старый бабка, умереть от сердца. Мы ее хоронить, а она вставать! Мы радоваться, но потом горевать. Бабка глупый стать,

дикий! «Дух, вселиться в ее тело» - так Нойд говорить. Бабка тоже сжечь. И тех, кого она кусать. Потом зима прийти. Совсем плохо стать. Вертолета не летать, посылка не возить. Олень болеть. Стада потерять за неделя! Червяк проклятый съесть!

- Червяк? – пришел черед Николая удивляться. – Что за черви? Глисты что ли? Откуда тут черви?

- Маленький такой, с-собакин сын! – охотник показал указательный палец так, словно что-то на нем держит, отмечая ногтем большого пальца размеры того самого червя. – Белый, тонкий. Как нитка! Но много! Целая яма! Там, где черная смола. Нефть. Яма шевелиться, разрастаться! Поедать все, что найдет! Трава жрет! Дерево жрет! Животных жрет! Людей тоже жрет! Все жрет! Сын собаки! Мы хотеть жечь яма, но подойти никак… Червь под снегом жить далеко от яма. Провалишься, в сапог залезет и все. Изнутри съест! – Байкал с Кнехтом переглянулись. – Потом, как зима совсем настать, червь меньше стать. Яма вниз уйти, но солнце пока светить, оно его жечь, а теперь солнца нет. Не любит червь света. И огня не любит. Сейчас ему хорошо… Мы туда не ходить давно. Страшно, с-сабака!

Николай почесал затылок, переваривая сказанное. Червь? Яма? О чем это они?

- А недавно дальние скиты стали пропадать. Мы думать, что это соседи, не хорошие люди, но оказалось, что это таалы. Совсем плохими стали! В стаи сбиваются!

- Кто? – не понял Данил. - Таалы?

- Таал, - кивнул Дэнси. – Как это… Медведь по-вашему! Стая сбиваться начал, скит давить, людей рвать. Никогда такого не быть еще! Страшно, саб-бакин сын! Вот мы и ходить, смотреть. А пока ходить, хитрый таал сюда прийти… Если бы не вы… - охотник вздохнул. – Больше людей погибать. Спасибо тебе, Нюрг, спасибо тебе, солдат.

- Нюрг? – переспросил Николай

- Нюрг! - Кивнул головой Дэнси. – Великан – Нюрг!

За спиной Петрова зашуршал отодвигаемый полог юрты, в помещение шмыгнул вчерашний мальчишка. Он быстро что-то проговорил охотнику и тот поднялся.

- Василий прийти! – так же быстро прокомментировал он и поспешил за пацаном.

Сержант с капитаном тоже поднялись.

Небольшая группа саамов возвращалась откуда-то с севера. Два оленя, также сопровождаемые тремя собаками, резво тянули сани, в которых сидело трое мужиков. Один из них, когда упряжка остановилась достаточно близко, чтобы можно было разглядеть прибывших, отличался от остальных. Наверное, это и был тот самый Василий. Мужчина быстро заметил пришлых, нахмурился, осматривая гиганта, недоверчиво скосил взгляд на Дэнси. Тот ему что-то быстро пояснил и мужчина, а, скорее уже даже старик, улыбнулся.

- Земляки? – поинтересовался он на чистом русском и Данил с Николаем кивнули.

- С военной базы, - подтвердил Петров, на всякий случай не уточняя, с какой именно.

Ученый снова покосился на здоровяка и этот взгляд не ускользнул от Николая.

- Здоровое питание, - буркнул он, на незаданный вопрос. – Каши в детстве много ел…

Василий явно не поверил в чудодейственное свойства «геркулеса», но расспрашивать побоялся. Прибывших отвели в юрту, где местные долго что-то обсуждали, на этот раз, не пригласив на совет чужаков. Неприятно, но логично. Петров бы также поступил. Нече уши греть!

Совещались местные долго. Наверное, с час. За это время Николай с Даниилом обговорили свой дальнейший план. Им нужно продолжать движение. Задерживаться здесь они не планировали. Вьюга закончилась, хоть горизонт все еще и хмур, но, вроде, идти дальше было можно. Главное, направление узнать.

За то, что они помогли отбить скит от нашествия медведей, капитан планировал вытребовать как минимум одну упряжку оленей. От идеи со снегоходом пришлось отказаться. Был тут один старенький, стоял за главной юртой под навесом, но как только Николай к нему подошел, тот словно живой, как-то грустно вздохнул. Ну, да… Такая техника на его вес не рассчитана. Сани тянуть слабенький двигатель тоже вряд ли сможет, так что Байкал положил глаз на упряжку. Сильные, могучие, крепкие олени совсем не выглядели уставшими

после поездки, а это могло говорить о том, что эти лоси могут еще долгое время быть на ходу.

Наконец-то глава поселения, ученый и тот охотник, что более-менее говорил по-русски, вышли из юрты.

- Наша ваша говорить спасибо, - начал Дэнси, переводя слова старика.

- Наша ваша принимать, - буркнул Петров.

Действие лекарств заканчивалось, и рука опять начинала болеть, неприятно сверля мозг назойливой болью.

- Наша ваша принимать в деревне, благодарить.

- Спасибо, но мы торопимся. Нам нужно дальше. Домой.

- Наша ваша понимать, - кивнул охотник. – Но наша ваша просить о помощи еще раз.

- Некогда нам! Спешим, говорю! - вздохнул Данил. – Ехать. Далеко. Олени ваши нужны за помощь.

Местные переглянулись, охотник старику что-то пересказал. Ученый тоже вступил в диалог.

- Они вам дадут оленей и проводника. Но вы должны помочь.

- Некогда нам, говорю же! У нас срочное дело государственной важности!

- Пешком вы все равно дольше будете добираться, - Василий улыбнулся. – Дело для вас плевое, быстро справитесь…

- Некогда, говорю!..

- Что за дело? – прервал друга Николай, решив все же поинтересоваться, вдруг, там действительно что-то плевое! С местными лучше миром расходиться. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти. Да и вдруг, им это дело окажется как-то полезно?

- Медведи пришли с запада, разгромили все соседние поселения. Я видел это собственными глазами. Но для них это не характерно. Наши охотники говорят, что их кто-то… вел. Заставил сбиться в толпу и погнал прямо на поселения. Нам нужно узнать, что заставляло их это сделать. Наши охотники видели зверя. Они утверждают, что он шел вместе со стаей, но тела его здесь нет. Значит, он выжил. Этот род просит вас помочь поймать его. Они считают, что это Этхе. Погонщик. В мифологии древних саамов есть такой злой дух, который может управлять разумом других животных. И, покуда Этхе жив, им не будет

здесь жизни. Убейте Этхе, и местный Нойд даст вам все, о чем попросите.

Петров громко ухмыльнулся.

- Ты нам какого-то духа предлагаешь завалить? Чем? Насколько я кино смотрел, духа железом не убить… А магией никто из нас увы, не владеет…

- Этхе это миф, - скорчил гримасу Василий. – Но мифы основаны на чем-то реальном. Тут много всего странного творится, так, что я склонен верить, что некий Этхе это или очень умный и сильный альфа-самец, или человек, или что-то еще. Животные остаются животными, как не крути, у них есть инстинкты и, в сущности, собрать большую стаю для выживания в этом новом мире им под силу. Времена меняются. Природа меняется… Все меняется. Так что я думаю, да! Ваше оружие способно уничтожить погонщика!

Все то время, что Василий говорил, Данил усиленно хмурился, переглядываясь с другом. По поводу этого самого Этхе у них, судя по взглядам, было общее мнение. Скорее всего, это одна из сбежавших из лаборатории профессора Решетова тварей. Петров готов был отдать руку на отсечение, что это именно так. А руку отдавать ой как хотелось! Она, падла, начинала болеть с каждым мгновением все больше и больше. Терпеть эту боль, проникающую в самые нервы, было уже невыносимо трудно.

- И где этот ваш Этхе?

Голос гиганта был тих, но полон решимости. Василий это сразу понял. Здоровяк готов выполнить просьбу саамов, но вот тот второй… Второй явно не горит желанием, но он старше и мудрее великана. Дэнси об этом предупреждал.

- Саамы уже отправили на его поиски нескольких охотников. Вряд ли зверь успел далеко уйти. Наверное, он так и бродит где-то в окрестностях, ища себе пропитание. После того, как вы уничтожили его армию и не подпустили зверя к еде, он, мог отправиться в ближайшее разрушенное им недавно поселение. Но сказать точно мы это сможем лишь, когда вернутся разведчики. Потому местные просят вас остаться и немного подождать.

- Нет у нас времени, - скрипнул зубами Петров. – Нам нужно идти!

- Скоро буря, однако, - расслышав нотки злости в голосе военного, вмешался Дэнси. – Опасно идти. Этхе может ждать! Зима холодный! Далеко не уйти без оленей!

- Мы и без оленей ваших справимся! - отрезался Байкал. – Сюда добрались и дальше уйдем, пока этот ваш Этхе вами тут закусывает.

- Э-э-э-э! Не хорошо говоришь! – прищурился охотник. – Зачем так?! Мы нормально просить! Оленей последних предлагать! Э-э-э-э! Не хорошо! Духи вас услышат! Проклянут!

- А на это у нас есть пулемет…

Байкал еще договаривал, но уже пятой точкой чуял, что ввязаться в решение проблем местных придется. Затылок так и сверлил тяжелый взгляд друга.

- Тогда еще и проводника дашь! – продолжил Байкал, торгуясь. – И еды! – давление с головы пропало. Сзади раздалось хмыканье.

- Дадим! Дадим! – улыбнулся Дэнси. – Самого лучшего проводника! Дочка моя с вами поедет! Она все земли тут знать! Быстро доберетесь!

- Дочку не надо! – отрицательно покачал головой Петров. – Мужика покрепче дай! Не хватало еще с бабой в пути проблем.

- Э-э-э-э! – снова нахмурился охотник. – Опять зачем говоришь, а? Айла след видит далеко! Земли знает хорошо! Сама ездит за оленями! Лучший проводник!..

Петров цокнул. По сути, ему не было разницы, кто поведет, им даже направления простого хватило бы, но, раз мужик говорит, что дочка хорошо разбирается в местной географии, то пусть будет так! Им нужно поскорее добраться до Афалины. Понятно, что Куля на вертолете им ни за что не догнать, он уже, скорее всего, на месте, но без проводника они могут плутать по этой пустыне ничуть не меньше, чем пешком. Так что лучше уж так. Байкал кивнул. Охотник улыбнулся, тоже кивнул и широким жестом пригласил всех в юрту.

Пока ждали возвращения разведчиков, погода действительно вновь ухудшилась. Похолодало. Вот казалось, что больше уже некуда, а смотри! Мороз так и норовил оттяпать оголенную плоть. Будь то нос, лоб, или что иное, но жаркий огонь, разведенный в главной юрте, давал достаточно тепла, чтобы находиться внутри даже в легкой боевой рубашке.

Петрова осмотрели. Старик, называемый тут Нойдом, то есть, шаманом, потыкал пальцем вокруг раны, что-то прокряхтел и принялся наводить какую-то жижу. Честно сказать, в местную медицину Данил верил с трудом, но они же тут как-то ведь живут! Травмы на охоте и рыбалке – не редкий случай, а калек тут не видно… Ну, точнее сказать, до прихода озверевших медведей, не было видно.

Шаман насыпал в миску какого-то, явно сделанного из высушенных растений, порошка, смочил водой и принялся толочь небольшой деревяшкой, что-то шепча и постоянно подсыпая каких-то других порошков.

- Не переживайте, - видя, как военный косится на действия Нойда, улыбнулся Василий. – Тут все натуральное! Жир, кости, мох. Он знает, что делает! Я сам не верил, но, когда в прошлой экспедиции повредил и чуть не отморозил ногу, а он вылечил ее за пару недель, пересмотрел свои взгляды.

Петров хотел было что-то сказать, по поводу разницы между вывихом и раневым каналом пули, но боль к тому времени уже совсем заполонила голову.

- Синду операциява оми ая бинэт, - закончив приготовление своего препарата, снова оглядел посиневшую руку капитана, непонятно выразился шаман.

Из всего сказанного лишь «операциява» была более-менее понятна.

- Делали, делали, - сквозь зубы процедил он, уже едва терпя боль.

- Си энулче бихинин! – продолжил скрипеть старик. - Сот хиктырэвиче!

- Он говорит, что вы сильно заболели, - вмешался Василий, нахмурившись. – Зараза попала… Еще бы немного и нужно было бы оперировать…

- Умутэл парашкопа илара умун инэниду умкал…

- Принимайте этот порошок три раза в день, - продолжал переводить ученый.

Шаман аккуратно взрезал нити, стягивающие кожу, сильно, но явно умеючи, надавил на края раны. Петров завыл. Из раны выступила мутная сукровица, затем плеснуло чем-то белесым, вперемешку с зеленоватым.

- Загноилось, - прокомментировал ученый. – Когда вас ранили?

- Вчера, - вмешался Николай, внимательно следя за процессом.

Василий перевел шаману слова гиганта, тот нахмурился, внимательно, чуть ли не самым носом тыкаясь, осмотрел рану, покачал головой и снова заговорил.

- Очень плохо, - продолжил переводить Василий. – Нужно обязательно принимать порошок, иначе рука перестанет работать.

Шаман поддел кончиком ножа полученную в миске жижу, и аккуратно опустил ее в рану, притромбовал. От этого движения Петров едва удержался. Боль была адской. В глазах запрыгали искорки, рука непроизвольно дернулась, а из глаз брызнули слезы, но через пару секунд огонь, охвативший конечность, сменился, сперва, на жуткий холод, а потом на блаженную прохладу. Быстро забив всю рану смесью, шаман достал из сумки тряпки, пропитал их остатками жижи и принялся туго, но в меру, бинтовать рану. К концу операции Данил мог поклясться, что боль почти стихла. Руку приятно окутывало прохладой снаружи и мягким теплом внутри. Он ощущал биение сердца в разорванных связках, но кровь, на удивление, больше не проступала.

- Умутэл парашкопа илара умун инэниду умкал… - снова повторил фразу шаман, протягивая Петрову небольшой мешочек.

- Три раза в день, - напомнил Василий, переведя.

- Как ты? – поинтересовался Николай, когда Петров принялся одеваться.

- Получше, - кивнул тот, все еще скептически относясь к процедуре. – Посмотрим, не отвалится ли потом совсем, после всего этого.

- Не отвалится! – Усмехнулся Василий. – Главное покой и средство принимайте. Оно на местном мху, очень целебное средство… Настолько, что даже в мертвецов не дает перевоплотиться…

- Чего? – насторожился Николай.

- Ну, не совсем… - поправился ученый. – Мы с Нойдом смогли выяснить, что этот мох способен притормозить заражение… Местные его давно употребляют в пищу. Считалось, что он целебный и содержит необходимые витамины, это, кстати, так и есть, но вот свойства защиты от зомби открылись в нем не так давно…

- Так это лекарство?

- Нет, просто отсрочка. Мы выяснили, что ежедневное употребление этого мха в пищу способно немного оттянуть заражение. Тела замерзают быстрее, чем успевают переродиться. Местные мох этот чуть ли не боготворят. Даже начали молитвы к нему возносить, - старик хихикнул. - Тут же самобытность, куда не плюнь, но, надо заметить, что он действительно обладает рядом целебных свойств. Вы и сами это сейчас ощущаете. Это вам и аналог антибиотика, и регенерирующее, и кровоостанавливающее, и витамины… Да куча всего! Даже соль! Так что если вам предложат миску с мхом, не отказывайтесь! Оно и на желудок хорошо влияет и на потенцию… - Василий хихикнул. – Потому в селении почти все женщины беременны…

- У меня с этим все нормально, - буркнул Данил, застегивая выданную ему национальную шубу.

- А будет еще лучше! – подмигнул дед. – Уж поверьте… мне вот уже седьмой десяток, а видите, полон сил, ну и с женщинами… Кхе…

- Не надо, - прервал Василия Петров. – Давайте без подробностей…

- Дэнси! – внезапно донеслось снаружи, и в юрту вбежал молодой саам.

Он быстро затараторил, отчего Дэнси, Нойд и Василий нахмурились.

- Что? – поинтересовался Николай, видя, взволнованность местных.

- Они нашли Этхе… Он идет сюда… С ним чудь белоглазая.

- Кто?

- Мертвецы…

***

Глава 7. «Этхе»

Вновь поднявшаяся буря была обматерена в очередной раз по матушке, по батюшке и по каждой снежинке! Казалось, они тут кроме этой снеговерти ничего другого и не видели! Вот как вышли из «Улья», так и метет, метет, метет! Хотя нет! Даже с самой Афалины! Как Петров прибыл на станцию, так и видел вокруг только этот проклятый снег! Черты бы его побрал! И выкинул! Огромной лопатой такой!..

Он поежился. Мороз не просто уже приносил дискомфорт, а грозил нанести непоправимый ущерб организму, хотя уже казалось, куда больше!?

- Далеко еще?

Петров стучал зубами, несмотря на теплые одежды, выданные ему местными. В своем бушлате он бы, наверное, уже совсем окочурился, превратившись в ледяную кочку, а тут, гляди, еще шевелится, хотя и неохотно.

Николай остановился, прислушался, присмотрелся, покачал головой. Ему мороз, вроде бы, особо не досаждал. Вряд ли накидка из оленьей шкуры, болтавшаяся на шее на подобии какого-то средневекового плаща, могла его хоть как-то согреть.

Они вышли навстречу неизвестному погонщику, в надежде перехватить его воинство где-то на пути, чтобы не подпустить мертвецов к селению. На всякий случай, всех, кто мог передвигаться, но не мог сражаться, отправили подальше. Ни у кого не было сомнений – Этхе гонит своих приспешников именно к скиту, и сражаться в деревне было бы слишком опасно.

- Мать вашу за ногу катали, - выругался капитан, вздохнув, когда гигант неумолимым снеголомом двинулся дальше.

Идти, сопротивляясь ледяному ветру, было тяжело. Двустволка холодила руки сквозь толстенные рукавицы. У Данила даже сомнения закрались, а сможет ли это старушка стрелять? У всего есть предел. Даже тот самый, знаменитый «не убиваемый» «Калаш» нередко ломался в подобных условиях, а что говорить о ружье, которое если не старше, то, наверняка ровесник ему самому?! Но выбирать опять не приходилось! Суровые условия вносили свои корректировки.

- Может они замерзнут к хренам собачьим? Остальные же замерзали… – снова сам себе, в пустоту, с надеждой, пробормотал Байкал.

Шли они всего час, но ему казалось, что прошел целый день. Если бы не выданная пушистая шапка, в каске бы он точно уже давно себе последнюю извилину отморозил. А так она еще сопротивлялась, двигалась, держа уши на положенном месте.

Внезапно впереди идущий друг остановился, поднял лапу в предупреждающем жесте. Данил замер, тихо, абсолютно беззвучно опустив ногу в след товарища, мгновенно подобравшись.

Они вглядывались в снежную пелену почти минуту, но так ничего и не увидели. Саамы, идущие следом, забулькали что-то на своем, явно негодуя, но, когда Дэнси подошел ближе, чтобы что-то спросить, произошло то, чего никто не ожидал.

Вьюга, воющая вокруг небольшого отряда, бросавшая в лицо снежки и жаля льдинками, внезапно стихла. В такое было трудно поверить и, если бы кто-то сказал, что видел это, то ему вряд ли бы поверили. Рвущий одежду ветер пропал столь мгновенно, словно кто-то отключил исполинский вентилятор, или закрыл огромные ворота. Снежинки, несущиеся мимо людей с бешеной скоростью, резко зависли и рухнули невесомыми струями. Видимость мгновенно улучшилось, но! Лучше бы этого не произошло! Данил мгновенно взмок.

- Как-кого пальца?! – напрягаясь, словно пружина, едва прошептал он, разглядев…

Описать то, что он видел, было сложно. Если бы речь шла об обычном противнике, то он бы назвал это одним словом: «армия». Но ведь это мертвецы! Тупоголовые зомби! Поднявшиеся каким-то вирусом телесные оболочки… Байкал уже встречал орды этих тварей. Видел, как они нападают. Бесконтрольно, скопом, словно обезумевшая толпа, и потому стройные, чуть ли не по линейке выверенные колонны и ряды покачивавшихся бывших людей заставили его насторожиться, и, даже стыдно признаться, испугаться.

- Сколько их?! – выдохнул капитан в абсолютной, звенящей тишине.

А «их» было целое полчище. Вот, точно! Полчище! Самое верное слово! Мертвецов было превеликое множество. Группами, примерно

по сотне, они растянулись от невысокого холма слева до… края видно не было, докуда они там справа тянутся! Тысячи, десятки тысяч мертвецов… Вряд ли в окрестностях столько местных проживает… проживало. Приглядевшись, Байкал разглядел среди них не только саамов, якутов или чукч, но и подозрительно похожих на живших в закрытом городе над «Ульем» военных и обычных жителей.

- Как они так быстро сюда дошли? – задал резонный вопрос Николай. – Не должны были! Мы же на броне ехали половину пути, а эти - пешком!

- Сходи, спроси, - нервно дернул губой Петров.

- Да что-то желания нет особого…

- Что делать будешь, капитана? – с дрожью в голосе, тоже не веря своим глазам, пролепетал Дэнси. – Многа чуди! Наш род не устоять! Чую, нада нога в руки… лыжи в руки… жопа в руки и бежать, аднака!

Армия мертвецов стояла в отдалении, но даже сюда постепенно докатилась какофония из поскрипывания снега под их ногами, горловое хриплое, нетерпеливое клокотание и грозное порыкивание, описать которое точнее никто из присутствовавших не мог.

Николай толкнул друга, указал рукой вперед.

- Вон. Смотри! Он?

Петров пригляделся. Небо разъяснилось, снег заискрился сильнее, позволяя увидеть больше деталей. Где-то в небе полыхнуло зеленым, потом алым, затем синим и Данил тихо выдохнул.

- Он…

В дали, за рядами мертвецов стоял зверь. Крупный, похожий то ли на волка, то ли на рысь – с такого расстояния без оптики не разглядишь, но размеры погонщика Этхе были внушительными. Никак не меньше полярного медведя, он стоял гордо, почти недвижимо. Поджарый, не такой округлый, скорее собакообразный. Высокие мощные лапы, густая серая шерсть, косматая голова, вытянутая морда. Больше разглядеть не удавалось. Зверь с их позиции казался едва больше спичечной головки, и, потому точнее его охарактеризовать даже гиганту с его способностями было тяжело.

- Смари, смари! – заволновался Дэнси, указывая рукавицей в сторону. – Еще!

Великан перевел взгляд, хотя мог этого и не делать. Раньше, чем отыскав второго хищника, он ощутил его внутренне. Точнее их. Не

менее трех. А то и четверых. От зверей тянуло чем-то неприятным и тяжелым. Казалось, сам воздух уплотнялся, напрягаясь между ними, становясь осязаемым, словно резиновым.

Высоко в небе снова пыхнуло и над головами людей засияло полотно северного сияния, погружая окрестности в еще больший сюр.

- Колян, может все же того… как там этот сказал… нога в руку и уё?..

- Не успеем, - плавно, словно боясь спугнуть зверей, опустив топор в снег, потянул из кобуры гигант свой гранатомет.

Хищники бросились с места, сходясь, и в этот момент армия мертвецов, все также, строем, почти неслышно, двинулась вперед.

- Писец котенку, - тоскливо вздохнул Петров, поднимая старенькую двустволку. – Допрыгался, блохастый.

***

Мертвецы двинулись, стягиваясь именно к ним – к десятку легковооруженных людей. Вряд ли пешня, топор, или цеп для транспортировки рыбы могли хоть сколько-нибудь задержать эту лавину. Да что там говорить! Даже пулемет для такого количества врага – что слону дробина. Однако сдаваться Николай не думал.

Первым в ход он пустил «Бульдога». Сорокамиллиметровые подствольные гранаты устремились к рядам оживших зомби и взорвались глубоко в их рядах, выкосив сразу приличную пачку, место которых, к сожалению, тут же заняли другие.

- Не поможет, - выжидая, когда враг подойдет на дистанцию полета картечи, глядя, как друг заряжает вторую и последнюю «улитку», вздохнул Петров.

Непослушные толстые пальцы великана едва справлялись с простейшей задачей. Раньше он делал это намного быстрее… Вот он, минус его изменившегося тела! Мир под него не приспособлен… Но, это уже, как говорится, его половые трудности…

Вторая «ромашка» с металлическим шорохом встала на место. Пружина барабана провернулась, напрягаясь, боек отошел назад, ожидая приказа от спускового крючка. Мгновенная любовь, искра, взрыв и первая граната покидает ствол, устремляясь навстречу безумной орде.

Болванки взмыли вверх, сверкнули в отсветах северного сияния и упали, прочертив в морозном воздухе красивые инерционные следы.

Среди толпы мертвецов сверкнули короткие вспышки. Химия, выброшенная дичайшим давлением, сдетонировала и жидким, липким огнем охватила тела.

«Бульдог» опустел. Больше в нем не было смысла. Из грозного противопехотного оружия он превратился в бесполезный набор деталей. Ударить, и то сложно – слишком неудобный.

Тяжеленный «Корд» занял в руках гиганта место собрата по умершвлению всего и вся. В его лапах он выглядел игрушкой. Прижав приклад к плечу, как можно сильнее, Николай в этот момент пожалел, что оставил прицел в танке. Эх, как бы сейчас помогло хотя бы двукратное увеличение! Его взгляд уперся в тех самых зверей, что таились за рядами живого моря. Бороться с армией бесполезно! Нужно уничтожать генералов! И тогда, он надеялся на это, мертвецы, потеряв поводок, станут… а какими они станут? Твари останутся тварями. Они все также будут хотеть их плоти, но… Станут более привычными? Тупыми, неповоротливыми? А если нет? А что, если это у них уже навсегда? Приказ отдан, и они ему следуют, как примерные солдаты-первогодки? А вот сейчас это и узнаем!

Поймав в прицел самого удобного в плане цели хищника, Кнехт вжал спуск. «Корд» грохотнул, оглушив. В плечо ударило. Пуля трассерным росчерком ушла куда-то вперед, но… цели не достигла. За мгновение до выстрела зверь просто растворился в воздухе и материализовался чуть в стороне. Именно так! Он не отпрыгнул, не присел, или отскочил, а именно пропал и появился. Николай мог отдать руку капитана на отсечение за это! Нахмурившись, он снова прицелился, сместив ствол оружия чуть в сторону. Мертвецы подошли уже достаточно близко и уже начинали заставлять нервничать своим присутствием, но он старался не думать об этом. Еще чуть-чуть и они закроют собой обзор – вот это куда проблемнее! Звери умны и специально прячутся за спинами своей армии.

Выстрел. Снова грохот, снова звон в ушах, и в снег падает раскаленная гильза. Результат опять нулевой. Никакой. Зверь снова каким-то чудом избежал траектории полета пули.

- Ах, ты… - выругался сержант и вжал спуск.

Если одиночными не попасть, может быть, тогда шальной пулей удастся подловить Этхе.

«Корд» задергался, отдавая болью во все тело, посылая вперед пламенный росчерк, но и в этот раз ни одна пуля не достигла цели. Снаряды лишь взбороздили снег, не задев тварь, которая теперь пропала сразу три или четыре раза, уходя с линии прицела, но ведь один раз!.. Нет, он точно видел, что единожды пуля попала в цель! Но урона все равно погонщику она не нанесла. Николай удивленно моргнул. Что за дичь? Он же видел, что попал! Но волкоподобное существо продолжило свое движение, совсем не выглядя хоть сколько-нибудь поврежденной.

Думать, что это сейчас было, стало некогда. Мертвецы подошли уже слишком близко. Уже можно различались их отдельные голоса и звуки. Все. Больше попыток ему не дадут. Опустив прицел пониже, сержант снова вжал спуск. «Корд» задергался, опустошая ленту.

Твари перли, не останавливаясь. Десяток ружей ударили почти разом. Второй залп оказался не таким слаженным. Саамы, будучи превосходными охотниками, били точно. Ни одна пуля или вязка картечи не промахнулась, но все это было мелочью. Передний ряд мертвецов рухнул в снег, и оказался тут же втоптанным сородичами. Второй залп скосил еще нескольких, а вот третий… Третий оказался вообще «никаким». Твари перешли на бег, качнувшись разом, словно, получив приказ. Хотя почему словно? Так все и было! Кнехт ощутил кратковременное давление в груди, и, как только оно пропало, твари и бросились на людей. Теперь сомнений не оставалось! Этхе явно управляли своими солдатами! Это точно твари из лаборатории Решетова! Чертов ученый! Что еще он наплодил в своих подземельях?! Что за извращенных научным экспериментом существ они встретили сейчас? И как их победить, если их даже крупнокалиберный патрон не берет!

Пулемет быстро захлебнулся. Пятьдесят выстрелов в ленте - это на самом деле не так и много, а с учетом, что половина была потрачена на попытку убить одного из погонщиков, то и еще короче! Вот тебе и уверенность в оружии! Вроде такая страшная штука, но! Только если враг понимает, что это такое… Мертвецы класть огромную кучу хотели на пыхающую черточками бум-палку, а Этхе, или кто он там, даже две кучи, еще и лапу поднял, наверное, помочился, издеваясь.

Рядом выматерился Петров, перекрыв своей руганью редкие ружейные выстрелы. Старенькая двустволка плюнулась огнем всего

единожды. Грохнула она так, что заложило уши. Причем удар в плечо был слишком сильным, а вспышка несгоревшего пороха слишком яркой. Причина странного выстрела нашлась сразу – трещина вдоль левого ствола. Данил Поморщился. Острый осколок угодил ему в бровь, рассек ее, и теперь струйка горячей крови текла, щекоча по его щеке. Чуть бы ниже и он мог лишиться глаза! Старенькое ружье, да в такой мороз просто не выдержало, взорвавшись!

Стерев кровь, воткнув поломанное ружье цевьем в сугроб - если вдруг придется отмахиваться, так схватить «дубину» будет проще - Данил быстро сдернул с плеча вторую двустволку. При этом движении он заранее сморщился, готовясь ощутить резкую боль от движения, но, на удивление, раненная рука практически никак не ответила. Так, кольнуло немного в локоть и все. Действительно, шаман что-то там полезное с его раной наделал! Ай, молодец! Но вот бы ей еще деятельности вернуть! А то болтается как отсохшая… А сейчас ему не то, что вторая, третья рука потребуется! Твари уже совсем близко!

Менять ленту не было времени. На это у великана рядом был специально обученный парнишка. Он предполагал такое развитие событий, потому еще в деревне выловил шустрого паренька и быстро показал, как правильно перезаряжать пулемет. Сам же гигант, пока парень сдергивал с руки рукавицу и вскрывал короб, выхватив топор, кинулся вперед.

Тварей было слишком много. Их брали в котел. Правый фланг мертвецов, почти невредимый, начал изгибаться, грозя обойти их сбоку. Несколько секунд, может даже минута и твари окажутся за спиной. Тогда людей точно порвут! Этого нельзя было допустить!

- Назад! – рыкнул Данил, непослушными от мороза пальцами поддевая закраиной нового патрона стреляные гильзы из ружья.

Ружье было настолько старым, что не имело даже простейшего экстрактора и приходилось после каждого залпа, переламывать механизм, и кончиками ногтей выковыривать раздувшиеся бочонки, чтобы вставить новые, а делать это новой гильзой было в разы удобнее и быстрее.

Саамы, стоявшие на лыжах, шустро заскрипели куда-то в сторону. Петрову же выдали снегоступы, так как он сам признал, что лыжи это не то, что не его, а даже не его дедушки! Ходить он на них мог только

под себя… А зря. Нужно было научиться. Нужно было послушать умных людей…

Сменив патроны, он снова выстрелил, почти в упор, развалив башку какого военного, уже тянувшего к нему скрюченные пальцы и вздрогнул. Лицо вояки показалось ему знакомым, но подробностей разглядеть Данил не смог. Слишком резко он действовал, а после выстрела с двух метров от головы бедолаги уже ничего и не осталось. Запомнилось лишь смутное, буквально в одно мгновение ощущение, когда сердце резко дернулось, словно он ехал на машине и дорога под ним резко пошла под уклон.

Данил бросился прочь. Он заметно проигрывал саамам, но, даже смешно раскидывая ноги, чтобы широкие подошвы не цеплялись друг за друга, все же опережал тонувших в сугробах мертвецов. Он бежал, ощущая в груди странное чувство. Откуда появилось это ощущение?.. Одежда на мертвеце была чужой, это он понял сразу, с облегчением отметя мысль о том, что это кто-то из его бойцов, оставшихся в Улье. Байкал рыкнул, прибавив ход. Потом. Потом! Нужно уносить ноги!

Николай уже сражался где-то среди зомби, ворвавшись в их ряды, размахивая топором. Его могучую фигуру Петров увидел сразу, стоило лишь мазнуть взглядом по месту схватки. За друга он не переживал. Шкура у того, что броня танка, да и укусы не страшны, к тому же силища и скорость такая, что переживать стоило, как раз наоборот, за мертвецов. Дай этому ходячему станку для убийства больше времени, он бы, наверняка, развалил всю это нечесть за пару дней, но! Пары дней у них не было… Да и отдыхать другу все-таки нужно. Он же не робот! Хотя хрен его знает, кто он теперь. Вон как рожа перекошена, не дай бог, на пути встанешь – порвет, не задумываясь, кто перед ним – враг или друг. Хотя оно так у всех. Адреналин боя порой так затягивает, что вообще не понимаешь, что происходит и на этом большинство новичков скопытилась. Петров новичком не был и трезво оценивал обстановку.

Отшуршав метров на сто, он остановился. Живое кольцо за их спиной продолжало сужаться, но время на то, чтобы сделать пару выстрелов, он выиграл. «Бам-бам!» – два выстрела и снова «на лыжи», точнее снегоступы, а, пока бежишь – ковыряешь ружье. «Бам-бам!» - и снова десяток шагов. «Бам-бам!» - и снова скрип снега под снегоступами, и так, казалось, до бесконечности.

Они тупо бежали. Бежали с поля боя, лишь оттягивая смерть. Это стало понятно почти сразу. Мертвецы не отступали, и меньше их не становилось, в отличие от сил. Силы таяли на глазах. Попробуйте побегать в шубе, тяжелых штанах и трех кофтах! Быстро поймете, что это плохая идея! Саамы, казалось, не знали устали, но вот Данил… Он уже едва успевал хватать ртом ледяной воздух. Его катастрофически не хватало. Местные раскатывали на лыжах, словно издеваясь над ним – только он их догонит, как они шурш, и куда-то в сторону… Только догонет, как они в другую… И ведь смеются над ним, сволочи, издеваются! Вон как Дэнси лыбится! Падла! А ведь точно! Ему не кажется! Они смеются над ним! Вместо того чтобы помочь,пальцами в перчатках на него показывают, и откровенно посмеиваются! Стреляет-то, кстати, он один!

- Уроды! – выкрикнул Байкал, теряя последние силы. – Да помогите же! Стреляйте! Стреляйте!

Снегоступы запутались, зацепившись друг за друга и Петров повалился в снег.

- Уроды! – прорычал он снова, уткнувшись в сугроб.

- Что, попались, - раздался над ним глумливый голос Дэнси. – Все вы попались!

Данил рыкнул, дернулся, вытягивая из под шкуры пистолет. Хотя бы эту тварь да он точно заберет. Это подстава! Это все была подстава! Подстава! Подстава! Подстава! – билась мысль в голове. Их кинули! Бросили! Отдали на растерзание мертвецам!

Пистолет уткнулся в пустоту. Данил внезапно осознал, что остался один. Вокруг не было никого. Он крутанулся, оборачиваясь. Схватка была далеко позади. Как он тут оказался?! Вот же, только что чукчи были рядом, твари, над самым ухом зубами скрежетали, даже вонь в нос шибала с такой силой, что голова шла кругом, а теперь… А теперь вокруг никого. Только снег. Он метрах в двухстах от передового края живого моря… Данил еще раз мотнул головой. Нет! Этого не может быть! Они же только что… Смеялись… Были тут… Он… Его… Он что, сбежал? Бросил все и сбежал? Так сильно напугался или? Или что!? Данил снова крутнулся, выставляя пистолет, расслышав шуршание снега где-то за спиной, и в этот момент его сбила мощная лохматая фигура.

***

Николай рвал и крушил, пробиваясь сквозь ряды бывших людей. Они пытались связать его, сковать, замедлить, остановить. Нанести урон они ему не смогли и, потому, монстры, ведомые погонщиками, сменили тактику. Продираться через сугробы, с нависшими на руках и ногах мертвецами было неимоверно тяжело. Силы таяли на глазах. Шаг. На его плечи словно груз положили. Второй. Невидимая рука добавила еще пару кило. Третий – еще несколько. Ноги наливаются тяжестью – это мокрый, пропитанный кровью и кишками снег налипает на обмотанные шкурами на манеру сапог конечности, и твари, вцепившиеся в него изломанными руками.

Сержант рыкнул, тряхнул рукой, топнул ногой и продолжил шаг. Погонщики! Ему нужны были погонщики. Армию нежети не остановить! Нужно добраться до этих самых генералов! Нужно уничтожить именно их! Сзади звучат выстрелы и крики. Саамы дрогнули, не сдюжив. Кого-то уже грызут, нагнав. Кого-то валят, топчут в снег, рвут когтями и зубами. Помочь им Николай, к сожалению, был не в состоянии. Он преодолел всего сотню шагов и возвращаться назад – означало, что все это было напрасной тратой времени и сил. А ни первого, ни второго у него уже практически не было. Нужно было двигаться вперед, пробиваясь, раздвигая могучей грудью молодые заросли. Каждый шаг теперь уже давался с трудом, но он… должен… дойти… Снег под ногами уже плотнее, утоптан сотнями ног. Глаза заливает пот, который сразу же превращается в изморозь, заставляя ресницы слипаться, а над головой все также всполохами озаряет поле боя северное сияние.

«Дай мне жить!» - прошуршал голос в голове. «Дай! Мне! Жить!» - требовал внутренний зверь свободы, царапая мозг и душу. Сержант споткнулся, упал на колено и тут же его облепили мертвецы. Вонючие, окровавленные пальцы полезли в рот, ткнули в глаза, схватили за ноздри. Гигант фыркнул, закрыл лицо рукой, попытался встать, но сил не хватало. Горячее дыхание быстро стало тяжелым. Воздуха нет. В ушах стоял гомон, от которого он не мог закрыться. «Отпусти! Я спасу нас!» требовал зверь и сержант понял, что это их единственное спасение. С такой армией ему не справиться. Им не справиться. Никому просто так не справиться! Здесь нужна артиллерия! Вертолеты! Танки! Но не десяток местных и один великан… Нет! Им не выстоять… Застонав, он чуть приоткрыл створку сознания, давая

внутреннему монстру немного свежего воздуха и свободы. Всего на чуть-чуть, на пару сантиметров… он расслабился, позволив разуму погрузиться в лютую злобу. Тело напряглось. Захрустели раздвигаемые могучими мышцами ремни подвесной системы. В глазах на миг потемнело и внезапно все раскрасилось яркими красками. В голове взорвалась сверхновая звезда, и он распрямился.

Твари слетели с него, словно щенки с мамки, когда та решила прогуляться. Над заснеженной пустыней раздался гортанный клекот, от которого нежить дрогнула. Дрогнули саамы. Дрогнули погонщики. Даже льды, казалось, затрещали, постаравшись съежиться, уйти с пути этого страшного существа. Удерживаясь на краю сознания, чтобы не скатиться в безотчетный мрак, Николай кинулся вперед.

***

Сначала неладное почувствовал старший самец стаи. Сознания, захваченные им, стали ускользать от него одно за другим. Об этом, с опозданием в несколько мгновений, сообщила и самка, стоявшая рядом. Они теряли власть и это прайду не нравилось. Щенки дрогнули первыми. Они завыли, заскулили и повалились в снег. Чудовищной силы удар, пришедший откуда-то из темноты, заставил самца вздрогнуть. Он захрипел, ощутив, как невидимые клешни сжимают его мозг, но быстро пришел в себя. Широко расставив лапы и зарычав, придавая сил себе и своему племени, старший самец кинулся в бой, поведя за собой семью. Нужно было как можно быстрее избавиться от этого опасного противника, который умел также, как и они, залезать жертве в голову. Если они не могли победить его ментально, то должны были победить иначе. Древний инстинкт, спавший в генах тысячелетиями, проснулся, требуя крови, и саблезубые тигры помчались вперед.

***

Как он выжил, Петров не понял. Огромная тварь сбила его с ног, повалила в снег, попыталась прокусить горло, но длиннющие зубы, торчащие из пасти на десяток сантиметров, запутались в плотной шкуре шубы белого медведя. Хищник был еще молод и не опытен, потому, вместо того, чтобы бросить жертву и, как его учили, растворившись в снежной пелене, создав несколько фантомов, напасть сзади, попытался силой продавить слабое человеческое тело. Однако жертва оказалась сильней. Что-то громко ударило по ушам, в боку

сразу стало больно. Шкура быстро окрасилась в алый цвет. Молодой саблезуб дернулся, выпустил жертву из клыков и попытался атаковать снова, но пистолет в руке капитана грохнул еще дважды, затем ещё трижды и наконец-то клацнул пустым бойком. Хищник, припав на раненные лапы, захромал прочь. Сил на создание отвлекающих фантомов не было; залезть в мозг жертвы он тоже не смог. Зверя обуял страх. Он переоценил свои силы, ведь он был один. Семья предавала сил. Когда они были вместе, их возможности утраивались, но стоило отойти подальше, как все члены стаи начинали быстро слабеть.

Добил огромного хищника, размером с молодого теленка Данил выстрелом в упор. Двустволка, болтавшаяся на плече, спасла хозяину жизнь. Живучая кошкоподобная тварь точно бы ушла, не выстрели он ей в морду дробью в упор. Пистолетные пули, как видно было Байкалу, хоть и причинили зверю урон, но он был недостаточен, чтобы убить тварь до конца.

Переломив стволы, окончательно придя в себя, капитан дрожащими от страха и холода пальцами поддел стреляные гильзы, заменил их новыми. Нужно было возвращаться. Мертвецы немного сбавили напор, и нужно было этим хоть как-то воспользоваться… Капитан осмотрел поле боя. Хмыкнул. Ага! Да это бесполезно! Тысячи мычащих бывших людей на пол десятка саамов. Нет, тут им не победить! Нужно отступать… Нет, не отступать, а занимать оборонительные рубежи на дальних позициях! Тут в лоб проблему не взять! Тут думать нужно!

Данил поправил снегоступы и бросился на врага. Нужно было уводить людей. На ходу он прокричал, чтобы местные бежали, но те его слов не понимали. Минус! Огромный минус! Плохо, когда в группе бойцы общаются на разных языках! Он это еще в Афгане познал, когда их сводный состав попал в ущелье в засаду. И теперь все повторялось.

- Назад! – орал он, размахивая руками. – Назад, мать вашу!

Двустволка грохнула, заложив уши, обдав паром и порохом. Излишне ретивый мертвец, кинувшийся к нему, тут же повалился на снег, лишившись ноги. Сердце билось как бешеное, глаз замылился, руки дрожали после ментальной атаки лохматой твари, и потому Данил решить действовать наверняка. Убить не убил, но подкосил тварь, а та за собой в сугроб еще парочку утянула. Пока встанут, пока снова нацелятся…

Он с лету пнул ногой в голову другому мертвецу, за воротник вскинул кричащего местного. Твари облепили его, пытаясь прогрызть толстенную зимнюю одежду, а тот, баран, вместо того, чтобы отстреливаться, пытался отмахаться от мертвецов ножом. Одному зомби морду всю исполосовал, второй руку, но что им это?! Мертвяки боли не чувствуют.

Вскинув паренька так, что у него щелкнули зубы, а у самого, от боли в руке, и где-то ещё в спине, перед глазами поплыли радужные пятна, он, продолжая материться и орать, придал юнцу ускорение, по средствам прикладывания своей нижней правой конечности к филейной части воспитуемого. Конечно, если б не широкая лыжа снегоступа, пинок бы вышел лучше, но и этого хватило, чтобы молодой саам понял, что от него требуют. Он что-то закричал сородичам, кто еще остался стоять на ногах, и те, наконец-то, бросились наутек.

Капитан снова выстрелил. Времени на перезарядку не было. Глянув на друга, пробивавшегося в толпе, словно ледокол в море, он сжал зубы.

- Прости, - выдохнул он.

Нужно было уходить. Помочь гиганту он никак не мог…

Внезапный грохот, донесшийся откуда-то из-за спины заставил Петрова сперва присесть, а потом машинально упасть, прикрыв голову руками – слишком уж хорошо знакомый свист раздался над головой. «Вспышка с тыла» - раздался вбитый в память голос наставника, которого уже давно не было на этом свете. Инстинкты сработали, прежде чем Данил что-то понял. За коротким свистом раздался еще один грохот, и среди живого моря взметнулся огненный шар. Почти тут же до ушей оглушенного капитана, которого взрывом осыпало снегом и землей, донесся металлический скрежет. Ему даже оборачиваться не нужно было, чтобы понять, что именно издает этот звук…

- Сукин сын! - обернулся Данил, радостно глядя на темную стальную махину, ползущую в их сторону.

Танк приближался резво. Через пару секунд он уже был виден во всей своей красе. То, что это именно тот танк, который они оставили вчера или позавчера на месте расставания с одноглазым, Петров понял

сразу. Вон, станок от их «Корда», да и сама лысая башка из люка механика-водителя выглядывает, лыбится во все четыре зуба.

- Не ждали? – весело усмехнулся Бабай, подкатив ближе.

Петров не ответил, лишь ловко схватившись за петлю на корпусе махнул больной рукой вперед. Наемник все понял. Снова оскалившись, он двинул стальную машину вперед. Под гусеницами захрустело. Вот вам, дети сутулой собаки! Выкусите, закусите и подавитесь! Хрена вам на воротник! Не сегодня, уроды! Венец ума человека военного вам не по огрызкам зубов! Разбежавшиеся было саамы, торжественно что-то залопотали, кинулись вслед за танком, добивать корчившихся на алом снегу мертвецов. Чаша весов явно перевесилась на их сторону.

***

Кнехт рвался вперед. Разгоряченное вирусом тело требовало движения. Запах крови пьянил, дурманил. Хотелось убивать, ощущая, как под пальцами перекатывается вырванный сустав, как он там под кожей шевелится, словно детская шарик-игрушка, как по пальцам течет горячая кровь, как в нос шибает непередаваемый аромат. А этот хруст! М-м-м! Нет ничего приятнее этого звука! «Кр» - ударили позвонки друг о друга и в стороны полетели две части тела бывшего человека, вставшего на пути у монстра. «Кр-кр», - это коленная чашечка и, кажется, бедренная кость. «Хрррррррь» - а это чья-то гортань. Он убивал, ощущая, как куда-то проваливается. Пьяное состояние и ощущение безграничной силы и вседозволенности было сильнее наркотика. Никто и ничто не может его остановить. Он может делать все, что захочет! Все!

Стремительную серо-белую тень он перехватил еще в полете. Зверь вынырнул так внезапно, что дикой реакции измененного организма едва-едва хватило. Пальцы схватили воздух. Зверь растворился, словно его никогда и не было, чтобы вновь появиться с другой стороны. Снова пальцы ловят пустоту. И еще и еще. Ногу обожгло. Зверь, пропадавший и появляющийся, словно мыльный пузырь, прокусил кожу и тут же растворился. Конечность отозвалась тупой болью. Будь Николай обычным человеком, наверняка бы уже лишился ноги, зубищи у твари были огромными, а силы в челюстях – не меряно. Стальной щиток, закрывавший голень смялся и повис на ремне, но повреждениями любоваться сержанту не дали. Слева, над

плечом снова раздалось горячее дыхание. Зубы вонзились в плечо. Клыки прошли сквозь бронированную кожу, словно нож в масло, почти не встретив сопротивления. На этот раз Кнехт успел. Он схватил свободной рукой тварь за холку, дернул на себя, насаживая зубы на плечо еще сильнее, ломая их. Хруст. Клыки звонко щелкают, обломившись и тварь, скуля, с окровавленной пастью летит под ноги. Ступня поднимается, чтобы раздавить голову саблезуба, но справа на гиганта кидается еще один фантом. Увернуться Николай не успел. Призрачный морок растворился, заставив сбить атаку, а следом за ним в ладонь вонзился очередной укус. Мизинец после стремительной атаки чуть было не покинул свое место, оттопырившись в сторону и повиснув на обрывках сухожилий и шкуры. Гигант взрыкнул от боли, ударил наугад и кулак чудесным образом столкнулся с препятствием. Очередной хищник вывалился буквально из воздуха. Ребра твари отчетливо хрустнули и зверь, тяжело всхлипывая, упал.

- Твар-р-р-ри! -проревел гигант, понимая, что с ним играют.

Внутренний зверь негодовал. Он требовал свободы. Николай ощущал, что если даст волю чувствам, то непременно победит, но не был уверен, что сможет вернуться из-за грани. Все это слишком рискованно. Сознание уплывало. Нужно было действовать. Крутанувшись на месте, он ударил себе локтем за спину, затем ногой в бок, снова за спину, сделал два прыжка вперед, отскочил в сторону… Хаотичные удары принесли больший успех, чем прицельные. Существа каким-то образом создавали реалистичных дублей и могли отводить глаза, но вот тяжеленный кулак, способный проломить крышу легкового автомобиля, все эти штучки остановить не могли.

Когда еще три зверя пали под ноги гиганта, он понял, что долго так продолжаться не может. Усталость брала верх. Воздуха уже не хватало, мышцы горели огнем, да и мертвецы, развернувшись, двинулись к месту схватки. Сейчас обступят. Навалятся и эти кошки-переростки разорвут его на тысячу лилипутиков. Он не видел, но ощущал, как живое море нежити двинулась к нему. И тут… И тут он кое что понял. Он их чувствовал! Не слышал, не видел, а чувствовал! Как там, в подземельях «Улья», когда подключился к грибнице. А что если… Что если попробовать воспользоваться рабочей силой и повернуть ее против прораба? Зачем ему самому подставляться, когда вокруг целая армия опасных марионеток?!

Отпрыгнув в сторону, едва разминувшись с острыми клыками, он подцепил сознание ближайшего зомби. «Страх» - попытался внушить гигант бывшему мужчине с оглоданным лицом. Страх и ужас! Нужно убегать! Бежать вперед и… и убивать! Убивать всех, кто встанет у него на пути! Нужно делать это быстро, кроваво! Мертвец ускорился, получив команду, путаясь в порванных штанинах. «Страх» - внушил Николай второму. «Страх!» - заставил кинуться вперед и третьего.

Зомби заскулили, устремились, толкаясь и путаясь друг у друга под ногами, и в этот момент снег у них под ногами буквально взорвался. Огромный хищник, более крупный, чем все предыдущие, таившийся в нем не выдержал. Он в одно мгновение перекусил всех трех марионеток, оторвав им головы.

- Вот ты где, - набычился Николай, усмехнувшись. – А я тебя искал…

Продолжая цепляться за сознания мертвецов, гигант послал вперед еще двух, но они пали столь же стремительно, как и первые. Тогда Николай перешел к другой тактике. Закрывать глаза было опасно. Хищник мог кинуться вперед, но пока зрение лишь мешало. Главный самец прайда действительно прыгнул, но полет его был слишком ленивым и медлительным. Время для бывшего школьного охранника замедлилось. Невидимой рукой, жгутиком, щупальцем, он дотянулся до сознания ближайшего мертвеца. От него ко второму, от второго к третьему. Это было похоже на то, как он пытался одновременно удержать в памяти расположении сразу нескольких воображаемых шариков, рисуя невидимой нитью чудесный рисунок. Пять, шесть, семь… Тринадцать… Обрыв. Все сначала. Первый, второй, третий… Десятый… Обрыв. Третий. Пятый, седьмой… Обрыв… Шестой, пятнадцатый… Двадцатый…

Он напрягся изо всех сил. Уже весь внутренний взор был затянут некой постоянно рвущейся паутиной. Он знал, что нужно захватить их всех. Ибо стоит выпустить хоть кого-то, зависшая в полете тварь тут же направит их на него. Метод «паутины» не работал. Сигнал постоянно обрывался, и приходилось начинать все сначала, и тогда Николай представил старый добрый игровой автомат пин-бол, в котором заброшенный мячик бьется о выступы, прыгает, вращается, зарабатывая очки. Он знал, что нужно обязательно визуализировать то,

что он хотел сделать. Что без этого его план не сработает, но откуда пришло это понимание, он не ведал. Он просто должен был.

Пустившийся в полет невидимый мяч столкнулся с сознанием первого мертвеца, отскочил ко второму, оттуда к третьему, пятому, пятнадцатому, пятидесятому… нужды держать в памяти почерневшие, после столкновения с его «шариком», «мячи» не было. Все происходило очень быстро. «Зачернив» все сознания, подчинив себе все воинство, Кнехт собрал последние силы в кулак и заставил каждого «воина» отправить своему погонщину всего-навсего один сигнал, одно чувство. «Боль».

Сержант резко открыл глаза. Старший самец прайда вздрогнул в прыжке. Он получил сильнейший ментальный удар, после которого в его сознании осталась лишь пустота. Зверь упал замертво. Если бы кто-то препарировал его череп и обследовал мозг, то этот кто-то с точностью бы мог сказать, что зверь умер в результате множественного кровоизлияния в мозг, но рядом не было таких умелых людей. Рядом вообще больше никого не было.

Гигант пошатнулся. Его голова раскалывалась. Из носа на губы и подбородок брызнула темная, почти черная кровь. Глаза превратились в два кровавых сгустка. Правая рука подрагивала, словно живя собственной жизнью, а по ладони, от пальцев и выше растекалась черная сетка капилляров. Любое действие имело противодействие и тот удар, что сержант послал в последнее мгновение, собрав все силы и устремив их в одну точку, вернулся и к нему. Николай упал на колени. Руки попытались схватиться за разламывающуюся на части голову… Ведь есть… Есть еще одно дело! Он сжал зубы и, прежде чем его мозг окончательно спекся, послал еще один единственный импульс. «Бежать!». Армия мертвецов взвыла, застонала. Заклокотала, не понимая, откуда пришло забытое ощущение страха и, рассыпавшись словно весенний лед на тончайшие игольчаты льдинки, кинулась в разные стороны.

***

Его нашли почти сразу. Трудно было не отыскать место бойни. Кровавый снег на сотни метров, тысячи фрагментов тел… И он… припорошенный снегом, огромный, едва дышащий в самом центре этого месива. Петров спешил, как мог. Невидимый удар он ощутил, как и все. Но только он один понимал его природу и очнулся раньше

остальных. Нужно было торопиться. Он чувствовал это нутром. Мгновения, которые он упускает, могут стоить другу жизни. Данил не знал, поможет ли последний укол, но другого выбора он просто не видел.

Шприц, с загустевшей от холода жижей, подрагивал в его окоченевших руках. Снова опустился мороз. А может быть он никуда и не девался? Может это тоже был лишь морок… Игла коснулась кожи. С трудом преодолела сопротивление. Поршень вяло, лениво, ввел жижу в тело товарища. Может быть, все было уже слишком поздно, но Байкал был уверен – друг выкарабкается. Это еще не финал! Им еще непременно нужно преодолеть эту чертову снежную пустыню и добраться до Афалины! Вот потом… Вот там уже все может и закончиться, но ни как не здесь! Полковник, тварь, за все еще ответит! Весь мир еще за все ответит!

Тело гиганта оттащили в скит танком. Топлива едва-едва хватило, чтобы докатиться до окраины селения. Надежды капитана на то, что одноглазый где-то нашел цистерну соляры, были наглым образом разрушены. Это все тот же остаток, что и был в баке до этого. Не более. Просто Бабай его немного подогрел горелкой, когда понял, что тварь, вышедшая на его след, от него просто так не отступится.

Сержанта с трудом внесли в юрту. Тело его раздалось в ширину еще больше. Ремни лопнули. Из-под покрывавшей шкуры, накинутой на друга, чтобы хоть как-то его согреть, виднелись бугристые мышцы, перевитые россыпью черных нитей, перекатывавшихся под кожей, словно живые черви, о которых недавно говорил Дэнси. Приступ никак не отпускал, и это было плохим признаком. Лекарства больше нет и взять его больше неоткуда. Нужно срочно на Афалину! Нужно срочно добраться до лаборатории… нужно срочно…

- Злой дух, аднака, - покачал головой Дэнси, закуривая, когда Нойд потребовал всех покинуть юрту. – Сильный, саб-бака! Глубоко сидеть! Нойд лечить твоя друга! Но нужна время! Очень-на многа время! Твоя ждать. Нельзя уходить! Этхе не вся убита! Мы видеть следы. Ушла саб-бака! Много убить, но не вся! Твоя нам помочь, пока Нойд лечить Нюрг… А потом Дэнси дать вам оленей. Много оленей. Всех оленей, что есть! А Дэнси дать вам своя дочь и вы дойти домой.

Петров не ответил. С одной стороны ему хотелось поскорее добраться до Афалины. Время играет против них. Но с другой… Он не

может бросить боевого товарища. Сколько займет лечение? Час? Два? День? А если неделю?! Сколько это «многа времени»? Никто не знает. Что делать? Идти дальше одному? А смысл?! Без друга, надо признать, ему не справиться, но время… Саб-бака! Времени-то как раз нет! Пока они тут, полковник, падла, собачий сын, может таких дел наделать, что потом экскаватором не разгребешь! Эх-х-х!

На его плечо легла рука. Дэнси вздохнул.

- Ждать нада, капитана!

И Петров решился. Ждать, так ждать! Действительно, выбор-то не велик, а долг офицера и просто человека не позволит ему бросить друга в таком состоянии!

***

Глава 8. "Наперегонки со смертью"

Афалина гудела в прямом смысле слова. Утробный звук несся по стенам, переборкам, туннелям, коридорам, и, неприятно вибрируя, проникал через грудную клетку. Наталья поморщилась. Она устала. Сил идти дальше уже не было. Вокруг все было залито кровью. В нос шибал запах кишок, едкого дыма и жареной плоти. Тошнило, но она держалась изо всех сил. Нет, нет! Нельзя, нельзя! Нельзя показывать слабость! Ведь за ней идут люди! Как так получилось, что хрупкая девушка, ранее возглавлявшая научно-исследовательский отдел, стала лидером этой группы, никто не понял. Ни сама Чернова, ни лаборант Пашка, ни два десятка других собранных ими по погибающей базе людей на этот вопрос ответить не могли. Да! Возможно, не маловажную роль в этом сыграло оружие… Но что там оружие?!. Так! Старенький «Калаш» с наполовину пустым магазином, против целой армии живых мертвецов. На то, как это произошло и, что вообще вокруг творится, ответить также никто не мог.

Станция была погружена в полумрак. Аварийное освещение работало не везде, но там, где его не было - разрушенные помещения, по которым словно ураган прошелся - всё было освещено пожарами.

Они двигались уже больше часа. Еще вчера за это время можно было обойти всю станцию, все пять исследовательских блоков, а сейчас… Сейчас им едва удалось покинуть лабораторию и выбраться в связывающий отделы переходный туннель.

- Пять минут и дальше, - устало поднимая голову, еще раз осмотрела Чернова пустой, заваленный трупами коридор.

Находиться в нем было жутко и противно. От запаха вот-вот стошнит, но здесь хотя бы нет этих… Их клекот пронизывает станцию с нижних этажей до самого верхнего, не оставляя выжившим надежды на спасение. Твари были везде, куда бы люди ни пошли. Местами им приходилось красться от двери к двери, сражаться, теряя людей в страшных корчах, а где-то и вовсе возвращаться или прятаться, пережидая, пока бывшие коллеги утолят свой ненасытный голод и уйдут с их пути.

Кто-то вздохнул. Все устали и были напуганы, но нужно было двигаться. Пожар, разгоревшийся где-то внизу, в районе генераторного сектора уже набирал силу и его гудящее, потрескивающее, всепожирающее пламя уже было слышно даже здесь. Вот вроде бы металл, и чему там гореть, а поди, посмотри… Пылает, словно газовая горелка, всеми цветами радуги, от синего через зеленый, в красный и белый. Отсветы так и прыгают в щелях и прорехах обшивки станции, куда задувает ледяной ветер. Чернова уставилась на пунктирную сквозную линию аккуратных круглых дырочек в стене переходного шлюза. Словно жук проел. Знала она этого жука… Такой же сейчас лежит в ее руках. Тут был бой. Военные пробивались с потерями. Дальше по коридору лежат два тела в камуфлированной форме, но, ни оружия, ни брони при них нет. Понятно, в такой ситуации, каждый патрон, каждый пистолет на счету, так что надеяться на то, что она сможет пополнить запас боекомплекта девушка уже почти перестала. Единственным шансом разжиться припасами, было наткнуться на полностью истребленную мертвецами небольшую группку солдат, которые отбились от основной группы товарищей и, теперь став такими же мертвецами, как те, кто их поедал, разгуливают по станции. Зомби оружием не пользуются, но и снять навешанное на себя обмундирование вряд ли догадаются. Только вот найти бы еще таких. Когда все началось, военные организовались быстро. Об этом рассказал один из спасенных ею мужчин в синей форме инженера, или технического работника, или сантехника – Наталья не разобралась.

- Сирены завыли, - рассказывал исхудавший пожилой мужчина, на одном из привалов в темном закутке какой-то фитолаборатории. – И они всем скопом рванули на выход. Мы даже понять еще ничего не успели… нас просто бросили! А потом эти твари пришли… Там в общем зале такая бойня! Такая бойня!.. Я… Я еле убежал… Там.. Там везде трупы! Туда нельзя! Нужно срочно уходить отсюда!

Вот и бродили уставшие, и напуганные люди по туннелям и коридорам уже битых несколько часов, ища возможные проходы среди этого ада.

- Встаем, - вздохнув, совсем не чувствуя отдыха скомандовала Наталья.

Нужно было двигаться. Сидеть на месте опасно. В одной из лабораторий, окна которой не были закрыты бронеставнями, и которые

выходили в сторону океана, она видела, что происходит снаружи. Это была эвакуация. Люди, выстроенные длинными цепочками передавали различное снаряжение и коробки от Афалины на берег, складывая их в большие кучи, откуда уже потом все грузилось на большие надувные плоты. Лучи прожекторов безостановочно курсировавших туда-сюда лодок постоянно мелькали в черной пучине океана, и их становилось все меньше. Снаружи бушевал ураган. Ветер гнал миллионы снежинок, сбивая людей с ног, но они продолжали работать. Все это могло говорить о спешке и безотлагательности дела.

- Ждать не будут, - напомнила женщина, поглядев в печальные, грустные и полные мольбы о том, чтобы хоть еще немного передохнуть, глаза людей. – Нам нужно добраться до нижних этажей. Там должны быть военные…

По помещению пронесся вздох. Слова подействовали.

- Давай, давай, - поддержал Наталью давешний мужичок в синей робе. – Шевелись. Нужно идти!

Чернова с благодарностью кивнула мужику. Поддержка ей сейчас была нужна. Да, у нее оружие, и опыт владения им, но она все равно при этом остается женщиной, а не все мужчины в группе были этим довольны. Мужской голос придал уверенности и ускорил нехитрые сборы. Перед выходом распили последние две бутылочки воды. Фильтрационные станции и генераторы отключились. Воздух на станции становился всё более спертым. Афалина, к сожалению, была сконструирована таким образом, что без принудительной вентиляции, и переработки углекислого газа, в некоторых местах было просто не обойтись. Да что там говорить! Скорее, даже, напротив, в редких помещениях имелась прямая вытяжка на улицу. Слишком уж плотно застроены помещения… Вот теперь люди и начали страдать от нехватки кислорода, жары и слабости.

Погасив все три имеющихся у них фонаря, люди напряженно вслушались в тишину, доносившуюся из-за гермодвери. Судя по звукам, за ней кто-то был: было слышно приглушенное всхлипывание и тихое порыкивание.

Наталья аккуратно потянула рычаг аварийного открытия дверей. Электричества не было и потому магнитные замки не работали. Дверь тихо щелкнула, приоткрылась. В нос ударил еще более противный запах. Тут-то дышать было нечем, но тот смрад, который долетел до

неё из-за двери, был по-настоящему сногсшибательным. Люди поморщились, зафыркали. Кто-то уткнулся в рукав, кто-то поднял воротник формы.

На звук из помещения раздался резкий всхлип, затем быстрые шаги босых ног. Мертвяк вбежал, тут же упав. В темноте он запнулся за высокий порог и прямо пластом расстелился на полу. Наталья не успела ничего сделать. Кто-то вскрикнул и тут началось. На этот звук из коридора к ним кинулась уже целая толпа бывших коллег. Первый зомби упал неудобно, перегородив своим телом дверь. Чернова попыталась прикрыть створку обратно, но поднимающееся рычащее тело, не дало этого сделать.

Труба просвистела совсем рядом с ее головой. Кто-то опрометчиво махнул импровизированным оружием, чуть не задев ее саму. Наталья отклонилась назад, выставляя автомат перед собой. Стрелять она боялась. Кто знает, сколько еще тварей сбежится на грохот. Возможно, тут всего от силы с десяток зараженных, с которыми они смогут справиться.

Второй бывший, а теперь оживший, мертвец, запнувшись за собрата, также с грохотом упал на пол. Труба свистнула еще дважды, затем кто-то неистово закричал.

- Он меня укусил! Укусил! – заверещал незнакомый Наталье мужчина, истово пытавшийся отпихнуть тварь, вцепившуюся ему в ногу.

И тут началась неразбериха. Закричали женщины. Заматерились мужчины, кинувшиеся в разные стороны, фактически, оставив Наталью наедине с рвущимися через двери мертвецами. Палец сам собой нажал на спуск и автомат громыхнул, на мгновение осветив вспышкой темное помещение. Ледяной ужас схватил Чернову за позвоночник. Вспышка была быстрой, и она больно ударила по глазам. Но ее хватило, чтобы разглядеть… Десятки скрюченных, словно артрозом, тел мчалось к двери, за которой находились они – такие вкусные, сладкие человечки. Наталья хотела взвизгнуть, но вместо этого лишь сильнее вжала спуск автомата. Оружие затряслось, посылая пули в темноту. Были бы там, в черноте обычные люди, этого бы могло хватить, чтобы выиграть время, а то и вовсе, напугать противника, но это были совсем не они. Твари, взрыкивая, кажется, даже не замедлились. Шустрые пули пробивали тела насквозь, но, не

имея достаточной останавливающей силы, уносились дальше по коридору.

- Назад! – выкрикнула Чернова, когда автомат захлебнулся и затих всего через пару мгновений от начала своей смертельной песни.

Люди охотно выполнили приказ, бросившись обратно по длинному, скользкому от крови и лоскутов разорванных органов, коридору. Закинув автомат за спину, Наталья уже хотела было и сама броситься бежать – настолько страшно ей стало от усиливающегося гомона несущихся к ним монстров, но вместо этого схватила за руку того самого мужика, которого мертвец укусил за ногу еще в самом начале схватки. Зачем она это сделала? Ведь он уже и так не жилец?! Возможно! Но сейчас он еще был жив! Он чувствовал страх и боль также, как и любой другой. И бросить его на съедение живьем девушка просто не смогла. Мужчина был тяжел, и поднять сразу ей его не удалось. Если бы не подоспевший все тот же старичок с обвисшим лицом, ей бы это так и не удалось. Сантехник подскочил и, ни слова не говоря, подхватил орущего и заливавшегося слезами и соплями мужика за другую руку.

- Раз, два, - сказал он и вместе они буквально вздернули раненого.

Тащить, брыкающееся в состоянии шока, тело было не просто. Автомат съезжал, путался ремнем в руках, норовил поставить подножку, а старик в синей форме был далеко уже не в тех годах, когда ему можно было носить такие тяжести, но они все же это сделали! Они успели ввалиться в тамбур переходного шлюза в самый последний момент. Раненый к тому времени уже немного пришел в себя и пытался им помогать, переступая здоровой ногой, но тел на их пути было слишком много, чтобы выиграть эту гонку со смертью без боязни самим стать ужином для вечно голодных зараженных.

- Что?! – когда за ними заперлась дверь, проревел один из мужиков, разглядевших на полу три уставшие человеческие фигуры. – Его же! Его же укусили! Зачем вы его сюда притащили?!

Толпа испуганно отпрянула. Наталья поднялась.

- Он еще жив! – упрямо проговорила она, глядя на мужика снизу вверх.

- Но он же сейчас всех нас перекусает! – навис над ней здоровяк. – Он сейчас в одну из этих тварей превратится! – последняя фраза уже была сказана для всех.

- Да!

- Он же сейчас превратится! – робко заговорила пришедшая в себя толпа.

- Это еще не факт! – нахмурилась Чернова, ища хоть какую-нибудь причину, судорожно придумывая доводы. – Может его только поцарапали!? Может рана не страшна, и он не заразился?!

Труба свистнула совсем рядом с ней. Снова глухой удар, крик. Кто-то выскочил из толпы и, занеся над головой свое оружие, резко опустил металлическую дубинку бедолаге на голову. Раненный захрипел. Труба прошлась ему вскользь, содрав с головы кожу, вскрыв череп и угодив в ключицу. Толпа закричала еще сильнее. Ошарашенный своим поступком недоубийца замер, глядя на то, как черепная кость укушенного, медленно отходя от своего места, начала съезжать в сторону, разрывая кожу. Недобитый захрипел, дернулся, словно паралитик, упал на пол и засучил по нему ногами, словно изображая дельфина. Кровища хлынула в стороны. В свете подугасших фонарей зрелище было очень страшным и противным.

- Что вы наделали?! – вскрикнула Чернова, отшатнувшись.

Труба снова взмыла вверх и опустилась на тело бедолаги. На этот раз куда-то в область лица. Неприятно хрустнули скулы и нижняя челюсть, скособочившись, отвисла. Мужчина с трубой, выпучив глаза, опять поднял свое оружие над головой и в третий раз опустил дубинку на голову бедолаги, который все никак не умирал. Правду говорят, что убить человека и просто и сложно одновременно. И этот удар пришелся снова по черепу. В стороны что-то брызнуло, но мужчина все еще остался жив. Наталья отвела взгляд. Ее замутило. Четвертый удар она лишь услышала, но вздрогнула сильнее, чем от первого. Человек захрипел и, наконец-то затих. Еще два гулких удара по черепу были скорее контрольными, чем необходимыми.

- Тихо! Тихо! – проговорил еще недавно споривший с Натальей бугай. – Все! Все!

Судя по звукам, он пытался успокоить разбушевавшегося мужика с трубой. Чернова с трудом обернулась. Укушенный лежал недвижимо. Из-под его изуродованной головы растекалась лужа противной кашицы из соплей, крови и мозгов. Девушку передернуло. К горлу подступил ком. В толпе кого-то вырвало. При виде изуродованного тела, из нее словно стержень вынули. Девушку накрыло

беспроглядным мешком из апатии и обреченности. Вот так они тут все и подохнут. Не твари сожрут, так вот такие как этот зашибут…

- Зачем? - хриплым, не своим голосом выдавила она.

Хотя говорила Чернова тихо, но ее услышали все. В тамбуре сразу воцарилась тишина.

- Моя жена! – заблеял убийца, выходя из ступора. – Он бы нас всех поперекусал! Машенька… Она тут… Я должен был ее защитить!

Наталья не ответила, лишь снова сглотнула неприятный горький ком и с ненавистью поглядела на мужчину.

- Дай сюда, - протянула она руку, имея в виду трубу в лапах здоровяка.

Тот безропотно подчинился. Видать ее взгляд был настолько страшен в этот момент, что даже почти двухметровый мужчина из отдела снабжения побоялся с ней спорить. А может быть побоялся автомата, хотя в нем почти не было патронов.

- Если ее укусят, - холодно, чуть слышно, сквозь зубы процедила Чернова. – Ты лично разобьешь ей голову точно также… Или это сделаю я.

Толпа ахнула.

- Что?! – взревел мужик.

Труба свистнула, очертив круг перед самым лицом мужика.

- Что слышал! – прорычала Наталья. – Если ее укусят, ты лично разобьешь ей голову или я ей ее размажжу! – девушка выждала секунду, глядя в глаза убийце, который ошарашено посмотрел куда-то в сторону. - Что ж вы за твари-то такие?! – уже тише проговорила она, бросив трубу на пол. - Он же еще был жив!..

Девушка опустила голову и, вздохнув, никому ничего больше не сказав, двинулась в обратном направлении. Туда, откуда они пришли совсем недавно, спасаясь от огня и дыма.

***

Тем-но-та-а-а-а… Сон, как обычно, был сумбурным и мутным. Он оставлял после себя странные смешанные чувства, и не приносил ни спокойствия, ни отдыха. Он находился в странном темном месте. Как сюда попал, или как из него выбраться, не помнил и не знал. Вокруг было мрачно. Серые тени на границе тьмы и светлого кокона, в котором он находился, постоянно переплетались между собой и о чем-то шептали. Слов было не разобрать, но от них почему-то болела

голова. Вроде бы во сне не чувствуешь боли, есть просто понимание, но сейчас он ее ощущал. Голова ломилась, словно какой-то мальчишка ковырялся в ней старой отверткой, в надежде наскрести что-то ценное, чем потом можно похвастаться перед сверстниками.

Тьма вокруг шуршала так, словно он находился на малюсеньком острове посреди океана, куда прибрежные волны накатывались со всех сторон безостановочно, постоянно. «Белый шум» заглушал все другие звуки, если они, конечно же, были. Так бывает, когда в голове повышается давление и кровь приливает к ушам.

Он висел в воздухе, словно лежа на невидимой кровати, будто был подвешен на нитях. Руки и ноги безвольно свешивались вниз под собственной тяжестью, голова запрокинулась назад. Он не мог пошевелиться и мог лишь смотреть куда-то вверх. Это ощущение, когда ты не можешь двинуться даже на миллиметр, было самым страшным.

- Ты здееесь, - прошуршал голос со всех сторон одновременно. – Я здееееесь… Мы здеееееесь. Ты и я. Мыыыы… - голос, больше похожий на шепот, шуршал со всех сторон одновременно. – Мы вместе. Ты – это я. Я – это ты…

Николай поморщился. Чувство безвольности отступало. Пальцы правой руки начали слушаться первыми.

- Я с тобоооооой, - продолжал шептать бестелесный, бесполый голос, принадлежащий женщине.

Да. Именно так. Сам голос был… пресным. Не имеющий никаких интонаций, но он воспринимал его именно так. Женским, грустным, печальным. Так бывает во сне. Ощущения в нем частенько путаются, переплетаясь.

От темноты отделилась тонкая нить. Она, извиваясь, словно червь в воде, или молния в небе потянулась к нему. Почему-то от нити веяло страхом и ужасом. Николай попытался дернуться, но у него ничего не получилось.

- Я здеееееесь, - снова прошептала мгла. – Ты здеееееесь.

Нить, сотканная из тьмы, приближалась. Николай отчаянно пытался уклониться от нее, но тело… Проклятое тело не подчинялось ему… Черный червь коснулся правой руки, и в пальце тот час же появилось жжение. Нитка потянулась дальше, втягиваясь под кожу. Одновременно с тем, как это нечто начинало ворочаться в руке,

конечность начинала обретать способность двигаться. Сначала ладонь. Николай сжал кулак, дернул руку, насколько смог, попытался порвать нить, но та дернулась вслед, на мгновение истончившись, но не порвавшись.

- Мы зде-е-есь, - продолжала шептать тьма.

Нить стала толще. Она колючим огнем текла по его руке, пробираясь все выше. Запястье. Предплечье. Локоть. Плечо. Шея… Он ощущал, как мерзкая тварь ползет по его венам, как отделяет пласты кожи друг от друга, но ничего не мог поделать. Липкая горячая субстанция добралась до затылка, словно кто-то огненной рукой взялся за его голову сзади. Ухо, щека… Глаз… Он зарычал, сжал волю в кулак и, собрав в нем все свои силы, дернулся всем телом. Нить не выдержала и все же лопнула. В этот момент тьма завыла миллионами голосов, но его уже было не остановить. Он сжался в комок, распрямился, словно расталкивая толпу, заставляя кокон света, в котором он висел, раздаться в стороны. Тьма в страхе отступила. И он проснулся, но лучше бы этого не делал.

Голова болела адски. В первые секунды он даже не понял, что очнулся. Картинка перед глазами двоилась, троилась, заплывала темными и яркими кругами, расцвечивалась искорками и, дрожа, плясала на все лады. Проклятый звонарь, уснувший, казалось было, уже навсегда, внезапно подскочил с лежанки, и принялся долбить во все колокола, словно это его последний в жизни концерт.

Николай издал тяжелый… эээ… звук. Именно звук. Ни рыком, ни вздохом, ничем иным это нельзя было назвать. Рука дернулась, описала окружность, упала на кость, кем-то ошибочно именуемой головой. Вокруг загомонили, зашуршали, забулькали голоса. Он сморщился, пытаясь заглушить ладонями эти противные звуки, разрывающие череп напополам, и снова застонал.

- Тихо, тихо, здоровяк, - проник в голову голос Петрова. – Не дергайся, разнесешь тут все…

Почти сразу же, где-то в районе лба появилось ощущение чего-то холодного. Николай снова застонал. Захотелось лечь. Почему-то именно это положение сейчас казалось наиболее комфортным. Он опустился на что-то мягкое, и, продолжая сжимать голову руками, подтянул ноги к груди. Поза, известная всем с самого младенчества позволила немного поубавить рвущую и корежащую боль.

Тяжело дыша, ощущая, как в груди словно что-то хлюпает и свистит, парень ненадолго замер. Боль постепенно притуплялась. Зрение и слух нормализовались. Чудовищно хотелось пить, о чем сержант тут же сообщил товарищу.

- Сейчас, вот, держи…

В руку что-то ткнулось. Николай не глядя махнул лапой, вливая в пасть… Да они издеваются? Влага всосалась в язык, даже не достигнув горла! Такой порцией ему не потушить вулкан, горящий внутри и тут… Тут вдруг до него кое-что дошло. Тело снова бросило в жар, потом в холод… Сердце забилось еще сильнее, грозя вот-вот перегнать паровозный двигатель.

- Тихо, тихо, - заметив испуганное лицо товарища, попытался успокоить его капитан.

Николай рассматривал собственные руки и не верил глазам. Это было не его тело. Если и до событий с Этхе он казался большим, и некоторые его звали гигантом, то теперь… Огромная лапища, перевитая жгутами мышц и вен, толщиной в два человеческих пальца, покрытая какой-то причудливой черной татуировкой стала, как минимум, раза в три больше! Ноги-тумбы босы и совершенно без одежды. В юрте горит жаркий костер, но все присутствующие, как и Петров в шубах, а ему… Ему совершенно не холодно. Ему комфортно! Голова закружилась. Что с ним случилось? Что они с ним сделали? Или это… Это последствия сражения с чудищами из лаборатории? И что это такое?!.

Левой рукой он провел по коже правой. Нет. Это была не татуировка. Это была его собственная кожа. Серая, почти черная, с антрацитовыми полосками, повторяющими изгибы вен. Чернота тянулась по всей правой руке до шеи. Дальше Николай видеть не мог, но мог поклясться, что она тянется до затылка и выходит на правую сторону лица, окутав щеку до самого глаза… Как та самая мгла во сне…

Все еще не веря глазам, Николай покатал жилу под темной кожей и убедился, что это не рисунок, это сама вена стала похожа на черный корень дерева, или, скорее… грибницы. Той самой, из лаборатории чертового профессора Решетова.

Петров вздохнул.

- Ты как?

- Хреново, - пробасил не своим голосом друг.

Он, как и тело, претерпел изменения. Хриплый, рычащий, теперь больше походящий на голос какого-нибудь босса из компьютерной игры про демонов. Низкий, рокочущий, дерущий голосовые связки. Парень попытался откашляться, но это не помогло.

- Что со мной? – все также гудя и вибрируя грудной клеткой, задал Николай волнующий его вопрос.

- Василий говорит, это последствия мутации. Он изучил твою кровь, как смог и обнаружил в ней… грибок… - Николай качнул головой.

По виду друга все было понятно сразу, да и он сам уже ощущал в себе эту заразу. Она грызла его, отравляя организм, растекаясь по всему телу.

- Тот, из лаборатории… - прервал неловкую речь капитана сержант. – Я чувствую. - Говорить было тяжело, потому Николай старался объясняться коротко и отрывисто. - Сколько я… спал?

Петров почесал отросшую местами седую бороду, вздохнул.

- Почти полторы недели.

Слова ударили, словно приговор. Полторы недели!? Они. Здесь. Полторы. Недели?! Кулаки сжались сами собой. Хрустнули костяжки пальцев, зубы скрипнули, суставы захрустели.

- Я не мог тебя бросить, - опустил голову Байкал. – Уже подумывал одному дальше пойти, но не мог…

Данил извинялся, пытаясь оправдать свое присутствие, объяснить, почему он все еще здесь, а не там, не спасает их друзей и любимых людей, подбирая какие-то, по его мнению, недостаточно правдоподобные слова. Он долго планировал этот разговор, но так и не смог собраться с мыслями. Он и сам не мог сказать четко, почему остался, а не ушел. Больная рука? Боязнь оставить друга в таком состоянии? Моральное истощение или быть может… Мысли о том, что им не удастся преодолеть разделяющее их и Афалину расстояние? Они настигали его все чаще. Нужно быть реалистами. Особенно в такое суровое время. Три сотни километров пешком? Тюленям на смех! Данил в ските саамов, за то время, что друг валялся в бреду, сражаясь с духами, как говорил Нойд, неплохо смог изучить местный быт. Ничего другого ему, по сути, больше и не оставалось, кроме как ходить, смотреть, спрашивать, да слушать ответы Василия или Дэнси. Так вот,

изучив и поняв местное мироустройство, Байкал с уверенностью мог сказать, что даже на самых сильных оленях, чтобы преодолеть такой путь, уйдет не одна неделя. А плюс почти те две, что они уже тут… Выходит что? Месяц. Они безнадежно проиграли гонку со временем. Да, вернутся они все равно непременно! Но! Это уже будет совсем другая Афалина. Нахрапом взять полковника не удастся. Он, сын блудливой собаки, наверняка успеет подготовиться, так что нужно менять тактику. Придется действовать быстро и неожиданно.

Николай попытался встать. Петров моргнул. Друга повело, и он, повалившись на одно колено, чуть было не свалился в костер, чудом удержавшись на растопыренных руках. Его вырвало. Сильно, обильно. Так, что даже пришлось откинуть в сторону полог, закрывавший вход в жилище. Кровавая каша, исторгнутая другом, воняла просто невыносимо. Данил скривился. Вот действительно говорят, «дело дурно пахнет». Одно дело такую жижу в какой-нибудь застоялой бочке обнаружить, а другое – в живом человеке. Этому в нем не было места от природы, а, значит, природа товарища изрядно поменялась.

Нойд, даже не поморщившийся при появлении чудовищной вони, спокойно вышел из юрты, взял в руки стоявшую рядом со входом лопату, зачерпнул ей приличную кучу снега и присыпал им исторгнутую великаном кашу, поколупавшись в ней веточкой.

- Духи выйти из твоя друга, - перевел Дэнси быструю речь шамана. – Но ворота открыты и духи могут вернуться. Нужно пить настой! – Лекарь протянул Петрову щепотку мха, которым кормил все время бьющегося в агонии товарища. – Пусть твоя друга пьет его, постоянно. Волшебная моха может помогать, но пока она сама хотеть! Если ворота открыть и пустить духа назад, моха не спасать…

- Духа! Моха! - Передразнил Данил, помогая заметно потяжелевшему сержанту вернуться на кровать и усесться. – Где я вам эту моху брать буду!? Не на болоте, б… находимся!

- Великий мох расти не на болоте, - словно общаясь с ребенком, вздохнул Дэнси. – Великий мох расти только на священной земле нашего рода!

- Тихо, тихо, здоровяк, - вновь пришел на помощь товарищу капитан, когда Николай опять попытался встать, но покачнулся, и чуть было второй раз не угодил в костер. – Помогай, давай!

Саам встрепенулся, подскочил с другой стороны, крякнул, когда здоровенная лапища легла на его плечо. Кнехт что-то бурчал себе под нос, находясь в каком-то пьяном состоянии. Взгляд бешеный, бегает по юрте, ноги трясутся как у паралитика, весь как-то скособочился… но упрямо силился подняться. Вернувшийся с улицы Нойд, нахмурился. Протороторил на местном что-то злое.

- Лежать надо, однако, - перевел охотник. – Злой дух, с-сабака еще не вся вышла. Сила нужно! Есть нужно! Вставать – ненужно!

- Надо… - прорычал Николай, опуская лоб. – Идти. Надо. Вернуться…

- Успеешь, аднака! Буря будет! Шторма сильная! Лежать надо! Есть надо! Потом идти!

Его с трудом, но все же уложили. Состояние не улучшилось. Было стойкое ощущение, что он изрядно так подсел на бутылку, ища непреложную истину на ее скользком дне, и не слазил с поглощения алкогольных напитков все эти две недели. Во рту, а уже точнее, в пасти – сушь, как в пустыне. Руки дрожат. Ноги ватные, а в желудке дыра от атомного взрыва… И все мышцы в теле словно иголками истыканы. Нойд снова что-то там намесил в чашке, пошептал, полил какой-то жижей и заставил больного выпить густой, вонючий отвар, после которого состояние начало постепенно улучшаться. Сперва он почувствовал, как сердце ни с того, ни с сего устремилось в галоп. Стало жарко. Легкие стали требовать все больше и больше воздуха, и он начал дышать, словно паровой двигатель. Шумно, со всхлипами и покашливаниями. Зрение наконец-то нормализовалось, картинка больше не троилась и звон в голове куда-то ушел.

На относительно терпимое восстановление ушло порядка получаса. Николай смог самостоятельно сесть. Организм снова попытался взбунтоваться и излить на свет божий содержимое желудка, но в последний момент передумал.

- Ты как? – вкрадчиво поинтересовался Петров, когда сержант наконец-то смог сконцентрироваться и посмотреть на окружающих более-менее осмысленным взглядом.

- Херово, - честно признался он.

Пожевав немного губами и, сглотнув вонючую слюну, попросил воды.

- Нужно идти, - напившись, решительно шлепнул он себя по коленям. – Время…

- Идти, - хмыкнул капитан. – Там снова буря, как специально. До утра ждать надо, припасы собрать и оленей подготовить… Раньше завтра не выйдем.

- Надо идти, - упрямо повторил друг и в голосе его проскользнули странные нотки, от которых Данил немного напрягся.

- Куда идти, еще раз спрашиваю!? – поднялся он, аккуратно поправив так и еще до конца не восстановившуюся руку на перевязи. – Пурга на улице! Понимаешь? Ветер «вуууууу», - изобразил он вой ветра, словно говоря с младенцем. – Слышишь? Куда ты собрался…

Николай встал, пошатываясь, не слушая товарища, подошел к выходу, откинул полог и, пригнувшись, едва протиснувшись в узкий проход, вышел в метель.

Ветер приятно окутал прохладой, попытался поцарапать снежинками, но вместо лютой стужи, лишь принес блаженную ясность. Он встал в полный рост, медленно вдохнул морозную свежесть, расправил грудь.

«Нужно идти» – заполонило одурманенное сознание, одна единственная фраза, оброненная самим же собой. «Нужно идти» – билась идея, не отпускающая ни на секунду. «Нужно идти» – тянуло душу куда-то за горизонт.

- Колян, - позвал Петров из-за спины, выскочивший вслед за другом, но остановившийся, увидев, что он не спешит рвануть в воющую пургу и раствориться в ней в неизвестном направлении.

Лишь сейчас он смог в полной мере оценить его огромную, измененную фигуру. И так-то немаленький Байкал доставал товарищу макушкой едва ли выше пояса. Тело провалившегося в агонию товарища росло и изменялось безостановочно. Иногда даже можно было расслышать неприятный хруст ломавшихся или перекатывавшихся под кожей суставов. Даже тот проклятый профессор из подземной лаборатории, кем бы он ни был на самом деле, явно теперь проигрывал Кнехту: и в силе, и в росте. Здоровенные, словно носорожьи или слоновьи, руки и ноги с рельефными мышцами, о которых мечтает, наверное, каждый бодибилдер и дьявольский взгляд правого окровавленного глаза.

- Ты бы это… - отвернулся Петров в сторону. – штаны бы надел… Не стоит баб с детьми пугать…

Сержант рыкнул. Лишь сейчас он понял, что он обнажен, но ни смущения, ни стеснения он не испытывал. Он вообще ничего не испытывал. Лишь дичайшее желание двигаться в сторону горизонта. Его туда тянуло словно веревкой.

Он закрыл глаза. Да. Душу словно тянет… Натянутый канат, удерживавший огромный груз печали над обрывом, вел его в нужном направлении.

Николай снова рыкнул. Точнее прочистил связки, но звук получился именно таким. Животным. Звериным.

***

Метель стихла, как и обещал Нойд, к утру. За время, что Петров находился здесь, он так и не привык к точности прогноза шамана. Никаких приборов, никаких примет… Старик просто выходил, закрывал глаза, направив свой лик куда-то к небу, и, практически с точностью до часа, мог сказать, когда начнется или закончится буря, а также с уверенностью предупредить, через сколько дней она вернется.

Сани снарядили быстро. Запас мороженой рыбы и оленины, несколько шкур, крепкая веревка из животных жил, жир, и какие-то замерзшие корешки. Канистра, невесть откуда взявшегося, спирта, да какие-то палки с крюками… Вот и весь нехитрый скарб. Все снаряжение уместилось едва ли в половину длиннющих нарт. Оставшееся место было отведено для Петрова и Айлы.

С дочерью Дэнси Данил все еще не был знаком. По какой-то причине, за все время пребывания в селении, охотник с ней так пришлого и не познакомил… И, лишь, когда девушка, облаченная в короткую шубку из оленьей шкуры, предстала перед напарниками, Данил догадался, почему отец прятал дочь от их взглядов.

Айла была… красива. Именно так. Черты ее лица отличались от местных. Мягкие, раскосые, темные, словно ночь глаза, тонкий, маленький носик, в отличие от больших и мясистых носов Дэнси или Нойда, такие же тонкие губы и милые округлые щечки с ямочками… Данил мотнул головой. Айла – несовершеннолетняя. По словам отца дочери недавно «прошло шестнадцатое лето»… А, значит… Петров отвернулся, сделав вид, что проверяет, как уложено снаряжение.

- Капитана, - позвал его Дэнси, подойдя с дочерью. – Это Айла. Моя дочь. Она отвести вас к нужному месту. Айла знать направление. Знать ваш путь…

Девушка кивнула, и из-под аккуратного, словно в ателье, обрамленного меховым кантом, капюшона и по шее рассыпались густые черные длинные волосы.

- Айла немного знать ваш язык. Айла как собака… Все понимать, сказать не мочь… - Данил поперхнулся воздухом, услышав такое сравнение, но тут же сделался серьезным.

Собаки для саамов были чуть ли не такими же священными, как олени или тот проклятый мох. Только благодаря им поселение Дэнси смогло выжить в самом начале заражения. Девушка снова кивнула.

- Где Нюрг, твой друг?

Петров, усилено гонящий от себя не к месту навалившееся возбуждение, мотнул головой в сторону юрты.

- Нойд с ним разговаривает, - пояснил он и удивился собственному злому и хриплому голосу.

Чего это он? Девки симпатичной не видел? Совсем что ли оголодал на сухом пайке? Так вроде ни время, ни ситуация не располагает. Тогда в чем дело? Он скрипнул зубами. Вдохнул холодный воздух. Херня какая-то! А может… Может это так напряжение выходит? Нервы? Страх? Злоба!? Нерешительность перед неизвестностью. Перед тем, что их ждет впереди. Там за горизонтом… А что если… там уже ничего нет? Что если полковник… Он снова скрипнул зубами, отвернулся и непроизвольно ударил кулаком по деревянному борту саней… Нет. Приедут и все сами увидят!

Внезапно за спиной капитана все стихло. Немногочисленные звуки оживающего после бури селения пропали. Негромкие голоса саамов сошли на нет. Повисла звенящая тишина. Данил обернулся. Нойд закончил разговор с другом, и теперь он стоял, словно огромная скала, окидывая взглядом окрестности. Все время, что шло лечение, в главную юрту не пускали никого, кроме Данила, Дэнси и старика ученого, потому, когда и до этого огромный сержант выбрался из юрты, все просто замерли в блаженном страхе. Даже Нойд, наверное, самый высокий из племени, едва-едва доходил другу капитана до пояса… Что говорить об остальных, через которых теперь уже точно великан мог, наверное, легко перешагнуть.

- Ню-ю-ю-юрг, - пронесся шепот по замершей толпе.

- Хера, супермен, недоделанный, - прошептал Данил.

Тело гиганта было облачено в шкуры. Он походил на какого-то средневекового воина. Ноги были перехвачены широкими коричневыми ремнями в два слоя, крест-накрест. На торсе было что-то наподобие безрукавки. Запястья были стянуты шерстяными наручами, на спине висела длинная накидка, застегивающаяся на груди под самой шеей плащом и глубокий капюшон, скрывающий мраком лицо гиганта.

Капюшон повернулся, сделав оборот слева направо, уставился в сторону Петрова, и Данил мог поклясться, что ощутил в этот момент страх и ужас. Словно кто-то взял его ледяными руками за душу и вынул ее, грубо вытряхнув. Ощущение тут же пропало, но послевкусие осталось. Словно липким кальмаром по груди провели.

Кнехт медленно двинулся вперед, и замершее вокруг пространство словно двинулось вместе с ним. Данил не мог описать это ощущение, но, это было схоже с тем, как словно все вокруг замерло, и движется лишь в каком-то коконе, окружавшем друга невидимой границей. Он сделал шаг, замер, перенося вес, и все снова замерло. Снова шаг и снова движение. Словно сам воздух замирал в страхе, когда замирало это… существо…

Нойд шел рядом. Лицо его выглядело уставшим и осунувшимся. Шаман разом состарился на десяток лет, и что-то подсказывало Байкалу, что сейчас это были не просто высокие слова.

- Твоя друга слабая еще! - Перевел тихий шепот целителя Дэнси, когда тот заговорил. – Твоя давать ему моха! Каждый перегон оленя – сухой, каждый прием пищи - в еда.

- И сколько его так этой травой кормить? – скептически осмотрел капитан протянутый мешочек из выделанной шкуры.

- Всегда, - ответил за Нойда Николай, выхватив из рук Байкала мешок.

Друг явно был не в настроении и Данил не стал лезть с расспросами. Честно говоря, у него и самого этого самого настроения не было уже давно. Тяжелые мысли об Афалине и их незавидном положении не отпускали ни на минуту. Пришло ясное понимание того, что любой следующий шаг может быть последним. Запоздало? Ну, как говорится, у кого как мозг работает… У кого его, мозга этого сколько

есть. Петров лишь сейчас, в минуты беспросветного отчаянья, осознал, насколько все опасно вокруг. Нет, в армии смертельная опасность тоже висела над головой ежеминутно, но там хотя бы все было понятно. Отправили в рейд – значит, можешь не вернуться. Остался на базе – значит все хорошо и ты в относительном комфорте и безопасности. К рейду хотя бы можно было подготовиться. Морально и физически. Можно настроиться на нужный лад и взять необходимое снаряжение. А здесь? Здесь ничего нельзя предугадать. И, где костлявая притаилась, не узнаешь никогда. До самого последнего момента.

Подошла Айла. Девушка вела за уздцы двух огромных, сильных оленей с ветвистыми рогами. Животные тихо похрапывали, выпуская из ноздрей клубы пара. Сразу было видно, что это самые лучшие и сильные олени. Мощные высокие ноги, широкие грудные клетки, умный, спокойный взгляд. Все движения точные, тяжелые. Никакой суеты. Животные четко знали свою работу. Девушка подвела их к нартам, ловко запрягла и, подтянув ремешки, подошла к отцу. Они о чем-то поговорили, после чего Дэнси нежно обняв дочь, отпустил с тяжелым выдохом.

- Ехать нужно, однако… - проговорил охотник, выслушав шамана. – Нойд говорить, буря быть только завтра. Сегодня не волноваться. Ехать быстро… - он посмотрел на великана. – Друга точно справиться?

Данил закусил губу. Во всем плане этот вопрос был самым слабым звеном. Места в нартах для гиганта нет. Да и вес, опять же… Николай стал тяжелее раза в три. И откуда только масса наросла?.. Но факт остается фактом: другу придется идти рядом.

- Справлюсь, - все также как-то задумчиво ответил Николай и двинулся широким шагом за невидимой, тянущей его за горизонт нитью.

***

Шли быстро. Олени тянули сани легко и непринужденно, словно совсем не ощущали вес. Айла старалась держать темп, в котором шел гигант. Первое время ей приходилось немного осаживать животных, которые явно чувствовали себя неуютно рядом с непонятным существом, но через какое-то время немного успокоились.

«Ты как?» - постоянно подмывало Петрова спросить друга, но, в последний момент он так и не решался задать вопрос вслух. Николай шел молча, не сбивая шага и дыхания. От гиганта веяло холодом и… злобой. Данил прямо кожей ощущал исходящие от друга волны.

Он шел словно робот, механически разгибая и сгибая ноги. Состояние постепенно прояснялось, но легче от этого не становилось. Голова гудела и была наполнена странной ватой. Мысли кружились, словно в хороводе, запутываясь. «Нужно идти… еще немного… правой… левой… нужно еще немного правой… Идти левой… Еще и еще… немного, много… еще идти…» и так по кругу. Он шел большую часть времени на автомате, проваливаясь куда-то в себя, выныривая и осознавая, что пейзаж за время его «отсутствия» изменился. Не значительно, но все же. Эти провалы в сознании по началу напрягали, но парень списал все на усталость и еще не до конца вылеченную голову. После того как он пришел в сознание и немного оклемался, Петров рассказал, что произошло с мертвецами и Этхе. Оказывается, проклятые твари умели, как и их сородичи в Улье хорошо промывать мозги.

- Там на самом деле сотни две всего зараженных было… - рассказывал Данил, хлебая наваристую похлебку из деревянной чашки, обильно посыпая почти каждую ложку доброй порцией сушеного мха. – Твари нам просто внушили, что их много… Потому иногда некоторые зомбаки знакомыми казались. У меня потом еще два дня голова болела, а у некоторых почти неделю, а одного… одного так и не откачали.

Вот видимо после ментальной схватки с погонщиком Этхе в голове у Николая что-то и сдвинулось, что сейчас давит на психику, заставляет нервничать и раздражаться буквально на все. Правый наруч неприятно трет швом. Левый сапог затянут чуть слабее правого. Накидка душит, снежинка щеку щекочет, голова преет, снег слепит, нога слишком глубоко проваливается, воздух слишком воздушный, скрип скрипучий! Арррр! Но он упрямо молчал, скрежеща зубами, в которых словно чесотка поселилась. Николай дернул губой, почесав нос, и прибавил шага. Тянуло все сильнее. Он чувствовал, что случилось что-то плохое. В груди было неуютно. И это ощущение росло с каждым шагом. Погасить или справиться с ним Николай не мог, и все, что ему оставалось делать, это терпеть.

- Нужно быстрее, - нахмурившись, проговорил он, вглядываясь в темнеющий горизонт и, не говоря больше ни слова, перешел на бег трусцой.

Один из оленей фыркнул, когда Айла, видя, как гигант ускорился, аккуратно ударила зверя длинной палкой по спине, и тоже прибавил ходу, дернув сани вперед.

***

Этот день их пути выдался самым тяжелым. Ночью потеряли второго оленя. Первый провалился в неглубокую расщелину и сломал шею, чудом не утащив за собой нарты. Стая голодных волков напала внезапно. Перебить зубастых-то все равно удалось, но один из хищников серьезно подрал последнего оленя и пришлось бедолагу прирезать. Мясо, чтобы не пропадало, Айла быстро разделала на куски, часть прикопала в толстом снеге, а самые лучшие куски заставила нести великана, сделав ему подобие бурдюка из шкуры все того же оленя. Тащить нарты пришлось опять же Николаю… причем надо отметить, сделать это было необходимо еще с самого начала. Гигант вообще, казалось, не чувствовал веса и бежал, таща поводья намного быстрее, чем это делали животные.

- Надо было сразу его запрячь и не мучиться, - отметил Данил, когда друг, словно не ощущая сопротивления, попер в довольно крутой склон, которые им до этого постоянно приходилось объезжать в силу неспособностей оленей преодолевать подобные препятствия. – Уже б давно были на месте…

Опустившийся сегодня столбик термометра не располагал к общению. Сидеть в санях было, конечно лучше, чем идти пешком, но вот мороз… Даже толстенные шубы от него не защищали. Тело без движения не вырабатывало столько необходимое ему тепло, отчего и стойкая Айла, и опытный Петров уже начали стучать зубами. Они сидели, прижавшись друг к другу боками, накрывшись шубами, но им все равно было холодно.

Сани постепенно выходили на пологую поверхность. Где именно они находятся и сколько им еще идти Данил не знал, но по его подсчетам, сегодня они должны добраться до дома… Добраться да Афалины… Над головой снова висело переливающееся полотно северного сияния. Его свет, конечно, не грел, как солнечный, но, все же казалось, что как только в небе снова появились слабые

переливающиеся разноцветные пятна, стало чуточку теплее. Вот она, сила самоубеждения во всей красе. Нарты пошли еще ровнее, затем еще и уже начали скользить по абсолютно ровной поверхности, как тут же замерли, ударившись в ногу замершего гиганта. Причину остановки друга Данил увидел сразу. Они почти не ошиблись. Огромные металлические шары, опутанные сеткой проводов и лестниц, засыпанные снегом находились чуть дальше и справа. Он до последнего не верил, что они смогут выйти точно к цели. Без навигатора, спутников или даже простейшей карты найти лабораторию сразу – было не реально. Это как иголку… Ну-у-у не в стоге сена, но как в траве под ногами шарить.

- Дошли, твою мать! – выдохнул капитан, не сдержав эмоций. – Колян! Мы дошли!

Николай стоял все также не шевелясь, вглядываясь в очертания научно-исследовательской базы и отсутствие радости на лице друга Петрова быстро остудило. Что-то было не так… Что-то было очень не так…

***

На Афалине шел бой. Тяжелый, кровавый, на выживание. Точнее это была бойня. Бой, это немного иное. Это когда одна сторона уничтожает вторую. А тут была именно бойня. Чем больше твой враг уничтожает тебя, тем его армия становится сильнее и больше.

Зараженные были уже везде. Наталья вела группу через ад, теряя человека за человеком, не смотря на то, что они постоянно кого-то еще находили. То откуда-то из темноты тварь выпрыгнет, то нарвутся в коридоре и убежать не успеют, то зажмут где-то в комнате, но она все же продолжала движение. Ей хотелось жить. Страх, какой бы мужественной она не казалась, одерживал над ней верх. Еще чуть-чуть… - твердила сама себе Чернова, ухватившись за эту спасительную мысль. Еще чуть-чуть! Вперед по коридору, на лестницу, в переходный шлюз и все. Они на свободе. Они выберутся из этой западни! Нужно только добежать. Они уже не оборонялись, не защищались и не таились. Они просто бежали, толкая друг друга, стараясь как можно быстрее добраться до цели. Те, кто бежал впереди, не раз, при этом, становились жертвами выскочивших из ниоткуда зараженных, да и те, кто отставал, тоже зачастую вскрикивали, когда ледяные пальцы бывших людей хватали их. Да даже те, кто двигался в

середине колонны, чего уж говорить, погибали с равной долей вероятности. Безопасно не было нигде.

К тому времени, как они добрались до долгожданной двери, от группы осталось едва ли половина, но Наталья не думала об этом. Этих людей она не знала. Она не была их лидером в полном смысле этого слова. Она просто, также, как и они, пыталась спастись. Лишь Пашка, да тот старичок в синей униформе были ей дороги. Лаборанта-помощника она знала давно, а старичок, наверное, единственный из всех, кто проявлял хоть какие-то чувства к остальным. Вероятно, в прошлой жизни он был добрым и хорошим человеком, сумев сохранить эти качества до сих пор.

Люди, топоча, сбежали по металлической лестнице, грохоча так, что казалось, ступени не выдержат и вот-вот обрушатся в шахту. Сверху, в ответ на гулкий топот, прилетело проклятое «клее-кле». Твари кинулись вслед и уже кого-то нагнали. Наверху кто-то закричал, зафыркал, завизжал и послышался шум падающих, спотыкающихся тел. Наталью толкнули. Она едва удержалась, схватившись за старичка. Тот охнул, но устоял, схватившись, в свою очередь, за поручень. Толпа надавила, грозя раздавить, но Чернова уже почти добралась до нижнего этажа.

Их буквально вытолкнули в дверь. Девушка и еще несколько человек повалились на бетонную площадку. Холодный ветер ударил в лицо, заставив выступившие было слезы тут же съежиться и убраться восвояси. Чернова вскочила на ноги. Вот он! Переходный шлюз! Они почти успели! Сзади снова закричали. Девушка обернулась и увидела, как по телам еще живых людей, ползут перемазанные кровью зараженные. Ей показалось, что они специально игнорируют всех, целеустремленно пытаясь добраться именно до нее. Наталья сжала зубы и бросилась вперед, позабыв обо всем. Страх сковал ее настолько сильно, что ни о чем, кроме бегства думать она больше не могла. Ноги несли ее вперед, прочь от кричащих людей. Лишь в последний момент она смогла дать себе мысленную затрещину. А кто, если не она?! Кто еще поможет Пашке, тому старичку и всем остальным? Люди напуганы столь же сильно, сколько и она, но она… Как та, кто работала с этими существами уже не первый месяц, могла поддаться панике и страху?

Чернова остановилась и резко развернулась. Мимо нее проковылял какой-то мужик с трубой в руке. Девушка выхватила оружие из его рук и бросилась обратно. Правду говорят, что у страха глаза велики! Мертвецов было всего несколько штук. От силы пять, или шесть. Но никак не несколько десятков, как ей показалось изначально. Труба свистнула, опустилась на плечо первого зараженного. Мимо. Наталья боялась ненароком задеть закрывавшегося от укусов Пашку. Второй удар вышел точнее. Мертвец мгновенно обмяк, повиснув на лаборанте. Третий удар. Еще один зараженный окончательно успокаивается. Четвертый. Пятый. Шестой… Она била, яростно сжимая ледяную железяку, переходя из состояния безотчетного ужаса во всеобъемлющую злобу. Дайте еще этих тупоголовых мертвецов и она победит их всех! Десяток, два! Да хоть целую сотню! Наталья вошла в боевой раж. Выпачканная кровью и мозгами она смогла остановиться лишь, когда ее кто-то схватил за руку. Девушка дернулась всем телом, попыталась схватиться за автомат с последними патронами, но вовремя пришла в себя.

- Тише! Тише! - испуганно отшатнулся от нее тот самый старичок. – Уже все. Все! Нужно уходить!

Девушка фыркнула, качнула головой, стряхивая с лица мокрые волосы. Действительно! Чего это она! Ее задача выжить, сохранить жизнь себе и может быть еще Пашке с этим старичком. Не больше. Ситуация с бедолагой, которому проломили голову показала, что теперь тут каждый сам за себя… Она их вывела, кого смогла, защитила, кому могла – помогла, дальше уже пусть как хотят выбираются…

Гортанные выкрики, донесшиеся из дверного проема, откуда люди только что выбежали, заставили Чернову напрячься. Мертвецы все же шли попятам и времени рассусоливать у выживших не было. Наталья без лишних слов направилась по бетонной площадке к выходу.

Мороз снаружи стоял просто лютый. Находиться на нем, в залитом кровью лабораторном халате, и тонких «стеклянных», как их называли, штанах, было нестерпимо холодно, но вернуться, чтобы поискать теплую одежду, Чернова себя заставить не смогла. Лучше тут, на морозе погибнуть, чем в разрываемой заживо в лапах бывших коллег. На берегу они были одни.

- Они что, нас бросили? – простонал кто-то за спиной. – Просто уплыли?

Откуда-то со стороны до них донесся окрик. Женщина перевела взгляд. Им махали рукой. Небольшая группка таких же выживших, как и они. Без оружия, но в теплых куртках. Группа Натальи направилась к ним.

Подходя ближе, девушка узнала в приветствовавшем их мужчине своего знакомого. Артур работал в службе снабжения и не раз лично доставлял для ее отдела различное оборудование по служебным докладным. Парень был чуть моложе Натальи, но старше Пашки. Был он человеком надежным, всегда держащим слово и… как это сказать… Был настоящим мужчиной.

Чернова была рада встретить именно его. Роль «бати», которую она примеряла на себя, когда возглавила группу, оказалась ей не по плечу и, потому, когда девушка узнала Артура, она чуть не расплакалась. Захотелось отдать штурвал корабля, который она опрометчиво схватила в свои руки, этому человеку. Уж он-то точно сможет лучше нее управлять сложившейся ситуацией.

- Наталья! – узнал и Артур идущую к нему девушку, улыбнувшись.

Но улыбка быстро сползла с его лица. Мужчина нахмурился, вглядываясь куда-то ей за спину, и Чернова похолодела от ужаса. Она еще только подумала посмотреть заспину, а люди Артура уже бросились бежать.

Наталья обернулась и… лучше бы она этого не делала! Как там, еще минуту назад она думала? Дайте мне десяток, сотню мертвецов и она порвет их голыми руками? Ну что ж, судьба предоставила ей такой шанс.

Из распахнутых дверей научного комплекса выбегали люди. Так можно было бы подумать, если бы Чернова не была знакома с некоторыми обстоятельствами. Людьми появившихся существ назвать можно было с натяжкой. Она сразу поняла, что это зараженные. Уж очень хорошо насмотрелась на эти рваные, какие-то угловатые движения.

- Бежим! – прокричала она и чуть не закашлялась, схватив горлом поток ледяного воздуха.

Люди мгновенно ускорились, заозирались, закричали. Толпа бросилась наутек. Чернову толкнули в спину, она поскользнулась на какой-то ледышке, и упала, больно ударившись ногой. Тут же кто-то засветил ей в глаз коленом, ударил, точнее, надавил рукой на плечо, и, кажется, даже ботинком кто-то прошелся. Девушка вскрикнула, всхлипнула. Слезы от боли выступили сами собой.

- Наталья Владимировна! – пытался пробиться к ней Пашка, но их разделял людской поток и расстояние. – Наталья Владимировна!

Никто даже не попытался помочь ей подняться! Люди, обезумевшие от страха, бежали, не оглядываясь. Вот еще кто-то закричал, упав, и еще… Всем было плевать. Всем кроме…

- Вставайте, - подал руку ей тот самый старичок, задыхаясь.

Почему-то в этот момент Черновой подумалось, что вот его-то точно съедят. Догонят и порвут и, кому-кому, а уж этому излишне доброму для этого мира человеку выжить в нем точно будет не суждено.

- Вставайте, вставайте, - помог мужчина в синей робе сантехника ей подняться.

Наталья дернула автомат. Проверила предохранитель, слегка оттянув затвор, убедившись, что патрон в патроннике. Все движения она выполнила чисто механически.

- Уходите, - проговорила она, зло глядя на бегущую толпу и прижимая ладонь, мокрую от талого снега, к глазу.

- Бежим, дочка, бежим, - потянул старичок Чернову за руку. – Не думай даже! Брось это! Или дай мне!.. – он попытался перехватить у девушки автомат. – Покажи, как стрелять. Мне-то точно не убежать…

- Уходите, - снова зло проговорила Чернова.

Обида за себя, за Пашку, который, наконец-то, до них добежал, за этого брошенного доброго старичка, внезапно так больно ударила по душе, что Наталья едва не расплакалась снова.

Твари мчались прямо на них. Расстояние сокращалось с каждым мгновением. Патронов на всех точно не хватит, и убежать им уже не удастся.

Верить в чудеса Чернова перестала еще в детстве, когда мама, ходившая в церковь на каждое воскресное служение, внезапно сильно заболела. Ей не помог ни бог, ни деньги, ни врачи… Мама ушла. А вслед за ней вскоре ушел и отец, не выдержавший такого горя. И вот,

оставшись одна, Наташа, которая буквально вчера переступила порог школы, окончив ее, молила всех, кого знала, сотворить чудо – забрать и ее. Но она жила. И ни порезанные в ванной от отчаянья вены, ни бутылек маминых таблеток не сотворил чуда, а вот врачи, не сумевшие спасти мать, зачем-то вытащили ее с того света.

Твари бежали, клокоча, и уже можно было раздглядеть их лица. Вон Ольга Васильевна… она тоже работала в научном отделе, но этажом ниже. Вон Сергей… Отчества Наталья не вспомнила, но помнила, что он работал в столовой… Вон Петр. Их охранник. Секретарь Аллочка… Тетя Зина… Михаил Юрьевич…

Чернова медленно поднимала потяжелевший в миг автомат. Так вот как чувствуют себя герои за миг до гибели, которую они выбрали сами... Черт, а это даже приятно. Наталья усмехнулась, совмещая мушку и целик с головой первого зараженного. Это очень приятно – выбрать, как именно ты погибнешь. Ведь умрут все. И многим шанса на выбор не дано. Кто-то быстро, во сне, а кто-то от нестерпимой боли, не в состоянии даже поднять руку, чтобы дотянуться до стакана воды. Ей судьба подарила великий дар – выбрать самой. И Наталья сделала его.

«Калаш» громыхнул. Пуля ударила точно в цель, сбив с ног первого из зараженных. Затем в снег упал второй, третий, пятый… Била Чернова точно, словно робот. Обреченно. Никакого волнения. Только расчет. Патронов мало и, потому, промахнутьсядля нее было большой роскошью. Рядом Пашка поднял оброненную трубу, старичок вытянул из своей сумки разводной ключ. Надо же. Тащил с собой такую тяжесть и ведь не бросил! Предан делу до конца…

Сзади кричали люди. Кто-то в страхе убегая, кто-то воинственно, торопясь на помощь… Но Наталья их не слушала. Автомат досадливо клацнул. Выстрела не последовало. Как обидно! Она так долго целилась и вот… Но что поделать?!. Девушка перехватила оружие за теплый ствол. Размахнулась. Первый зараженный кинулся ей в ноги. Чернова отошла на шаг. Она была готова ударить, но чертов бывший военный испортил линию прицеливания. Зато вот та самая Аллочка получила по зубам, как говорят моряки «за всю мазуту». Некогда белоснежные, ровненькие, явно деланные зубки весело выпорхнули из разбитого рта. Вторым ударом она расколола приклад о голову ползущего военного. Третий, смазанный, достался какому-то толстяку,

а вот четвертого сделать она не успела. Ее повалили в снег, прижали. Десятки скользких рук зацарапали по телу. Чернова попыталась отмахнуться, но боль от прокушенной руки заставила ее дернуться.

Закричать Наталья не успела. Страх от понимания случившегося сковал тело. Все же стало страшно. И в душе на минуточку даже закралось сомнение, а правильно ли она поступила? Может быть, стоило все же бежать?.. Но теперь-то уже поздно.

Зараженного, прокусившего ее руку, сдернули куда-то в сторону. Старичок, перемазанный в крови, пыхтящий как паровоз раскроил мертвецу череп и навис над девушкой.

- Ох ты ж батюшки, - увидев руку женщины досадливо простонал он и, не секунды не думая, выхватил из сумки пластиковую стяжку.

Ловко надев и затянув ее повыше места укуса, старичок с жалобным видом посмотрел на Чернову.

- Надо же… какой инциНдент произошел, - выговорил он и…

В этот момент небо над ними буквально взорвалось ревом. Казалось, что огромный дракон закричал во всю мощь своих легких. Даже лед под ними завибрировал. Высоко-высоко полыхнуло огнем и небосвод озарился яркими вспышками северного сияния. Откуда-то сверху, прямо в толпу зараженных огненным ливнем ударили яркие росчерки. Чернова, впав в какое-то оцепенение с отрешенностью смотрела на то, как взявшийся из неоткуда боевой вертолет, облетая их по кругу, круто опустив нос вперед, поливал мертвецов из курсового пулемета. Крупнокалиберные пули прошивали и тела и лед насквозь. Пулемет рычал, посылая росчерк за росчерком. Двойные лопасти машины взметали облака снежной пыли. Грозная машина вращалась словно попала в торнадо, заливая поле бойни свинцом.

Руки пилота, затянутые в черные перчатки умело и крепко держали штурвал. Под таким же черным шлемом с непрозрачным забралом его лица невозможно было разглядеть, но оно было спокойно. Он ждал до последнего, скрываясь недалеко в горах. Лететь на базу, увиденную на радаре, он не торопился. Операция, которую он выполнял, еще не была закончена. Да. Он потерял весь личный состав и остался один, но приказа никто не отменял. Да и перехваченные радиопереговоры неизвестных, отправившихся на «Титан» почти сразу же, как только он покинул его на своем вертолете, насторожили майора. Он предпочел выждать и разведать, стоит ли вообще

приближаться к этим людям и вот сегодня… Сегодня он понял, он сделал все правильно.

«Аллигатор» слушался безукоризненно. Все системы работали в штатном режиме. Прицельная сетка со всей важной информацией транслировалась на внутреннюю часть забрала шлема, позволяя пилоту смотреть «сквозь» обшивку вертолета при помощи расположенных по всему корпусу камер. Он видел, как небольшая группка людей ввязалась в схватку с тварями, и не мог им не помочь.

Счетчик боеприпасов приблизился к нулю стремительно. Возможно, стоило бы поберечь дорогостоящие патроны, но пилот сделал свой выбор. Перехватив рукоять управления оборотами, второй рукой направив тело стальной машины вниз, к самой поверхности, он выкрутил «газ» до упора. Силовая установка взвыла, заставляя винты работать на пределе мощности, не давая «Аллигатору» упасть на брюхо, зависнув всего в метре от поверхности земли. Поведя штурвалом, пилот дернул верного боевого друга в сторону, наклоняя его. По обшивке прошелся гул. Это тела мертвецов, собранные им, словно ковшом, попадали в снег.

Грозный вертолет, как утюг, прошелся по зараженным, давая Черновой, старичку и Пашке передышку. Машина воя и рыча, словно мячик отскочила в сторону и мягко, словно кошка, присела на лапы-колеса. Винты еще не успели затихнуть, а бронированный купол уже отскочил в сторону. Сработали пиропатроны экстренной эвакуации. Черная человеческая фигура покинула технику и неспешно двинулась… К мертвецам.

Чернова находилась в состоянии аффекта, и все, что происходило вокруг сейчас, было похоже на сон и мультфильм. Закованный в странный черный костюм, словно доспехи, человек поднял короткое оружие. Раздались выстрелы. Несколько мертвецов упали тут же. Другие кинулись на обидчика. Фигура крошила зараженных ножом, разила из пистолета-пулемета, ломала руками и ногами. «Словно сам дьявол вселился в него» - вспомнились слова капитана, когда он пересказывал разговор с пленным террористом, доставленного с лайнера. Действительно. Это было очень похоже.

Майор опустошил второй магазин пистолета-пулемета и дернул из-за спины дробовик. Короткий, как и все оружие положенное пилоту или танкисту, но от этого отнюдь ничуть не менее безобидный.

Система «булл-пап» с задним заряжанием и двухтрубчатый магазин позволяли запихнуть в это убойное оружие сразу десять пулевых или дробовых патронов, а последний добавить в ствол. Грохнул выстрел. Пилот уже давно держал в нем одну картечь. Новый враг не носит брони, а стрелять нужно точно в голову и потому металлические шарики это то, что ему нужно. Второй выстрел. Третий, четвертый… твари окружают, но он не боится. Он медленно отходит назад. Его броня местами держит винтовочные патроны. Что ему какие-то зубы?!. Но все же заигрываться не стоит.

«Бах, бах» – еще два выстрела и дробовик пустеет. Твари тянут к нему свои руки, а он свою – к кольцу слева на боку. Дернуть, сгруппироваться, ощутить, как вырвавшийся из-за спины маневровый парашют подхватывает порывом ветра и относит человека на несколько десятков метров… Словно герой какого-нибудь аниме майор, скользя пятками по кромке снега, на черном крыле вырывается из толпы окруживших его зараженных, и опускается на одно колено, дернув за стропы, заставив маленький параплан сложиться. Теперь дернуть кольцо справа, отстегивая подвесную систему и…

Девушка, лежащая перед ним на снегу в крови. Рядом старик и подросток. Смотрят на него с восхищением и страхом. Она укушена. Вон видны следы зубов повыше запястья с наложенной на конечность стяжкой. Что ж умно. Наверное, это этот старик сделал… Может и поможет, но ненадолго… Исход всегда один. Он уже видел, как маленькая царапина превращает здоровенного мужика в такого вот мертвеца. Исход всегда один… Почти…

Чернова не выдерживает. Точнее не выдерживают ее нервы. Усталость прошлых суток, вместе с заразой, проникшей в тело достали ее. Черный человек всех спас. Теперь он тут за главного, это сразу видно. Пашка и дедушка в надежных сильных руках и теперь ей… Наталья сморгнула выступившую слезу. Теперь ей можно уходить. Мороз сковывает тело. Рана пульсирует, болит, кровь из нее изрядно пропитала снег вокруг. Да. Точно. Теперь ей можно уйти. Она сделала все, что могла, все, что должна была… Двух вещей она только не успела еще в своей жизни: найти лекарство от заразы и снова увидеть его…

Сознание девушки замутилось. Глаза стали затягиваться пеленой. В голове появился шум. Тело бросило в жар. Наверное, обессиленный

организм сдавался вирусу быстрее, чем обычно… Она хотела что-то сказать, но горло сдавило так сильно, что даже воздух в него не мог больше проникнуть. Она посмотрела на черного человека с мольбой. Ходить вот так, как эти… В облике человекоподобной твари она не хотела. Она этого до жути боялась и надеялась, что друзья, которых она обрела, этого не допустят. Это страшно. Это ужасно! Она не хотела, чтобы Данил ее такой видел. Пусть лучше… снова камень в горле… Пусть лучше он придет к аккуратному холмику из снега, к пластиковому мешку, или тазику с пеплом, но не к кровожадной человеческой оболочке, мечтающей только о том, где бы раздобыть еще немного сочной, вкусной, человеческой плоти. Глаз черного человека она не видела из-за непроглядного забрала, но она знала, что тот ее понял.

Буран кивнул. Его рука в перчатке медленно вытянула острый клинок. За тварей можно не переживать, он отлично видит что им до них еще почти сотня метров. Он успеет. Сделает все чисто, но нужно дать девушке последнее мгновение. Всего одно для упокоения. Для успокоения души. Женщина улыбнулась, медленно закрыла мутнеющие глаза и клинок легко, словно бумагу, взрезал ее плоть.

***

Глава 9. «Ненужные»

Вертолет опускался, вздымая облака снежного покрова. В одно мгновение все вокруг заволокло белесой пеленой. Винты стальной машины еще не стихли, силовая установка не сбросила обороты и горячий двигатель не начал остывать, а дверь грузового отсека уже откатилась в сторону. На снежный наст сошла пара ног. Затем вторая, третья… Прикрывая лицо ладонью, Куль двинулся вперед. Проклятый ветер! Проклятый холод! Проклятый мир! Как ему все осточертело! Если полковник сдержит слово, то скоро они покинут это безлюдное место, и все у них будет хорошо!

Навстречу двинулись люди. Трое. Один из них – сам полковник. Еще бы! Этот ученый настолько важен, что даже самый главнюк вышел удостовериться, что с ним все в порядке! Даже мороз его не остановил. Вылез, пес из своей конуры!

- Все нормально? – поинтересовался пока еще заместитель командира базы у солдата.

Куль кивнул, отошел чуть в сторону. Ученый кутался в выданный ему бушлат. Там, на материке, в Улье, были просто юга по сравнению с суровым влажным климатом побережья. Уже через несколько минут, как только вертушка набрала приличную высоту, светильник науки пожаловался на стужу. Ну, да! Для экономии горючего были отключены все лишние приборы. Включая обогреватели. Туда-то они летели большим стадом – надышали, а вот обратно всего вчетвером.

- Доктор Решетов? - подошел Полковник.

Решетов кивнул.

– Добро пожаловать. Как долетели?

- Нормально, - буркнул ученый, стуча зубами. – Конечно, не чартер, но я все понимаю… Чем богаты, как говорится…

- Именно. Пройдемте, не будем мерзнуть…

Полковник качнул головой и военные, пришедшие с ним, повели ученого к Афалине.

- Я сделал все, как договаривались, - не громко, но жестко произнес Куль, внутренне собираясь и напрягаясь

Сейчас свершится разговор, от которого будет зависеть очень многое. Старику нечего терять. Если эта гнида начнет юлить… Стол автомата глядит чуть вниз и в сторону, но палец на спуске, а довернуть корпус так, чтобы засадить этой лживой мрази в упор целый магазин – дело одного мгновения. И дальше будет что будет… Сейчас Куль на взводе. Он устал и физически, и морально. Он совершил поступок, который грыз его всю дорогу, и будет напоминать о себе еще очень и очень долго. А стоило ли оно вообще того? Стоила ли жизнь близкого человека предательства, возможно, единственных оставшихся еще людьми людей на этом чертовом обломке айсберга? Может стоило все капитану рассказать? Может нужно было действовать по-другому? Уже поздно что-то решать или менять. Одно грело старика. Если его все же обманут, то Петров, наверняка выживший, обязательно этой твари кишки через кадык вытащит!

– Моя девочка… С ней все в порядке? – сухо, выдавил старик, сжимая зубы.

- Все, - кивнул головой офицер. – Мой друг! Я слов на ветер не бросаю! Людской ресурс – сейчас самый важный! И я не привык раскидываться важными и ценными ресурсами. Она в стационаре. Пойдем…

Он развернулся и пошел первым. Куль, не расслабляясь, за ним. Он не верил ни одному слову этой змеи, этому ползучему и изворотливому гаду, потому до последнего был на стороже. Даже то, что полковник повернулся к нему спиной – еще не повод ему доверять, и граната, с разведенными усиками на предохранительной чеке в кармане, лишь добавляла уверенности и решительности.

***

Из всего спасенного с «Афалины» оборудования, удовлетворить запросы профессора Решетова удалось едва ли наполовину. Валентин был в ярости. Он не то, чтобы где-то найти необходимое оборудование не мог, но даже прочесть был не в состоянии и части из всего, что ученый ему написал! Но не предоставить Решетову необходимое было нельзя! Теперь, когда он был уже помощником не какого-то там заместителя командира базы, а целым помощником командира это самой базы, на его плечи лег еще больший груз ответственности. Мужчина запнулся. А кем теперь является полковник? Как-то он об

этом не думал. «Афалины» больше нет. «Титан» - временное пристанище… Так кто он? И кто теперь Валентин?..

Мысли о стороннем всегда помогали отвлечься от дел. Тело рутинно выполняло ту или иную работу, в то время как мозг был занят ерундой. Так было проще. Стоило нейронам в сером веществе успокоить свое хаотичное движение, как он тут же он находил выход из сложившейся ситуации. Вот только, правда, в этот раз все не было так просто. Сколько не отвлекайся, сколько не перекладывай бумаги в идеально разложенных по столу папках, а микро-ана-оро… тьфу мать его! Микро-ана-эро-стат, или иммер-си-он-ный микроскоп «из неоткуда» не появятся. Ни сами по себе, ни сколько бы ты ни бегал по забитым до потолка трюмам «Титана».

Валентин вздохнул. Оглядел стол. Все бумаги по папкам. Папки в стопках по важности, стопки по срочности, слева или справа, сверху вниз и по цветам… Карандаши наточены до смертельно опасной остроты, авторучки по линейке… Ровнехонько все. Даже не придерешься! Он снова раздраженно вздохнул. Нужно идти. Не хотелось, но было нужно. Полковник с него три шкуры спустит за недогляд и опоздания! Но, как же можно было предугадать, что вот эта хреновина, которой ни разу никто, казалось, не пользовался, окажется важнее вон той, затертой до дыр?! Зато микроскопов у них штук тридцать! Будут вместо молотков, наверное, теперь использовать!.. Ведь те самые молотки брать не стали… Что ими на корабле забивать? А вот хотя бы напитавшиеся морской соленой влагой доски паркета, которые топорщатся, и, словно капканы, норовят схватить за обувь! Да! И жрать приборные стекла! Ведь пришлось пожертвовать немалой частью провизии, чтобы загрузиться под завязку, как выяснилось теперь, никому не нужным оборудованием!

Он встал. Одернул пиджак и решительным шагом вышел из комнаты. До того, как он окажется в кабинете начальника, нужно было отыскать главного инженера и ученого. Стребовать с них объяснений по сложившемуся недостатку жизненно важного оборудования. В конце концов, он не может же лично за всем следить! Вот, да, точно! Он не может за всем следить, ему нужен личный заместитель… Нужно будет записать эту фразу, чтобы потом сообщить полковнику… Кхм. Да… Личный заместитель… Валентин покатал эту фразу на языке и,

обсосав со всех сторон, выдал новую формулировку: сек-ре-тарь! Ему нужна секретарша! Определенно!..

Полковник и Решетов находились в капитанской каюте. Валентин, хоть и был теперь вторым по значимости занимаемой должности, но все же, по привычке, слегка постучал в дверь, и вошел, лишь когда четкий, хорошо поставленный голос разрешил.

- Валенти-и-и-ин! - улыбнулся полковник, чего с ним почти никогда не случалось. – Заходи! Присаживайся! Выпьешь?

Начальник явно был в хорошем расположении духа. Вообще, с момента, как они покинули берег, он как-то изменился. Веселее, что ли, стал. В глазах появилась дьявольская искорка, черты лица немного разгладились, даже голос стал чуть мягче временами, каким-то вальяжным, раскатистым. Валентин хорошо умел читать людей. Иначе бы он никогда не достиг подобных высот и то, что он видел сейчас, ему… не нравилось. Безответственность и надменность. Всевластие и безумие. Полковник, убрав со своего пути генерала, стал похож на сорванца, лишившегося родительского контроля. Ему стало дозволено все. Никто не мог теперь сказать ему слово против… Азная этого опасного человека уже довольно хорошо, Валентин ничего хорошего от этого не ждал, но! Всегда было одно но! Грела надежда на то, что находясь слишком близко к высокому начальству, всевозможные кары этого самого начальства его минуют. Потому он и старался быть полезнее остальных. Ведь полезных - не убирают, ими дорожат!

Он прошел, кивнул. Полковник, собственноручно, не выпуская из пальцев дымящейся сигары, нахлестал полный бокал ароматного коньяка. Щедро, до самых краев, словно воду. Было видно, что и сам он, и ученый, уже изрядно приложились к напитку. На полу стояла одна пустая пузатая бутылка, а в этой, если продолжить разливать такими порциями, осталось максимум еще на один бокал, что тут же и подтвердилось. Полковник налил себе так же щедро и потянулся за третьей.

- Валентин, - пригубив сигару кончиками губ, следом выдохнув дым в потолок, а после прищурив один глаз, обратился к нему начальник. – А ты знаешь, что вот этот человек - гений?

- Да ладно вам, - отмахнулся, откинувшись в кресле, и положив ногу на ногу, улыбающийся профессор Решетов. – Ничуть! Мои методы, на которых основывается вся моя работа - очень стары! Я же

вам говорил! Я лишь разработал технологию, и доработал старые идеи.

- Ой, я вас умоляю, - прервал полковник, потянувшись за бокалом. – Лучше расскажите моему другу все, что вы рассказали сейчас мне. Мне тоже интересно снова послушать, а заодно выясним, считает ли вас Валентин Олегович гением…

- Товарищ полковник! - попытался возразить помощник, но начальник нахмурился, и Валентин благоразумно замолчал.

Ученый пьяно зажмурился. Растянул губы еще шире, закинул руки за голову и принялся вещать.

- Все это еще в Советском союзе пытались применить, после рассекречивания архивов Аненербе, но тогда не имелось такой базы, как сейчас. Немцы в то время далеко зашли, а наши ученые доработали. Мне всего лишь оставалось… Мои схемы основаны на генетической памяти. Валентин, вы знаете, что это такое? Нет? О! Это очень интересная вещь! Вот вы, к примеру, знали, что южноафриканские слоны до сих пор ходят тропами, проложенными еще их предками сотни лет назад. Нет? А прошу заметить, троп как таковых там нет… Они просто знают куда идти. Или, например, почему младенец, только что вышедший из, утробы матери, приложенный к груди, тут же начинает сосать титьку. Почему именно так? Почему он это делает, почему ОНИ это делают.

- Сосательный рефлекс, - нахмурился Валентин, вспомнив термин.

- Именно! А откуда он взялся?

- Генетическая память?

- Именно! – Решетов прищурил глаз. – Па-мять! Она есть у всех! Даже у растений… Не такая, конечно, но есть… Так вот! А что, если я скажу вам, что вот эта самая память может быть… записана?!

- Куда?

- Как куда?! В мозг конечно! В клетки! Представьте, что можно взять… Ну, скажем, жесткий диск. Записать на него всю необходимую информацию и вставить вам в голову. Засунем туда базовые навыки… Речь. Язык. Общее понимание мироздания. Детский сад. Школа. Институт… И вы все это уже знаете. Ср-азу! Чем мы занимаемся большую часть своей жизни? Мы у-чим-ся! Учимся есть, ходить, разговаривать, считать, читать, писать… В среднем, организму, чтобы

достичь рядового уровня развитости нашей цивилизации, требуется двадцать восемь лет! Двадцать восемь лет, чтобы понять, что такое протон нейтрон, хлор, кто такой Петр Первый, и где находится Тихий океан. Вы представляете?! Вот вам сколько, Валентин?

- Сорок пять…

- Со-ро-к. Пять! Вы, можно сказать, всего лишь семнадцать лет владеете навыками среднестатистического землянина. А ведь сорок пять - для кого-то уже почти конец… А, для некоторых видов животных или фауны это вообще недостижимый срок! Так вот! Я нашел способ, как взять необходимую информацию и впихнуть ее в клетку. Сразу. Понимаете? Сра-зу!..

- И… И что? Вот младенец сразу сможет считать в уме, знать формулы Эйнштейна? – засомневался Валентин.

- Да! – расплылся в улыбке Решетов. – Пока, конечно, это только теория. С людьми именно – пока. - Он многозначительно посмотрел на полковника, что не ускользнуло от внимания Валентина. – Но с животными у меня уже все получалось. Мало того! Я даже научился совмещать некоторые виды, выращивать в них новые… способности. Скажем так. Вы знаете, что такое ментальное поле? Нет?! О! Это интереснейшая штука! Об этом можно говорить вечность. Но у нас не так много времени. В двух словах, это наше, так сказать, сознание. Наши мысли… Наше подсознание. Наши самоустановки… Так вот! Я даже смог научить некоторые виды обмениваться данными через это поле… Можно даже сказать, мыслями! Конечно, не в полной мере, но мыслеобразами, мыслеформами, чувствами… Я это называю шумами… Общим настроением. А некоторые мои образцы способны не просто обмениваться образами, но и глушить их, подавлять волю человека, а некоторые… Некоторые могли даже внушать свои. Представьте. Вы можете видеть то, чего нет. Галлюцинации! Можно назвать это так. Образы, созданные в вашей голове. Представьте такого воина на поле боя! Он может заставить врага видеть армию в сотни, в тысячи раз больше, чем она есть на самом деле, или, напротив, заставить не видеть ничего… Может выудить образ вашего знакомого и внушить вам, что к вам идет не вражеский боец, а, скажем, школьный товарищ… Или даже родственник. Мама! Или он может выудить ваши страхи! Точнее заставить вас поверить, что эти страхи - ваши! Я как раз работал над последним образцом и почти закончил

его… если бы, не ваши люди… - Решетов вздохнул, отхлебнул из бокала. – Но я даже рад! Рад, что вы меня оттуда забрали. Жаль, конечно, что погибло бесценное оборудование, но там я был заперт. Понимаете?! И технически и морально уперся в потолок. Здесь же у меня непаханое поле…Так вот! Я думаю, что вскоре мы продолжим эксперименты и быстро наработаем утерянное… Но я отвлекся… Мы же про память! Я научился передавать память каждого нового поколения следующему, без необходимости проходить нудное базовое обучение, а сразу приступить к обучению чему-то новому и уже через три-четыре поколения новорожденные образцы имели навыки и знания такого уровня, какого не имели их предшественники в самом начале эксперимента.

- Это действительно гениально, - обмозговав сказанное, затаенно выдохнул Валентин, решив, что именно такой реакции от него сейчас ждет начальство. И не прогадал.

- Вот! А я что говорю! – придвинулся полковник к столу, схватив бокал и подняв. – Выпьем за науку! За наше будущее!

Выпили. Закусили.

- Да! - жуя кусок мяса, пытавшийся вывалиться изо рта, прошамкал Решетов. – Есть, конечно, недоработки, но я уже почти придумал, как обойти некоторые из них.

- Какие? – по привычке уцепился за ниточку Валентин.

- Ну-у-у-у… В этом… - Решетов ударил пальцем по виску. - Вот представьте, что вы только что родились… а уже все знаете. Грубо говоря, как будто утром открыли глаза… У вас есть работа, вы уже взрослый, состоятельный человек но… в теле младенца… Инвалид! Во! – ученый отер руки о халат и потянулся за бокалом и отпил из него немного. – Точно! Инвалид! Ведь развит только ваш мозг! А тело… Тело-то еще… - он развел руками. - Оно ничего не может… Даже ходить! Мышцы-то еще не развиты! И что получается? Вы тупо заперты в теле младенца на долгие… Ну, если не годы, то месяцы… Мои первые образцы были нестабильными, и я долго не мог понять причины, пока один из лаборантов не сломал спину во время неудачного эксперимента… Умный был парень, но… Напрочь потерял способность передвигаться. И вот это-то меня и натолкнуло на мысль о том, что образцы просто сходят с ума! И тогда я придумал гениальный ход! Я загружал память в клетки, но стал ставить ментальные блоки.

Назовем это так, чтобы вам было проще понять. Это еще одна моя разработка. Сила нашего мозга недооценена, а я смог раскрыть его потенциал, выведя на новый уровень. И вот… Блоки. Заслоны… двери, грубо говоря, которые открываются в определенной ситуации. Получилась… о-бу-ча-е-мость! Вот что в итоге... ик… вышло. Организм о-бу-ча-ет-ся. Только в разы быстрее. Ведь он… ик… это уже… Знает. Это… - Решетов окосел. Видно было, что ученого накрыло. – Книга! Вот! Да. Вы читать умеете? Ой. О чем это я… ик... Конечно же… Но представьте, уффф… бррр.. что… ик… Не-не умете… Но стоит вам показать книгу и объяснить буквы, как воспоминания, как это делается, тут же всплывают в го-голове… И так… Со всем…

- Интересно, - покачал головой Валентин, сделав наконец-то свой первый глоток.

- Вот и я говорю! – поддержал полковник. – Ученый-то наш - голова! Э-эх. Только пить не умеет… - Валентин всего на секунду отвлекся от Решетова, переведя взгляд на начальника, а когда вновь посмотрел на ученого, тот уже спал, закинув голову далеко назад. – Выпьем? Ты-то меня, надеюсь, не кинешь?

- Н-нет, - мгновенно взмок Валентин. – Конечно, не кину…

Полковник рассмеялся.

- Валентин Олегович! Рас-слабься. Все уже позади! Теперь мы тут самые главные! – он потянулся вперед и хлопнул помощника по плечу. – Расслабься, говорю! Все идет по плану! Нашему плану! Ну, что ты кислый такой? Давай, девочек позовем? Хочешь? Хочешь девочек?

Валентин замер. Он не знал, как реагировать. Впервые в жизни он растерялся.

- Что? Нет? Может… мальчиков? А? Старый шельма! Ты может по ним? Так и это не сложно! Мы же тут гла-а-а-авные… Или ты все по этой училке сохнешь… Которая у тебя в трюме мается… Не померла еще? А?

Валентин застыл. Холодная пика прошибла его от затылка до пяток. Полковник хитро улыбнулся, схватил из тарелки мясо горстью и сунул в рот, запрокинув голову, часть просыпав на пол.

- Да знаю я про нее, и что ты ее там у себя держишь… Думал что, я не в курсе? Ше-е-е-ельма! – полковник улыбнулся. – Ладно! Пока тебе только выговор за то, что в тайне пытался провернуть дело за

моей спиной. Понял? Первый и последний! Надеюсь, такого больше не повторится! А? Не повторится же?

- Н-н-нет, - заблеял Валентин.

- Молодец! – снова хлопнул его полковник по плечу. – Делай с ней что хочешь. Твое дело! Но! – палец взлетел к потолку. – Это последний раз, понял?

- Понял.

- Молодца!

***

Алиса проснулась от накатившего приступа дурноты. За последние три-четыре дня (она точно не знала, сколько времени прошло) противное ощущение накатывало на нее уже не единожды. Женщина едва успела откинуть одеяло и перевернуться на бок, прежде чем ее вырвало. Желудок был пуст, и потому, вместо того, чтобы организм быстро прополоскался и успокоился, приступ начал душить. Алиса еле-еле успевала вдыхать между потугами, широко раскрывая рот, нависнув над небольшим тазиком. Слезы резали глаза, горло жгло вонючей желчью. Органы внутри трепетали, сердце билось как сумасшедшее, руки и ноги дрожали как в припадке. Вдох. Короткий, которого хватало только на то, чтобы хоть немного наполнить легкие кислородом, и в который раз все тело стягивало тугим жгутом, пытаясь выдавить из него хоть что-то. Вновь сводило скулы. И снова казалось, что они вот-вот треснут, а из горла ничего так и не выходило. Даже воздух.

Тошнило ее минуты три. За это время Алиса в очередной раз взмолилась и решительно была готова отдать все, что у нее есть, лишь бы оказаться там, за бортом, на берегу. Пускай в том виде, как сейчас, но, Господи! Пусть это только прекратится! Утерев ладонью слезы и слюну с губ, она снова обессилено развалилась на кровати.

- Чертова качка! – едва слышно прошептала женщина и закрыла глаза.

Вокруг было темно, но глаза все равно хотелось прикрыть. Так, казалось, было легче. Чертов корабль! Чертов мир! Они покинули станцию, перебрались на огромный прогулочный лайнер и теперь дрейфовали посреди чертового бескрайнего океана! Огромные, рычащие, мощные двигатели включали редко. Или экономили топливо, или с ними что-то было не в порядке. Она была здесь одна. Не у кого

было спросить, что происходит. По коридору за дверью люди проходили очень редко. Фактически даже – никогда. Лишь откуда-то сверху пару раз она слышала отдаленные голоса, но разобрать что-то внятное не смогла.

Новое место обитания нравилось учительнице меньше, чем предыдущее. Нет, если сравнивать с заточением в тюрьме у Валентина, тут было просторнее, но если смотреть в масштабах «Афалины»… На «Титане» все было каким-то узким, компактным, маленьким. Оно и понятно, здесь широкие, как на станции, трех-, а то и четырехметровые коридоры были не нужны. И это угнетало. Давление стен и потолка здесь ощущалось даже больше, чем на станции, хотя и тут, и там люди, фактически, были заперты внутри огромной консервной банки. Но «Титан» давил сильнее. Может быть из-за того, что «Афалина» хоть и плавучая, но все же станция, стоявшая на берегу, а лайнер находится в океане, и та глубина, что под ним, заставляла волноваться в разы сильнее.

Каюта была почти пуста. Ни телевизора, ни освещения. Только скудный, тусклый свет снаружи, которого едва-едва хватало, чтобы ориентироваться в пространстве. Кровать, узкий столик со стулом, да небольшая отхожая комната с унитазом и неработающей душевой кабиной. Вот и все. Явно эконом вариант.

Отлежавшись, девушка снова перевернулась на бок, сплюнула неприятную горько-кислую слюну, села. Лежать надоело.

Снаружи что-то вспыхнуло. Алиса с трудом встала, подошла к окну и замерла. Миллионы частиц солнечного ветра, сталкиваясь с магнитным полюсом земли, начинали резвиться где-то в высоте. Они переливались, перекатывались, изменялись, вспыхивали и гасли, набирая силу и яркость, создавая невообразимую красоту. Северное сияние она видела уже в третий раз, но каждый раз масштабы зрелища поражали. За полгода, проведенных на «Афалине», за ее пределы учительница выходила, от силы, трижды, проводя все время в заточении стен, и ничего подобного не видела, а сейчас, тут, на борту «Титана»… Алиса вздохнула. И красиво, и печально одновременно.

Она стояла, вцепившись ослабевшими, побелевшими пальцами в какую-то трубу под иллюминатором, и завороженно глядела на переливающееся за бортом полотно исполинского художника, решившего сегодня ночью раскрасить небо светящимися красками. В

груди заныло. На глаза навернулись слезы. Она глядела на то, как малиновые всполохи перетекают в зеленые, а затем синие, как все это великолепие дрожит, словно огромная медуза, и в душе зарождалась апатия. Вроде и красиво, и радоваться бы надо было, но… в то же время, одиноко, холодно и грустно. Она устала. Она безумно устала. Очень сильно захотелось назад, в школу. Подумать только! Всего каких-то полгода назад все было иначе! Обычная городская учительница обычным днем шла в обычную школу. Ощущения, что скоро все изменится - не было. Никакой тревоги. Только… отстраненность. Работу Алиса Евгеньевна любила. Детей любила. Бумажки все эти чертовые писать не любила, но сейчас она готова была все отдать, чтобы снова оказаться за своим рабочим столом, заполняя классный журнал, журнал с программами, отчеты и справки. Девушку передернуло. Нет, что-то она погорячилась!.. Даже тошнота и рвота не так страшны, как эти проклятые журналы, но!.. Она усмехнулась. Нельзя это сравнивать. Там все было иначе.

Вздох. Взгляд грустных глаз опустился к линии горизонта. Точнее туда, где черное небо встречалось с таким же черным океаном. Одно черное с другим… Как и ее дни. Они покинули «Афалину» и теперь направляются куда-то в неизвестность. Туда, где найти ее будет практически невозможно. Никаких следов. Никаких весточек. Никаких зацепок. Ни позвонить, ни отправить смс-ку… Нужно будет привыкать к новому образу жизни. Снова. Опять. Будет страшно и сложно, но прошлое не вернуть. Не вернуть школы, не вернуть Афалины, не вернуть его… Если он еще жив… Алиса ощутила подкатывающий к горлу ком и мотнула головой. Нет! Не если, а он точно еще жив! Она в этом уверена! «Он жив, и обязательно меня найдет!» - подумала девушка, борясь с накатывающими слезами, отводя взгляд от горизонта, возвращаясь на кровать. Нужно быть сильной! Не время раскисать. Да, страшно! Да, больно! Да, будет еще страшнее и больнее, но он обязательно придет! Обязательно найдет ее и спасет! Нужно всего лишь подождать, потерпеть…

Она ждала днем и ночью, хотя определить время суток без часов или календарей, в этой чернильной однородной массе за окном, было невозможно, Каждый день, каждый час она ждала, что вот-вот блеснет где-то огонек приближающегося вертолета, или лодки, или хотя бы искорка ручного фонаря пробежит по бушующим волнам, но ничего не

происходило… И сегодня Алиса чуть было не сорвалась, едва не опустила руки, не потеряла надежду.

В короткий момент между тошнотой и дремой, она увидела сон. В нем были они. Они находились где-то в лесу, сидя у высокого и жаркого костра. Лица того, кто был рядом, она не видела, но ощущала, что это был именно он. Они сидели вдвоем под небом, в котором был миллион звезд, и на душе было тихо и спокойно. Сон был мимолетным. Больше даже не сон, а картинка с ощущениями, но это было достаточно. Это придало ей сил.

За спиной в коридоре послышались шаги. На этом этаже лайнера, она была одна, и посторонним, как она догадывалась, взяться тут было не откуда. Валентин наверняка позаботился о том, чтобы никто ее не нашел и не услышал… Хотя… Хотя он мог и не переживать на этот счет. Теперь-то ей точно некуда бежать. Алису снова затошнило. То, что ей пришлось сделать, чтобы выпросить каюту именно на этом борту корабля… Нет! Вспоминать не хотелось… Фу! Эти скользкие губы на ее губах!.. Девушку передернуло. Она машинально отерла лицо тыльной стороной руки, словно этот склизкий, противный человек, только что снова целовал ее своим ртом…

- Добрый день, - вошел Валентин в каюту, подсвечивая себе фонарем.

Света на этаже не было. Мощности слабых генераторов, перевезенных на плотах с «Афалины» явно не хватало, а местный источник питания почему-то не работал.

Алиса вздохнула, сжала кулаки и медленно обернулась.

- Добрый день, -через силу улыбнулась она.

В это движение ей пришлось вложить все силы.

- Как себя чувствуете?

Бывший завуч средней общеобразовательной школы, аккуратно поставил, на прикрепленный к стене, по типу плацкартных вагонов, откидной столик, большую сумку. Вжикнул молнией. По помещению поплыл приятный аромат жареного мяса. Желудок учительницы заворочался. То ли просил в него что-то положить, то ли, напротив, что-то снова исторгнуть… Черт! Девушка слегка покраснев щеками, аккуратно задвинула таз под кровать. Почему-то ей стало стыдно. Тут, наверное, дурно пахнет…

- Нормально, - ответила она, справившись с урчанием в животе.

- Еще тошнит?

- Да, - не стала врать Алиса.

- Я вам тут вот… возьмите… кое-что принес…

Валентин осветил протянутую в руке знаменитую голубоватую упаковку «Авиа-Море».

- Выпейте, вам станет легче. Нашли в одной из кают, я подумал, вам это поможет.

Девушка приняла пачку. Открытая. Пары штук уже не хватает. Что стало с ее владельцами, она даже не стала задумываться. Ясно что! Ей было известно, в какой обстановке военным приходилось зачищать лайнер… Да и тела мертвяков, скидываемых в море после того, как первые группы людей с «Афалины» прибыли на «Титан», она тоже прекрасно видела. Даже нескольких слышала. Видимо, в бесконечных коридорах корабля еще кто-то скрывался, а ведь, по словам Валентина, работы на корабле велись чуть ли не с того же дня, когда его покинула группа разведки.

Сунув в рот сразу две таблетки, Алиса покатала их языком. Нужно дождаться, пока они растворятся, тогда должно стать чуточку лучше…

- Как у вас дела? – выждав порядка минуты, поинтересовался Валентин.

Учительница заметила, что мужчина изменился. Его манеры стали как бы это сказать… еще более высокомерными, что ли, больше похожими на манеры чопорного дворецкого очень богатого человека, глядящего на пришедшую просить милостыню с пренебрежением и неимоверной чванливостью. С таким вот недовольным взглядом, чуть задранным подбородком, нарочито прямой осанкой и неспешным, рассудительным голосом. От помощника заместителя командира базы так и веяло… Алиса покрутила в голове мысли, но те не смогли подобрать подходящего по описанию слова. Надо же! А ведь была учительницей! Знала столько умных слов, стихов! И куда что делось? Прошло чуть больше полугода и все… В обиходе и лексиконе лишь обычные, будничные слова и, что более страшно – такие же мысли. Попроси ее сейчас Байрона или Пушкина прочитать, так она, наверное, и не вспомнит! Что это? Последствия стресса? Или отупение? А ведь она, еще раз – у-чи-тель-ни-ца! Что же тогда с простыми людьми? Так они в каменный век очень быстро скатятся, до банального спать, жрать и низменных потребностей, а лексикон

сократится до приказов, пары вариантов согласия и отрицания, и простейших бытовых фраз. Вот так, наверное, в деревнях люди самобытный язык кое-где да и сохранили. Зачем им стихи, синонимы и антонимы, когда есть «с утра встал, поросятам дал» и все сразу понятно. И так каждый день. Упрощение речи! Сокращение до необходимого минимума для понимания.

- Нормально, - дождавшись, пока Валентин вынет из сумки запакованные контейнеры с едой, все же ответила девушка, моргнув, разгоняя туман в голове. – Холодно только.

- Я сейчас принесу вам дополнительное одеяло. Не простудились? А то наверху многие начали кашлять…

- Нет, - Алиса аккуратно села на край стула. – Спать прохладно.

Валентин кивнул, установил фонарь так, чтобы он светил в потолок. Сразу стало намного светлее.

- Ничего. Завтра мы с вами перейдем в более просторную каюту…

Девушка нахмурилась.

- Завтра?

- Да, - ухмыльнулся бывший завуч. – Или вы предпочитаете остаться здесь? Нет, я, конечно не против, но мне это место… - он презрительно оглядел взглядом тюремную камеру, – …не нравится! Я не смогу здесь спать. Статус, понимаете ли, не позволит…

Алиса замерла. Есть хотелось чудовищно, но слова Валентина насторожили ее настолько, что девушка даже не дернулась в сторону наваристой гречневой каши с прожилками какого-то мяса.

- Ну-у-у-у, - улыбнулся Валентин и сев, закинув ногу на ногу, сложил на колене руки в замок. – Вы же не думали, что я буду держать вас взаперти постоянно?! – мужчина хмыкнул. – Я же говорил, все это - лишь для вашей бе-зо-пас-нос-ти… Сегодня еще тут переночуете, а завтра переселитесь наверх. В моей каюте как раз должны закончить ремонт… Вам понравится. Да вы ешьте, ешьте, набирайтесь сил, Алиса Евгеньевна. Вы мне нужны здо-ро-вень-кой…

Девушка сглотнула. Эти слова ей не понравились. Они не несли ничего хорошего. Что задумал этот чертов извращенец?! Но она тут же взяла себя в руки, заставила проклятые губы растянуться в улыбке. Нужно выбраться из этой тюрьмы. А для этого нужно немножечко постараться.

- Завтра с паркетом закончат и можно переезжать...

Мужчина поджал губы, подбирая слова. Он явно хотел произвести впечатление высокопоставленного, умудренного человека. Да вот беда – это у него никак не выходило. Может быть дело было в том, что Алиса в нем видела все того же серого клерка, обычного крысоподобного завуча, который всегда стремился всем подгадить и унизить.

– Моя будущая избранница достойна большего, чем это. В конце концов, статус, как я уже говорил, обязывает.

Алиса нахмурилась так, что даже в полумраке это стало заметно.

- Ах, простите, - лукаво улыбнулся Валентин. – Я совсем забыл сказать. У нас же скоро свадьба и я приготовил вам подарок.

- Что? – девушка не смогла удержать восклик.

- Ну да, да, конечно, - Валентин притворно вздохнул. – Конечно, возможно я спешу, и стоило сперва сделать вам предложение, руку и сердце, дать вам время подумать… - он также притворно зевнул, прикрыв рот рукой и небрежно катнул по столешнице небольшую картонную коробочку с блеснувшим в свете фонаре кольцом внутри. – Но, знаете. Я устал. Устал этого ждать. Давайте отбросим лишнее и перейдем сразу к самому главному?! Я предлагаю выйти вам за меня замуж, - он качнул пальцами в сторону коробочки. - В замен вы получите теплую и сытую, комфортную жизнь, для себя и для вашей дочери. Поверьте, лучшего варианта вам не найти! Да у вас, если честно сказать, и выбора-то нет. Может это прозвучит грубо, но…

Мужчина резко изменился. С лица его сползла улыбка. Глаза стали жесткими, прищуренными, черты лица заострились.

- Или так, Алиса Евгеньевна, или ни как. Я устал ждать и отказа не потерплю, так что, - он снова улыбнулся, скидывая маску дьявола. – Завтра за вами придут, и вы уж постарайтесь вести себя… подобающе. Ни к чему крики, попытки сбежать, или прочие цирковые номера. Лучше… - он ухмыльнулся и даже чуть было, как показалось Алисе, не облизнулся, – …вы мне эти номера покажете позднее. Ночью...

***

Слово Валентин сдержал. Алису действительно перевели на следующий же день. Это и радовало и пугало. С одной стороны находиться в темной, сырой, тесной и холодной каюте было уже невмоготу, с другой - платить за комфорт придется высокой ценой. Девушка, оглядев убранство нового жилища, хмыкнула. Что значит

платить? Она что, разве что-то обещала или собиралась делать? Нет! При первой же возможности сбежит! Куда? Да хоть куда! Чай не сахарная, не растает! Да если даже и случится свадьба… Что это сейчас? Пшик! Никаких ЗАГСов, документов, электронных баз и прочей лапушни больше нет! Формальность! Мероприятие. Как в столовую сходить! Поест хоть от пуза, да винца бутылочку хряпнет… Уж как-нибудь отстоит, или отсидит, не принимая во внимание сути торжества. Целоваться, а уж и про брачную ночь пусть этот хмырь даже думать забудет! Если дело дойдет до постели, то Алиса или себе, или, что более вероятно, ему горло вскроет. Пусть только посмеет!

- Ну, как вам здесь? – раздался голос Валентина из-за спины, и девушка вздрогнула от неожиданности. – Извините, - расплылся мужчина в масляной улыбке. – Я вас случайно напугал…

Алиса руку могла на отруб отдать, что этот урод уже давно там стоит. И крался специально, чтобы напугать.

- Лучше, чем внизу, - лаконично ответила учительница, переводя взгляд на сияющее ярким светом помещение. – Где мне можно привести себя в порядок?

- Ванная здесь, - Валентин прошел по каюте и открыл ведущую в санузел дверь. – Шампунь, мыло, полотенце, чистый халат… все имеется… - сказаны эти слова были с такой гордостью, что могло показаться, что этот человекоподобный прыщ собственноручно все это не то, что бы сделал, а изобрел, создал! – Вода горячая тоже есть. Можете пользоваться, сколько хотите.

Корабль внезапно повело чуть вперед и в сторону. Видимо, заработали винты и «Титан» плавно накренился на один бок. Зазвенела огроменная хрустальная люстра, занимавшая половину главной комнаты, бутылка охлаждающегося в ведерке вина, фужеры на столе, хрустнули, напрягаясь, удерживающие мебель на месте, упоры, гулко застонала обшивка корабля. Где-то снаружи коротко крякнула, но тут же затихла, сирена.

Валентин нахмурился, прислушиваясь к чему-то, потом расслабился и снова взял себя в руки.

- Айсберг, - будничнo пояснил он. – Мы вошли в северные воды. Их тут много. Топливо экономим. Только для маневра включаем на полную мощность. Но вы не переживайте. Хоть наше судно и созвучно с тем знаменитым «Титаником», нас его участь не постигнет. –

Валентин прошел к столу, вынул бутылку, ловко откупорил её и принялся наполнять бокалы. – Вы, кстати, знали, что изначально «Титаник» хотели назвать «Титаном»? Точь-в-точь, как нас? Нет? А то, что наше судно хотели назвать «Титаником»? Тоже нет? Ну вот, теперь знаете! Там что-то из-за авторских прав не срослось у хозяина и, потому, он решил назвать свой лайнер так.

Наполнив бокалы, Валентин протянул один даме. Алиса хотело было отказаться, из рук этого червя принимать ничего не хотелось, но внезапно поняла, что хочет… Выпить. Даже не так. Напиться, нажраться… Да! Странное желание, но именно так она себя сейчас ощутила. Это то, что ей было нужно! Она редко употребляла алкоголь, лишь по большим праздникам, да и то, бокал-полбокала шампанского или вина, но сейчас… О да-а-а-а! Дайте ей эту бутылку и она ее из горла… до донышка, до капельки, в один глоток, залпом! А потом этому уроду горлышком в глаз, да кулаком по донышку, чтобы глубже вошло! А то вон как ухмыляется! Дайте ей немного сил, и она розочкой из бутылки ему кишки выпустит, чтобы неповадно было девушек красть и держать в тюрьме. Не-е-е-ет! Она ничего не забыла. И ничего не простила. Но сейчас ей нужно держаться и играть свою роль. С корабля ей никуда не деться. Нужно выжидать удачного момента.

Алиса едва удержалась. Она не спеша, стараясь как можно более спокойно, протянула ладонь, сжала в пальцах теплую стеклянную ножку бокала. Сейчас бы этот тонкостенный, красивый, какой-то весь элегантный шедевр, да этому уроду по всей морде! Ткнуть, провернуть до хруста стекла и носовых хрящей… и потом по горлу… Но нет, нет. Нельзя, нельзя… нужно потерпеть. Хрусталь коснулся ее пересохших, воспаленных губ. Шипучий напиток ущипнул за ранку, скользнул под язык, в горло, заставил глаза прищуриться от наслаждения.

- Дешевое, - брезгливо осмотрел Валентин бутылку, и с явным неудовольствием поставил ее обратно в ведерко. – Прикажу принести получше. Вы пока можете принять ванну, а я вскоре вернусь… Есть еще кое какие важные дела… Статус, понимаете. Обязывает. Ничего без меня не делается…

Алиса прикрылась бокалом, сделав еще один глоток, увидев, как Валентин дернулся было к ней. Мужчина прервал движение на половине и, сделав вид, что так и собирался, прошел мимо. Дверь за

собой он, конечно же, закрыл на ключ. И думать было нечего, что Валентин разрешит гулять своей заложнице где вздумается. Но на это Алиса и не рассчитывала. Рассчитывала она на горячую ванну. Тело казалось грязным и липким. Волосы давно немытые, сальные. Фу! Противно… Да и чешется все и везде… Нет! Сперва в ванную, а убийство Валентина на второй план!

Девушка прошла в душевую, включила воду. Как же было приятно ощутить тепло! Она блаженно скинула с себя грязную одежду, перешагнула через край ванны... Нет! Валентин все же на третьем месте! Девушка вернулась в каюту и вынула бутылку вина из ведерка. Да! Сегодня ей это понадобится!

***

Холодный ветер на вершине горы лютовал. Одежда под его порывами трепыхалась и, казалось, совсем не защищала от холода.

- Что-то там темно, - наконец-то отвел взгляд от «Афалины» Петров.

- Ага, - буркнул Николай.

- Не нравится мне это...

Здоровяк, не проронив больше ни слова, пошагал вперед, потащив за собой нарты. С момента, как очнулся, друг сделался не многословным. Движения стали резкими, злыми, какими-то грубыми. Нервы. Это все они. Сам-то Петров из головы выкинуть тревоги не может, а что говорить о нем… Кто вообще знает, что там в нем сейчас крутится. Зараза еще эта. Чернота дошла товарищу уже до второго плеча, пошла по спине вниз. Говорить о ней Николай отказывался, но Данил не был дураком. Он понимал, что с напарником что-то очень сильно не так и это его тоже очень сильно тревожило.

Айва посмотрела на капитана. Что-то проговорила на своем языке. Данил поморщился, кивнул и пошел вслед за другом. Вот еще! Что-то и с девчонкой же делать нужно! Не бросать же ее было посреди тундры! Хотя, девушка явно бы имела больше шансов на выживание, чем они. Она тут родилась, тут жила. Это ее родина. Но все же нужно будет придумать, как отправить девчонку потом домой.

Чем ближе они подходили к «Афалине» тем больше тревоги передавалось им от этого, с уверенностью можно было сказать, безжизненного места. То, что «Афалина» умерла было понятно почти сразу. Свет нигде не горит, признаков деятельности человека - никаких,

стены некоторых блоков покрыты черными следами копоти. И... тишина. Звенящая, мертвая. Только ветер между льдинок воет, да снег, им гонимый, шуршит и скрипит под ступнями. Стало не по себе. С каждым шагом росло напряжение. Что произошло? Пожар? Прорыв? Кто-то напал?..

- Твою мать, - разглядев открывшийся лабораторный блок, прошипел Данил, ощутив, как Николай напрягся.

Разрушения были фатальными. Это явно был взрыв. Он раскидал по меньшей мере два уровня, а третий обнажил наполовину. В разрыве стены виднелись разрушенные помещения, и, что еще страшнее, – мебель. Почему-то вид покосившихся столов нижнего уровня, упавших на бок обычных офисных стульев и раскиданных повсюду бумаг, покрытых слоем снега, напрягали больше всего. За годы службы Петров насмотрелся всяких разрушек и заброшек, и первые от вторых отличались именно мебелью. Она – признак обитаемости жилища. Признак того, что тут жили люди. А теперь не живут. Только что жили. А теперь все. Их больше нет… Здесь было тоже самое. Все, что Петров видел, говорило о том, что произошло что-то ужасное. «Афалину» могли взорвать, отступая, могли просто бросить, переехав, но нет. Здесь был бой. Сильный. Смертельный. У самого входа ближайшего к ним блока, кажется инженерного, множество замерзших тел.

Николай шел чуть впереди. Данил с двустволкой сразу за ним. Айва со (с чем?) чуть слева. Топор гигант потерял в схватке с чертовыми саблезубами, который сколько ни искали, так и не смогли найти. Патроны в пулемете тоже закончились, как и весь другой боекомлект, что они брали в Улей, а у саамов на всю деревню отыскался лишь десяток старых ружей, из которых лишь два смогли выделить команде, да и те, как говорится, с возвратом. Айва должна была привести их назад. Так что шли, можно было сказать, с голой жопой на амбразуры. Случись чего, достойный отпор они могут дать только хромым, слепым да детям.

Байкал присел, осмотрел ближайшее застывшее тело. Мужчина. Руки скрючены в защитной позе. Лицо белое, глаза вмерзшие, присыпанные снегом. Одет тепло. Синий пуховик с меховым капюшоном разорван на груди. Вокруг кровь. Рядом еще пара тел. Такие же куртки, на телах виднеются следы от укусов и когтей. Ну, с

этими понятно. Мертвяки подрали. А вот, кстати, и они сами. Головы отсутствуют, тела изранены. Значит все-таки прорыв?

Беглого осмотра не хватило, чтобы воссоздать всю картину, а ждать напарника Кнехт, судя по всему, неа собирался.

- Колян, - не громко окрикнул Данил и шикнул, когда неудачно дернувшись, задел больной рукой за винтовку. – Тормози. Куда прешь!?

Друг отмахнулся, рыкнул. Данилу это не понравилось. Мало того, что сам подставляется, так еще и их может подвести под монастырь.

- Стой, говорю!

Капитан поднялся и, пригибаясь, ускорил шаг. Айва двинулась следом. Выглядела девушка взволнованно и растеряно. Видимо и ей настроение напарников передалось.

- Сержант! – догнав друга, дернул Петров Николая за накидку. – Не глупи! Тормози, говорю!

Здоровяк снова рыкнул, дернул накидку, вырвав ее из рук капитана и, не останавливаясь, вошел в открытые створки переходного шлюза. Данил, выругавшись, сунулся следом. Подставятся, так вместе. Сержант хоть и не человек, но выхватить тоже может.

Помещение, насколько хватало призрачного уличного света, было залито уже замершей кровью и завалено телами. На шум шагов от дальней стены к ним поползла изломанная фигура. Николай, сделав два огромных шага, с силой припечатал меховым сапогом голову ползуна и, тяжело дыша, словно пробежал кросс, замер, водя головой из стороны в сторону. Органы чувств буквально били тревогу, сигнализируя об опасности. Он вдохнул морозный воздух и медленно выдохнул.

Байкалу стало не по себе. Слишком много трупов. Словно их сюда специально снесли. Вон как кучками лежат. Так не умирают.

- Колян, - аккуратно позвал друга Петров, – …не нравится мне все это…

Он не успел сказать, что именно ему не нравилось. Возможно, подсознание что-то уловило, возможно что-то еще, но когда друг сделал еще один шаг, Петров уже был готов к тому, что случилось через одно мгновение. Раздался тонкий металлический лязг. Слишком уж знакомый им обоим. Петров, даже не успев отдать команду мозгу, на инстинктах развернулся и толкнул стоявшую чуть позади девчонку,

накрыв собой. Здоровяк лишь успел развернуться. Раздался взрыв. В бетонном мешке шлюза грохнуло так, что Данил едва не взвыл от боли - с такой силой ударная волна приложила его по ушам. Если б рот заранее не открыл, точно бы контузило, как бедняжку. Девушка под ним завыла, схватилась за голову. Петров своим телом и толстой шубой, конечно, значительно погасил и взрывную и ударную волну, но Айве все же досталось.

Еще поднятый взрывом снег не осел, а по полу уже прокатился гулкий раскат. Это Николай вскочил на ноги и бросился в их сторону. Петрова и саамку словно ураганом подхватило. Шипя от боли в не до конца зажившей руке, болтаясь в лапищах напарника, Данил пытался прийти в себя – несколько раз «щелкнул» ушами, снимая глухоту, разинул рот, выдохнул через нос.

Выскочив из переходного шлюза, Николай сделал несколько шагов и аккуратно опустил людей на снег, за ближайшей более-менее крупной снежной кочкой.

- Жив? – коротко осмотрел гигант напарника.

- Жив, мать твою! – прорычал Данил, вставая на одно колено и вскидывая винтовку. – Баран тупоголовый!

Они замерли в ожидании. Тупоголовые мертвяки растяжки ставить не умели. Значит ее поставил кто-то из живых. Возможно, отступая, возможно, уже много позднее, но, так или иначе, нашумели они знатно. Сейчас сюда все сбегутся, сползутся и, если смогут, то по воздуху прилетят.

Позиция была неудобной. Снежный бугор защищал их только со стороны ближайшего входа на станцию, но не оставлял шансов укрыться, если кто-то попытается высунуться с нехорошими мыслями в одну из многочисленных дыр в стенах «Афалины», возвышавшейся от них по правую руку. До ближайшего массива камней, где можно укрыться полностью - метров триста открытого пространства. Не успеть. Если бой начнется - будут как на ладони. Сугроб едва-едва метра полтора в высоту, да и не сугроб это вовсе. Снегоход, брошенный под чехлом, засыпанный снегом.

Кнехт, оценив занятую позицию тоже пришел к неутешительному выводу. Его вообще отовсюду видно, никакой снегоход не спрячет. Потому, пока противника или того, кто заложил растяжку, видно не было, бросился обратно к шлюзу. Только на этот раз благоразумно

внутрь не сунулся, а спрятался сбоку от входа. Даже отсюда было слышно, как по темным коридорам к нему уже спешат зараженные. Их клекот еще был слаб и тонул в вое ветра, но то, что их несколько десятков Николай знал хорошо.

Внезапно его снова обуял приступ. Он не говорил о нем никому и старался терпеть, но на этот раз накрыло мощно. Внутри все вскипело. На лбу выступила испарина. Кожу, покрытую черной стекой капилляров, словно кипятком полили. Он нервно развязал вязки мешочка на поясе, растянул горловину, и сыпанул в рот кисловатого мха. Подцепил лапой снег и сунул его туда же. Дождался, пока снег растает, и кисло-горькая жижа потечет в горло. Его к тому времени уже сдавило невидимыми щипцами, а голову – гигантским прессом. Петров, увидев, что с другом что-то не то, напрягся, но Николай махнул тому рукой, мол, все в порядке. Приступ начал отпускать практически мгновенно. Легкие, наконец-то, раскрылись, смогли наполниться холодным воздухом. Вернулся звук, глаза перестал клевать невидимый ворон, а старческий тремор в конечностях стал не так заметен. Он несколько раз вздохнул, успокаивая сердце, ощущая, как по лопаткам под кожей двигаются противные черные черви, проникая глубже в его организм. Закрыв на секунду глаза, он мотнул головой, разгоняя мрак в голове.

Приступы становились все сильнее. Он знал их причину и как от них избавиться, но не мог этого сделать. Он не мог это объяснить, но просто знал, что грибница, носителем которой он сейчас является требует новое место для своего обитания. Но он пока держался. Сколько он сможет сопротивляться мраку и шепоту в голове – не известно. И это злило и пугало даже больше чем постоянная, уже не проходящая боль во всем организме.

Прислушавшись к шуму на станции, Николай перевел дух. Твари далеко. Не факт, что они вообще сюда придут. Станция огромна, а они тупы, чтобы понять, откуда именно пришел странный грохот, и связан ли он хоть как-то с вкусным человеческим мясом. Так и оказалось. Прошло минут пять и все окончательно стихло. Ни один зараженный так и не вышел к переходному шлюзу.

Тяжело дыша, Кнехт, оглядывая полуразрушенные стены базы, возвышавшиеся над ним, несколько раз смог заметить легкое движение в окнах и дырах от обрушения. Но понять, принадлежат ли

они мертвецам или живым людям, так и не сумел. Слишком далеко. Слишком темно. Слишком тяжело держать концентрацию. Каждый раз, как он использовал свой организм на полную, грибница и внутренний зверь по чуть-чуть, но продавливали его защиту, заражая и расшатывая контроль над собственным сознанием. Всплеск сил, потраченных на восстановление после близкого разрыва, выбросил в кровь ударную порцию заразы, которая позволила грибнице на короткий период отвоевать еще немного места в его теле, но волшебный мох Нойда вовремя остановил этот процесс, сделав тело и разум устойчивее.

- Вроде тихо, - вернувшись к напарнику и девочке, присев на одно колено пробасил он, ощущая на себе чей-то пристальный взгляд. – Но кто-то смотрит… шкурой чую…

Данил плотнее прижался к снегоходу. Девочка рядом морщилась от боли. Видать ее хорошо приложило. Вон как пот на лице выступил, а ведь на улице мороз лютый и из позы эмбриона разжаться не может, сжалась в комок, как пружина.

- Слышь, капитан, - раздался внезапно неизвестный мужской голос откуда-то слева и сверху. - Сюда идите, аккуратно…

Данил встрепенулся. Николай напрягся, мгновенно уставившись в темный квадрат окна, расположенного на уровне второго этажа, откуда раздался незнакомый электронный голос.

- Не ссы, свои. Давай живей, пока твари не набежали. В этой половине их еще дохрена, а вы их всех поперебудили…

- Кто такой? – уложив винтовку и, стараясь не высовываться, прокричал Петров в ответ, даже не подумав шевельнуться.

- Еще громче ори! - Усмехнулись из дыры. – Иди сюда, тут спокойно и поговорим, не боись! Хотел бы, давно уже вас пристрелил. Да подруга ваша мне вас точно описала. Чернова. Говорит эта фамилия о чем-то?

Данил дернулся, но снова замер. Куда?! Оборвал он сам себя. Наташку тут наверняка каждая собака знает. Колян слишком приметный, чтобы понять, кто они такие… Вдруг это проделки людей полковника? Через камеру увидели, да по динамику теперь треплют языком…

- Давай уже быстрей, запарил! Говорю ж, друг я вам.

- Как тебя, звать-то, друг?

- Буран, -ответил неизвестный почти сразу. – Ты меня не знаешь… Но можешь обращаться «товарищ майор».

***

Мужчина в странном, явно боевом костюме, встретил их открыто, не таясь. Байкал с интересом разглядывал его обмундирование в свете тусклого фонарика. Какая-то странная, вроде как кожаная основа с накладками и кармашками комбинезона. Что-то среднее между костюмом пловца и пилота. На мысль о пловце, наталкивала мягкая ткань костюма, а черный, непроглядный шлем - на принадлежность к пилотам.

- И откуда ты такой взялся? – окинув взглядом незнакомца, поинтересовался Данил, сдерживая себя, чтобы не задать самый важный вопрос, который волновал его больше всего.

- Оттуда, - хмыкнул незнакомец. – Стреляли…

Петров дернул губой, посмотрел на друга. Не любил он вот таких. Тебе четкий вопрос задали, к чему юлить? Дофига остроумный? Так это можно быстро исправить. Пару зубов выбить, или коленную чашечку сломать… Николай вперился в темную фигуру немигающим взглядом. Судя по нарастающему давлению в голове, Байкал понял, что он опят свои штучки колдунские применяет. Если тут, стоя рядом, так от него фонит, то, что испытывает тот, на ком здоровяк сконцентрировался?! Мужик, словно в подтверждение мыслей, тряхнул головой.

- И кто стрелял? – продолжил прощупывать почву капитан.

- Сам спросишь… Пойдем. Тут не лучшее место для общения. Я эту часть комплекса так и не зачистил. Тварей много, на шум сбегаются как блохи на собаку.

- Ну, веди, - равнодушно пожал плечами Данил и покосился на друга.

Николай кивнул.

- Вроде не чешет, - пробасил он, не скрывая слов, и усталости.

На лбу выступил пот, дыхание стало частым. Данил словам товарища поверил. Колдун, не колдун, но тут даже он сам понял, что вряд ли незнакомец врет. Хотел бы застрелить, или в плен взять, давно б тут отряд вооруженных солдат в засаде сидел.

За спиной зашуршала сапогами Айва. Девочка еще не отошла от контузии. Сильно ее зацепило. Шатается вся, взгляд больной, и за

живот держится. Петров хмыкнул.

- Блюй, - подхватил он девушку больной рукой, едва сдержав стон. – После контузии такое бывает…

Айва что-то пролепетала на своем языке, коротко всхлипнула, поморщилась при неосторожном шаге.

- Что с ней? – поинтересовался Буран.

- Контузию словила. Твоя растяжка?

- Моя, - кивнул незнакомец.

- Нахрена?

- А нахрена полезли?

Вопрос был резонным. Если мужик так открыто говорит, что растяжка его, то понятно, «на хрена». Дела, видать, совсем плохи и свои там ходить, по его мнению, не могли. А о чем это говорит в свою очередь? О том, что на станции или раскол произошел, и в гости кого-то могут ждать, или напротив, никого не ждут, но и выйти не дают…

Темными коридорами они прокрались в соседний сектор. Тварей действительно было много, но путь, которым их вел незнакомец, был более-менее безопасным. Двери – заперты, а где сломаны – наглухо забаррикадированы. В некоторых местах Буран предупреждал о растяжках заблаговременно. Их было не много, но три штуки они миновали точно.

Признаки жизни появились на третьем уровне. Мусора меньше, видны следы легкого вандализма, фонари полу севшие на стенах развешаны кое-где. Деревянная мебель отсутствовала. Этот факт бросился в глаза лишь, когда они подошли к большой гермодвери, ведущей в основной отсек. Стулья, столы, и даже шкафы, наполовину разобранные, были собраны здесь, казалось со всей базы. Пройти между этих завалов и обломков было довольно трудно, особенно Николаю. Он несколько раз что-то шумно ронял и ломал, топча, но Буран на это совсем никак не реагировал.

- Не все еще на дрова разобрали, - протискиваясь между шкафом и стеной проговорил он на повороте лестницы. – Пока сюда сносим, разбираем и внутри жжем. Отопления нет. Генераторы и котельные вышли из строя, только один работает. Вы в них, кстати, не разбираетесь?

- Посмотреть надо, - пространственно ответил Данил, напрягаясь все больше.

Скоро они встретятся. Вроде и соскучился, а вроде и злость за то, что она натворила, жжет душу. Вроде и обнять хочется, а вроде и по лицу заехать. Обнять и придушить. И еще не понятно, чего больше! Ничего, вот сейчас увидит ее и все решится!

Гермодверь охраняли. Двое молодых ребят и старик. При виде гиганта они разинули рты и замерли. Шли не скрываясь, разговаривая, потому дежурные наверняка были предупреждены о их приближении заблаговременно. Да и шума производили изрядно.

Гигант последним вошел в свет тусклой лампочки. Удобно повесили. В глаза светит, а сами сторожа чуть справа и слева сидят. Да вот только измененному зрению Николая это совсем не помеха.

- Здрасти, - склонив на бок голову и хрустнув позвонками оскалился он, уставившись на одного из дежурных. – А я-то думал, уже и не встретимся.

Алексей Альбертович подслеповато прищурился. Сердце его бешено стучало. Что-то словно сдавило голову, она закружилась. Стало страшно и холодно. Ноги затряслись, пальцы онемели. Даже зубы, кажется, завибрировали.

- Открывай, - подошел Буран к двери. – Гостей вот привел. Их ждут давно…

Старик стоял не в силах пошевелиться. Пот проступил на спине и груди, сердце застучало еще сильнее. Он стоял, оцепенев, глядя на огромную черную фигуру. Ни лица, ни подробностей разглядеть он не мог, лишь чувствовал небывалый ужас, тянущийся холодными щупальцами к нему от этого существа. Он хотел что-то крикнуть, позвать на помощь, сообщить, что за спинами людей стоит чудище, сам сатана, но не мог выдавить ни слова. Мрачный силуэт навис над Альбертом Александровичем, заставил свет померкнуть. Он больше ничего не видел. Только эту тьму, приближающуюся к нему. В грудь кольнуло, заныло. Разболелась голова… мгновение и наваждение исчезло, словно и не было ничего. Лишь предательская влага в правой штанине напоминала о сковавшем теле ужасе. Альберт Алексеевич моргнул и понял, что снова обрел возможность дышать и двигаться. Перед ним никого не было. Он сидел, опершись спиной о стену, а двое парней, дежуривших с ним в эту смену склонились над ним в непонимании и страхе.

- Что с вами? – спросил тот, что справа.

- Вам к врачу может? – поинтересовался тот, что с лева.

- Вы видели? Видели?

- Ага, - восторженно улыбнулся правый.

- Вот это амбал, - подтвердил правый.

- Где он? Это... Это же…

Альберт не смог подобрать слов. Голова болела, мысли путались, он даже парней вспомнить поименно не смог…

- Так ушли уже… - помогая старику подняться нахмурился тот, что был слева.

- Вы так минуты три уже сидите… Но этот, который с амбалом пришел, сказал, что скоро очухаетесь. Что многие у обморок падают, когда его видят…

- Так это тот, из лаборатории, - внезапно вспомнил тот, что был справа. – Мне кореш рассказывал, он там был один раз. Говорил, какие-то эксперименты над ним ставят.

- Ну, да… - усадив старика выпрямился тот, что был слева. – Он когда подошел, у меня аж мурашки по коже побежали.

- Ага и у меня. И волосы дыбом сами встали…

- Ну, так стоять-то больше нечему… - хихикнул левый.

- Да пошел ты… - отмахнулся правый.

Парни еще беззлобно перекинулись парой шуток, которые Альберт Алексеевич пропустил мимо ушей. В душе зародилось противное стойкое ощущение, что этого монстра он уже где-то видел и непременно увидит еще. Эта тварь что-то сделала с ним. Одна мысль о нем вызывает головную боль, а стоит посмотреть в темноту, так кажется, что из тени к нему тянутся его огромные ледяные мертвые руки.

***

Пройдя за гермодверь, они попали в длинный узкий коридор с множеством дверей. Петров сориентировался уже давно. «Казармы» - так они называли этот блок. По факту – место проживания персонала. Удобно и правильно. И спальные места имеются, и столовая, и личные вещи людей сохранились… Правильно, что выбрали именно этот блок, а не, например, инженерный! Там цеха просторные, отопить сложнее, но там есть инструменты и станки… Петров одернул себя. Ну и какие станки?! Для чего?! Производить оборудование, оружие? Ага, металл лить, ложки-вилки, блин, делать! Какая разница! Они же не отрезаны

от базы, это тебе не метро запертое после сигнала ядерной тревоги. Захотел, сходил, принес что нужно. Только зачистить помещения и все. Живи и радуйся, сколько можешь, или успеешь. Он как-то незаметно для себя очень легко принял то, что случилось на «Афалине», но вот что именно произошло, до сих пор не знал.

- Первая дверь слева, - идя впереди, все также не снимая шлема, общаясь через усилители в шлемофоне повел их Буран дальше. – Она вас ждет, но…

Незнакомец чуть замялся, подойдя ближе.

- Это не она вам нужна, а вы ей…

Данил напрягся. Что-то в голосе Бурана заставило его насторожиться. Что-то случилось?.. Дверь открылась. Данил вошел, следом за ним сунулся и Николай. Девочку они оставили у входа, попросив приглядеть за ней, и оказать возможною помощь, рассказав, что с ней случилось.

- Наташ, - позвал Байкал лежащую на кровати девушку.

Сердце его как-то внезапно приняло сторону более нежных чувств. Тут что-то явно было не так. В комнате, рассчитанной на четырех проживающих, она была одна. Остро пахло лекарствами. Спиртом.

- Наташ? Это мы…

Девушка чуть повернула голову. Лицо ее, освещенное догорающей свечой, мгновенно изменилось. Губы дрогнули, глаза моментально наполнились слезами и… она разрыдалась. Данил кинулся к ней, забыв про больную руку, бросив двустволку на пол. Он опустился на кровать, обнял Чернову, прижал к себе и… Замер. Рука скользнула по ее телу… Обняла за талию… Наталья разрыдалась еще сильнее, уткнувшись и обняв его одной рукой. Другой не было. Одеяло, грязное, забрызганное чем-то черно-красным, скатилось ниже, открыв взглядам обрезок руки, чуть повыше локтя замотанный, пропитанным темной кровью, бинтом.

Данил даже не смог вдохнуть. Слова застряли в глотке. Он хотел что-то сказать, спросить, выкрикнуть, но не мог. Глаза прилипли к культе. Как? Как это случилось?! Нет! Это сон! Бред! Девушка заплакала в голос. Казалось, что больше уже не куда, но полный боли и страха крик заглушил все звуки, даже собственные мысли Петрова. Он едва смог оторвать взгляд, и лишь сильнее прижал бьющееся в крике

женское тело. Слезы бежали по ее лицу, скатывались ему за воротник, пропитывая рубашку. Он уткнулся в ее шею, ощущая, как собственные слезы подкатывают к горлу. Сейчас он готов был отдать свою руку в обмен на то, чтобы… чтобы что? Он выругался сам на себя. Он себя жалел, получив ранение… Боялся посмотреть ей в глаза, если останется калекой… Даже ненавидел ее за то, что она создала этот чертов вирус. Господи! Как же все это сейчас стало не важно! Чего ей стоило все это пережить?! Одной. Без поддержки. Хрен с ним, он старый вояка, смирился бы, но она! Господи да за что это ей?! Она же девушка. Красивая, умная!

Руки сильнее сжали ее тело. Слеза скатилась, спряталась в бороде. Сердце зашлось как бешеное.

- Я рядом, - прошептали губы сами собой.

Он не знал, что сказать. Как правильно выразить свои эмоции, поддержать.

- Я рядом, родная, - прошептал он уже громче. – Я тут. Все…

Что все хорошо он сказать не смог. Все не хорошо. Все совсем не хорошо. Пи-и-и-исец как не хорошо! Он не должен врать, не должен обманывать, но должен поддержать!

- Всё, всё, - добавил он через паузу. – Я тут. Успокойся. Всё. Тут. Тут…

Рядом за спиной вздохнул Николай. Два тяжелых шага и мощная, тяжелая рука обняла их обоих. Наталья высвободила лицо из одежды Петрова, посмотрела на гиганта, едва-едва кивнула и обняла и его. Лицо здоровяка снова пошло испариной. Он ощущал ее боль и страх, и, словно крючком нитку через полотно, пытался вытянуть их из нее, намотать на руку, спрятать в ладони, хоть как-то облегчить ее страдания. Грибница блаженно зашевелилась.

- Давай-давай, - шептала она чувствами, мыслеобразами, заставляя своего соседа по телу больше и больше проникать в ментальное поле женщины. – Тяни. Вытаскивай, забирай себе. Ослабляй себя…

Николай еще немного потянул за ниточки боли, пытаясь помочь еще хотя бы чуть-чуть. Вот эту, еще одну, тоненькую, но холодную и все... Больше он не мог. Слишком много сил тратится на то, чтобы забрать что-то. Неимоверно больше, чем заставить бояться, чем

внушить ужас, чем даже убить. Поистине! Созидать намного сложнее чем разрушать!

- Сюда, сюда, - закричал кто-то снаружи, заставив Николая дернутся и моргнуть, разрывая связь. – Скорее. Несите ее… Она рожает…

Кто-то протопотал мимо их дверей. Данил оторвался от Натальи, но разжать объятия не посмел. Николай покачнулся, когда новые ощущения ударили по нему. Он пьяно шагая выглянул в коридор.

- Что случилось?!

- Да девка ваша рожает!.. Вы че не сказали то?! – ответил пробегающий мимо паренек и, помчался куда-то дальше по коридору, крикнув в одну из комнат, чтобы скорее бежали за каким-то Максимычем.

- Хрена дела, - удивленно обернулся Николай, и, поглядев на Данила с Натальей, вышел, прикрыв за собой дверь.

***

Говорить Наталья смогла лишь через какое-то время. Делать ей это было тяжело. Рассказ оказался сбивчивым, прыгающим во времени и с кучей оговорок, но общий ход событий Петров понять смог.

- Очнулась я уже здесь… Буран… Буран спас меня, сделав это… - она чуть шевельнула обрезком руки.

Байкал старался не смотреть на культю. Ему было стыдно и, страшно, а еще обидно. Обидно за то, что его рядом не было в тот самый нужный в жизни девушки момент, что ей пришлось встать на защиту этих людей, в то время, как это должен был делать он – кадровый и профессиональный вояка. Стыдно за мысли о ней. Всю дорогу он представлял, как выскажет ей все. Как расскажет о том, что он все знает. И про вирус, и про ее участие в этой программе. А страшно… Страшно за то, с какой отрешенностью и, даже обреченностью Чернова все это рассказывала. Не громко, чуть хрипловато, уставившись в одну точку, словно пересказывая обычный скучный кинофильм.

Петров смотрел на травмированную руку подруги, и давил в себе желании задать вопрос: а точно ли это было необходимо? Можно ли было обойтись? Не ошибся ли незнакомец? Но сейчас нужно избегать этого вопроса. Наверняка Наталья и сама себе его уже не раз задавала. Данил вздохнул. Ну, да! Как же! Обойтись! Он видел, что было с

людьми после укуса. Не раз и не два… и не сотню. Если способ сработал, то к чему думать о чем-то другом? Если бы, да кабы! Вот если бы он был тут, а не пытался спасти вселенную, которая в его помощи, оказывается, не нуждалась, точно бы ничего из этого не произошло! Уж он бы смог ее защитить… Так что вина за это полностью на нем.

- …Потом он еще людей нашел, привел нас сюда, организовал все. Он вроде бы хороший человек…

- Откуда он вообще взялся? – уцепился за нужную ему ниточку Байкал, стараясь не отвлекать и не перебивать Чернову. Ей и так было не легко.

- Прилетел, – пожала плечами Наталья и поморщилась от боли.

Данил скрипнул зубами, словно сам испытал ее. Его ноющая конечность стала вдруг такой жалкой. Он-то думал, ему тяжело… А каково терпеть боль ей?!

- Я пришла в себя три дня назад. До этого состояние, знаешь, странное было… Жить не хочется, в голове пустота… Все о тебе думала, как ты меня… такую…

- Брось! – прервал капитан. – Я тебя точно не брошу. Никакую!

Он прижался губами к ее макушке, поцеловал. Снова обнял.

- Я теперь от тебя ни на шаг не отойду…

- Спасибо, - устало проговорила Наталья. – Я честно, боялась, что ты… уйдешь…

- Ага, щаз! Не надейся… Хотела, наверное, старика на молодого ухажера поскорее сменить, так не надейся!

Наталья улыбнулась.

- Да кому я теперь такая нужна?.. – Данил хотел был что-то сказать, но Наталья ухмыльнулась. – Зато пару кило скинула быстро…

В комнате почернело от юмора. Петров через силу улыбнулся. Шутит, значит, с психикой все нормально. Но тут нужно знать меру. Шутка, даже собственная может оказаться фатальной. Он множество раз видел, как слетают с катушек военные, получив ранение, травму или увечья. Вот, вроде еще вчера шутил, а завтра в петле нашли, вены вскрыл, или застрелился. Но были и те, хмурые, молчаливые, упертые бараны, у кого кишки по сантиметрам сшивали и говорили, что жить будет невыносимо тяжело с трубкой вместо мочевого. Но они сопели,

яростно молчали и выживали, чтобы сделать еще не одно доброе дело в своей жизни.

- Хорошая диета, – пробурчал он. – Тоже, может быть, попробую…

Он качнул своей рукой. Чернова округлила глаза.

- Что? Все плохо? Что с рукой?!

- Да не переживай, легкое ранение. Царапина. Уже и не болит совсем… А перевязь… Так, привычка осталась. Забей.

- Точно? – хлюпнула носом Наталья.

- Точно! Не переживай! Ты как? Болит? – девушка кивнула.

- Надо еще выпить лекарство… - Она потянулась к тумбочке, но тут же осеклась. – Нет, еще рано… Попозже. Не сильно болит…

- Давай выпьем, - поспешил Данил открыть ящик.

- Не нужно! Еще рано! - Попыталась Чернова опередить его, но Петров уже дернул ручку.

Пластиковый бутылек перекатился с боку на бок, прошуршал таблетками и уперся в рукоять лежащего в ящике пистолета. Данил аккуратно достал оружие, положил на тумбочку, достал бутылек, вопросительно посмотрел на Чернову.

- Сколько? Одну? Две?

Наталья выдохнула.

- Две…

Капитан как ни в чем не бывало, вытряхнул две последние таблетки на ладонь, окинул взглядом комнату. Стакан есть, а воды нет.

- Подожди, запить принесу…

Он поднялся и вышел. Наталья замерла. Ничего не понял? Пусть будет так…

Ее взгляд замер на пистолете. Сколько раз она представляла, как достает его, подносит к виску, или ко рту и нажимает спуск. Как прекращает свою жизнь и эти адские мучения, все эти страшные мысли в голове… А он… А он вероятно подумал, что это для защиты?! Наталья вздохнула. Святая простота! Солдафон до кости мозгов! Девушка улыбнулась. Что ж. Видимо, это судьба… Не пригодилась единственная пуля в патроннике…

***

- Что там? – присел Данил рядом с Николаем.

Тот взволнованно и нервно качал ногой, смотря в одну точку.

- Ты прикинь!.. – проговорил гигант, не отрывая взгляда. – Она. Оказывается. Беременна была! А мы и не поняли! И этот… папаша еще называется! Послал девчонку в таком состоянии хрен знает куда! Куда мир катится, а? Беременную… В самую жопу! Как так, Данил? Вот скажи мне! Ты бы свою дочку отправил в таком состоянии куда-то?

- Нет, - вытянул уставшие ноги капитан. – Пусть бы вообще только попробовала у меня! Сидела б в железных труселях до тридцатника! Ей лет-то сколько?.. А уже беременная!

- Вот и это тоже… Что вообще с нами случилось?

- Ты о чем?

- Обо всем, капитан… Вокруг посмотри… На меня посмотри! – Николай говорил медленно, задумчиво. - Полгода назад я в обычной городской школе охранником работал! Обычная жизнь… Утром на работу, вечером домой, суббота-воскресение выходные. – Петров вздохнул. – А теперь… - Николай растопырил пальцы, по которым расползлась черная сетка капилляров. – Я – хренов мутант. Долбанный. Некрохалк! Вокруг ходят зомби. Люди готовы убивать за бутылку воды. Девочки в пятнадцать лет уже беременные отправляются своими отцами куда-то в жопу мира… Мира, который погрузился в хаос. Эти твари, которых только по телевизору показывали, которые в головах ковыряться умеют… Да и я сам…

- Ну, бывает, Колян… Херня случается. Но я тебя понял. Да. Я тоже об этом думал. Всего полгода назад мы были другими. Та чертова ночь… Тот ливень все перевернул, – гигант покачал головой, вздохнул.

За дверью, у которой они сидели, послышались громкие неразборчивые голоса. Он прислушался.

- Плохо дело, - встревожился друг и Петров напрягся. – Говорят, что-то сложное… Наташка как?

Кнехт оторвал взгляд от двери, наконец-то посмотрел на Петрова.

- Тяжело ей. Сам видел, руку потеряла. Но вроде держится. Лекарств нужно поискать. Последние две таблетки ей споил, заснула. Я так понял, только этот сектор зачистили более-менее, а в остальной базе зараженных тьма. – За дверью снова что-то произошло, от чего Николай чуть было не вскочил, но, тут же сел. – Что там? – здоровяк не ответил. – Я спросил, что тут произошло. В двух словах: произошел взрыв, как только мы улетели…

- Да, я тоже уже это знаю, - прервал Николай, вздохнув.

Данил закусил губу.

- Наталья говорила, что твоих… их… Их не было в списках выживших…

Здоровяк никак не отреагировал на эти слова. Данил выждал паузу, мысленно выдохнул. С одной стороны – хорошо. Тяжело такие новости сообщать. С другой… Неужели у напарника больше нет никаких чувств? Неужели он не переживает за судьбу Алисы? Но за девочку-то вон как! Думает, что они живы?..

- Но она сказала, что многие на корабле спаслись… - продолжил Байкал, так и не дождавшись от друга хоть какой-нибудь реакции на слова. – Только никто не знает, куда он ушел. Лишь примерно направление… ты меня слышишь?..

Николай не ответил. В этот момент открылась дверь помещения, куда унесли Айву. Вышел какой-то мужик. Сглотнул, наткнувшись взглядом на гиганта, но смог совладать с чувствами.

- К сожалению, ребенка спасти не удалось. Он был уже мертв…

У Петрова, кажется, сердце пропустило удар. Вроде незнакомая, совсем чужая, а вон как внутри сразу все скрутило.

- Как она?

Николай навис над врачом. Тот натурально сглотнул, перепрыгнул взглядом на Петрова.

- Все хорошо. Мы вкололи ей успокоительное. Она в тяжелом состоянии, роды были тяжелыми, но жить будет. Потеряла много крови…

Гигант отстранил врача, сунул рожу в дверной проем. Тесновато. Да и не зачем ни людей пугать, ни антисанитарию разводить еще большую…

- К ней нельзя, - запоздало воскликнул врач.

При виде здоровяка две женщины вздрогнули, отшатнулись от стола. Одна из них прижала синюшное тело младенца к груди, вытаращила глаза на Николая. Наверное, подумала, что чудище хочет их съесть, потому как-то странно, кособоко засеменила в сторону. Николай дернул губой, отошел от двери. Ощущение злобы нахлынуло мгновенно. Они его боятся. Он урод. Мутант. Ошибка природы… Тварь, как те, что рыщут по «Афалине» в поисках свежего мяса, даже, может страшнее. Изгой…

- Ненужный, - прошуршало в голове. – Никому ненужный…

Он развернулся, мотнул головой, заставляя шуршащие в голове голоса замолчать. Он знал, что никаких голосов на самом деле нет. Такого ведь не бывает. Это было похоже скорее на состояние, в котором пьяному в дрызг человеку в голову залетела шальная идея, и вот, она уже занимает все мысли, кажется логичной и единственной. Так и тут. Почему-то этот взгляд испуганной женщины задел его душу. Она его именно что боялась. Не была шокирована размерами, не была заинтересована, как так вышло, или просто от внезапности, как это бывает… Нет. Она его испугалась. До чертиков. До коликов. Он это знал. Теперь он чувствовал человеческий страх. Мог, словно блюдо, разложить его по ингредиентам. Врач боялся, что Николай его побьет. Он боялся боли. Собственной боли. Вон тот мужик в конце коридора боится его, потому что что-то натворил. Он всех боится. Петров боялся за Наталью. Не боялся, скорее переживал и… За него. За друга. Николай ощущал, как товарищ за него волнуется. Он и сам за себя беспокоился. Он менялся. Менялся не в лучшую сторону. Становился другим. Худшей версией себя. Боль сводила с ума. Как зубная, только по всему телу. Каждое мгновение. Каждая косточка и сустав…

- Колян, - разбудил голос Петрова. – Ты куда?

- Прогуляться, - зло кинул тот через плечо, внезапно осознав, что его тело само куда-то идет.

- Давай в лабораторию сходим? Лекарства нужны, да так, осмотреться?

Данил поднялся, закинул ружье за плечо. Николай сбавил ход. А что, отличная идея! Есть куда внезапно появившуюся злобу деть, и кое что сделать. Он остановился, обернулся.

- Схожу. Но один. Немного разомнусь, да пар выпущу… А ты… Ты тут останься. С Натальей и девочкой. Ты тут нужнее будешь…

Петров вздохнул. Опять двусторонняя ситуация. С одной - ему хотелось с другом поговорить, помочь, узнать, что с ним происходит. С другой - он был прав. Данил здесь будет полезнее. Нужно и с Бураном этим еще поговорить, выяснить, кто он такой и откуда вообще тут взялся, да о будущем подумать. Глянув в спину удаляющемуся другу, капитан вздохнул. В конце концов, он устал! Хватит геройствовать! Он. Реально. Ус-тал! Вот сейчас. В этом темном коридоре он внезапно осознал, что все. Дошел до точки. Ему больше ничего не хочется. Ему

больше ничего не нужно. Ему хочется домой. Ему хочется иметь этот самый дом. Место, где тепло и… главное – мирно!

Данил медленно вдохнул и выдохнул. Все! Хватит! Пора и тыловой, так сказать, деятельностью заниматься! Думать, как быть дальше. Ведь это сейчас очень важно! И кому, как не ему из их двойки этим заниматься?..

***

Глава 10. "Один в поле - воин?"

Он сидел в темном помещении, грустно понурив голову. Откуда-то несло жженым пластиком. Лаборатория была разрушена и сожжена практически дотла. Основное помещение устояло, а вот коридор, ведущий на нижние этажи, комната охраны, подсобки и душевая, жилые комнаты и бойлерная, рухнули. Николай прислушивался к себе. Он словно пытался услышать сквозь время отголоски событий, произошедших здесь во время катастрофы, но вокруг стояла почти полная тишина. Только ветер свистел в щелях и трубах, да где-то что-то поскрипывало, слегка гудело. В коридоре, откуда он пришел, стонал сломанным горлом зараженный. И все. Больше ничего.

Пальцы медленно перебирали подаренный Алисой плеер. Батарейки в нем сели или сам девайс, не выдержав нагрузок и холодов, умер, но маленькая фотография, приклеенная к его обратной стороне скотчем – уцелела. Хоть в комнате и было темно, разглядеть измененным зрением черты любимого лица удавалось без труда.

Тяжело вздохнув, гигант наконец-то поднялся черной тенью.

Окинув помещение взглядом, словно что-то пытаясь отыскать, он вышел. Ничего из того, что бы могло ему пригодиться или помочь, тут не осталось. Снимок смог разбудить воспоминания, но не помог заглянуть в прошлое. Конечно, это было нереально, но теперь, когда он больше полугода провел в состоянии зараженного, а потом, чудом вернувшись из-за грани, стал совсем другим, стал монстром, он был готов поверить во все. Даже в то, что он может слышать, или хотя бы ощущать произошедшие события.

- Отпусти и я покажу тебе, - шуршал в голове незнакомый, назойливый голос. – Выпусти. Дай мне жить, и я покажу тебе… Я покажу тебе то, что ты ищешь! То, что ты хочешь!

Николай помотал головой. Конечно, никакого голоса не было. Не могло быть! Ничьего, кроме его собственного. Это его желания. Это его мысли. Вот только принадлежат ли они ему по-прежнему? Он еще он, или уже совсем другое существо? Сколько в нем осталось от человека, а сколько от монстра? И кто берет верх?

Голова болела. Мысли, бессвязные, глупые, порой безосновательные. Они брались из ниоткуда и уходили в никуда. Постоянно ускользали. Кнехт чувствовал себя все хуже и хуже с момента, как они добрались до «Афалины». Сперва он списал это на усталость и бессонные ночи, проведенные в тундре. Потом связал с тоской, апатией от потери близкого человека, но сейчас, прислушавшись к себе, он понял истинную причину. Она таилась в нем. В прямом смысле. Руки зудели от шевелящихся под кожей черных вен. Темная сетка капилляров уже заползла на затылок и грудь, двинулась к животу. Грибница росла в нем и требовала лишь одного – свободы. Это было похоже на навязчивое чувство извергнуть из себя черные хлопья спор, дав паразиту новое место для жизни. Здесь ему нравилось. Тепло, темно, в меру сыро, а, главное, здесь была пища. Много пищи. Но он терпел. Сделай это, Николай бы обрек выживших на долгую и мучительную смерть. Грибница бы росла здесь до поры до времени, набираясь сил, распространяя свои споры по вентиляции и сквозь стены. Отвоевывая новые территории, пока не перешла бы в наступление. Парень так четко увидел картинку будущего, что ему стало не по себе. Она была красочной, живой. Такой, какой не придумаешь, задумавшись, замечтавшись, словно настоящие кадры кинопленки... но при этом они оставались какими-то жутко нереалистичными. Отравленный спорами мозг рисовал ему сюжеты того, как грибница заражает людей. Как поглощает одного за одним, как питается ими, сохраняя жизнь как можно дольше, не давая умереть… Она транслировала ему эти кадры. Это она управляла им, взаменобещая рассказать о том, что произошло. Нет, гриб, конечно, говорить не умеет, но отрывки воспоминаний из «Улья» словно сами собой всплыли в сознании. То, как окутанная спорами база в едином порыве восстала против их отряда… то, как Решетов говорил о связи между существами, о передачи данных, мыслей и образов… Стоило ему только подумать о том, что если бы грибница захватила здешних зараженных, то она бы смогла показать ему картину произошедшего, как тут же эта мысль стала во главе других. Желание извергнуть из себя черное семя заразы увеличилось кратно.

- Я покажу! Я расскажу! – билось желание внутри.

Николай стиснул зубы. Тело его качалось, словно пьяное. Голова шла кругом. Перед глазами то вспыхивали непонятные картинки, то

просто радужные пятна. Он брёл, запинаясь за мусор, хватаясь руками за выступы, чтобы не упасть.

- Нужно новое место. Теплое, уютное, - требовали от него чужие… или уже собственные мысли? – Хорошее место! Место для роста и продолжения жизни!

Он шел, уже не отдавая себе отчета, но еще сохраняя остатки, частички себя. Нельзя! Нельзя было этого делать! Люди. На станции. Они все погибнут. Все. Из-за того. Что он. Захотел. Узнать…

- Узна-а-а-а-ать, - улыбкой дьявола обещал голос в голове. – Все узна-а-а-ать…

- Выпусти! – вмешался другой голос. – Дай мне жить! Я спасу нас! – требовал внутренний зверь. – Я справлюсь!

- Не слу-у-у-у-ушай его, - продолжал убаюкивать шелест. – Он не поможет. Помогу я! Дай МНЕ жить.

- Дай МНЕ жить! – рычало существо, запертое внутри.

Кнехт рыкнул, оступившись. Голова разрывалась от боли. В груди зародилось неприятное чувство. Он задыхался. Температура мгновенно подпрыгнула. Его бросило в лютый озноб и дикий жар. Сержант упал на колени. Грибница и зверь требовали выпустить их. Кому поддаться? Черная смерть покажет ему Её, расскажет, осталась ли Она в живых, позволит увидеть ее лицо еще раз… А зверь? Зверь даст ему жизнь, поможет избавиться от черноты, но останется ли сам хозяин, разрываемый двумя заразами одновременно при этом собой?

- Дай мне жи-и-и-ить, - убаюкивала грибница.

- Дай мне! – рычал монстр.

- Дай нам жить! – в унисон шептали они в уши, заставляя его кричать от боли.

Николай схватился за грудь. Внутри все горело. Спазм начал душить. Секунда? Мгновение? Сколько он еще проживет?.. Нужно было решаться… Рука случайно коснулась подсумка на ремне. Того, где лежал кисет с непонятной зеленой субстанцией, отданной ему саамами перед уходом. Шанс. Вот он! Внутренний зверь возликовал. Грибница угрожающе зашипела.

Он сорвал непослушными пальцами с пояса подсумок. Хрустнула ткань, отрываясь. Голову сдавило сильнее.

Открыть клапан. Вытянуть тряпицу, размотать, борясь с судорогой, сковывающей тело. Сунуть раскрытую горловину мешочка

в рот… На языке и губах появляется горечь. А теперь глотать, глотать, глотать!

- Еще! – требовал зверь, насыщаясь силой.

- Остановись! – кричала грибница.

Он сходил с ума. Откинув в сторону опустевший мешочек, Николай упал, захлебываясь черной пеной. Вены глазных яблок мгновенно покрылись темной сеткой капилляров. Глаза почернели. Тело выгнулось дугой в сильнейшем спазме. Захрустели кости и суставы. Зубы от неимоверного давления челюстей начали крошиться. И, последнее, что он успел ощутить перед тем, как провалиться во тьму, то, как хищный зверь, выглянувший в приоткрытую дверь своей тюрьмы, поглотил его взглядом.

Пришел в себя Николай от холода. Тело закоченело. Открыв глаза, он поморщился от ударившего в них света. Проморгавшись, сержант обнаружил себя на улице в луже черной жижи. Одежда, руки и лицо – все было измазано застывшей субстанцией, похожей на сажу от печных труб.

Гигант перевернулся на бок, затем на живот. Подтянул колени и руки к груди, приподнялся. Сплюнул в лед темную, кровавую слюну. Грибница проиграла сражение, но еще не проиграла войну. Она была в нем, но уже не такая сильная, и это означало, что рано или поздно она снова попытается вырваться на свободу, но до этого момента у него еще было немного времени.

Оглядевшись и сориентировавшись в развалинах «Афалины», Николай поднялся и шатающейся походкой двинулся ко входу на станцию, куда приводил их с капитаном Буран.

- Время есть, - повторял он сам себе. – Время еще есть…

***

Петров сидел напротив Натальи. Женщина снова уснула. Одеяло скрывало культю, но его взгляд словно проникал под ткань и не был в силах оторваться от раны. Он снова корил себя и ругал, думая, а что бы, если… Если бы он был тут… Если бы никуда не улетел… Черт, возьми! Ему нужно было остаться, ведь он этого даже немного хотел! Ну, был же вариант! Нет, поперся не пойми куда! Героем себя ощутил, а теперь жуткая рана будет напоминать ему об этом всю его жизнь.

В двери постучали. Данил моргнул, встал. Майор молча качнул головой, вызывая капитана на разговор, когда тот открыл дверь. Байкал

кинул взгляд на спящую женщину, убедился, что не разбудил ее, вышел.

- Что? – коротко спросил он, демонстрируя свое настроение.

- Узнать хотел, что делать дальше будете.

- Еще не думал. Надо Коляна дождаться и вместе решить. Надо как-то найти, куда «Титан» ушел и попытаться догнать его может… Не знаю.

- Они на запад уходили, я видел. Но куда конкретно, не знаю, не до этого было. Пришлось вертушку бросать, людей спасать…

- Запад понятие растяжимое… - прикинул карту местности в голове Данил.

Он вздохнул.

- Понимаю, - кивнул головой майор. – Не просто. Почти невозможно. И все же. Думаешь, догоните? – от вертолетчика не ускользнуло то, что капитан замешкался, покусал губу и бросил короткий взгляд на запертую дверь. – Я тоже так думаю, - покачал головой Буран. – Это практически нереально. Выше к северу лед сошел, морской путь открыт. Они уже даже без ледокола могут оказаться где угодно!

- Колян все равно попробует, я его знаю…

- Ты с ним? – задал прямой вопрос Буран.

Капитан помолчал, пожал плечами.

- Не знаю… Бросать не хочется. Понимаю его… Алиса могла выжить и сейчас находиться там, так что он точно попытается. Он же, как баран упертый. На таран пойдет. Химия ему немного мозги подвыжгла, а в последние несколько дней… После «Улья»… Совсем другим стал. Так что думаю, попытается добраться.

- И как? Вплавь?

- Этот и вплавь может.

- Я все спросить хотел, с ним же что-то не так, да? - Капитан не ответил, но Буран все понял и так. – Ну, это сразу видно. На голову он давит будь здоров! Какая-то разработка военная? Ну да, я так и думал, - снова не дождавшись ответа, ухмыльнулся вертолетчик. – Хорошая химия. Нам бы там такую… Глядишь, и народу бы меньше потеряли…

- Не надо тебе такую, - внезапно глухо и как-то грустно проговорил Данил. – Не представляешь, через что он прошел, чтобы таким стать…

- Ну, раз не надо, так не надо. Охотно верю… Так что делать-то в итоге будем? Раз говоришь, он все равно пойдет…

- Да что тут думать, прыгать надо, - махнул рукой капитан, припомнив старый анекдот про мартышку. – Станции мониторинга у нас нет, со штабом связи тоже… Вертушкой если только…

- Ваша не долетит, - тут же оборвал Буран. – Я «Мишку» смотрел, тоже думал на ней уже, но там горючки… максимум движки запустить, и то, не факт. Все слили, когда эвакуировались.

- А на твоей? – нахмурился Петров.

- Не-е-е-е… там горючки тоже на дне. КилОметров на сто… Я потому и не улетал с «Титана» этого чертового, что некуда было… А, даже, если поднимемся… Они, хоть и малыми ходами, но миль под двести уже сделали, наверное…

Буран истово постарался прогнать из головы образ истинной причины того, почему он не покинул «Титана» раньше. Мало ли, прочитает еще мысли верзила этот, где бы он ни был… И тогда придется объяснять и разговаривать по-другому.

- Мда... – пожевал губами Петров. - Точно не вариант? Мож, тут поискать? На нижних этажах генераторы стоят…

Майор напрягся. Этот тоже умеет? Или уже нашел и проверяет? Не надо им на нижние этажи! Совсем не надо!

- Не! Тут «авиационка» нужна, - осторожно начал Буран, следя за реакцией капитана. – Соляра или бензин не подойдут. Да еще и ИИ сдох… А без него не завестись. У меня вертушка не простая, с костюмом связана, а нейросетка полегла… Без нее хрен чего сделаешь. Опытный образец… Разблокировку еще не прошел. Я ее отключить пытался, но она, собака, систему зажигания блочит. Обойти можно, но все равно… горючки - на плевок. Предел двести килОметров до «ленточки», если «БК» отстегнуть… Не дальше… Но там до кучи аккумы разряжены, а аэродромного питания тут нет… - Буран развел руками, - Да и опять же главный вопрос… Куда? Погода – «чехол», «глаза» не работают… Гребло порвать в такой кизяк раз плюнуть…

- Не выпендривайся, - закатил глаза капитан. – По-русски давай.

- В такую погоду, говорю, винт порвать - делать нехрен. Дрянная. Видимости нет, прожектора не работают, навигации нет.

- Но ведь мы как-то отсюда туда и обратно долетели?.. Пилот наш видать, получше тебя был…

Майор мгновенно нахмурился.

- Ты на слабо-то не бери! Я такие вылеты совершал… Летаю на всем, что летать может! В Чечне группу с высотки снял прямо под обстрелом и на авторотации подбитый до базы дотянул… Я в Сирии от четырех «стингеров» ушел… И мне не четырнадцать лет, чтобы я тут на твои слова обижался… Еще раз говорю. Даже если погода нормализуется и мы топливо найдем, то куда полетите?

- Ладно, Извиняй. Нервы… - Петров постоял, подумал. – А ты в штабе не был? – Буран отрицательно покачал головой. – Та-а-а-ак… Можно наведаться. Там, кстати и оружейка рядом. Может и на узел связи зайти?.. Наверняка, раз в спешке эвакуировались, что-то да осталось. Какие-то отметки о том, куда генерал людей повел, записи разговоров там две недели хранятся, с камер – три дня. Я же сам начальник безопасности, знаю, что там и как… Если специально не стерли, то все там.

- Думаешь, найдется что-то?

Данил пожал плечами. Он только что придумал этот план. Размышлять над ним у него не было ни желания, ни времени. Конечно, оборудование могло быть повреждено, могло вообще все к чертям выгореть, да и протокол защиты сработать мог, удалив все данные, но как один из вариантов решения задачи… почему бы и нет.

- Попробуем. Колян точно не успокоится.

- Ну да, - прикинув что-то в голове, согласился майор. – Могло и остаться что-то… Да и оружейка, говоришь… Я базы вашей не знаю, а местные, кто тут выжил, не охотно даже за двери выходят, а оружие нужно… Но! Давай сразу договоримся! Это - ваше дело. Топливо я вам дам, но не бесплатно. У меня тоже к вам будет условие, – капитан нахмурился, но примерно такого разговора и ожидал.

Судя по тому, как Буран заикался о топливе раньше, но сразу не предложил, он во время разговора обдумывал цену. Сейчас, видимо майор созрел.

- Говори. А там подумаем.

***

Дело у Бурана было… обычным. Обычным для обычного мужика, имеющего семью. Он хотел вернуться домой.

- И далеко дом твой?

- Далеко, - кивнул вертолетчик, когда капитан и майор переместились для разговора в импровизированную столовую. За кружкой чая вопросы решались обычно лучше. А еще лучше на полный желудок. – Мне в Красноярск надо. – Данил дернул подбородком. – Да, три тыщи километров. Теперь ты понимаешь. Будь у меня даже полный бак, я бы не добрался. Тут минимум три-четыре пересадки, но даже до Норильска, где НПЗ-шка стоит, не факт что долетел бы… Да и одному сложно будет. Так что… Я помогаю вам, а вы потом мне. Согласен?

Капитан потер кружку в ладонях. Он-то может и согласен, но! Всегда есть эта частица, которая, как правило, обнуляет все сказано до нее. А тут их было аж две! Первая: он же вот совсем недавно думал о том, что пора с этим всем заканчивать. Хватит с него геройства. Еще чуть-чуть и везение закончится, он это чувствовал. Нельзя всю жизнь быть на передовой и дожить до старости. Как там в древности говорили? Плох тот гусар, что до тридцати дожил… Так и тут… Рано или поздно оступится. Но! Хах! Опять это но! Третье уже получается… С другой стороны жить тут, во льдах, без ресурсов… нет, это не лучший вариант, так что Буран ему может пригодиться. Красноярск для этого подходил. Насколько он помнил, климат там, конечно, не южный, но! Да что ж такое! Четвертое уже! Никто же не говорит, что там оседать нужно! Доберутся до Красноярска с Бураном, а оттуда дальше с Наташкой рванут… Вроде идея хорошая. Тут – точно не прожить… Так что, план хорош. Но! Да твою мать! Пятое уже! Вот так начнешь рассуждать, и столько нюансов появляется! Людей тут бросить? Как быть с остальными выжившими? Ладно, с этим потом решат. Тут бы самим как-то выжить! Итак… переходим ко второму, изначальному «но». Колян. Если Петров был с таким планом согласен, то как на это Кнехт отреагирует. Он же не может говорить за обоих!

- Я-то согласен, - наконец-то облек в слова мысли Данил. – Но надо Николая дождаться.

- Само собой. – Буран кивнул. - С ним и в оружейку и в штаб ваш пойдем. Я так понял, он зараженных вообще не боится? – Теперь кивнул капитан. – Ну вот! И в пути он нам поможет… мало ли что там, на большой земле! Это тут зомбаков раз-два и обчелся, а там… в Норильске том же тыщ под двести населения было… Не все, конечно такими стали, как эти, но от этого и хуже. С местными воевать не

особо хочется, если по-хорошему горючкой не поделятся, а твой «танк» нам как раз в тему будет.

В коридоре хлопнула входная дверь, и раздалось невнятная словесная перепалка.

- А вот и он… легок на помине! Как черт из табакерки, - ухмыльнулся Буран, заслышав тяжелые шаги.

- Ну, вот сейчас тогда все и решим…

***

Пересказ плана действий не занял много времени. Вернувшийся Николай, весь перемазанный кровью и грязью, слушал не перебивая. План вроде как был сырым и держался, что говорится, на соплях, но это был хоть какой-то план. Про свое решение остаться на Афалине Данил пока умолчал. Лучше потом, без лишних ушей сообщит. Незачем майору о таком знать…

Данил немного боялся и, к стыду своему сказать, стеснялся озвучить принятое решение. Точно! Старость! Сантименты! Раньше бы он сразу, с ходу вывалил все, не заботясь о чувствах других. А сейчас, ишь! Хотя, с другой стороны, Колян за это время стал ему по-настоящему верным другом и кидать его Петрову не хотелось… Так и метался он между двух огней, не решаясь сообщить, ища удобного случая и понимая, что чем дальше он тянет, тем сложнее ему будет сказать, однако.

- Данил, - когда друзья остались наедине, позвал его друг. – Что случилось? Я вижу, что-то не так.

Кнехт ощущал исходящее от товарища странное чувство. Тревога, вперемешку с нерешительностью. Страх и обиду. Данил хотел было отнекаться, мол, все хорошо, так как еще не был готов к разговору. Но внезапно понял, что смысла тянуть нет. Дальше будет лишь хуже.

- Я не полечу…

Слова дались тяжело. Точнее не так. Сами слова – легко, а вот после них… Словно гора на плечи навалилась. Он хотел выглядеть невозмутимым, но у него ничего не вышло. Предательское ощущение заставило его отвести глаза.

- И? – нахмурился и дернул подбородком Николай.

Петров тоже нахмурился, не понимая, то ли это защитная реакция у друга такая включилась от обиды, то ли тот и вправду не понял, о чем говорит Данил.

- Я решил закончить со всем этим. Наташка, видел, руку потеряла. Я тоже, - он качнул своей еще не пришедшей в нормальное состояние рукой. – Сдулся я. Устал. Чувствую, что скоро конец придет таким темпом… Прости. Но мне действительно… - он не смог подобрать слов, чтобы описать мысли, ощущения и то, что он хотел сказать. – Я знаю, что должен помочь тебе закончить дело, но…

- Нормально все, - улыбнулся Николай, положив руку на плечо друга. – Не парься… - слова здоровяка звучали наиграно-фальшиво. – Все хорошо. Я понимаю и не могу требовать от тебя помощи. К тому же ты прав, я тоже это чувствую… Если мы продолжим, то нам всем конец. А так у тебя и Натальи хотя бы будет шанс на спасение… - Петров скрежетнул зубами.

- Ты сейчас зачем об этом?

- О чем?

- Кончай, не придуривайся, мы не в кино. Вот нахера ты так? Думаешь, мне легко?

- Я ничего такого не думаю…

- Угу! Мол, ты погибать пойдешь, а мне тут жить с этим потом? Я должен теперь застыдиться и передумать?

- Данил, - нахмурился Николай. – Я ничего такого не имел в виду! Я тебе говорю, что согласен с твоим решением!

- Ага! – обиженно буркнул Петров, заводясь. – Говорит он! Слышу я, как ты говоришь, с упреком!

- Да никакого упрека!

- Ага-ага! Устал я, понимаешь? У-с-тал! Задолбался бегать как савраска! Вокруг херня полная творится, согласен! Но мне надо о Наташке заботиться! Алису мне жаль, и тебе помочь хочу, но пойми!

- Да я все понял! – улыбнулся, снова, как показалось капитану, фальшиво, Николай. – Не парься, говорю же! Я к тому же, быстрее доберусь один, все нормально…

Петров сжал зубы. Сука! На нервах играет! Вон, какая рожа спокойная! Бесит! Как бы дать по ней чем-нибудь тяжелым!

- Ну и все тогда! – не сдержав злости, буркнул капитан. – Пошли, в штаб проведу, поищем документы, посмотрим записи. Потом с майором вопрос решить надо будет.

Кнехт не ответил. Слова друга его, конечно же, немного обидели, но он, честно сказать, и сам хотел было уже предложить капитану

остаться. Зачем ему рисковать? Есть ведь теперь за кем ухаживать… И так дел по горло, еще и его расхлебывать! Но вышло чуть не так, как планировалось, и от того было немного горько. Все же в душе он надеялся, что друг улыбнется, обиженно покачает головой и скажет что-то вроде «Совсем охренел? На самом интересном месте», или «Вот такого я от тебя не ожидал»… Все же привык он к этому старперу уже… не раз выручал.

Николай вздохнул. Да! Надо признать, что ему все же проще будет действовать одному. Дело принимает дурной оборот. Там, внизу, блюя спорами грибницы, он ощутил нечто страшное, большое и опасное. Что-то надвигалось. И это уже был даже не шторм, а настоящий циклон!.. Буря, которая снесет все на своем пути. Сравняет с землей всех, кто попадет в нее и тащить туда верного друга только за ради спасения его любимой, было глупо. Николай бы не простил себе, если бы потерял товарища. А в том, что это случится, он был уверен. Здесь у капитана с Черновой есть шанс выжить, но там… Там они обречены.

***

Как Данил и предполагал, бежавшие в панике работники узла связи и коммутации данные стереть не успели. Времени на поиски чего-то дельного, конечно, ушло много, но итог того стоил.

- И что это за проект такой, «23-000»? – нахмурившись, смотрел на записи через монитор Данил.

- Атомный ледокол-авианосец, - не сразу, но, все же подсказал Буран. – Проектный образец. Спущен на воду полгода назад, как раз перед этим песцом.

- И причем он тут? – тыкая мышкой по разным записям и читая строчки контрольных данных, пробухтел капитан.

- А у него как раз маршрут от Владика до почти самой Гренландии пролегал…

- Хм, - напряг память Николай. – Так это тут, выходит?

- Выходит, и входит… - кивнул майор. –

- Думаешь, туда полковник с генералом направились?

- Вполне вероятно. А куда еще? Там горючки в «Титане» достаточно… Могут долго идти. Да и ты сам видел, по позывным из записей радиста… Они с ними связывались.

- Жаль самой записи нет, - покусал губу Байкал. – Хотя, может и есть, да хрен пойми, как тут что… Может у нас какой программист

есть, кто в этом разбирается? Надо было все же сначала спросить… Эх, Пацана б сюда…

При упоминании имения парнишки погибшей группы Данил вздохнул. Казалось, это случилось так давно… Словно в другой жизни, а ведь сколько времени прошло? Пара недель…

- А маршрута тут нигде нет?

- Колян, - скривился капитан. – Это тебе не «гугл», а я тебе не «Алиса»… Тут ничего нет.

- Да и маршрут в тайне хранился, - кивнул Буран. – Сам помнишь, время какое было…

- Ты тогда откуда знаешь? – капитан и сержант посмотрели на Бурана.

- Нам по долгу службы знать такое необходимо, - усмехнулся тот, уходя от прямого ответа. – Гостайна…

- Гостайна, - передразнил Петров, продолжив бездумно тыкать по файлам и иконкам. – Больше ничего нет. Что делать будем по итогу?

- Ну, что, - сложил на груди руки Николай. – Берем вертушку, как и планировали и летим. – Два корабля - всяко проще найти, чем один. Не так, майор?

- Не так… Погода не летная… Это тут кажется, что взлетел и все видно. Хрена лысого. Метров на сто поднимешься и все. В тумане. А сто метров… Это ни о чем… Считай, один шанс всего у нас. Выбрать направление и топить до отсечки… Только далеко мы все равно не улетим, я уже говорил… Горючки - кот нассал. Льды тронулись, не сесть…

- А если… - Капитан задумался, скользнул взглядом по другу, прищурился, что-то прикидывая в голове.

- Если? – насторожился Буран.

- «Мыс Арктический»… Колян, ты не помнишь, ты в коматозе был, но нас сюда же не прямым рейсом прямо на «Афалину» везли. Мы ж через Таймыр, с мыса «Челюскин» сюда. Там одна из КЗ стоит (прим. автора. «КЗ» - карантинная зона). Наша, военная. Отсюда километров пятьдесят-шестьдесят… Там что-то вроде перевалочной базы. Оттуда на север экспедиции раньше стартовали. Там топливо есть для вертолета, если еще не все вывезли или потратили.

- А че ты раньше молчал? – нахмурился Байкал, ощущая, что его немного обвели вокруг пальца.

- А вам по долгу службы знать такое положено, - передразнил Петров. – Старый. Не сразу вспомнил. Так вот… Там личного состава человек десять. Наши рейдеры туда ездили частенько, что могли, вывезли, но топку для вертушек не трогали. Тут хранить негде, а там консервация, как никак… так что могло еще что-то остаться…

- Ну, так чего тогда сидим? Это ж за углом, считай, - воодушевился Николай.

- Ага, в ладошках носить будешь? Или в бутылках в кармане? – усмехнулся Буран. – Обе вертушки сухие…

- Бочку на снегоходе? – предложил Кнехт. – Подцепим, да съездим.

- Нету, - развел руками майор. – Я бы тут иначе не сидел, а давно уже свалил. – Есть пара, но у одного движок прострелян, у другого еще что-то, не пойму. Пытался починить, не смог.

- А если вертолет туда оттащить? – потер подбородок здоровяк.

Посмотрели на него как на человека альтернативно-одаренного, сбежавшего из психушки, то бишь.

- Колян, я все понимаю, но как ты это представляешь? Там вес какой? Тон пять?

- Семь, - поправил Буран.

- Не суть, - отмахнулся Данил. – Как ты дуру такую поднимешь?

- А зачем поднимать? – как-то кровожадно улыбнулся Николай. – Мы его так, по льду… Как на санках…

***

- Ну, я что-то не уверен, - скептически глядя на замерзший грузовой вертолет с сомнением проговорил Петров, оценивая масштаб работы.

Действительно. Фронт работ обещал быть не малым. Байкал сразу сказал, что все это бред и даже пытаться не стоит, но Колян уперся рогом. Дотащу, мол, отличный план. Ну да. Отличный. Семь тонн металла на словах и на деле – разные семь тонн.

- Лишнее выкинем, - склонив голову на бок рассуждал Николай. – Разгрузим по максимуму. Тут же, считай, в одну сторону только… Сидения – на хрен, ящики вон те – тоже…

- Нет, надо другой план обдумать, - помотал головой Байкал. – Это чушь какая-то. Тащить вертолет по снегу полста килОметров, чтобы заправить… Бочку на санках и то реалистичнее…

- Во-первых бочки нету… - парировал сержант. – В мензурках если, да бутылках только… Мы ее искать дольше будем, потом вытаскивать… Да и сколько ее туда сюда катать? Дня три будем? А так за один раз дотащим и оттуда полетим уже… Сам говорил, что на прогрев и взлет до хрена уйдет. Значит, минимум, раза два придется… А это туда-сюда… сколько? Две сотни намотать пешкодралом придется уже… Времени много потеряем… Если не смогу, то тогда будем над другим планом думать. Но, думаю, осилю… Давай. Вместо того, чтобы болтать, помогай лучше. Разгрузить надо…

Байкал хмыкнул.

- Много ты этими креслами разгрузишь, ага…

- Много не много, - буркнул здоровяк. – Но все полегче будет.

- Аппарель лучше сними тогда! – уже в спину удаляющемуся сержанту крикнул Буран. - В ней тонна веса. Там пальцы выбить только и она сама отвалится.

На разгрузку вертолета до максимального облегченного состояния ушло часа три, не меньше. С ходу казалось, что там? Тут открути, тут отогни, тут выломай, а на деле… Все, что должно было откручиваться – прикипело намертво. Все, что должно было отогнуться – мешалось, а то, что следовало отломить, вредничало и покидать свое, запланированное инженерами место, не собиралось.

Николай рыкнул, когда очередная железяка царапнула по руке. Помогать ему не спешили. Петров сослался на то, что нужно навестить Наталью, а майор занялся своими делами. В ярости пнув не поддававшийся демонтажу какой-то вроде бы не очень важный агрегат, сержант смог сорвать удерживавшие его трубки и тот, грохоча, покатился по железному полу. Злость накатила черной тучей, но он быстро взял себя в руки. Раздражительность – первый признак подступающего приступа ярости. Медленно вдохнув и выдохнув, он решил пока отложить разборку вертолета в стиле сломай несломаемое так, чтобы ничего не сломать. Нужно было успокоиться.

Он спрыгнул в снег. Нужно было поесть. Организм требовал пополнения запаса жиров, белков и углеводов, напоминая хозяину звуковыми командами, посредством звуковых сигналов из живота. Запасов еды на «Афалине» было немного, а ел гигант за троих, а то и за четверых, но этого его сейчас волновало мало. Нужно было поесть и передохнуть, отыскать капитана с майором, вдруг у них еще какой-

план родился и… Навестить девочку. За всеми делами и проблемами, он как-то и забыл про проводницу. А ведь ей… Ей, наверное, сейчас нужна поддержка… Она же потеряла ребенка, находится не пойми где, далеко от дома, да и сама еще, по сути, подросток… Посещение столовой отложилось само собой.

К Айве пускать не хотели, но на «хочу, не хочу» Николай готов был положить увесистый болт. Он не сторонний человек, как ни как и немного, но имеет право посетить ее.

Саамка спала, но вздрогнула, когда он, протиснувшись в дверной проем, наделал немного шума.

- Это я, - поднял руку Николай, привлекая внимание. – Привет, как ты?

Он подошел ближе, опустился на одно колено. Айва вздохнула, поджала губы.

Сержант хотел было что-то сказать, но лишь сейчас понял, что не знает, с чего начать. «Я сожалею» - как-то пафосно. Про самочувствие и настроение – глупо. Молчать – тупо. Он потупил взгляд, тоже вздохнул.

- Все хорошо, - заговорила сама девочка. – Женщины моей деревни не могут родить. Отец отправил меня с вами. Думал, смогу. Не вышло.

- Не могут родить? – не зная, что сказать, переспросил гигант.

- Как началось все, так и не смогли больше. Духи рассердились, а боги покинули нас. Проклятие.

- Ничего, - качнул головой Николай и с уверенностью сказал. – У тебя будет ребенок. Я уверен! Может это вообще, не в женщинах дело…

Он аккуратно погладил Айву по голове. Девочка грустно улыбнулась одной стороной лица. Скорее даже не улыбнулась, а саркастически усмехнулась.

- Я уверен, - более твердо повторил сержант. – Все будет хорошо. Время не простое. Главное, что ты жива. Ребенок дело наживное. Я зашел сказать, что скоро мы улетим. Ты пока отдыхай, а потом тебе помогут добраться до дома. За это можешь не переживать.

Выйдя от девочки поболтав еще немного ни о чем, в главном коридоре он столкнулся с Черновой. Наталья выглядела больной, оно и

понятно, боль, потеря крови и черт знает что еще, но, как всегда – деловой

- Привет, - едва улыбнувшись, поздоровалась она.

- Привет, как ты?

- Нормально, - женщина грустно вздохнула, кинув взгляд на культю. – Жить буду. А ты? У тебя лекарство, наверное, закончилось? Выглядишь плохо, дай-ка я посмотрю…

Он бесцеремонно повернула руку здоровяка к свету, осмотрела, потрогала пальцами вспухшие темные вены.

- Странно, - задумчиво проговорила она. – Что-то пошло не так…

- Нет, - убрал руку Кнехт. – Это я уже в «Улье» подхватил…- Женщина приподняла бровь.

- В «Улье»? Подхватил? Так ты болен?! Почему сразу не сказал!?

- На себя посмотри, - успокоил сержант ученую. – Едва на ногах стоишь, как наркоман с передозировки. Это… пройдет, - соврал он.

- Нужно проверить… - Чернова задумчиво покусала губу. – Тут есть медкабинет и кое-какое оборудование. Нужно…

- Ус-по-кой-ся, - любовно взял Николай Наталью за плечи и посмотрев в ее больные глаза, улыбнулся. – Все нормально. О себе лучше думай… Я – в порядке.

- В порядке он, - нахмурилась женщина. – Это, - она ткнула пальцем в вену, – не нормально! Нужно сделать исследование…

- Наташ…

- Что? А вдруг это важно? – Вскинулась ученая. – Если ты заражен, мы должны знать, что это… Я не только о тебе беспокоюсь, но и об остальных…

- С ним все нормально, - улыбнулся Николай, поняв истинную тревогу женщины. – Я один был в реакторе, где росла грибница, Данил туда не заходил. Ты, кстати, подальше от меня держись, может, я как лампочка рентгенами свечусь…

- Вряд ли, - окинула взглядом пациента Наталья. – Я не вижу признаков лучевой болезни, хотя в твоем случае все может быть не так. Все равно нужно сделать анализы. Хотя бы кровь посмотреть, хотя бы, чтобы в этом удостовериться. О! Вот, скажи ему!

К паре подошел Петров. Он перевел непонимающий взгляд с одного на другого.

- Говорю, - кивнул он. – А что я говорю?

Наталья улыбнулась, но тут же стала вновь серьезной.

- Нужно взять у него кровь. Ты видел это? – девушка дернулась, чтобы показать причину спора и сделала это машинально обеими руками.

Секундное замешательство. Петров вздрогнул. Николай напрягся. Наталья вздохнула, опустила раненную руку на перевязь.

- Нужно взять у тебя кровь, - снова проговорила она более грустным голосом и, чтобы как-то успокоить подругу, Николай согласно кивнул.

Добраться до медкабинета оказалось не сложно. Судя по пустым и открытым полкам, дверцам шкафчиков и ящиков, здесь уже бывали. И явно после пожара. Наталья, не обращая внимание на беспорядок сразу же подошла, подсвечивая себе фонариком к «центрифуге».

- Зараза, - ткнув кнопку, но не получив результата, выругалась женщина. – Света же нет…

Петров посветил на потолок и стены, ища спрятанные кабеля. В коридоре электричество было, по крайней мере, одна аварийная лампа еще работала. Значит, можно было попробовать подключить агрегат к той сети.

- Ну-ка, дерни, - попросил он, указывая лучом света на провод. – Сейчас от аварийной линии прокинем «сопли». Она же от двести двадцать работает? - Чернова пожала плечами. – Скорее всего…

С потолка посыпался пластик. Николай ковырнул пальцами кабель канал, и, ухватившись поудобнее, сорвал его. Затем подцепил провода, оторвал их от потолочной лампы, и выдернул из стены, куда уходил второй конец, передал Данилу. Тот, пока друг проводил такую же манипуляцию со второй и третьей лампой, зачистил провода с обоих концов, и, когда друг протянул ему еще вязку, скрутил между собой.

- Должно хватить, - прикидывая расстояние, проговорил капитан, поглядывая на оголенные концы скрутки. – Не коротнуло бы….

- На, - передала ему упаковку лейкопластыря Наталья.

Байкал кивнул. Смотав провода так, чтобы они точно друг друга случайно не коснулись, он принялся за их монтаж к сетевому фильтру, а сержант, аккуратно размотав кабеля, вышел с ним в коридор. Раздался хруст. Красная лампа погасла. Затем здоровяк зашуршал

внутренностями коробки, выругался, и, в конце концов, через пару минут сказал, что худо-бедно все сделал.

- Ну-ка, - щелкнул кнопкой питания на фильтре Данил.

Индикатор засветился красным дрожащим огоньком, но тут же погас.

- Прижми там посильнее! – попросил он.

- Так?

Лампочка снова разгорелась.

- Да! Пойдет! – ответил Петров и обратился к Наталье. – Сильно не нагружай, тут реально, сопли…

Николай вернулся. Подсвечивая фонариком, женщина с трудом, одной рукой смогла взять у него кровь. На все попытки помочь, женщина реагировала остро. Понятно. Никто не хочет, чтобы к нему относились как инвалиду. Это неприятно. Это злит. Это даже бесит!

Наконец-то набрав три пробирки темной крови, Наталья заложила их в «центрифугу».

- Если все нормально будет, то через три часа узнаем результат, - закрывая крышку, запуская и, прислушиваясь к работе агрегата, хмуро проговорила она. – Главное, чтобы свет не отключался…

Здоровяк пожал плечами.

- Как смог там скрутил…

- Ходите, значит, аккуратнее, - ответил в свою очередь Петров. – И вообще! Пошли назад. Нечего тут…

- А если остановится? – Наталья – преданный работе человек возвращаться, кажется, не собиралась.

- Ну, все тогда… На сколько ей можно останавливаться?

- Вообще бы не желательно…

- Ну, вот! Сама видишь! Если уж отключится, то, что мы тут будем, что там, ничего не изменит. Закроем двери, чтоб не шастали и потом придем. Надо пожрать, - добавил Петров самый весомый аргумент, на который живот Натальи тихонечко одобрительно заурчал.

***

Им повезло. За три часа, что Чернова отвела на работу машине, свет, судя по всему, не отключился. «Центрифуга» уже заканчивала свой цикл, мигая оранжевой кнопкой, когда они пришли снова. На этот раз они подготовились лучше. Петров раздобыл клеммы и провода, отвертки и пару тройников. Николай притащил найденную стремянку.

За то время, что машина завершала свою работу, вдвоем они быстро прокинули бухту силового кабеля от щитка в коридоре до помещения, запитали лампы, пару сетевых фильтров. Для дальнейшего Наталье требовались компьютеры, которые также притащили, отыскав в разрушенной лаборатории. К сожалению, лаборантские компьютеры не могли похвастаться нужными мощностями и списком необходимых программ, но основное в них все же было.

- Сейчас посмотрим, что там у тебя в жилах, - когда машина закончила свое безумное верчение проговорила женщина, вынимая первую пробирку и осматривая содержимое. – Хм…

Черные хлопья, оседающие в прозрачной жидкости, ей не нравились. Ничего подобного в пробирке быть не должно. Осмотрев две другие, удостоверившись, что так везде, Наталья нахмурилась еще больше.

- Расскажи-ка мне, что там за грибница такая… Ты говорил, в реакторе каком-то…

- Доктор Решетов…

- Решетов?! – вскинулась Чернова сразу же.

- Да, он самый, - внезапно набычился Петров. – Дружок твой… Который это херню создал…

Наталья стрельнула глазами. Их явно ждет разговор, но это потом.

- От, зараза, - поджала женщина губы и задумчиво поглядела на пробирку. – Значит, ему удалось…

- М? – не дождавшись ответа, раздраженно переспросил Данил, подгоняя подругу к ответу.

- Решетов делал ставку на грибы… грибки. Он был уверен, что через них можно заблокировать центры боли и принятия решения человека, создав таким образом вещество, которое позволяет бойцу выполнять приказ даже в критической ситуации. Что-то вроде наркотика, или стимулятора. Есть такие грибы, которые паразитируют на животных. Они прорастают в мозг своей жертве и заставляют ее по средствам простейших команд, в виде наполнения мозга определенными веществами, выполнять единственную волю гриба: размножать колонию… - Николай напрягся.

Наталья описала то, что он сейчас ощущал. Грибница требовала от него расширить ареал ее обитания! Требовала выпустить ее в

подходящем для развития месте… Все, как она сейчас сказала… так что, он отравлен ей, получается?

- Вот-вот… - сплюнул Данил. – И теперь мы имеем, что имеем. Миллионы зараженных этой вашей херней мертвецов.

- Данил, - повернулась Наталья и сурово посмотрела на капитана. – Я была против этого! Когда я узнала, что именно у нас получилось, я требовала и сама и через начальство, чтобы Решетов и Штрассе уничтожили получившийся образец… Нам даже пришлось целый квартал в Алеппо взорвать, чтобы уничтожить образцы и скрыть следы, но, видимо, Решетов продолжил свои изучения…

- О! Еще как продолжил! – распалялся Данил, сам не понимая, откуда у него снова появилась агрессия. – Нас эти ваши гребанные исследования чуть не сожрали! Я там всю группу потерял! Шесть здоровых, опытных мужиков!..

- Слушай! – взорвалась уже и Чернова. – Ты мне-то что это выговариваешь?! Я что ли это сделала?! Я тебе говорю, я была против всего этого! Мы делали совершенно другое! Мне, думаешь, хорошо от того, что происходит сейчас? Думаешь, я этого хотела?! Вот этого я хотела?

Она приподняла руку и тут же зарыдала, отвернувшись.

- Тише, - попытался успокоить ее Николай, грозно поглядев на Данила, сообщая другу о том, что его альтернативные умственные способности в данной ситуации перешли все границы.

Тот стушевался, замер с раскрытым ртом. Гнев отступил. Правда. Что это он?! Петров хотел было обнять подругу, но побоялся усугубить. Вот, пик пройдет и он извинится... Ну, ведь зарекался уже об этом речь заводить! Баран! Какой-же баран!

- Тише, тише, - коснулся плеча девушки Николай. – Он не это хотел сказать…

Наталья всхлипнула, вытерла глаза. Молча, больше не говоря ни слова, она открыла пробирку и взяла длинной пипеткой несколько капель жидкости. Капнула их на приборное стекло, задвинула под электронный микроскоп и принялась ждать, пока картинка на экране наведет резкость, а анализаторы начнут раскладывать состав жидкости на элементы.

- Кордицепс, - наконец-то кивнула она, заговорив обиженно-ледяным тоном.

- Причем полный, - попытался разрядить обстановку капитан. – Все плохо?

- Да, - Наталья обернулась, демонстративно не глядя на капитана, делая вид, что он - мебель, стоявшая тут с начала времен. – Очень плохо. Ты себя как чувствуешь?

- Нормально, - дежурно отмахнулся гигант.

- Кончай, давай, - нахмурилась женщина. – Давай, говори. Мне надо знать! Не маленький же!

Кнехт помолчал, пожевал губу и, наконец-то решился.

***

- Херасе, - нахмурился Данил, когда друг рассказал им о том, что случилось с ним недавно, что он якобы слышит грибницу внутри себя, о том, как ему становится все хуже. – А че сразу не сказал? А если бы… - капитан не смог одним словом описать нахлынувшие мысли. Тут и тревога за друга, себя и Наталью, за всех остальных, кто сейчас укрывается на Афалине, о том, что могло случиться с ним самим, и с окружающим миром. – Точно, блин, как маленький!

Сержант молчал. Говорить о том, что он сомневался в своей психической стабильности, не хотелось. Он ведь и правда уже начинал подумывать, что фляга засвистела от таких мыслей… Какая-то грибница с ним там разговаривает! Ну, ага! А деревья песни петь еще не стали? Ветер стихи рассказывать, радужные пони не посещали? Но, теперь, когда Наталья подробнее описала принцип действия гриба, все встало на свои места и начало умещаться в рамки реальности.

- Кордицепс,так этот гриб называется, лежит в основе заразы, которая сейчас бушует вокруг нас. Он и «петавирус»…

- Что за пидовирус? – насторожился Данил.

- «Петавирус» был найден здесь. В вечной мерзлоте Арктики. Его нашли еще лет двадцать назад. Это древнейший вирус, пролежавший во льдах больше тридцати четырех тысячи лет. В его наборе более пятисот различных генов-мутантов. Изначально Решетов экспериментировал с грибком, а Штрассе как раз с вирусом, выбирая каждый свой путь, но у них ничего не получалось. Потом кто-то из них предложил объединить их усилия и знания и вот тогда у них получился этот самый «зомби-вирус».

- И что, он в нем теперь? – посмотрел на друга капитан, когда Наталья снова повернулась к монитору, продолжая изучать данные.

- Да, - ответила женщина.

- И насколько все плохо? – поинтересовался сам Николай.

- Очень, - вздохнула Чернова. – Смотри, как быстро грибок поражает клетки… Вирус его сдерживает, но грибок, в отличии от вируса, растет сам по себе. Ему не нужны клетки носителя, у грибка совсем другой принцип… Вирус рано или поздно уничтожает носителя, съедая все его клетки и больше не развивается, а вот грибок… Для его развития питательная масса будет всегда…

- И что, сколько мне осталось?

Женщина продолжала задумчиво смотреть в монитор.

- Не знаю… Судя по тому, как ты себя чувствуешь… От двух часов до ста лет… - пожала Наталья плечами. - Ну, как я могу тебе это сказать? У меня нет ни каких данных, ни какой аналитики, или статистики… Пальцем в небо… даже не в небо…

- Не, ну примерно хотя бы, - вмешался Петров, видя, как друг посмурнел.

- Примерно… - женщина задумалась. – Если посчитать, сколько времени прошло с момента заражения и тому, как ты выглядишь… Ну, два часа я, конечно, погорячилась. Может… дней пять… Но я точно не скажу! От многого же зависит!

- А узнать как-то можно? Ну, там, симуляция, может, какая есть?.. Время дать подумать?

- С этим, - Чернова указала на компьютер, - вряд ли. Нужны специальные программы. Нужны данные. Ну, к примеру, я могу рассчитать время, при котором грибок поразил бы все клетки обычного человека. Но! – Наталья сделала особое ударение на это слово. – О-быч-но-го! Просто вычислить время не сложно, но вот добавить другие факторы, как, например, прогрессию заражения, благоприятную и неблагоприятную среду, твой иммунитет и то, на какой стадии человек уже перестанет быть человеком и прочее, я просто не могу. На это нужно много времени! Сотни часов исследования…

- Ага, - усмехнулся Николай, - если бы у меня еще были эти сотни часов…

Наталья развела руками.

- Увы, наука до того, как узнать, что такое пенициллин, потеряла жизни тысяч людей и годы разработки. А тут случай вообще

уникальный. Не поверишь, но о тебе в справочниках не писали и в «гугле» статей нет…

Гигант вздохнул и качнул головой.

- Ладно, - встал он со стола, на котором сидел до этого. – Херня, прорвемся, - он прислушался к себе, размял плечи.

Внутри зарождался жар, тяжесть в груди и сердце чуть покалывало, но в остальном пока себя он чувствовал как при ранней стадии простуды – терпимо.

- Раз времени мало, надо торопиться! Вертушка почти готова. Майор сейчас там все проверит и можно выдвигаться…

- Колян, - Данил хотел было что-то сказать, но здоровяк остановил его, подняв руку.

- Не надо, - улыбнулся он. – Ну, все равно ж когда-то все умрут… Что теперь. Главное успеть. Я пошел. Не буду задерживать. Удачи вам тут.

- Нам тут? – насторожилась Наталья, отвернувшаяся было к монитору.

Друзья переглянулись. Кнехт сразу понял, что капитан ничего по поводу своего решения остаться тут, подруге не говорил.

- Ну, да, - тут же съехал он с темы и ткнул рукой в монитор. – Я же вам тут пока не нужен…

Петров благодарно едва кивнул головой.

- Иди, да, - проговорил он, собираясь с мыслями. – Нам еще поговорить нужно.

Здоровяк вышел. Наталья перевела нахмуренный взгляд на Данила. Тот вздохнул и, нехотя, начал разговор.

***

Погода сегодня, как на зло, была скверной. Сержант стоял на улице и глядел на стальную вертокрылую машину, которая под порывами ветра чуть поскрипывала несущими винтами. При взгляде на эту махину в душе нет-нет да зарождался червячок сомнения. А потяну ли? А смогу?.. Но, как ветер налетал на него, так и ярость накидывалась, заставляя отринуть сомнения. Сможет! Потянет! На кону стоит слишком многое! У него нет другого выбора. Алиса там, на «Титане». Она жива и ждет, когда он ее спасет. Он это знал. Он в это верил. Кулаки сжались сами собой. Проклятый полковник! Он ему голову оторвет! Затем руки, потом ноги! Нет, в обратном порядке,

пусть урод помучается! И Валентину этому! Сержант был уверен, что и этот хмырь сюда руку приложил… А то и что другое.

- Готов? – подошел к здоровяку майор.

Николай кивнул. Буран уже облачился в свою странную летную форму. Капитан все выведывал у него, где вертолетчик такой закупился, в каком бутике, но Буран лишь отмахивался рукой, да отнекивался штатным «Вам знать не положено. Разработка МО РФ»…

- Ну, тогда давай, поперли, пока буря не разыгралась сильнее…

Поглазеть на зрелище вышли почти все выжившие «Афалины». Развлечений на станции не было, а разворачивающееся перед ними действо имело еще и другой, более сакральный смысл. Долго на станции они не протянут. Это понимали если еще не все, то уже многие. Генераторы, работающие на остатках топлива, долго давать электричество не смогут. Дров, чтобы согреться тоже не много. Даже если всю мебель сожгут, на сколько запасов хватит? А еда… да, можно тюленей добывать, но это еще поди сделай без оружия! Вряд ли среди уцелевшего научного персонала «Афалины» кто-то обладал навыками по ловле и умерщвлению местной и не очень фауны. Так что, как не крути, а срок жизни «Афалины» ограничен и потому, вертолет, который утром подняли строительным краном и опустили на импровизированные деревянные полозья, был их шансом на выживание. Призрачным. Эфемерным…

Вертолет это хорошо. Но думал ли кто-нибудь из них, что все они в него не поместятся? А, что вертолет может не вернуться после первого рейса? А о том, что возьмут ли их вообще? Вдруг «герои» окажутся трусами и обманщиками?! Бросят их тут, а сами сбегут? Наверняка, думали, но все они стояли молча, не выказывая на лицах ничего, кроме переживания. Получится, не получится…

Петров наблюдал со стороны. Он ощущал себя как-то гадко, мерзко. По-придательнически. Умом понимал, что ничего такого он не сделал, лишь наконец-то подумал о себе, но душой… Душой он рвался туда, вперед, где его друг наконец-то сдвинулся с места и пошел вперед, к разложенным на снегу стропам. Сердце защемило. Кулаки сжались. Он готов был сорваться, лишь только судьба дала бы ему знак… И она дала. Не знак, а пинок. Увесистый, обидный.

- Подождите! – выкрикнула Наталья, на бегу пытаясь застегнуть куртку одной рукой, таща за собой рюкзак. – Подождите меня…

Данил сорвался с места.

Николай нахмурился.

Буран ухмыльнулся.

Люди зашушукались.

- Куда? – навис над женщиной гигант. – Что ты делаешь?

- С вами иду, - с вызовом ответила Чернова, отпуская лямку рюкзака. – Тебе нужна медицинская помощь и лекарства. Если вам удастся добраться до полковника, Решетова и их оборудования, я смогу воссоздать формулу и усовершенствовать ее. Тогда, возможно, мы еще успеем спасти тебя…

- Наташ! – подошел к тройке разъяренный капитан.

- Отстань! – резко обернулся ученая. – Я иду с ними!

Капитан встретился взглядом с Николаем, поиграл желваками.

- Это опасно, Наташ! Мы же говорили!

- Я должна! – снова дернулась Чернова. – Им нужна помощь. Мы не можем их оставить!

Данил разозлился. Упертая баба! Но выбора ему не оставили. Капитан вздохнул, кивнул сержанту и майору.

- Нет, - внезапно с улыбкой сказал сержант, поднимая и накидывая на плечи стропы. – Вам с нами нельзя. Данил прав. Если вы пойдете со мной, вы погибните. Я это чувствую.

- А если не пойду, погибнешь ты! Погибнут сотни людей! – обернулась на здоровяка женщина. – Что, если Решетов что-то сделает? Вы разбираетесь в микробиологии? Сможете остановить его?! Вы в курсе, что некоторые грибки и вирусы даже после ядерного взрыва выживают?! Что толку будет, если вы не сможете справиться с заразой? Нет! Я иду с вами! Хватит миру и того, что мы уже натворили! Пора заканчивать это!

Байкал молча принял от Бурана автомат, проверил магазин, оттянул затвор, удостоверился о наличии патрона в патроннике, что оружие стоит на предохранителе.

- Она права, Колян, - неожиданно, даже для самого, себя сказал он. – Мы в этом не разбираемся. А это пора заканчивать. Мы с «Ульем» уже дел наворотили. Не хватало совсем землю-матушку добить. Мы с тобой идем… один ты не справишься там… Это по любому…

Николай перевел взгляд с Петрова на Чернову, с нее на Бурана. Вздохнул.

- Что-ж, помирать, так всем вместе…

- Хреновый план, - усмехнулся Данил, - …но погнали!

- Я тут для тебя приберегла, - Наталья открыла рюкзак, достала коробочку и открыв ее, вынула один из трех шприц-тюбиков с тускло светящейся жидкостью внутри. – Это последние. Три укола стимулятора. Но лекарство только одно. Его не хватит потом тебя стабилизировать. И я не знаю, как оно повлияет на тебя теперь. Так что, решай сам. Колем? – Николай кивнул.

Женщина умело, одной рукой прижала канюлю шприца плотнее, сдернула зубами защитный колпачок и ловко сделала укол в подставленную руку.

Николай выпрямился, сжал, разжал кулак и принялся ждать. Долго не пришлось. Горячая струя потекла по венам, достигла сердца, стремительно растеклась по всему телу. В голове взорвалась яркая вспышка, раскрашивая мир яркими красками. От тела великана пошел жар. Мышцы налились силой. Заскрипела под их напором одежда, затрещали суставы, захрустели кости. Николай не смог сдержать рыка боли. Грибница была недовольна. Она пронзила мозг вспышкой боли, попыталась сдавить горло, мозг. Ей не нравилось как ударная доза вируса, влившаяся в кровь принялась ее пожирать, перестраивая клетки, заставляя скулить от страха и боли.

Кнехт захрипел. Его тело менялось стремительно. Болезненно. Никогда еще так не было. Мозг «поплыл». В голове зашумело. Он упал на колени, пытаясь вдохнуть. В легких забулькало. Пальцы свело судорогой.

Петров, видя корчи друга, отошел на шаг, оттянул за собой Наталью. То, что происходило сейчас с ним - было не нормальным. Обычно все проходило не так. Капитан помнил, как ему пришлось схватиться с обезумевшим здоровяком на «Титане». Тогда его удалось успокоить целым отрядом. А сейчас…

Люди, наблюдавшие за сценой зашептались, тоже сделали пару шагов назад. Волна страха и боли пронеслась от скрючевшегося в неимоверных корчах гиганта, заставляя все живое вздрогнуть от ужаса.

- Колян? - позвал Данил, когда друг затих и в голове перестало шуметь.

Его плечи вздымались от тяжелого дыхания. Снег вокруг был забрызган черно-красной кровью, что еще больше предавало случившемуся трагизма и страха.

Гигант шевельнулся. Его лапища вытянулась из-под тела и, словно аутригеры крана, уперлась в лед. Затем вторая и парень медленно отжался, поднимаясь. Взгляд здоровяка был безумным. Лицо в крови, белки глаз залиты кровью, а сами глаза… Стали ярко-фиолетовыми.

- Я… Нормально, - рычащим басом проговорил Николай, поднимаясь.

Петров опустил автомат. Он сам не заметил, как руки направили оружие на друга. Было в нем теперь что-то чужое, потустороннее. Кожа стала, казалось, еще плотнее. Черный узор под ней стал контрастнее, превратившись во что-то, похожее на татуировки.

- Уверен? – нахмурившись, переспросил Данил, не расслабляясь.

- Да.

Гигант утер лицо тыльной стороной руки и, повернувшись к друзьям спиной, скинув накидку, поправил на плечах сбившиеся стропы.

Могучие плечи вздулись. Спина напряглась. Ноги вдавили снег. Гигант хекнул и дернул. Стропы заскрипели, натянувшись. Вертолет вздрогнул. Иней осыпался с острых винтов, покатых боков и выпуклого фонаря стекла… и все. «Ми-8» не сдвинулся ни на сантиметр.

Николай зарычал, снова напрягаясь, наклоняясь вперед, пытаясь сдвинуть махину с места, но проклятый вертолет опять не сдвинулся ни на сантиметр.

Петров опустил голову. Вот и все. Все было зря. Такой вес не по силам даже ему… Глупо было надеяться, что этот безумный план осуществится. Совсем уж фантастика какая-то.

Гигант снова заурчал, напрягая тело, выгибаясь в струну. Жилы на ногах и руках вспухли до неимоверных размеров. Зубы, казалось, вот-вот раскрошатся от давления челюстей, но Николай продолжал давить.

- Колян, - донесся далекий голос Данила. – Коля-ан…

Гигант рыкнул, наливаясь злобой и в этот момент «Ми-8» загудел всем корпусом и, резко дернувшись вперед, проехал почти метр.

Гигант от неожиданности повалился в снег.

- Еще раз! – раздался крик из-за спины и лишь сейчас Данил обернулся…

***

Вертолет вздрогнул, скидывая изморозь, но не шевельнулся. Люди, воодушевленные моментом ахнули. Второй рывок. Третий. И ничего. Все напрасно… Мечты о спасении рухнули. Обида захлестнула выживших. Радость была так близка… Еще бы чуть-чуть… Чуть-чуть волшебства и все бы получилось… Но нет! Слишком уж они приземленные и черствые! Слишком злые и уставшие, чтобы верить в чудо. Чудес не бывает. По рядам огорченных людей прошелся недовольный ропот. Один за одним они вздыхали, опускали головы, тупили взгляд… И тогда появился он…

Неприметный мужичек с уставшим обвисшим лицом, в грязной, забрызганной кровью робе сантехника вышел из толпы. Он медленно приблизился к борту вертолета, ткнул носком ботинка полозья.

- Надо ж, - цокнул он языком, обернувшись к толпе с усмешкой. – ИнциНдент случился… Примерз… А ну-к! навалимся… Сорвем и он сам дальше покатится!

Старичок уперся плечом в железо, навалился, но, конечно, один не смог бы сдвинуть махину с места, сколько бы не пытался… но он был не один. Рядом пристроился, выбирая позицию поудобнее молодой парнишка, с которым Алексей Альбертович дежурил на лестничной площадке. А рядом с тем второй. Затем еще чьи-то руки уперлись в неподдающееся железо. Две, четыре, десять... сотня…

- Три-че-тыре. На-ва-ли-сь! – скомандовал бывший школьный директор, упираясь скользящими ногами в снег, что есть мочи и тут «Ми-8» вздрогнул, пробудившись ото сна.

***

Глава 11. «Пришла пора спешить..»

Женские руки скользили по его телу как никогда. Виртуозные пальчики нежно царапали кожу, продвигаясь все ниже и ниже. Шея. Грудь. Живот… Валентин не смог сдержать стона наслаждения, когда они двинулись дальше.

- Али-и-иса… - вырвалось само собой.

Бывшая учительница замерла, чуть приподняла голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Вопросительный взгляд сменился похотливым и… Валентин зарычал от удовольствия. Мог ли он представить, что с ним будут делать такое? Представить - да. Ощущать – не ощущал еще никогда. До всего этого лютого звездеца он, конечно, бывал с женщинами, но не так. Ему было некогда. Цель. Работа. Карьера! Он строил свою карьеру… Строил, строил и не заметил как прошла почти вся жизнь… ах… да что же она с ним творит!?

Ах… да… Карьера! Думать о ней… чтобы не… чтобы не так бы-ы-ы-ы-ыстро… Нет, он не сдержался. Его тело напряглось, выгнулось, и девушка, уловив его напряжение, стала двигаться еще активнее… Ее коготки… Ее зубы… и губы… Ее тело…

Валентин вздрогнул, проснувшись.

- Твою мать! – выругался помощник командира базы, и добавил пару разъяренных фраз.

Он пребывал в крайне сильном возбуждении от сна. Чувства смешались. Злость, ненависть, обида, досада и надежда… Мужчина хищно оскалился, хмыкнул, с силой потер лицо ладонями, отмечая небывалое мужское возбуждение, которое он, наверное, уже с юношества не испытывал.

- Ничего, ничего, - подумал он, облизывая пересохшие губы, скидывая одеяло и садясь на краю кровати.

Скоро все его сны и фантазии воплотятся в жизнь! Скоро ничего не сможет помешать исполниться тому, что ему снится уже которую ночь подряд! Уже вот-вот он женится на Алисе Евгеньевне, заполучив ее в свое пользование безраздельно. И тогда… Тогда он выплеснет на нее все накопленное внутри напряжение, в прямом и переносном смысле…

- Подожди, подожди, Алиса Евгеньевна! – прошептал мужчина, поднимаясь с кровати. – Скоро ты будешь моей…

***

День приготовлений для Валентина прошел в делах. Казалось, сегодня их было столько, сколько он не делал и за весь прошлый год. И все ему бедному одному… Одна подготовка зала чего стоила: проследить чтобы меню составили; чтобы столы правильно расставили; чтобы было все чисто и красиво, чтобы наконец-то уже починили и подключили пятитонную люстру из хрусталя и сусального золота!

- Убрать, помыть, починить! – успевал раздавать приказы Валентин, наблюдая за тем, как стрелки часов неумолимо клонятся к обеду. – Там палантин натяните, тут смотрите, чтобы не шаталось! И люстру, наконец-то, доделайте! Где электрик? Как нету? Найти! – Щелк. – Почему лампочки не горят? А мне плевать! Починить! Кто этот столик сервировал? Ты что безрукая?! Овца тупая! Почему ложки в салате?! Мне плевать что мать тебя так учила! Гости что, должны этой ложкой как у вас с деревне накладывать его себе?!

После подготовки зала, заместитель командира базы занялся подготовкой речи и Закона. Именно так, с большой буквы. Новые времена требовали новых правил и ему, Валентину, выпала великая честь прописать первый Закон Нового Времени. И он постарался. Выложился на все двести процентов. Новая должность главного Законотворца и верховного судьи обязывала!

Выдохнуть ему удалось лишь к поздней ночи. Устало усевшись на кровать, мужчина еще раз прокрутил в голове план. Зал готов. Кухня уже кашеварит. Приглашения разосланы. Люди предупреждены. Музыканты репетируют… Что еще… Ах, да! Его китель! Китель слезно обещали приготовить к назначенному времени. Он решил отказаться от классического черного цвета и с позволения Правителя, как теперь стоило именовать полковника Резникова, выбрал себе в наряд белоснежный офицерский морской китель с брюками, украшенный лентами, золотыми погонами и настоящей, офицерской саблей. Его нашли на складе костюмов, принадлежавших театральной труппе, которая развлекала гостей во время долгого мореплавания каждый вечер, давая разнообразные концерты…

Праздник обещал быть пышным и ярким. Таким, как он его представлял. На это Валентин не пожалел ни своих, ни чьих бы то других сил, вложил все ресурсы… Даже… он опустил взгляд на свои руки, потер пальцем пятно засохшей, до конца не вымывшейся крови… Даже пришлось применить силу! Но теперь, он был уверен! Праздник точно будет достоин его величия!

Стянув туфли, пиджак, галстук и рубашку, Валентин блаженно завалился в теплую ванну, и мечтательно закрыв глаза, улыбнулся.

- Чуть-чуть! Еще совсем чуть-чуть… - прошептал он.

Скоро его мечта исполнится! Женщина, которую он уже давно хотел, вот-вот станет его женой, и он будет владеть ей всецело!

Валентин хищно облизнулся. Потерпеть! Еще совсем немножко… А потом!.. А потом все, что он захочет и, даже, больше!

***

Резников неспешно разглядывал пробирки и колбы с жидкостями. То, в чем он не разбирался, полковник предпочитал изучать обстоятельно. Заместители, помощники и прочие подсказчики - это, конечно, хорошо, но если ты сам, как говорит молодежь, «не шаришь», то можешь легко оказаться на обочине жизни. Выкинутым, обманутым, ненужным. Не единожды эта привычка спасала ему не только карьеру, но и жизнь, и это было ещё тогда! А сейчас? Сейчас уж тем более, когда ее лишиться можно в разы быстрее, полковник требовал от себя максимального внимания и понимания ситуации. Потому, он лично решил проинспектировать работу Решетова, заодно попытаться разобраться, насколько это было возможно, во всех тонкостях, а, главное, проблемах их общего с ним дела.

.

- Как вы можете наблюдать, - рассказывал профессор, показывая свои новые владения полковнику, - наша работа продвигается. Конечно, оборудования и реагентов не хватает, но на данном этапе они и не нужны. Нам сейчас главное суп первичный собрать, так сказать, основу для работы подготовить, а на это мощностей, спасибо вам, хватает. Но если вы, все же, хотите получить нормальных гибридов, нам придется серьезно расшириться.

- Само собой, - заложив руки за спину, выпрямился полковник. – Список всего необходимого вы можете смело передавать моему заместителю, и Валентин достанет для вас все что угодно. Как только

мы доберемся до места и займем его, у вас будет все, товарищ ученый, что только пожелаете.

- М-м-м-м, - пожевал губами Решетов. – Мне, возможно, потребуется ядерная бомба…

Резников приподнял бровь.

- Реактор нам сюда не притащить, - развел руками ученый, - это я понимаю, но те элементы, что нам будут нужны, можно добыть из пары бомб…

- Что ж, - кивнул полковник, - Бомба, так бомба. Достанем и две, и три. Этого гав… добра сейчас достаточно по шахтам - спасибо нашим нестабильным западным друзьям…Запасли на несколько жизней вперед. А про реактор… Если гора не идет к Магомеду, то Магомед ведь может прийти к горе. При необходимости, мы можем доставить вас и ваше оборудование к ближайшему подходящему месту. Но это в будущем.

Решетов улыбнулся. Да! Он сделал правильную ставку! Полковник с первых секунд знакомства показался ему именно тем, с кем у него все получится! Командир! Тот, кто источает власть, решимость и уверенность, кто может одной своей энергетикой убедить любого в реальности даже самого безумного плана! Нужно было всего лишь заставить полковника поверить в план, и тогда можно было быть уверенным – все получится. Скажи такому, что на Марс полетим через неделю, и через семь дней ракета, способная долететь до красной планеты, была бы не то, что придумана, а даже построена и уже опробована, а за право оказаться на ее борту стояли бы очереди и свершались братоубийства!

- Как у вас дела? Решилось что-то с проблемой?

- Почти! – не стал лукавить Решетов. – Пока, по сути, мы топчемся на месте, но, как только получим обещанные вами образцы, так дело сразу же сдвинется с мертвой точки! Увы, с тем материалом, что мы сейчас вынуждены работать, новых результатов не достичь. Человеческий мозг чересчур сложен по сравнению с мышами или даже обезьянами. Нужно учитывать слишком много факторов, к тому же эволюция… Она непредсказуема, и мы ограничены во времени… Но я могу вас заверить, как только мы получим необходимую ДНК, моя компьютерная модель и препараты смогут разложить ее на необходимые составляющие! Мощностей компьютеров, конечно, не

хватит, чтобы это было быстро, но, за недельку-другую, мы получим полную расшифровку, и можно будет приступать к созданию первых образцов.

- Необходимые образцы вам предоставят уже в ближайшее время, профессор! – Резников с интересом уставился на непонятное нечто в очередной пробирке. – База данных ДНК сотрудников Афалины хорошо нам в этом помогла. Остается лишь дождаться результатов анализов и проверить остальных выживших членов экипажа. Послезавтра мы начнем тестирование людей на наличие антител. Ваши препараты готовы? – Решетов кивнул. – Отлично! Сейчас у нас в доступе семьсот человек. Вскоре к ним присоединится, я надеюсь, еще пара тысяч. Среди них вы наверняка сможете найти хотя бы двух носителей.

- Шанс совсем мал, но он есть, - вздохнул профессор. - Отыскать двух положительных носителей чрезвычайно непросто. Процент иммунных слишком мал. Там даже не процент, а сотая часть процента, но я уверен, среди нас таковые есть!

- Что ж, я рад вашей уверенности, профессор. Мы сделаем все, чтобы их найти. Это лишь вопрос времени.

- Со своей стороны я обещаю вам, что, как только мы найдем таких мужчину и женщину, я сразу же приступлю к работе.

Полковник взглянул на часы.

- Это приятно слышать! Рад буду обговорить дальнейшее наше с вами сотрудничество чуть позднее. Я уверен, у нас все получится. Сейчас же мне нужно отлучиться. Если что-то будет нужно, обращайтесь к Валентину. Он все устроит.

- Пока незачем, - пожал плечами Решетов. – Все, что мне было нужно, я уже получил, будем работать поэтапно… Жаль что… - Решетов пожевал губами.

- Что жаль? – поторопил полковник.

- Жаль, у нас не осталось материалов работы ваших ученых… Я видел, на что был способен ваш передовой образец… И на сто процентов уверен, что тот гигант… - ученый прищурился, подбирая слова. - Что он иммунный. Он именно тот, кто нам нужен. Если бы нам удалось добыть его ДНК, то мы бы существенно уменьшили фронт и время работы. Собрать с нуля нового такого чрезвычайно трудно.

- А как же второй?

Решетов вздохнул.

- Нет! Я его сразу проверил. Иммунитетом ваш «Одиннадцатый» не обладает. Его искусственно пытались подтянуть до «Десятого», но это совсем не то. Однако именно на его основе мы смогли продвинуться дальше, в области создания человеческого гибрида. Не спорю, этим образцом мы сэкономили несколько лет работы. Но вот с тем… С тем бы мы сэкономили наверное целые десятилетия.

- Извините, - поджал губы, проявив легкую эмоцию сожаления, полковник, - к сожалению, образец номер десять уничтожен и нам придется работать с тем, что есть.

Решетов улыбнулся, пожал плечами.

- Конечно, я все понимаю! В конце концов, я несколько лет потратил на эту разработку! И еще бы не одно десятилетие пришлось бы потратить, чего, кстати, еще не факт, что я бы смог пережить… Так что, все хорошо, господин полковник. Могло бы быть лучше, но и так неплохо.

- Вот и отлично, - оправил китель Резников. – Мне пора. Зайду позднее.

- Всего хорошего, - снова улыбнулся ученый. – Займусь пока делами. Их впереди еще очень много!

- И вам, профессор.

Полковник вышел. Профессор опустился в кресло. Каждый из них задумался. Резников о том, как бы ушлый профессор, хитрость которого проскальзывала в каждом слове и жесте, не обвел его вокруг пальца, заполучив в итоге все результаты их работы в свое единовластное управление, а Решетов о том, как уцелеть, если полковнику вздумается его ликвидировать… Мало ли что этому человеку в голову придет. До Решетова уже дошли слухи, что случилось с первыми двумя учеными, что работали над образцами. И становиться третьим в этой цепочке ему очень бы не хотелось…

- Нужно подстраховаться, - пробормотал ученый, глядя в экран ноутбука. – А давай-ка мы вот тут кое-что подправим?..

***

Снег. Как он уже надоел! День. Неделя. Полгода. Вечность. Он был, казалось, здесь всегда. Здесь – это везде. Куда ни посмотри. Он падал с неба. Лежал под ногами. Налипал на обувь. Попадал в глаза и за воротник. Снег. Проклятый снег! Он шел вперед, вбивая могучие

ступни в сугробы, а затем выдирая себя из снежного плена. Каждый шаг давался с неимоверным усилием. Плечи, казалось, вот-вот порвутся от невероятной тяжести. Физической и моральной. Огромный старый вертолет за спиной, что Николай тащил уже несколько часов кряду, без единой передышки, был их единственной возможностью добраться до ушедшего в океан лайнера. «Единственной. Единственной» - билась в голове мысль в такт с дыханием и набухшими на висках венами. «Другого выхода нет. Только этот» - сжав челюсти, твердил он сам себе. «Только так. Иначе никак. Вообще! Идти! Идти! Ид-ти!» Нога скользнула в сторону, но гигант тут же скомпенсировал потерянный импульс движения рывком второй ноги. «Ид-ти… Ид-ти»… Полынья, оставленная снегоходом, который указывал ему оптимальный путь, пробивая его среди снегов, льдов и камней, была слишком мягка для его огромного веса. Буквально с каждым километром сержант ощущал, как его тело стремительно меняется. Чем больше он уставал, чем больше разрешал засевшей в нем заразе стимулировать его тело, тем больше оно менялось.

Стоял мороз. Петров с Черновой укутались в шубы. Лица их побелели от холода, а вот с него лил пот. Холодные струи текли по лицу, спине и груди, даже не думая замерзать. Клубы пара поднимались от великаноподобной фигуры, словно от паровозного локомотива.

Шаг. Шаг. Шаг. Взгляд был устремлен вперед, к горизонту, но Николай ничего не видел. Он находился глубоко в себе. Он боролся. Дверь, удерживающая внутреннего зверя, приоткрывалась с каждым часом. Хищник рвался наружу. Он требовал выпустить его, обещая еще большую силу, но Николай ему не верил. Он старался контролировать себя, балансируя на грани, боясь сорваться. Чуть расслабься и все. Он упадет в черную бездну, а когда… нет, точнее сказать, если выберется из нее, то со страхом обнаружит вокруг себя тела своих друзей, истерзанных его собственными лапищами.

Руками это уже назвать было нельзя. Правая снова начала чернеть. Кожа словно углем испачкана. Если присмотреться, то можно обнаружить, что поры и микротрещинки на его коже будто забиты черной грязью. Но, то была не она. О нет! Он прекрасно знал, что это! Это споры! Мгновенно отмирающие на жутком морозе споры заразы.

Она тоже стремилась захватить его тело и сознание. Влекла его вперед, давая сил. Здесь она погибнет, ей нужно тепло, так что, на данный момент, грибница была его союзником. Она не станет убивать носителя сейчас. Тут она не выживет. Замерзнет. Потому она стимулировала мозг и тело великана, впрыскивала в кровь свои яды, придавая сил, притупляя боль, не давая вирусу захватить контроль, превратить человека в ходячего мертвеца. Сейчас она союзница, но, как только все трое доберутся до цели, она попытается захватить власть. И тогда нужно будет выпускать зверя… Как сделать так, чтобы друзья не пострадали, он пока не знал, но он надеялся, что что-то придумает.

Вдали зашумел, увеличивая обороты двигателя, снегоход. Понятно, майор опять возвращается, в поисках лучшего пути. Горючего он не жалеет, рыская где-то впереди среди острых черных камней, торчащих словно пальцы гигантских мертвецов тут и там.

- Впереди гора, - подъехав ближе, прокричал майор. – Не обойти. Справа торосы, слева слишком далеко идти, да и в горы снова упирается…

Николай моргнул, «включая» зрение. Холм. Высокий, но пологий. Метров двести, наверное, в высоту… Угол подъема плавный, но снег недостаточно плотный и его много. Подветренная сторона. Наст точно не выдержит его… А что там под ним? Камень ли, земля… не известно. Но выбора, судя по словам майора, нет.

- Может, отсюда уже канистрами потаскаем? – предложил Петров.

- Километров десять осталось, – скептически качнулась голова в черной каске.

- До-та-щу, - ощущая, как почва под его ногами пошла на подъем, прорычал Николай, упрямо сжимая зубы.

Никто не возразил. Все трое видели, что ему непросто и спорить или лезть под руку лишний раз не хотели. Злость, источаемая им, физически ощущалась уже даже на приличном расстоянии. И это он еще сдерживал себя! Данил видел, что происходит с людьми, да и не только с ними, когда друг обрушивал на неприятеля всю свою силу, и оказаться под этим ударом хотел.

Снег под ногами пошел наизволок. Николай наклонился сильнее, опуская голову еще ниже. Огромные капли пота упали в снег, расплавив его. Шаг. Правая нога с усилием, пока тело движется

вперед, выдирается из снежного наста, заносится, опускается в полуметре впереди, с хрустом проваливается сквозь ненадежную корку, и всё это повторяется уже левой. Правой. Левой. Правой. Тело все ниже. Нагрузка растет. Вертолет замедляет свой ход. Зубы сжаты до боли. Во рту соленый привкус крови. Глаза, суженые в щелочку, щиплет. Спина горит, а плечи, в местах, где стропы разодрали кожаные накладки одежды, вот-вот, казалось, начнут кровоточить. «Дойти! Дойти! Дойти-и-и-и-и!». Мышцы ног сводит от усилия. Они становятся каменными, но Николай продолжает тащить свою ношу. Накопленная злоба растекается во все стороны от него, заставляя товарищей отстать. Шаг. Шаг. Левой-правой. Правой-левой. Любое движение, жест, казалось, даже запах готов высвободить эту сжатую до неимоверных усилий пружину и она сдетонирует. Внутри все горело. Ему словно стало тесно самому в себе. Злость росла с каждым шагом. Еще чуть-чуть и он сорвется. Раздражительность достигла пика и тогда он снова «отключился».

Чувства пропали. «Картинка» погасла, и он снова погрузился во тьму, зная, что где-то там, за пределами сознания его собственное тело продолжает борьбу.

Новое свойство организма открылось случайно. Это было похоже на то, как человек, идя на работу привычным маршрутом, или делая рутинную работу – «отключается», задумавшись, а, когда приходит в себя, оказывается, что проделал уже большую часть пути. Только здесь было все иначе. Он отключался по-настоящему. Словно засыпал. Это было спасением, но погружаться в такое состояние надолго он, пока, боялся. Кто знает, что там его тело творит в такие минуты? Потому, немного разгрузив мозг, сержант снова «включился».

Они уже стояли на вершине пригорка. Точнее сказать, на равнине. Впереди, посреди белоснежного, бескрайнего моря чернели тенями металлические сооружения. Ангар, не ангар. Дом, не дом… Но что-то явно построенное человеческими руками.

- Дошли, - тяжело выдохнула Чернова, опускаясь в снег прямо там, где стояла.

- Немного осталось, - кивнул головой Петров. – Передохнем? Отсюда уже и пешком можно будет…

- Не будет, - вздохнул майор, приподнимаясь в седле снегохода. – Вертолет не машина. Канистрой вручную не заправишь. Нам его туда

тащить нужно… Ты как, сможешь? Хреново выглядишь…

Николай устало кивнул. «Хреново» - это еще было мягко сказано. Опустошенным до последней капельки он себя ощущал и физически, и душевно. Тело, казалось, превратилось в один сплошной желейный мешок. Ни костей, ни мышц, только непонятная куча, удерживаемая в более-менее человекоподобной форме, за счет надетой на него брони. Он физически ощущал, как разбухли от крови его глаза, как сжалось горло, как горят руки от вздувшихся вен. Внутри все болело. Каждый орган. Он даже не смог бы сказать, где именно ему больно. Боль опоясала его тело, отдаваясь в позвоночник, ребра, и, даже зубы. В голове тоже стояла мешанина из мыслей и образов. Он ощущал себя глубоко пьяным человеком. Даже кивок вышел ненатуральным, неосмысленным, каким-то машинальным. Слова друзей доносились до него словно через сито, задерживающее их смысл.

- Что-то сомневаюсь, - скептически заметил капитан.

Чернова устало поднялась, стянула с плеч медицинский рюкзак, неуклюже открыла его, достала аптечку. Петров помог расстегнуть молнию, наполнить нужным веществом шприц.

- Давай-ка сделаем тебе укол, - предложила девушка, перехватывая шприц удобнее. – Витаминки тебе сейчас не помешают…

Сержант не сопротивлялся. Он даже не понял, что ему предложили. Сидел, как сидел. Проклятый вертолет поглотил его всецело. «До-та-щить, до-та-щить, до-та-щи-и-и-и-ить»!

- Съездим на разведку, - предложил Буран. – Вдруг там есть тяжелая техника…

Петров скрежетнул зубами. Вот как они сразу не додумались?! Ведь и вправду! На перевалочной базе могли быть те же вездеходы, грузовики, или еще что-то! Надо же! На ровном месте устроили себе проблему! А если нет? – сверкнула мысль надежды. Если там нет ничего? Тогда они сделали все верно… Но!

Но они ошиблись. Техника на базе была. Минимум три «Русака» стояли прямо на улице, сразу за главным ангаром базы! Здоровенные плавающие монстры, на восьми огромных колесах каждый, в ярко-оранжевой окраске, снаряженные в экспедицию… они словно издевались над путниками. Петров выматерился.

- Ну да, легких путей мы не ищем!

Ну, кто же знал?! Кто мог подумать?! Слишком уж их всех в последнее время измотало. До простейшей мысли не догадались! Но что теперь кулаки сжимать?! Дошли же уже!

С момента, как они увидели базу, внутри у сержанта поселилось неприятное чувство. Оно не было связано ни с вирусом, ни с грибком. Словно кто-то недобрый смотрел ему прямо в грудь. Как будто в неё уткнулось острие копья. Ощущение усилилось по мере приближения. Из легкого оно незаметно переросло в назойливое, а оттуда в маниакальное.

- Ты чего? – насторожился Петров, когда Николай резко остановился.

Взметнувшаяся вверх рука заставила действовать мгновенно. Инстинкты, вбитые в подкорку, взяли верх.

Данил тут же присел, стараясь минимизировать свою фигуру, и вскинул автомат к плечу. Майор и Чернова мгновенно замерли. Громкий выстрел раздался практически одновременно с оглушающим рыком.

Гигант дернулся, схватившись за грудь, и, хекнув, согнулся. Практически сразу же выпрямившись, он бросился вперед. Второй выстрел настиг его через пару шагов, заставив чуть развернуться на бегу, но сбить с ног не сумел.

Гигант снова рыкнул, посылая вперед тугую невидимую волну ярости, сконцентрировавшись на невидимом стрелке и, судя по тому, что третьего выстрела не последовало, ментальный удар достиг цели. А, может, у стрелка просто закончились патроны…

Майор с капитаном, повалившись на снег, укрывшись в неровностях рельефа, тут же открыли скупой, беспокоящий огонь. Стрелка, а точнее стрелков, ибо со стороны базы донеслись автоматные выстрелы, видно не было, так что стрелять приходилось наугад.

Грохнуло. Со стороны главного ангара в их сторону пронеслась белая черта.

- РПГ! – машинально заорал Буран, перекатываясь на спину и спешно, в прыжке меняя позицию.

Петров едва успел перекатиться, чтобы накрыть собой Чернову, как раздался взрыв, и их накрыло осколками льда и снега.

- Ах ты пи… - рыкнул Байкал, приходя в ярость.

Не любил Данил в жизни три вещи. Вранье, цветную капусту и когда в него стреляют из гранатомета. Третье даже больше первых двух вместе взятых.

Снаряд упал с небольшим недолетом, но, если гранатометчик опытный, то вторым выстрелом он, наверное, накроет их, так что второго шанса давать неведомому стрелку капитан не собирался.

Вмиг позабыв и о больной руке, и об усталости, и об обещании больше не встревать в войны, он вскочил на ноги, и, что есть сил, чуть под углом, чуть в сторону, кинулся вперед, буквально вгрызаясь взглядом в покрытые снегом приземистые строения, отсчитывая в голове мгновения: после выстрела стрелок скидывает гранатомет с плеча. Берет второй. Приводит его в боевое действие. Быстро, но торопливо. Всегда неприятно промахиваться, потому стрелок наверняка делает все резкими, рваными движениями, что Петрову на руку. Шаг, шаг, шаг… Автоматы лупят, но пока куда-то мимо.

Николай, рыча, словно идущий под откос поезд, тоже несется скачкообразными рывками вперед. Позади взвыл мотор снегохода. Значит и Буран в деле. Шаг, шаг… Стрелок уже, наверное, взял его в прицел. Берет упреждение и … нажимает спуск… Хлопнуло точно в срок. Ракета покинула свою уютную колыбельку, и понеслась к цели…

Николай едва успел среагировать, бросив тело в рывок, закручиваясь в полете, падая на бок. Рвануло близко. Петров видел, как друг упал, но почти мгновенно встал.

Тут же его обогнал несущийся на дикой скорости снегоход. Буран стоял в седле, чуть пригнувшись, компенсируя брыкания железного коня ногами, закрыв гиганта собой. Несколько раз Данилу показалось, что пули угодили в снегоход, но майор гнал машину, закладывая виражи, поднимая снопы снежной пыли, уходя с траектории полета пуль.

Новый выстрел разорвался в опасной близости от снегохода, когда до строений оставалось уже рукой подать. Майор дернул руль по какому-то наитию, завалив технику на бок. Его скинуло. Отбросило в сторону. Несколько раз перекувыркнуло… И там бы ему и остаться лежать, если бы не сержант. Перепрыгнув через поваленный снегоход, еще когда даже снежная крошка, поднятая вверх, не успела осесть, он практически в один скачок сократил оставшееся расстояние до ближайшего ангара, в котором только наметилось какое-то движение.

В последний момент Николай смог рассмотреть своим измененным зрением новую цель, но уже ничего не успевал сделать. Да и что делаешь, когда тебе в упор смотрит ствол КПВТ, установленного в кузове автомобиля, стоявшего прямо на входе в ангар? Помолиться, да и то, лишь строчку вспомнить, не более… А вот на спусковой крючок нажать… Это можно успеть.

Данил ощутил что-то такое интуитивно. Может быть, это было бы логично со стороны противника, или увидел как друг замешкался… Но он успел вскинуть ствол и дать длинную очередь на весь магазин в черноту открытой ангарной двери. Наугад. Просто по наитию, прикрывая боевого товарища… И попал.

Пули забарабанили, высекая брызги металла и искр, о корпус пикапа, по узлам пулемета, по стрелку всего, за одно мгновение, которого хватило, чтобы оборвать жизнь молодому парнишке, перепуганному страшным чудищем, рвущимся к ним. Поймав лицом несколько пуль, он умер практически мгновенно, и был сметен вместе со своим пикапом ураганной силой еще через одно.

Николай влетел в ангар, словно таран. Словно огромный разъяренный зверь. Стрелки-автоматчики, не успевшие сменить магазины, попали под тяжесть его ударов первыми. Затем досталось большой ангарной двери, которую пытались закрыть еще двое неизвестных, стремясь скрыться за ней. А потом уже и им самим.

Когда Данил добрался до ангара, все уже было кончено. Несколько искореженных трупов лежали на грязном, залитом красным бетонном полу. В помещении пахло порохом, кровью и разорванными органами. Но все это уже давно не пугало Петрова. Он отнесся к картине, как к обыденному пейзажу, который видит каждый день, выходя из дома на работу. А вот что его поистине напугало, так это…

Николай сгорбился черной тенью у дальней стены длинного помещения. Движения его были размыты из-за нехватки освещения, но у Петрова в первое мгновение сложилась ассоциация, что друг плачет.

Плечи друга вздымались и опадали, руки были поджаты к груди, из которой доносились всхлипы. Сержант сидел к нему спиной, и разглядеть, что именно он делает, с такого угла было не возможно, но Данил не был персонажем иностранного боевика, и сразу догадался, что друг не плачет, а ест. А что может есть огромный человекоподобный мутант, одной ногой, а, может уже и обеими,

находящийся за гранью обычной жизни в холодном пустом ангаре, где еще минуту назад оборонялись от него люди? Ну, уж явно не мороженку где-то нашарил и теперь с наслаждением её уплетает, порыкивая и почавкивая.

- Колян?! – аккуратно позвал Данил, на всякий случай, приподняв ствол автомата.

«Магазин не сменил», - пронеслась какая-то запоздалая, отрешенная, можно даже было сказать, обреченная мысль. Хотя, тут и полный бы вряд ли помог... Только что в ангаре было человек пять с оружием. Даже вон, с пулеметом! И что? Результат как говорится, на лицо… На лице… На лице, повернутом в его, Петрова сторону. Злом. Пугающем.

- Колян? – тихим, вкрадчивым голосом снова позвал Байкал, делая аккуратный шаг назад.

Гигант рыкнул, поднялся. Утер рукавом окровавленные губы и смачно рыгнул.

- Ага, - сглотнул капитан. - Приятного аппетита… ты как?

Существо шагнуло к нему из темноты. Понять, что с товарищем что-то явно не так не составило труда. Рожа, а лицом это теперь назвать было трудно, была мало что в крови, так и вся в черной капиллярной сетке. Словно на него через мелкое сито угольную пыль высыпали и размазали. Глаза бешеные, тоже черные, с разрывами таких же темных вен. На шее, словно червяк, извивается в два пальца толщиной артерия, уходящая под броню, и вон, желваки ходуном ходят.

Монстр сжал кулаки, сделал еще один шаг, глухо рыкнул. Петров кинул взгляд в сторону подбегавших к нему Чернову и майора. Видимо его лицо выразило такую обреченность, что друзья сразу сбавили ход и остановились. Тут тоже не стоило ничего лишнего говорить. Когда на вас смотрят таким взглядом – все понятно без слов. Наталья расширила глаза, Буран поднял к плечу свой пистолет-пулемет. Гиганта им не было видно, но тяжелую, разгоняющуюся поступь слышно было хорошо.

Он остановился в считанных метрах, в одном прыжке. Резко дернулся. Схватился за голову, упал на колени и зарычал. Закрой глаза и никогда не скажешь, что такие звуки может издавать человек.

Животное, монстр, инопланетное существо – да. Легко представить. Но не человека.

Его мутило. Голова гудела. В груди разливался адский огонь. Пульсирующие винтовочные прострелы истекали густой липкой кровью, с каждым ударом сердца заставляя морщиться и задыхаться, хватая болью за горло, выкручивая и выжимая глаза до слез, ломая суставы.

Николай стоял на коленях, судорожно пытаясь вздохнуть и понять, что происходит. Его вырвало. Раз. Другой. Тре-е-е-е-етий. Последний – затяжной, до нехватки воздуха, до разрыва, казалось было, вен на шее. В носу сразу защипало. Какие-то ошметки попали в носоглотку, вызывая неприятные ощущения. Он кашлянул, открыл рот пошире, и наконец-то вдохнул.

- Эй, - донесся голос Данила до сознания. – Ты как?

Как?! Хреново! До потери сознания, до слез. Перед ним - лужа блевотины с кровью. В ней - неприятные сгустки. А в голове приходящее осознание того, что он натворил. Он. Ел. Человека! И он, кажется, еще был тогда жив… Его снова вырвало. Но уже не так. Нечем было. Просто горло схватило, и из него донесся неприятный сипящий звук. Вытекать уже было нечему. Он. Ел. Человека! И ведь ему… нравилось! Мысль принесла отвращение.

В тот момент это, казалось, была манна небесная, вкуснее и желаннее которой ничего не могло быть! Ему, мать его, нравилось! Он хотел этого! Существо, захватившее над ним власть, рвало кожу и мышцы того бедного парнишки с наслаждением. Пило его кровь, словно сладкое вино, и не могло утолить ни жажду, ни голод, ни боль. А теперь... Теперь ему было противно от сделанного, от себя.

Слезы навернулись на глаза сами собой. Что он такое? А если бы… В голову снова вернулись недавние мысли. Он посмотрел на друга, который, преодолевая страх, подходил ближе. А если бы это был он? Или Наталья? Хрен с ним с майором, его не жаль, но их! Их он любил и ценил в этой своей новой жизни больше всего.

- Тихо, тихо…

Петров коснулся плеча друга. Тот закрыл лицо руками и разрыдался.

- Тихо, тихо… Кончай это, мужик. С кем не бывает…

Горло сдавило страхом.Нет. Нельзя! Нельзя подвергать их такому риску! Зверю, которого ценой невероятных усилий удалось загнать обратно в свою тюрьму, рано или поздно снова удастся одержать верх над человеком.

- Что с ним? – Чернова испуганно опустилась рядом с гигантом, принялась расстегивать медсумку и искать в ней успокоительное.

- Не знаю, - соврал Петров. - Ранения. Контузия.

Они не видели того, что видел он, и почему-то Данилу подумалось, что на данный момент нужно скрыть от спутников эти страшные события.

- Заканчивайте там, - оборвал разговор майор.

Он стоял у, так и не успевшей закрыться, гермодвери, освещая темный коридор, ведущий вниз подсевшим на морозе фонарем. – Гости могут подойти. Что делать будем? Чистим всех? Или валим?

Капитан, как старший группы, будучи ниже званием, но выше в должности, задумался. Что он знал об этом месте? Собственно говоря, мало. Он не интересовался этим форпостом, потому имел скудные данные. Здесь производилась дозаправка вертолетов и техники из подземных резервуаров, наполненных топливом еще до катастрофы. Население не более сотни человек. В основном – обслуживающий персонал. Военных не много. Дежурная смена - два десятка солдат. Из них – половина рейдеры, курсирующие между Афалиной и этим пунктом, перевозящие припасы и продовольствие. По сути – место им подчиняется, но, видимо, тут произошло недоразумение – местные увидели гиганта и в страхе открыли огонь, а тот уже в свою очередь ответил… Но попробуй теперь объясни бункерным, что они не враги и пришли за заправкой. Будут ли слушать? Да и зачем оно? Петрову тут только топливо нужно. Заправиться и дальше в путь. Времени и так много потеряли.

- Закрывай двери, - кивнул наконец-то Данил и, еще раз взглянув на немного пришедшего в себя Николая, спросил уже Наталью. – Ты тут справишься? – Девушка кивнула, сосредоточенно набирая в шприц зеленоватое вещество. – Давай осмотримся. Может тут еще кто есть. Если что, старайся на глушняк не валить. Тут мирняк в основном был. Попутали берега немного… Может еще разберемся…

- Будут стрелять, - закрывая и запирая двери куском арматуры, валявшейся неподалеку, пробухтел майор, - я буду отвечать. Мне моя

шкура важнее…

- Все равно, - немного повысил голос Данил. – Постарайся.

Буран кивнул. В очередной раз кинув настороженный, хотя, скорее сказать, взволнованный взгляд на друга и подругу, капитан поднялся и они вышли из помещения. Нужно было как можно скорее оглядеться. Вдруг на выстрелы мертвяки сбегутся, или подмога подойдет… Как сказал майор, своя шкура, действительно, важнее. Не хотелось бы по недоразумению, в нее еще одну пулю получить…

На осмотр ушел примерно час. Территория базы, как ее правильно назвать, Данил так и не определился, оказалась больше, чем он ожидал. К тому же усилился мороз и ветер. Буран хмурился, глядя на белые кучевые облака над горизонтом, несущиеся, словно перекатываясь, по небу, в их сторону.

- Метель, кажись, будет… - наконец-то изрек он, дернув щекой. – Если сейчас не успеем вылететь, то придется пережидать непогоду.

- Хреново, - согласился Петров.

Подошла Чернова. Выглядела она расстроенной и также нахмуренной.

- Что там с ним?

Девушка вздохнула.

- Плохо. Точно сказать ничего не могу, но то, чем он заразился – прогрессирует. Я дала ему успокоительное, надеюсь, это поможет. Он попросил дать ему поспать.

- Совсем все плохо? – Данил закусил губу. – Думаешь, насколько?

Чернова вздохнула.

- Я не знаю, с чем имею дело. Это уникальный случай. Нужно исследование. Хотя бы какое-то оборудование… Все, что я пока смогла понять из его анамнеза и того, что он сам рассказал – ему становится хуже. Что будет дальше, я даже предположить не могу.

- Он как вообще, вменяем?

- Вроде да, - пожала плечами девушка. – Сознание плавает, но на вопросы отвечает. Сейчас вроде уснул. Что там случилось?

- Как его ранения? – не ответив, незаметно перевел разговор капитан разговор в другое русло.

- Заживают. Крови потерял… Хм… Если ее так можно назвать. Но в целом ему это пока вроде не смертельно, по крайней мере, он сам так

сказал. Я ему глюкозу поставила, но кто знает, что в его состоянии полезно, а что нет.

- Народ, решать надо, что делать будем, - вмешался Буран. – Времени мало. Заправляться надо и валить, или готовиться к шторму. Дура вон какая идет. Холодает. Если консервироваться, то аккумуляторы снимать надо, винты якорить… А нам его еще сюда дотащить нужно! И топливо поискать! Разобраться, что тут и как. Аэродромное питание я уже вижу, это хорошо, а вот «наливняков» нет. Значит, вручную придется, из бочки помпой, по шлангу.

- Успеем? – Петров не разбирался во всех нюансах заправки вертокрылых машин, потому решил сократить стенания майора до минимума.

- Если система не перемерзла, то минут за двадцать справимся. А если запарафинило, то до завтра провозимся…

- Поня-я-ятно. Ладно, давай, сперва, вертушку притащим, а дальше по обстоятельствам.Успеем – успеем. Нет, так ничего же, если он заправленным постоит? Загоним в ангар, должен войти же... – Буран сделал непонятный жест, который Байкал расценил, как «да что ему будет». – Ну вот, тогда давай, «Рысаков» заводим и погнали. Надеюсь, они на ходу.

Восьмиколесные монстры на огроменных шинах низкого давления не подвели. Быстро осмотрев машины, потыкав кнопки и разобравшись с системой управления, мужчины, неуклюже развернувшись на пяточке между двух ангаров, повели их к горизонту, где стоял вертолет, а Чернова вернулась к Николаю. Тот все еще спал. Дыхание его было тяжелым, медленным и прерывистым. Кровь из ран уже не текла, но еще сочилась, хоть и едва-едва. Промокнув их сложенным в несколько раз бинтом, девушка укрыла гиганта одеялом из походной сумки. Сержант открыл глаза на мгновение, но почти тут же их закрыл. Наталья была уверена, что сделал он это на полном автомате. Как делают это глубоко спящие люди. Взгляд стеклянных глаз казался чужим и незнакомым. Девушка вздохнула, поежилась от холода. Действительно, морозило. И причем стремительно. Дубленая шуба не справлялась, ноги в унтах начинали застывать.

Скр - внезапно раздалось за спиной, и девушка вздрогнула.

***

Подцепить вертолет к «Русакам» оказалось плевым делом. Кинули пару тросов, и мощные снего-болотоходы поперли в обратном направлении, таща за собой вентокрылую машину казалось, даже без каких то ни было проблем. Широченные покрышки давили снег едва-едва, почти не проваливаясь колесами. Нет, нагрузка, конечно, была, все же, грузовой вертолет - это вам не сани с паллетами, которые эти машины обычно тут катали, но все же, двигатели имели огромный запас мощности, а вкупе с большим передаточным числом, приходящим на колеса, пусть медленно, но уверенно вездеходы катились обратно к базе.

То, что они не успеют, было ясно уже давно. Буря приближалась. Облака уже были почти над ними. Еще чуть-чуть и их накроет снежная круговерть, гонимая ветром, но хотя бы дотащить вертолет до ангара они успеют точно. Петров на это очень надеялся. Можно, конечно и тут бросить, и потом, после бури продолжить, но не стоит забывать о том, что там, под ангарами находятся враждебно настроенные люди. И, чем больше у них времени на подготовку и проработку плана, то хуже будет им тут наверху. Неизвестно, когда местные вылезут и что удумают. А если вертолет увидят? Сладкая цель. Наверняка, узнав, что у Петрова есть вертушка, бункерники попытаются его отобрать силой. Это же, считай, спасение. Без «Афалины» они тут долго не протянут. Провизия, припасы и прочее добро не поступает, а, следовательно, держаться придется на запасах. К тому же холод и голод, рано или поздно, подтолкнет их к мысли о переселении. И вертушка – самое то! Топливо есть… не всех, конечно, но кого-то ведь можно на нем эвакуировать. Хрен его знает, что здешнее руководство думает теперь и какой политический курс держит.

Весть о том, что их бросили, наверняка уже достигла местных. А, значит, они, вероятнее всего, на Афалину сильно обижены. Поговорить, конечно, можно, но опять же! Это надо было сделать еще до того, как Николай убил… и съел тех ребят на поверхности… Связь у них есть. Данил рации у погибших видел. Могли сообщить об инцинденте. Да что могли! Они военные! По протоколу обязательно сообщили о произошедшем! Руководство, Данил чувствовал это загривком, уже план какой-то разрабатывает против них. Также не на стороне Байкала было то, что он совершенно не знал плана

перевалочной базы, а местные наверняка имели не один вход-выход. Так что, ждать подлянки стоило в любую минуту.

Подъехали к ангару они уже, когда снежная пелена начала накрывать окрестности. Видимость постепенно падала, но промахнуться, заблудиться или проехать мимо черных строений Байкал с Бураном уже не могли.

То, что Наталя не вышла к ним – сразу насторожило капитана.

- Наташ? – позвал он в рацию. – Ты где?

Ответом была тишина. Рации, как и все другое оборудование, имевшее батареи или аккумуляторы заметно подсели, но связь они старались держать под одеждой и это худо-бедно, сохранило им заряд.

- Ната-а-аш, -повторил Данил более взволнованно.

В ответ раздался короткий щелчок, затем шипение. Затем еще один щелчок и снова шипение. Затем… Байкал вздрогнул. Сквозь шум помех он услышал чье-то тяжелое дыхание. Звук был еле различим, но спутать его с белым шумом Петров не мог. Снова щелчок, снова помехи и тяжелое отдаленное сопение. Затем, уже перед тем, как рация вырубилась, Петров расслышал чей-то мужской голос. Разобрать слов он не смог, судя по всему, рация находилась у девушки под шубой и на передачу включилась случайно. Оттого и помехи, шуршание одежды и звуки как из бочки.

- Буран! – выкрикнул Данил, выпрыгивая из вездехода, вскидывая автомат. – К бою!

***

Чернова обернуться не успела. Точнее успела, но предпринять что-то времени не оставалось. Приклад автомата, угодивший ей в бровь, был неожиданным. Рассмотреть что-либо возможности у неё уже не было. Почувствовала лишь, как стало больно над глазом, и голова вспухла огнем. За первым ударом пришелся второй. Третий. Четвертый. Раздался выкрик. Автоматная очередь. Затем кто-то захрипел... Девушка попыталась закрыться, но последовал пинок под ребра и Наталья, задохнувшись, потеряла сознание после очередного удара по голове.

Пришла в себя она также, как и отключилась – с ударом.

- Вы че, твари, охренели? – прокричал ей кто-то прямо в лицо.

Наталья выпучила глаза, пытаясь схватить воздух ртом.

Второй удар по щеке.

Третий по всему лицу в область виска и адская боль в культе. Кто-то схватил ее за рану и с силой дернул.

- Хана тебе, мразина!

Чернова взвыла. Боль была такой сильной, что она чуть было вновь не потеряла сознание.

- Кто такие и зачем пришли, быстро говори, тварь!

Мужик, который схватил ее за руку, с силой прижал вмиг покрывшуюся кровью культю к столу и замахнулся молотком. Лицо его было искорежено злобой и гневом.

- Говори, тварь!

Мужчина дернул кистью, и Наталья закричала, предощущая боль, которая прострелит в раненной руке через мгновение.

- Какого хрена, сержант! – вошел в освещенную единственной слабой лампочкой комнату еще один мужчина.

- Эта… - мужик с молотком сжал зубы. – Молчит, тварюга.

- Дайка я… Отойди…

Девушка скулила от боли. Лицо заливало слезами, сердце колотилось как бешеное, стремясь покинуть тело. Ее похитили. И теперь будут пытать и избивать!

Новый мужчина аккуратно перехватил молоток у обезумевшего от злобы и посмотрел на Наталью. Девушка застонала, выдыхая, ощутив облегчение, но всего лишь на секунду.

- ...А то еще промахнешься…

Второй мужчина сверкнул глазами и сильнее прижал раненную руку девушки к столу, пристально впившись в культю.

- И так, - он взмахнул молотком, заставляя Чернову снова сжаться от ужаса. – Даю тебе две секунды…

- Что? – простонала она в ужасе. – Что вы хотите знать?

- Зачем. Мать. Вашу. Вы. Сюда. Пришли и что это за тварь с вами!?

Девушка видела, как руки второго мужчины, еще более сумасшедшего, чем первый, нервно перебирают рукоять молотка. Бегающие по окрашенной желтой краской деревяшке пальцы приковали все ее внимание. Она хотела сказать, рассказать все, но предательское горло сковало невидимым обручем.

- Ну, все…

Мужчина чуть выше взмахнул молотком и Наталя закричала.

- Говори, тварь! – схватил ее за лицо первый, запрокинув голову назад так, что волосы на затылке затрещали и, голова, кажется, лишилась целого клока. – Мы тебя сейчас на куски разберем!

- Зачем вы пришли? – голос второго.

- Сколько вас! – голос первого.

- Что это за тварь с вами?

Голос третьего, из темноты помещения оказался тихим, но ударил сильнее всего. Тут был кто-то еще! Кто-то сильный и властный! Кто-то, кто наблюдал за пыткой и запугиванием. Тот, кто мог все это остановить.

- Я… Я… - Наталья пыталась пересилить боль в онемевшей руке. – Скажу. Все. Мы с Афалины…

- Я знаю…

Скрипнул стул и в пятне света появился третий мужчина. Значительно старше первых двух. В военной форме майора.

- Откуда ж вам еще прийти было…

- Наше командование нас бросило, - зачастила Наталья, глядя на мужчину. – Мы нашли вертолет. Хотели заправить его здесь, чтобы эвакуировать людей со станции. Там... Там… - она закашлялась.

Боль рвала горло словами, дыханием, слезами. Говорить было трудно. Руки мужчин все еще давили на рану, заставляя ее буквально кричать.

Майор качнул головой и двое мужчин отпустили девушку.

- Дальше. Что это за тварь. Это тот ваш проект? Зачем вы его сюда притащили?

- Она наших ребят, что наверху дежурили, разорвала и сожрала! – выкрикнул первый. – Разрешите, я ей башку проломлю…

Он было потянулся ко второму за молотком, но тот не отдал.

- Я ей сначала все лицо им разобью…

- Погодите. Успеете, - остановил их старший по званию. – Потом наиграетесь. Пока говорить может, надо узнать.

- Куда начальство свалило? Я не знаю, - заскулила Чернова. - Они уплыли на лайнере. Он причалил недавно. На станции произошел взрыв. Затем пожар. Кто уцелел, сбежали на корабль…

Несмотря на сильную боль, Наталья не стала ничего говорить ни про генерала, ни про полковника. Ей хватило ума промолчать. Кто знает, как местные отреагируют на этих людей. Вдруг они на стороне

этой мрази? Да и, пока спрашивают, у нее есть шанс растянуть время. А его тянуть было просто необходимо. Данил с Николаем обязательно ее спасут. Нужно лишь дождаться…

- Мы в курсе, - немного подумав, ответил майор. – У нас вы что забыли?

- Михал Филипыч! Ну разрешите я ей морду ее разобью?.. – нетерпеливо ходя перед Черновой спросил первый, зло глядя на женщину.

- Успеешь, Андрюх. Потерпи. Разобьешь еще, успеешь. Говорю же.

- Нам нужно заправить вертолет, - проскулила Наталья, сжимая зубы.

От боли у нее резко поднялась температура.

- И вы решили, что мы вам разрешим это сделать?

Майор хмыкнул.

- Мы не знали, что тут кто-то есть…

- Ага! – взвился снова первый садист. – Думали, мы тут сдохли? А хрен вам!

- Отставить, - прервал майор. – Но он прав. Вы нас бросили, когда случился прорыв, и теперь думали, что мы дадим вам заправить вертолет? Совсем с головой, смотрю, не дружите…

- Какой прорыв? – Чернова стала ощущать тяжесть в голове. Мысли девушки начинали путаться. – Говорю же, мы ничего не знали. Может быть высшее начальство. Не я. Я - ученая. Работала в лаборатории…

- Уче-е-е-е-еная, - расплылся в улыбке мужчина. – Тогда эта тварь наверху твоих рук дело, наверное? Она моих людей порвала и съела… Вы хотели с помощью нее пробиться к нам в бункер? Отвечай!

Удар по культе. Искры из глаз. Слезы.

- Отвечай!

Давление в голове подскочило многократно. Перед глазами поплыли радужные круги.

- Тварь эту вашу мы пристрелили. Не надейся, что она тебе поможет. А дружкам твоим сюда не пробиться. Так что говори. Ученая. Говори, пока можешь… Пока есть чем… - каждое слово сопровождалось сильным ударом по культе, от чего Наталья сначала взвыла, а потом, захлебнувшись воздухом, снова потеряла сознание.

***

Три выстрела в голову… Данил скрипнул зубами. Николай был еще жив, но даже для него это было слишком. Сержант что-то пытался сказать, но разорванный одной из пуль рот издавал лишь сипение. Пуля пробила ему скулу, щеку и гортань. Другая проломила череп чуть выше, под глазом и вышла из позвоночника. Третья вошла в лоб над левым глазом. Обычный бы человек от таких ран умер мгновенно, но зараза в его теле еще держала его на этом свете.

- Кто, Колян, кто?

- Пх, пш… - пускал пузыри гигант, выпучив глаза, борясь с болью, удерживаясь на самом краю обрыва.

- Это они? – капитан пнул ногой зажатое в кулачище друга тела одного из местных бойцов, судя по такой же форменной одежде.

Гигант тяжело кивнул. Кровь заливала его лицо, в глазах стояла пелена, но что-то он еще понимал.

- С-с-с-с-с… - прошипел капитан, и так сразу поняв, кто тут побывал. – Да как так-то?!

Он встал, резко повернулся к майору.

- Твой, млять вертолет ссаный!

Данил с силой ударил стоявший рядом стеллаж. С него со звоном посыпались какие-то железяки.

- Нах-х-х-х-х-рена он нам вообще сдался! Надо было вместе, мать твою ехать… Сучьи дети!

Капитан с яростью повалил шкаф на пол, обезумевшим взглядом посмотрел на майора.

- Че орать? – спокойно спросил тот из-под своего черного шлема. – Выручать девку надо… Время есть…

- Из-за тебя все! – снова повторил Данил и сжал кулаки. – Со своим вертолетом сраным!

- Я тут ни при чем, - все также спокойно проговорил Буран, безликим, безэмоциональным голосом,который взбесил Петрова еще сильнее.

Капитан зло сплюнул. Что делать? Что делать? Понятно, что Наталью местные утащили к себе в бункер, но как? Они же тут вроде все проверили! Это вам не военная база, это же простая арктическая станция, предназначенная для переброски экспедиционных групп дальше не север. Тут нет и быть не может секретных ходов! Но, мать

его, судя по всему, был! Дверь, которую на арматуру снаружи закрывали - теперь заперта изнутри.

- Надо идти за ней, - озвучил очевидное Данил.

- У нас БК на полминуты боя, - заметил Буран. – А другу твоему плоховато… Надо обдумать план.

- Какой план?! – резко выкрикнул Данил. – Я им сейчас второе Алеппо устрою! Уроды!

Байкал кинул настороженный взгляд на Кнехта. Гигант лежал почти недвижимо и часто-часто дышал. Конечно, они создали монстра… Но даже для него это слишком. Три выстрела в лицо, и пол магазина в тело… Да на нем и живого места нет, а он… А что он? Выбор очевиден. Данилу его не дали сделать.

- Идем, - коротко скомандовал капитан, решительно поднимаясь. – Колян, извини …

***

Вскрыть бункер оказалось непросто. Гады забаррикадировали дверь чем-то изнутри. Пришлось рвать ее все теми же Рысками. Благо, ангар большой и болотоходы поместились в него легко.

На то, чтобы проникнуть за первую преграду, напарники потратили минут пять. Вроде немного - что это, пять минут… Совсем ничего порой, но вот в секундах, это уже триста единиц. Три сотни шагов стрелки, три сотни ударов сердец. Три сотни мгновений, которые могут оказаться лишними.

За первой преградой оказалась вторая. Не такая массивная, как первая, но не без сюрпризов. Без двух таких сюрпризов, в ребристой рубашке, установленных изящно и хитро. Были бы тут дилетанты, обязательно бы сыграли уже в ящик, но, ни майор, ни капитан таковыми не являлись.

- Сын сутулой собаки! – выругался Петров, осматривая растяжки. – Не пройдем!

- Хитрый засранец, умный, - подтвердил майор, светя напарнику с почтительного расстояния фонарем.

Навязал неизвестный сапер схему – противней не придумаешь. Тут тебе и трос металлический тонкий, который с ходу не перекусишь, и капроновая нитка, и даже резинка вон, не дает системе всей ослабнуть… И когда, только, падла, успел? А граната… Ставил бы ее Петров, можно было бы назвать просто произведением искусства.

Умный засранец использовал сразу две РГД-шки. Одну на одной. Нижняя стоит на рычаге, без чеки, вторая сверху на ней аккуратненько так лежит, да еще с хитрой системой двух колец от тех же самых гранат. Чуть задень, или качни – упадут. И, вроде, ничего такого, сбей камнем! Да они лежат на запорном механизме! Наверняка с таким расчетом установили, чтобы при подрыве и механизм двери повредить, и сообщить о непрошенных гостях.

- Ну и нахрена тебя тут ставили? – непонимающе хмурился капитан, прикидывая, как и зачем неведомый сапер так извратился. – Делать нехер было?

Данил оглянулся.

- Кажись, они все же другим путем ушли… Не мог он дверь за собой закрыть… Ну или сапер этот где-то тут, снаружи остался… Да и нахероверчено тут... не за одну минуту, наверняка!

- Угу, - не весело кивнул майор. – Этого еще не хватало! Рвем? Или назад?

Петров дернул губой. Столько времени потратили на гермодверь наверху, чтобы выяснить, что все зря? Нет, надо пробиваться… Один хрен о них знают, а другой вход может быть тоже заминирован, да еще поди найди его. Пробовали уже. Не вышло! Так чего уж тут?

- Рвем! – качнул головой Данил и медленно двинулся обратно.

В этот момент по помещению разнесся тяжелый монотонный звук.

***

Темнота. Снова она. Верная подруга. Любимая жена. Нежная мама. В ней уютно, тепло и беззаботно. С ней нет трудностей, нет проблем. Нет боли. Кому-то в ней одиноко, кому-то грустно. Он же нашел в ней упокоение. Он. Устал. Устал так, как устает, падая, разжимая пальцы, с высокой скалы альпинист, боровшийся за жизнь. Как с диким треском переламывается ствол могучего дерева, веками сопротивлявшегося порывам ураганного ветра. Возвращаться не хотелось. Он просто лежал во тьме, отрешенно глядя куда-то вверх. Единственный источник света находился где-то в недосягаемой высоте, постепенно угасая, а вокруг, все сжимая круг, рыча и беснуясь, носился зверь. Тот, который вот-вот его разорвет, набросившись, как только погаснет свет. Стоит этой такой маленькой, но такой сильной искорке померкнуть, как хищник бросится на него и вонзит свои зубы

в его шею и начнет трепать, сходя с ума от сладкой и желанной крови. Будет больно. Он это знал, но навалившаяся апатия и усталость укрыла его одеялом безразличия. Ну и пусть! Пусть его сожрут, растерзают, порвут, уничтожат! Он. У.С.Т.А.Л… Пусть это случится поскорее! Пусть наступит вечная теплая мгла. Нет больше ничего в мире, способного его поднять. Придать сил. Дать желание жить. Теперь точно все. Все, что он мог – он сделал. Дальше уже, ребят, сами… Он достиг своего предела. Сколько уже можно умирать? Пора бы уже уйти, наверное.

С такими ранами не живут. Николай еще помнил, как за секунду до того, как в него выпустили полмагазина, он успел убить одного нападавшего и серьезно навредить второму. Но он был слишком слаб и не смог сделать больше ничего. Наталью схватили, а его… убили. Хм. У-би-ли. У-мер. Николай покатал на языке эти слова. Как его могут убить? Ведь если бы он умер, то не мог бы так подумать, правда? Не было бы мысли. А, раз я мыслю, я – живу? Жи-ву. Какое острое слово. Не то, что «умер». Вот оно мягче как-то звучит, умиротворяюще.

Сознание вздохнуло. Сука! Тело напряглось. Ну куда?! Кулаки сжались, из окровавленного рта вырвался хриплый рык. Ну, нет! Ну не надо! Гигант подтянул руки к груди, приподнялся. Нет! Нет! Нет! Лежи! Не вставай, ты умер! – кричало сознание. Мертвые не ходят… Хм. Ну, ладно, не так скажем. Убитые не ходят!.. Колени. Подтянуть к груди, упереться руками в бетон. Один глаз не видит, второй залит кровью. Встать. Одна мысль, которая заставляет его тело повиноваться.

- Солдат, подъем! – орет вечность назад умерший комбат в самое ухо. - Встать, салага! Разлеглась тряпка! Даже ноги вытирать жалко!

- Группа подъем! – орет сгоревший в БТРе давным-давно друг Сашка.

- Сыночек, вставай, - забытый голос матери.

- Давай, мужик, вставай, вставай, - это отец.

И он встал. Он – не он, но тело выпрямилось. Встряхнуло плечами. Сжало кулаки. Развернулось.

- Туда нам надо! – скомандовало что-то в голове, поворачивая эту самую голову в направлении открытого дверного проема.

- Туда, - прогудел гигант, находясь, словно, в трансе.

Существо сделало шаг. Второй. Оно заново училось ходить. Думать. Жить. Оттолкнуть мешающую проходу дверь. Та не поддается. Выместить на ней злость. Ударить. Сорвать. Сломать. Шаг в темноту. Второй. Третий. Быстрее и быстрее. Что-то тянет его, манит. Нужно идти. Нужно спешить…

- Аааааагрх! – издав нечеловеческий звук, Кнехт тараном промчался мимо капитана с майором и вбился плечом в дверь, заставляя ту скрипнуть и сломаться.

Хераксю. И нету. Только металл на пол гулко падает, да вывернутые петли как-то ярко блестят. Мать! Капитан, если б в бога верил, перекрестился бы! Да он их просто сломал! Металл в палец толщиной! Сломал! Не вывернул, не выдернул из бетона. Сломал! Кнехт поднялся, упав после того, как снес дверь, повел головой из стороны в сторону и, снова рыкнув, словно приличный такой двигатель какого-нибудь грузовика, заставляя кишки вибрировать, помчался куда-то вправо.

- Проснулась спящая красавица, - как-то грустно и обреченно сказал майор, когда из глубины бункера сначала послышались автоматные выстрелы, затем жуткие крики, а за ними не менее жуткий полурык-полурев.

- Нам точно туда сейчас?

- Точно! – решительно сказал Данил, первым двинувшийся вслед за ушедшей вперед машиной смерти.

***

Зал для бракосочетаний украсили так, как Валентин и хотел. Все яркое, бело-золотистое. Для важного мероприятия было выбрано самое большое помещение. Здесь раньше находился плавучий концертный зал, и он как нельзя лучше подходил для действа. Огромное пространство, двухэтажная сцена в дальней части, с двумя настоящими, бегущими по бокам небольшими водопадами. Здоровенная, наверное, под тонну весом люстра из стекляшек и прозрачных трубок… места под столики и скамейки… Отличная акустика с оборудованием. В общем, все, что нужно, уже было. Оставалось лишь кровь смыть со всего этого благолепия, но рабы, а уже именно так мысленно стал называть Валентин людей низшего сословия – бесполезные проедатели запасов, справились с поставленной задачей в срок. Люди уже собрались. Все самые важные,

самые высокие и нужные в этом, новом мире. Бывший помощник командира базы еще раз взглянул на себя в зеркало. Улыбнулся. Белый кавалерийский фрак. Высокие черные сапоги, шпага… Все подчеркивало его аристократичное лицо. Все. До единой мелочи. Аксельбанты, украшения… Все тщательно подогнано, выглажено и выровнено. Волосок к волоску. Ниточка к ниточке. Сегодняшний день важен как никогда. Сегодня все должно быть на высшем уровне! Он важен не только для него, Валентина, но и для всех, кто находится здесь. Ведь сегодня родится первый! Настоящий! Закон нового мира. Именно ему! Валентину! Бывшему обычному завучу такой же обычной средней общеобразовательной школы теперь, отныне и всегда, предстоит писать законы для их мира. Лучшего мира!

Речь, которую Валентин заучил, должна была поразить умы слушателей. Не одну бессонную ночь он положил на создание первого закона нового мира. Закон о семье и браке. Новые времена, новые реалии и новые веянья требовали пересмотра старых законов. Они не подходили ни по ситуации, ни по его взглядам.

- Законотворец! – просмаковал в полголоса Валентин его новую должность.

Не заместитель… не какой-нибудь там помощник! Высший чин, равный самому Правителю, которым наградил перед бракосочетанием бывший полковник, это вам не просто слово! Не просто должность! Это невообразимый груз! Ответственность за то, как они будут жить дальше. И Валентин не посрамит его! Он напишет новые! Правильные законы, отвечающие всем современным требованиям! Требованиям его, Валентина, Правителя и еще нескольких людей на этом корабле… Валентин скривился, словно съел лимон. Без них никак, увы… Придется прислушиваться кое к кому… Но лишь прислушиваться, ибо последнее слово только за ним!

- Господин Законотворец, - робко постучав в дверной косяк, заглянула в комнату молодая рабыня. – Все готово. Правитель послал за вами и просил передать, что можно начинать.

Валентин оторвал взгляд от разглядывания себя. Медленно повернул голову. Затем развернулся сам. Щелкнув каблуками сапог, он, надменно подняв подбородок, чинно прошел мимо поклонившейся девушки. Что ж. Время пришло! Нужно озвучить народу новые законы нового мира.

Музыка грянула, как только огромные, в три, или, даже, четыре человеческих роста, двери распахнулись. Скр – скрипнули начищенные до блеска сапоги по толстой красной охровой дорожке. Скр. Скр. Скр. Валентин шел, гордо подняв голову. Рядом шла, поникнув своей, молодая невеста. Вся в белом и золотом. Приталенное, с открытыми плечами сверху и расходящееся в огромный шлейф к низу, оно подчеркивало ее стройность. Фата и вуаль скрывали грустные глаза и чуть подергивающиеся от беззвучных рыданий губы. Она шагала в ритм жениху, с каждым шагом, с каждым ударом шпильки приближая себя к неизбежному. «Это ничего не значит. Это. Ничего. Не. Значит» - шептала она сама себе мысленно, пытаясь не расплакаться. Сердце билось в тоске и тревоге. А что, если значит? Что, если все-таки значит? Нет! Он придет и спасет ее! В лучшем стиле боевиков. Разворотит тут все к чертовой матери! Ногой разнесет створки ворот в тот момент, когда священник скажет что-то про то, что если кто-то что-то имеет против брака, то должен немедленно об этом заявить. Да! именно так и будет… Нужно верить.

Локоть Валентина прижал ее ладонь и девушка моргнула. Она сбилась с ритма и суженый, недовольно дернув губой, чуть дернул ее, так что Алиса ускорила шаг. Шаг. Шаг. Еще шаг.

Они прошли через весь зал, мимо выставленных в ряды скамеек, на манер того, как их расставляют в западных церквях. Поднялись по ступеням на украшенную цветами, лентами и золотыми статуэтками сцену, и замерли возле богато одетого во все такие же белые и золотые цвета батюшки. Господи! Где они взяли священника? И ведь не похоже, что это «ряженый». По лицу и тому, как держится – видно, что он настоящий! Что не раз проводил обряды венчания. Но! Насколько Алиса знала, венчание проводится строго после заключения брака в ЗАГСе. Видимо здесь решили вообще все с запада скопировать или попросту среди выживших на «Афалинии» и переведенных на «Титан» работников зала бракосочетаний не нашлось.

Музыка стихла. Валентин четко развернулся к супруге, щелкнув каблуками. Алиса едва сдержала рвотный рефлекс. Она видела, как он отрабатывает это движение. Час, а то и больше он крутился у себя в каюте, добиваясь идеального поворота. Жеста. Взгляда… Ей внезапно стало тошно. Все фальшивка! И это место! И эти люди, одетые в том же стиле, что и Валентин – кто в дворовые костюмы, кто в военные

мундиры и фраки... У кого-то даже вон ленты с орденами. Откуда они все это вязли? Тут что, театр перезомбировался, и реквизит остался? Или с собой привезли? Ха! Алиса Евгеньевна усмехнулась. Не удивится, если привезли. Людей и припасы бросили на Афалине, а вот тряпки эти взять не забыли. Современные ценности!

Гости, повинуясь жесту батюшки, все как один сели.

- Уважаемые! – забасил священник, глядя куда-то в пустоту за спину жениха и невесты. – Властью данной мне Правителем… - он сделал едва заметную паузу. - Сегодня я сочетаю браком этих людей и нареку их мужем и женой! Сегодня они вступят в священный союз! Соединятся, как на небесах, так и здесь, на земле…

Священник поднял руки, развел их, словно пытаясь обнять Алису с Валентином и, повернувшись, взял с небольшой стойки, надо ли говорить, также выполненной в бело-золотом стиле, небольшой лист такой же пафосной, золоченой бумаги и величественным жестом, казалось даже, не дыша, передал его Валентину.

Тот кивнул. Принял бумагу, чопорно повернулся на каблуках и, оглядев присутствующих, подняв лист, наподобие свитка древнего пергамента, двумя руками сверху и снизу, принялся громко читать.

- Я, Валентин Кукушкин с гордостью беру Алису Евгеньевну в первые жены! – девушка чуть было не поперхнулась.

Хах! Ей показалось? Ударение на «первые»? Не «Впервые»? Даже прочитать нормально не может! Надо же так было обосраться!

- …обещаю… - продолжил мужчина, ничуть не смутившись оговорке, - любить ее и всех последующих одинаково.

Глаза девушки расширились. Она задохнулась. Что? Что значит «последующих»?

- Обещаю, разделять с ней ложе более чем поровну, чем с остальными. Обещаю заботиться и ухаживать за ней более чем поровну, чем с остальными. Обещаю прислушиваться к ее советам более чем поровну, чем с остальными. Обещаю заботиться о ее благе более чем поровну, чем с остальными.

С каждой фразой недоумение девушки росло все больше. Вместе с этим все сильнее смурнел и священник. Ему явно было не по духу все выше сказанное, но он продолжал молча стоять, сложив руки на груди.

***

Телом он больше не управлял. Небольшой коридор, ведущий в большое, ярко освещенное помещение оно преодолело за мгновение. Что-то, с резким, неприятным грохотом, больно ударило в грудь, руку и шею, нанеся небольшой ущерб оболочке. Грибница ликовала. Впереди было так много вкусного материала, который она вот-вот поглотит, так что, чего ей теперь держаться за своего носителя? Он ей больше не нужен. Это тело не дает ей расти, а, напротив, мешает. Раньше она быстро порабощала своих носителей, рисуя им красивые картинки, наполняя мозг эйфорией и сладкими грезами. Она всегда была водителем, а сейчас долгое время приходилось быть пассажиром. Такой расклад грибнице не нравился, и она стремилась поскорее избавиться от опасного соседства. Ей не хватало корма. Ей нужна была пища. И здесь ее было много.

Рычащий монстр ворвался в хранилище и тут же по нему ударили четыре автомата. Стрелять бойцы пытались, конечно же, в голову. Мертвецы, регулярно появляющиеся здесь, уже давно приучили всех стрелять именно туда, экономя пули, но одно дело стрелять в «ползунов», или даже в «шустряков», а другое дело - в стремительную тень, головы у которой некоторые даже не смогли разглядеть. Если бы кому-то удалось выжить после короткой стычки, едва ли затянувшейся более двух ударов сердца, то они наверняка бы смогли рассказать о страхе, накрывшем всех, кто занял оборону в помещении, сковавшем их тела и разум. Но таких не было.

Оболочка доживала последние циклы и грибница ликовала. Ей удалось добраться до материала.

***

- Тварь! – занес молоток палач, и Чернова снова сжалась в комок.

В этот момент где-то за дверями что-то оглушительно грохнуло. Все вздрогнули. Солдаты переглянулись.

- Что там? – спросил в рацию третий мужчина, сузив глаза.

- Растяжка сработала, - ответили почти сразу. – Сейчас посмотрим.

Прошла минута, но рация так и не ответила. Вместо нее заговорили автоматы. Наталья зло улыбнулась. Рык, с легкостью перекрывший автоматные выстрелы был очень хорошо ей знаком. Так рычать могло лишь одно существо на этой холодной, пустой земле. Страх пробежался по загривку, словно кто-то ледяной рукой провел по

шее и вниз по спине. Стало неприятно. В комнате, словно, резко похолодало. Судя по тому, как и остальные присутствовавшие в комнате вздрогнули, проняло и их.

Стрельба быстро переросла в панические крики. Снаружи слышался звук падающей и ломающейся мебели, всхлипы и прочие сопровождающие смерть большого количества людей звуки. Причем звуки эти приближались.

- Это ваша тварь? – зло спросил самый старший из палачей, вынимая пистолет и подходя к Черновой вплотную.

Наталья медленно кивнула.

- И вам конец.

- Тогда и тебе…

Дверь, ведущая в помещение, взорвалась, слетев с петель, и в помещение влетел огромный, заполняющий все возможное пространство инфернальный, первобытный ужас, сгусток тьмы, сама ледяная смерть.

***

Оболочка слушалась плохо. Она еще была жива и сопротивлялась, но грибница постепенно брала верх над телом. Вкачивая все новые и новые дозы галлюциногенов, постепенно подтачивая и разрушая его центральную нервную систему.

Еда! Материал! Размножение! Грибнице требовалось срочно расширять свои владения. Здесь это можно было сделать с комфортом. Семена она уже скопила в достаточном количестве, и оставалось лишь только отыскать самое лучшее место. После смерти оболочки грибница на какое-то время будет лишена возможности передвигаться, потому оно должно быть надежно защищено от смертельного холода и посягательства других хищников.

И такое место было найдено! В меру влажно и сыро, в меру тепло и комфортно. Оно отыскалось в самой глубине людской пещеры. Достаточно безопасно и далеко от лютого холода. Здесь даже был базовый материал на первое время. Четыре человеческие оболочки... Их хватит, чтобы споры могли набрать силу, и разрастись. Одна оболочка была невкусной, той, к которой у ее носителя были странные ощущения, с которой они давно находились рядом.

Грибница уже давно чувствовала, что с ней что-то не так, но сейчас от нее просто веяло опасностью. Стресс, который женская

оболочка испытала, заставил ее выделять больше защитных клеток в организме, которые убивают не только молодые, неокрепшие споры, что грибница неоднократно уже пыталась подселить как в нее, так и в две другие путешествующие с носителем оболочки, но и даже ее сосед - вирус не мог захватить ее тело.

К тому же она была двойная. Странная. Сильный источник иммунитета находился где-то глубоко в оболочке и добраться до него прежде, чем источник наберет силу, у грибницы не получится, так что, как носитель она не представляла интереса. Но могла послужить источником питательных веществ, когда будет сломана. Однако ее собственный носитель все еще сопротивлялся, и грибница, сколько ни вливала в него адреналина, заставляя надпочечники работать в ударном темпе, никак не могла заставить его сломать странную двойную, не поддающуюся заражению, оболочку.

***

Когда Кнехт ворвался в помещение, он не раздумывал. Солдат он убил практически мгновенно. Сильнейший ментальный удар заставил всех находившихся в комнате повалиться на пол. Наталья вскрикнула, ощутив дикий ужас, парализовавший ее мышцы. Она, даже, кажется, описалась, судя по тому, как внизу живота стало горячо.

Несколько рывков, разбросанная мебель, глухой хруст сворачиваемой шеи и все закончилось.

Чернова лежала на полу, уткнувшись лицом в паркет, пытаясь совладать с болью, страхом и ужасом. Рот наполнился кровавой слюной. Глаза, казалось, порвутся от рези, а горло вот-вот лопнет от сухого всхлипа. Мгновение, и все прошло. Давление в голове пропало, и девушка смогла набрать воздуха в грудь.

Первым, что она услышала, было тяжелое дыхание позади себя. Затем Наталья ощутила горячий поток воздуха на шее. Проморгавшись, девушка аккуратно обернулась. Что-то было не так. Она внезапно поняла это всем сознанием.

Гигант замер над ней в неестественно-напряженной позе. Вены на шее вздулись. Скулы и зубы плотно сжаты. Мышцы напряжены. Руки подрагивают. Словно он… боролся. Боролся с самим собой…

- Наташ! – донесся голос Петрова из коридора и гигант глухо зарычал.

- Я тут, - негромко, стараясь не провоцировать друга, откликнулась девушка.

Данил ворвался и тут же сбавил ход. Он увидел лежащую на полу избитую Наталью и нависшего над ней сержанта. Тому явно было плохо. Лицо, простреленное, перекошенное злобой и гневом едва ли походило на человеческое.

Капитан медленно поднял автомат. Выбор… Тяжелый, скорбный. Медленно шагнув вперед, он не спускал пристального взгляда с друга, мысленно прося его не шевелиться. Он ощущал напряжение, висящее в воздухе. Давление, появляющееся в его голове, как бы угрожало, предостерегая.

- Не подходи, - гудел воздух в помещении.

- Она мне нужна, - отвечал встречный поток, идущий от Данила. – Без нее я не уйду. И ты меня не остановишь…

Он сделал выбор. Один жест. Один звук, одна мысль… Любой знак мог сорвать пружину и Данил бы выстрелил.

Байкал двигался, словно в мёде. Медленно, тяжело, сопротивляясь густому воздуху. Все также сверля друга взглядом, он протянул Наталье руку. Девушка, казалось, не дышала. Она тоже ощущала опасность ситуации.

Внезапно что-то за спиной щелкнуло и все пришло в движение.

Гигант дернулся, взглянул капитану за спину и рыкнул. Сжатый кулак, словно кувалда метнулся вниз, прямо на голову лежащей под ним девушке. Данил вжал спуск на автомате одной рукой, второй, больной, схватив подругу, и дернул ту на себя, что было сил. Слезы от прострелившей плечо боли застили глаза. Время чуть замедлилось.

Чернова всхлипнула. Раненная культя дала о себе знать.

Капитан в последний момент увел ствол автомата в сторону. Все же угасающая мысль, о том, что это все еще его друг, не дала совершить ошибки.

Гигант, закрываясь от выстрела в упор, качнулся вправо.

Майор, схватив здоровяка прицелом пистолета-пулемета, вжал спуск.

«Кедр» вздрогнул, посылая три пули в цель.

Чавк, чавк, чавк – вонзились позолоченные пчелы в плечо здоровяка.

И все снова пришло в движение.

- Валим! – заорал капитан, подхватывая девушку, видя, как бывший друг входит в ярость.

Его только что целый взвод не остановил, что тут про полтора человека говорить?!

***

Николай за ними не пошел. Мысль, возможно последняя человеческая, облеченная в тепло и заботу к этим людям, не дала ему совершить непоправимое. Он взрыкнул. Внутри все горело. Легким не хватало кислорода. Сердце, работая на пределе, забивало шумом все вокруг. Кровь из ран струилась, уже не останавливаясь. «Стоять. Стоять. Стоять!» - твердил он сам себе, заставляя тело подчиняться. «Друзья. Друзья. Друзья!»

Тело корежило и ломало. Грибница, отравив миазмами тело и разум, требовала выпустить ее. Дать ей новую жизнь.

Догнать и убить причинившие ей боль оболочки. Убить и съесть! Ему нужны силы. Ему нужно восстанавливаться. Ему нужно мясо! Зверь занял управление телом незаметно для всех. Вирус, вскипевший в крови, когда иммунитет носителя обмяк, как и вещества, сдерживающие его рост, вырвался наружу.

- Едаааааа! – проревел хищник, вырываясь на свободу, спасая своего человека от неминуемой гибели.

Он ел. Его рвало. Мясо. Вкусное, дающее силы. Жижа, черная, маслянистая, полная спор. Вкусно - не вкусно. В себя - наружу. В себя – наружу. Пополнение сил, потеря их. Три существа в одном теле. Вирус требовал строительного материала, чтобы излечить тело. Грибница требовала выпустить ее, дать жизнь новому поколению. Человек пытался сдержать их обоих.

Он сходил с ума. Яды, отправляющие его, превратили мозг в жижу. Мысли противоречили порой друг другу, а иногда и вовсе отсутствовали, а он думал, что думает. Кто победит? Желание сожрать всех, погибнуть, дав новой жизни шанс на существование или желание жить самому.

Он лежал в луже черной жидкости, захлебываясь воздухом. Тело ломало, выгибало. Суставы трещали. Зубы, казалось, вот-вот хрустнут, раздавленные мощными челюстями, а глаза выдавятся из-под черепа, что лопнет от взрыва мозга. Секунды в минуты, минуты в часы, часы в вечности. Хоровод бреда не прекращался. Он был бесконечным,

затягивающим, превращающимся постепенно в черную, непроглядную стену. Стену ничего. Черноты. Смерти. И лишь одна искорка по-прежнему освещала его, давая силы и надежды.

- Алиса, - прохрипел гигант и тело его выгнулось в таком спазме, что треск от ломаемых костей был, наверное, слышан на поверхности…

- Ща, погоди, - вернулся собственный голос откуда-то извне. – Укольчик поставим. Держись, главное, Колян, держись…

***

Зачитанный Валентином закон о семье заставил общество разделиться. По новым правилам, в целях сохранения демографии и устоев, мужчинам было разрешено брать в жены до трех женщин. Якобы это позволит быстрее восстановить популяцию людей в их общине. Все браки, совершенные до дня «Икс» аннулировались. Документы о регистрации брака были едва ли у одного процента населения станции, так что приходилось верить на слово, чем особо ушлые людишки немедленно и воспользовались. Старое руководство станции стремилось повышать уровень жизни для семейных пар: выделяли отдельные каюты-комнаты, старались объединять супругов на работе, давали привилегии… А кому хочется жить в общей казарме на пол сотни человек, имея лишь двухъярусную кровать и одну тумбочку на двоих? Правильно, мало кому. Вот и начали особо хитрые находить себе пару и заявлять, что они были в браке и требовать улучшения жилищных вопросов. Но территория «Афалины» ограничена и всем, конечно, места не хватало… Так вот теперь Валентин и решил, что пришла пора заново узаконить отношения, получив новые документы. Конечно же, что? Верно, не бесплатно. Он лично разработал документ, порядок и правила получения удостоверения и был этим несказанно горд. Теперь всем без исключения, нужно было получить новые документы, удостоверяющие личность. Их производством уже занялся целый отдел специалистов. В них указывался и статус семейного положения, идентификационные номера и ФИО жен. Конечно, не все встретили новшество с радостью. Зато заулыбалась элита.

- А что, удобно, - покосился на свою стареющую жену начальник отдела снабжения. – Ты будешь отдыхать, а Анька… - он осекся,

увидев, как недоуменно нахмурилась жена, но тут гордо поднял подбородок и властно продолжил. – А Анька будет по дому работать.

- Кто такая… - начала было Зинаида, но муж ее осек.

- Сама слышала. Новые правила… Можешь вообще за меня замуж не выходить!

- Ах ты!.. – хотела было замахнуться жена на мужа, да тот насмешливо поднял палец в верх.

По новым законам выходило, что женщины вообще почти не имели никаких прав. Их попросту не спрашивали. Муж имел право, как взять в жены женщину, так и выписать ее из своего документа, уплатив небольшой налог, не интересуясь ее мнением…

Мир переворачивался, становясь другим не только внешне, но и внутренне. От зачитанного Валентином закона у одних начинали шевелиться волосы на голове, а у других - в других местах, предвкушая райскую жизнь.

- …И тем самым я закрепляю семейное право, - подытожил Валентин, зачитав последние строки Закона.

Он повернулся к ошалевшей Алисе и улыбнулся.

- А теперь давайте продолжать! – сделав театральную паузу, он обратился к священнику. – Продолжайте, батюшка. Нам пора заключить первый брачный союз нового мира…

Батюшка прочистил горло и громко, фальшиво радостно, вознеся руки к потолку произнес:

- Так тому и быть. Аминь!

Зал возликовал аплодисментами. Сперва захлопали не все. Только те, кто был обучен в какой момент и как это нужно делать, но постепенно, поддавшись общему настрою, захлопали и все приглашенные гости.

- Вот мы это и сделали, - улыбнулся Валентин Алисе, держа ее за руку. – Жена.

Он поднял палец, как бы останавливая девушку, хотя та даже и не пыталась что-то сказать, будучи в легком шоке от услышанного. Валентин полуобернулся к стойке, откуда взял небольшую коробочку. Конечно же, золоченого цвета, с рубинами на крышке и медленно ее открыл.

- Алиса Евгеньевна, - заговорил он внезапно теплым, как показалось девушке, даже не наигранным голосом. – Теперь ты моя

жена, а я твой муж. Я понимаю, что это все не так, как это должно было быть, но сама понимаешь, - мужчина что-то взял, - …новый мир, новый закон. И мы его делаем сами.

Валентин поднял предмет, и девушка увидела в его руках… клинок. Красивый, с резной ручкой из белой кости, красным камнем в рукояти и длинным, обоюдоострым лезвием. Тут же перед ее глазами пробежала неприятная картина, в которой они режут друг другу ладони и соприкасаются ранами, как бы закрепляя союз. От этой мысли ей стало неприятно, но от второй – тепло в животе. Вот он берет этот нож и вскрывает себе горло, делая ее вдовой. А еще лучше – совершает древний обряд «харакири». Алиса бы даже, наверное, помогла и оценила поступок по настоящему мужским, но нет. Валентин отложил коробочку и протянул нож девушке двумя руками.

- Мне приснился сон, что я умру от этого клинка. Но, видишь, я тебе доверяю. Я хочу подарить его тебе. Я вверяю тебе свою жизнь. Тем самым я доверяюсь тебе всецело и обещаю защищать и заботиться. Это все… - он обвел зал, в котором начала играть музыка и гости, отвлекшиеся на вкатываемые столики, ломящиеся от закусок и выпивки, словно забыли о них – виновниках торжества. – Это все пафос. Фарс. Я хочу доказать, что действительно люблю вас. Что готов ради вас, Алиса, на все. Знаю, вы меня пока не любите, но уверяю, если вы узнаете меня лучше. То обязательно измените свое мнение обо мне…

Алиса колебалась мгновение. Возьми нож! Возьми нож! – требовал внутренний дьявол. Возьми и воткни ему в глаз! В живот, в пах! Вонзи в его плоть, проверни и вынь, чтобы рана не закрылась. Вот оно! Его горло. Тонкое. Беззащитное! Одно движение и этой мрази не будет… Но она пересилила себя. Возможно, его тон… Тихий, без фарса и пафоса, сбил ее с толку. Он говорил искренне. И девушка внезапно поняла, что…Ей его жалко. Жалко как человека. Да, он гнида и мразь, но ведь он и вправду старается оказать на нее хорошее впечатление, просто по-своему… Она моргнула, склонила голову и безропотно приняла подарок.

- Правильно, девочка, не при свидетелях, - заговорил разум. – Новый мир, говорит… Сами делаем? Вот и сделаем! Нам, в мире этом еще жить! Потому нужно научиться извлекать из всего этого выгоду.

Вдруг Он… Вдруг Он не придет за ней, не спасет? Тогда ей придется как-то приспосабливаться. И начнет она именно с этого.

Алиса обвила взглядом зал. Золото. Пафос. Украшения. Скольких людей можно было спасти, выкинув все это? Весь этот лоск, всю эту ложь?! На столиках свежие фрукты. Явно не в «Ашане» местном куплены. Полгода прошло. Ни «Ашанов» ваших, ни «Аллей», ни «Магнитов» с ЦУМами и прочими магазинами больше нет! А фрукт есть!

Девушка криво ухмыльнулась. Что ж… Ей есть с чего начать. Нужно научиться быть другой. Научиться управлять всем этим, если она хочет выжить…

Внезапная тревога, коротким рыком прокатившаяся по палубе корабля заставила всех вздрогнуть.

***

- Товарищ полковник! – нахмурился, сидя над экраном радара капитан корабля в рубке. – К нам приближается неопознанный вертолет!

- Вижу, - кивнул головой правитель, глядя в морской бинокль. – Готовьтесь встречать…

***

Гудение винтов и тряска вертолета не способствовала отдыху или сну, но даже это казалось ему блаженством по сравнению с тем состоянием, что он ощущал там, в бункере. Голова немного прояснилась. Тело болело, но уже не так адово. Укол, что вкатила ему Чернова – действовал. Все еще действовал. Насколько его хватит? Он меняется и очень быстро. Как долго вещество, синтезированное в лаборатории, будет возвращать его из-за грани? Хватит ли еще хотя бы на раз?.. Он твердо решил экономить свои силы. Чем больше он ими пользуется, тем более взрывное развитие заразы в нем происходит, справиться с которой уже не было сил.

Рука уже почернела полностью. Если раньше там была видна лишь капиллярная сетка, то теперь это один сплошной черный синяк. Шея и правая сторона лица, торс… Покрыто чернотой, уже не похожей на пыль. Это скорее уже очень сильный загар. Ожог.

Николай повернулся, принимая более удобную позу, в которой тело будет болеть меньше всего. Его взгляд и взгляд Натальи пересекся. Девушка смотрела на него пронзительно. Немного

испуганно, немного зло. В памяти всплыло ощущение грибницы. Необычная оболочка. Невкусная. Да еще двойная. Жизнь в жизни. Что это означает?

Общение с ней было необычным. Это совсем не так, как человек думает, или разговаривает. Это было общение ощущениями. Образами. Словно воспоминаниями. Общими какими-то... Он не мог подобрать слова. Не мог описать то, как это происходило... Просто что-то появлялось в голове, и он это начинал знать. Вот. Точно. Начинал. Знать. Так и здесь... Его собственные мысли переплелись с ощущениями, и он не мог разобраться в том, что происходит.

Наталья нахмурилась. Короткий взгляд на капитана. Затем снова на него. Тревога. Страх. Волнение. Сержант уловил ее преобладающие чувства.

Наталья ничего ему не сказала. Если бы Данил узнал о ее положении, он бы наверняка заставил ее остаться. И остался бы сам. Но они должны закончить свою миссию. Завершить начатое. Их не много, и если они вдвоем откажутся от помощи, то Николай попросту не справится один. Сейчас ему нужна их поддержка как никогда. Он крепок снаружи, но раним внутри. Кожа его бронирована, но душа слишком хрупка. Потому она скажет ему потом. Когда-нибудь.

Девушка медленно отрицательно покачала головой. Николай устало выдохнул и качнул, соглашаясь. Все понятно. Она знает, что он знает… А капитан не знает… И знать, выходит, не должен. Любой герой зарубежного фильма обязательно бы начал говорить о том, что это неправильно и нужно обязательно все рассказать… Но в том-то и дело, что это не фильм хотя порой на него очень даже похож. Не хочет говорить, значит, так надо! Ее дело! Ей виднее!

В кабине за спиной послышался невнятный разговор.

- Коля, спишь? Вставай, давай, - через какое-то время донесся взволнованный голос Петрова. – Кажись, нашли!

Кнехт поднялся. Тяжело, больно, но слова друга придали ему сил. Наталья обернулась, посмотрела в иллюминатор, в другой, третий, нашла то, о чем говорил Данил.

Они летели над черно-белой мешаниной торосов. Впереди поверхность резко темнела. Ледяной панцирь еще не добрался до этого места, и можно было разглядеть, как ворочается океан, перекатываясь своими волнами с боку на бок. Дальше. Почти у горизонта,

раскачиваясь, виднелась темная точка. Николай напряг зрение. Детали мгновенно усилились. Несомненно! Это «Титан»! Они догнали его! Они нашли их!

Гигант глухо рыкнул, оскалился. Сердце заколотилось сильнее. Разгоняя по телу кровь, вызывая нетерпеливую дрожь во всем теле.

- Огней нет, - заметил майор, заходя на вираж, облетая огромный белоснежный лайнер.

- Я никого не вижу, - нахмурился Данил, разглядывая корабль в бинокль. – Вообще никого…

Вертолет плавно опустился на палубу. Николай первым спрыгнул на борт «Титана». Тишина. Винты еще молотили воздух над головой, двигатели выли, но он сейчас имел в виду совсем другую тишину. Своими новыми органами чувств, он почти сразу понял, что лайнер пуст. Брошен. Здесь нет никого, кроме нескольких мертвецов где-то внизу.

Следом за сержантом на палубу спустился капитан.

- Что тут?

Сержант вздохнул, покачал головой. Петров обернулся, подал сигнал майору. Тот кивнул и заглушил двигатели.

Винт стих. Наступила тишина. Слышно было, как мерзнет, подвывая на ветру, мачта. Как стучит оборванный трос по трубе, как плещется, разбиваясь о борт волна, и скрипит уставший корпус гигантского корабля. На этом все. Больше ничего.

- Где все? – задал Данил резонный вопрос, ответа на который ни у кого из них, к сожалению, не было.

Отчаянье затопило сознание. Николай устало опустился на колени, склонил голову. Внутри все рухнуло. И что теперь делать? А нужно ли что-то делать? Пришла в голову мысль то ли от грибницы, то ли от зверя, то ли его собственная. Нужно ли что-то делать? Он сделал все, что мог и, даже, больше. Алисы здесь нет. И где она – не известно. Да и вообще! Может ей там лучше? Об этом Николай размышлял все то время, что они летели, а сейчас эта мысль стала более навязчивой. Он посмотрел на свои руки. Огромные, страшные. Сжал кулаки. Это не человеческие руки. Это руки монстра. Сколько ему осталось? Два? Три? Четыре дня? Неделя? А потом?..

- Колян, ты чего?

Данил подошел ближе, положил другу руку на плечо.

- Все, капитан, - собравшись с силами, тихо ответил гигант. – Сдулся я. Устал…

- В смысле?

- В прямом… Во всем этом его нет… Смысла твоего… Мне недолго осталось. Я это чувствую. Да и ты видишь. Может ей там лучше? Без меня... Что я ей дам? – Николай опустил голову еще ниже. – Куда я ее отведу? Сюда? В тундру? В снег? До дома мне не добраться. Ты видишь, кем я стал. Среди людей мне нет жизни. Тогда зачем?

- Колян! Кончай! Все нормально…

- Я тебя там, в ангаре чуть не убил! – вскинул голову Кнехт и Данил увидел полные глаза слез. – Я тебя сожрать хотел. Понимаешь? И ее тоже! - взгляд перешел на Наталью. – Я не человек, Данил. Я животное! Еще немного и я снова стану монстром!

- Мы найдем лекарство! – попыталась вмешаться Чернова.

- Его нет! – рыкнул Николай. – Оно во мне. Я чувствую! Я не хочу проснуться однажды, и узнать, что всех вас съел! Ну, спасем мы ее и что? А через день я приду в себя и увижу ее разорванное тело?.. Нет… Ребят. Я все.

- Вот ты достал! – вскипел капитан. – Слушай. Ты когда стал таким эгоистом? О себе, да об Алисе своей думаешь только! – капитан перешел на повышенные тона. Видно было, что он злится. – Ты, бл, о других думаешь? Или только о себе?! Ты забыл этого урода старого? Видел, что он там у себя в лаборатории наплодил? А что эти твари вместе сделать могут? Подумал? Эту гниду нужно уничтожить! А люди, которых там в рабстве держат? Тоже на них хрен забьем?

Николай поиграл желваками.

- Да и о ней ты подумал? – вмешалась Наталья. – Ее мнения спросил? Может ей два дня с тобой лучше, чем вся жизнь в той золотой клетке? Она тебя ждет и надеется!

- Да не ждет, - попытался сохранить апатичный настрой сержант, ощущая как злоба, вскипевшая к самому себе, сжигает все на своем пути.

Друзья были правы и ему это не нравилось. Он смертельно устал и хотел уже умереть, чтобы не чувствовать этой боли, этого груза… А ему все не дают. Как старую кобылу воскрешают, чтобы она продолжала пахать, но они были правы, как ни крути! Он думал в

последнее время лишь о себе и о ней. Напичканный галлюциногенами, и боги знают, чем еще, мозг воспалился и не давал связно мыслить. Смена настроений. Злоба. Потеря сознания – все это результат заражения. Это не его мысли. Не его желания! А какие тогда его? Что есть он? Он запутался и лишь слова друзей помогали держать верный курс. Курс… Курс… Мысль забилась в голове.

Гигант поднялся. Вздохнул и медленно выдохнул клуб пара в морозный воздух.

- Хорошо, - прохрипел он, наливаясь злобой, придающей ему сил. – Пешком они все уйти никуда не могли. Кто-то бы обязательно остался. Вертолетами тоже не перевезти. Значит они пересели…

- Куда? – нахмурился капитан, внутренне радуясь, что друга удалось так быстро вразумить. В последнее время он стал неуравновешен и Данил уже думал было применить силу – дать пару раз раскисшему здоровяку по морде.

- На другой корабль, - глядя куда-то в пустоту, как-то странно ответил Николай и поднял руку в сторону темного горизонта. – Туда! Нам. Нужно. Туда!..

Глава 12. «Шторм»

Восемь дней до катастрофы.

Валентин в своей жизни не любил три вещи: конкуренцию с ним, проигрывать и когда обрывают его свадьбу. Это он ненавидел теперь даже больше всего. Надо же! Именно сегодня, в Особенный день! Самый лучший в жизни… и прочее там, что про него говорят в кино и пишут в сопливых мыльных книгах! Так испоганить! Та-а-а-ак испоганить!

Он шел по широкому коридору, уже поднявшись на верхнюю палубу, где располагался капитанский мостик. Злости его не было предела. Ох, попадись ему сейчас кто-нибудь на пути! Ох, только попадись!

Видели когда-нибудь Чихуа-хуу? Вот! Если бы она была человеком, то выглядела бы сейчас точно также. Всклокоченные, редкие, намазанные гелем до состояния соплевидности волосы. Трясущееся тщедушное тельце и злые, навыпучку глазенки. Однако внутри Валентин ощущал себя доберманом. Нет, ротвейлером, способным разорвать всех на мельчайшие лоскутки!

Примерно в таком настроении он подошел к двери кабины, или как ее там называют, где капитан у штурвала или чего-то такого стоит? Наспех собранная, разваленная то ли во время штурма корабля, то ли во время прорыва мертвецов, она дико заскрипела, когда мужчина ее открыл. Пришлось тянуть двумя руками – петли покосились и работали теперь неправильно.

- Где тебя черти носят?! – почти сразу же, как Валентин вошел в рубку, сорвался на него полковник Резников. – А… - тут же вспомнил он, осмотрев причудливую одежду помощника. – Прости, забыл. Потом доиграешь свадьбу. У нас гости…

Черный боевой вертолет заходил на посадку. Включенные красные проблесковые маячки, рыскающий по палубе ствол пулемета, закрепленный под кабиной, и заранее открытые боковые двери, из которых высовывался еще десяток стволов поменьше.

Солдаты полковника уже находились на боевом посту. Им был отдан приказ не стрелять. Вертолет не выходил на связь, но помехи, то

и дело прерывающиеся тишиной говорили о том, что воздушное судно пыталось "дозвониться" до них на разных частотах.

- Антенна не работает, - угрюмо вздохнул один из сотрудников персонала. – Разбита напрочь…

Вертолет опустился ниже и замер в нескольких метрах над ней. Один из местных бойцов шагнул вперед, зажег два фальшфейера. Никто из них, ни солдаты, ни офицерский состав, ни Резников с Валентином не владели информацией о том, как и какие мирные сигналы нужно подавать воинственно настроенному вертолету при посадке. Обычно в армии есть на то специально обученные люди. Но среди уцелевших после бойни на Афалине таковых не отыскалось. Да и времени на поиски не было.

Солдат, вспомнив, кино, в котором он пару раз видел, как техники подают знаки вертолетам и самолетам на авианосцах, скрестил два шипящих факела, и медленно опустил их перед собой. Через покрытое изморозью стекло он видел голову пилота в черном шлеме и сидевшего рядом с ним человека в маске.

Головы посмотрели друг на друга, затем синхронно подняли руки и покрутили пальцами у виска. Солдат смутился. Мужик в маске, видимо, командир, махнул ладонью в сторону, мол, свали, и вертолет, когда люди таки отошли на несколько шагов назад, медленно и плавно опустился на палубу. Еще винты затихнуть не успели, а из чрева вертокрылой машины посыпались бойцы. Они быстро заняли круговою оборону вокруг машины, прильнули к прицелам коротких автоматов. Все как один в черной одежде и броне, без знаков отличия. С приборами ночного видения. И оружием с лазерными целеуказателями и глушителями.

Полковник, наблюдая за картиной через мониторы, цокнул языком. Вот это армия! А не его оболтусы. Кто в чем… У половины даже и патронов в оружии нет… Серьезные люди пожаловали. А, серьезным тут взяться больше, как со «Шторма» было неоткуда. Вертолет наш, Российский, значит, не контингент НАТО с полярной базы… Значит, пора самому выходить, разговаривать.

Резников надел фуражку, оправил китель и вышел из каюты. Быстро, но чинно прошел до перехода, спустился на единственном уцелевшем лифте на среднюю палубу и вышел в ночь. Хотелось было завернуться в форменный тулуп, но тогда бы он выставил его в не

лучшем свете, а он, как никто другой, знал, что встречают по одежке. Тяжело и грозно прошагав по палубе, он бесцеремонно раздвинул охрану, решительно вышел вперед. Дождался, пока его заметят. Мужик в маске, сидевший рядом с пилотом вперился в него взглядом и через небольшой промежуток времени, притворно вздохнул и полез из кабины.

- Кто главный? – грубым, низким голосом спросил мужик, прямо игнорируя полковника.

- Полковник Резников!

Мужик вернул взгляд на говорившего.

- И что вы тут делаете, полковник? На гражданском судне, в запрещенных для плавания водах.

Резников сбился. Такого напора он уже давно не встречал. Обычно все его окружение принимало безоговорочное командование полковника. Всякое сопротивлении он уже давным-давно подавил, а тут… Смотри-ка! Гонору-то сколько! Пришелец совсем его не боится! Но полковнику это понравилось. Если неизвестный ведет себя так, можно даже сказать, по-хамски, то они встретили именно того, кто им был нужен. Того, кто чувствовал за своей спиной силу, и сейчас Резников думал совсем не о той десятке в черной броне, а о намного, намного большем.

- Стреляли, - ответил он, ухмыльнувшись, вспомнив бородатую фразу из старого советского фильма.

- Стреляли, - улыбнулся глазами мужик, хмыкнув. – И кто стрелял?

- А мне почем знать… - пожал плечами Резников. – Давно дрейфуем, - перешел он на серьезный тон.

В любых переговорах нужно четко знать, когда стоит пошутить, а когда нужно говорить серьезно и жестко. Где нужно сделать паузу, вынуждая оппонента продолжать неудобный разговор, а где напротив, брать инициативу.

- Главный двигатель поврежден, дрейфуем на маневровых. Ищем кого-нибудь… А вы тут откуда? Вертолет не для дальних перелетов…

- Оттуда, - не остался в долгу мужик в маске, вернув полковнику мяч по знанию советских фильмов.

Резников улыбнулся.

- И что вы хотели?

- Да так. Познакомится с соседями…

- К соседям с оружием не летают…

- Так и соседи сейчас разные. Одни кусок от жопы откусить стараются, другие в эту самую жопу без мыла пролезть…

- Эк ты «зайти в тылы» завуалировал! – Мужик улыбнулся. Резников принял расслабленную позу. – Так откуда прилетели? Никак с… - полковник сделал паузу, - …«полярки»?

Глаза под маской чуть сузились, что могло бы говорить о работе мыслей.

- Да знаю я, - ухмыльнулся полковник. – Сами туда курс держим… У вас там база? – Резников сделал ударении на слово «там». - Или тут где-то?

- Много спрашиваешь, полковник… - нахмурился мужик в маске.

- Так время такое... Больше знаешь – дольше живешь.

- Не факт, не факт... – зло прищурился мужик.

- Да ладно тебе. Хорош комедию ломать и в партизана-разведчика играть. Вы со «Шторма»?

Неизвестный нахмурился еще больше. Бойцы за его спиной напряглись.

- Как говоришь, твоя фамилия, полковник?

- Резников, - спокойно выдержал Илья тяжелый взгляд. – Рез-ников. Я бы на твоем месте сразу сделал запрос в штаб армии, прежде чем тут так себя вести…

- Будешь на моем месте – сделаешь! – грубо оборвал полковника мужик.

- А давай-ка прокатимся с тобой? Я думаю, твоему командованию будет полезно выслушать меня… А то что мы так, через «передаста» будем? – прервал полковник незнакомца ровно в тот момент, как он уже начал тянуться к рации, неприятно сбивая того с настроя.

Мужик сжал зубы так, что даже под маской это стало видно. Стрельнув глазами по сторонам, явно оценивая обстановку, прикидывая, наверняка, что можно полезного с «Титана» экспроприировать, неизвестный хмыкнул.

- А действительно! Давай-ка скатаемся… Да посмотрим, кто ты такой на деле… «Птичка-два», «Птичка-два», садись…

Не успел еще мужик убрать рацию, а из черно-белых облаков уже высунулось верткое тело второго вертолета. Полковник чуть дернул

щекой. Такого он не ожидал. О втором вертолете он не знал и это оказалось неприятно. Но что поделаешь. Радар «Титана» далек от тех, что используют военные. Заметил первый – уже хорошо! Но, как же он от всего этого устал, кто бы только знал! Вот что ему нужно! Эти ребята, это вооружение и эта техника! С тем, что имеется у Резникова, сейчас он это внезапно отчетливо понял, ему не добиться ровным счетом ничего из всего того, что он запланировал, а это означало лишь одно – нужно расширяться.

***

Семь с половиной дней до катастрофы.

Вертолет ВМФ России Ка-27 ПС, «Птичка-1»

Валентин нервничал. Его непосредственный начальник выглядел как всегда серьезным и собранным, по его лицу помощник прочитать волнения не мог, но он уже давно на интуитивном уровне научился угадывать желания полковника. И сейчас тот желал, что бы не они тряслись в тесной кабине вертолета под прицелом нескольких стволов и неприятных взглядов, а сами везли этих зарвавшихся вояк на допрос.

В том, что это будет именно допрос, а не дружеское общение двух командиров разных кораблей, Валентин не сомневался ни на секунду. Он чувствовал себя неуютно. Этому способствовали и насмешливые взгляды людей в черной форме. Еще бы! Весь в белом… Во фраке, при шпаге, в смешных, как ему сейчас казалось, лосинах… Это там, на «Афалине» и «Титане» он был полубогом. Тем, даже чьего взгляда не все жители достойны были… А здесь… Он резко снова ощутил забытое чувство. Ему почудилось, что он снова стал серым завучем в небольшой сельской школе, расположенной где-то в глубинке Сибирской тайги…

Мужик, сидевший напротив, оскалился. Валентину стоило чудовищных сил, чтобы не обмочиться. Настолько неприятным ему оказался этот взгляд.

- Слышь, а ты че, клоун? - усмехнулся другой вояка. – А нам номер покажешь?

Валентин позорно промолчал, потупив взор. Он резко стал каким-то маленьким… Беззащитным. Беспомощным. В страхе он маленьким щенком посмотрел на полковника, ища поддержки у хозяина, но Резникову было явно не до него.

Правитель думал. Это было видно по едва заметным набухшим на шее венам. По напряженно нахмуренным бровям. Валентин внезапно облегченно вздохнул. Сейчас! Сейчас он что-то придумает и тогда! Тогда! Валентин поджал губы и с вызовом посмотрел на мужика в черной броне.

- Покажу! – прищурив глаза, ответил он. – Обязательно! Но он может тебе не понравиться…

Он рисковал, но терять лицо перед хозяином не хотел. Если Полковник и вправду что-то придумает, ему, его главному помощнику и заместителю, нужно оставаться в лице! А для этого он пойдет на все!

Мужик в черной броне скорчил страшное лицо и уже хотел было встать, чтобы одним ударом берца прихлопнуть зарвавшегося червя, но тут пилот сообщил, что вертолет заходит на посадку. И так-то разогнавшееся сердце Валентина, застучало еще сильнее. Их тряхнуло, в животе появилось ощущение падения, под языком образовалось неприятное чувство.

Вертолеты мягко коснулись палубы, глуша винты. Шум стал стихать, вибрация уменьшаться.

- Приехали, - проходя между своих людей проговорил мужик в маске. – Вытряхиваемся.

Бойцы покидали корпус вертолета расслабленно, вальяжно. Они были дома. А вот полковник с Валентином ступили на палубу авианосца с явным напряжением.

Резников осмотрелся. Широкая палуба была заставлена различной техникой. Истребители, заправщики, вертолеты, машины обслуживания, люди туда-сюда шныряют. И не абы как! А с какой-то проглядывающейся траекторией. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Горючее, порох, дизель и мороз. Что может быть приятнее? Отовсюду доносились обрывки команд и приказов. Отчеты и шум работ. Вот! Вот оно! Как же он скучал по неутомимой машине по имени «армия». Круглые сутки её жернова вращались, выполняя свою работу. Постоянно. Безостановочно. И днем и ночью. В любую погоду. Ему этого не хватало. Не хватало… настоящего. То, что было у него на «Афалине», или уж тем более на «Титане», было лишь жалкой пародией того, что он сейчас видел перед собой. Оставалось только все это возглавить…

- Капитан там, - кивнул головой так и не представившийся мужик в маске, указывая на высокое строение в другом конце палубы. – Вам на "мостик", - пояснил он. Вас проводят.

Голос мужика изменился. Сейчас полковник уже не слышал в нем заносчивости или резкости, но появились нотки раздражения. Видать, получил люлей от командования… наверняка ведь сообщил всю полученную информацию начальству, а там навели справки, дозвонились куда надо по каким надо каналам и выяснили, кто такой полковников Резников и что он жив и здоров…

Их отвезли. К вертолету подъехала небольшая машинка, размером чуть меньше пикапа на маленьких колесиках. Выглядела она довольно смешно, но как говорится, «красивым должен быть лебедь, а машина – ездить», и «лучше плохо ехать, чем хорошо идти».

На протяжении всего короткого пути, полковник буквально упивался происходящим вокруг. Столько народу! И все что-то делают. Легендарное армейское "Броуновское движение". Там группа мужиков бочку куда-то тащат, тут бригада самолет осматривает, справа бензозаправщик проехал, фырча дизелем, слева ящик огромный перекатывают. Все как положено! Все, как должно быть! Всю картину рассмотреть мешал мелкий падающий снег, но Резников был доволен. Он смотрел вокруг так, как будто прибыл сюда командовать, назначенный начальством, а не с целью силой, если понадобится, захватить власть на авианосце.

Машинка высадила их возле палубных настроек, рядом с плацем, на котором в этот момент проходили очередные тренировки. Полковник чуть не прослезился, увидев, как суровый сержант гонял молодняк строевым шагом. Смотри-ка! Апокалипсис! Мертвые из могил встают, а тут, словно ничего и не изменилось!

Руководство, как и было положено, находилось на самом верху. В прямом смысле. Пришлось подниматься по бесконечным лестницам и заблудиться в бесчисленном количестве коридоров и поворотов, но минут через пять, они все же добрались до капитанского мостика. Сразу их, конечно же, не пустили. Лейтенант, старший из конвоиров, сперва сам постучался и вошел, затем выглянув, кивнул оставшимся с Резниковым и Валентином рядовым, приказывая тем ввести гостей.

Мостик «Шторма» заметно отличался от мостика «Титана». Если на лайнере все было устроено с комфортом и шиком, то здесь было всё

более аскетично, но намного более серьезно. Радары, тактические карты, компьютеры… В помещении стоял постоянный шум. Кто-то переговаривался, гудела техника, слышались хрипы раций с докладами. Резников сжал зубы. В груди стало тесно. Как красиво! Как он по всему этому соскучился! Вот его место!

- Товарищ капитан первого ранга! – обратился лейтенант-конвоир к мужчине в дальней части огромной комнаты. – Они доставлены!

Названный капитаном небрежно отмахнулся от порученца, бросил короткий взгляд в сторону гостей, что-то сказал помощнику и лишь после того, как тот ответил, двинулся к ним навстречу.

- Резников Илья? – еще издалека громко переспросил местный командир.

Полковник кивнул.

- Илюха! Это, и вправду ты!? Я даже сразу не поверил! – подойдя ближе, внезапно улыбнувшись, добавил капитан «Шторма» и полковник резко замолчал.

Когда к человеку обращаются панибратски, хочешь, не хочешь, напряжешься и задумаешься. А с какого, собственно, перепуга? Резников насторожился, вглядываясь в черты лица приближающегося.

- Вот уж кого не думал тут увидеть! Не узнаешь?.. Вершин. Андрей…

- Андрюха? – не веря собственным глазам, переспросил полковник, на мгновение сбившись.

- Какими судьбами?

Мужчины пожали друг другу руки. Полковник, признаться честно – удивленно. Вершинин – радостно, даже позволив вольность – ударить бывшего однокашника по плечу.

- Мне сообщили, твою фамилию, но я не сразу поверил… А теперь вижу. Точно, Илья! Жив, мужик! Ну, как оно? Какими судьбами в наших водах? Ты же вроде как в Сирии базировался перед всем этим…

Резников улыбнулся. По-настоящему. Даже сам удивился тому, как мышцы щек напряглись. Нет, Андрюха не изменился… внешне – конечно да, возмужал с последней встречи на выпускном в военной академии. Да так, что Резников бы его и не узнал, не присмотревшись. А вот внутри бывший курсант остался, судя по всему, все тем же балагуром и весельчаком.

- Да вот, северным ветром занесло, - наконец-то ответил полковник, осмотревшись. – А я гляжу, у тебя тут все чин-чинарем? Ты тут… - он сделал небольшую паузу, перейдя на вкрадчивый голос, словно заговорщик. – С самого начала командуешь, или…

- С самого! – снова улыбнулся Андрюха. - Я после академии в морфлот пошел. Ну и вот, назначили сюда. Проектное судно! Первый боевой выход и так все случилось!.. - Вершинин цокнул языком, окинув рубку взглядом. – Повезло, можно сказать. Так как ты вообще тут оказался? Ты же вроде при штабе…

- Сложно все. Я в инспекции тут был неподалеку, когда накрыло. Пол года на станции одной обитали, потом вот, лайнер обнаружили, заняли. Дрейфовали какое-то время. Там двигатели испорчены, только маневровые. Искали, как причалить, но зима крепчает, лед… шли наугад. Потом ваших орлов встретили…

Тут, словно специально, за спиной полковника открылась дверь и в помещение кто-то вошел. Вершинин кинул взгляд бывшему однокашнику через плечо, кивнул.

- Вертушки поставили, - раздался знакомый голос мужика в маске, - ребята на дежурстве. Как у вас тут?

- Сань, - обратился капитан к помощнику. – Вы уже, типа, знакомы, но я все равно представлю. Полковник Резников. Живой и настоящий. Я его лично знаю. Мы с ним в академии еще вместе учились! Спасибо, что доставил моего старого друга живым и не помятым…

Мужик, все также, не снимая черной балаклавы, хмуро поглядел на гостей, дернул глазом.

- Рад стараться… - недовольно буркнул он и еще раз пристально оглядел прибывших с лайнера людей.

Командир спецроты, Худинин Сашка, по совместительству лучший друг Андрюхи Вершинина еще с Чеченской войны, был гостями не доволен. Опасностью от них сквозило не прикрыто. Андрей был доверчив, и местами чрезмерно добр и зачастую верил людям, когда того делать не стоило… Сколько раз Саня его задницу прикрывал? Он всегда чуял подвохи и опасности, в отличие от верящего в людей товарища, Александр не доверял никому… Получив однажды тяжелое ранение в лицо от своего же напарника, бросившего его подыхать в окопе, а сам перешедший на другую сторону, сдав

целый опорник, Сашка теперь всегда и везде находился в черной, как ночь, маске и никому, кроме трех проверенным боевым друзьям не доверял. Андрюхе Вершиниу, Сереге Цаплину – старпому командира, да своему заместителю – сержанту Игорюхе. Еще с войны они держатся все вместе. И вместе прошли через ад, когда мертвые начали вставать. Вместе же удержали людей от безумия, когда все началось. Вместе составляют стержень, на который опираются, веря и всецело доверяясь, все члены экипажа.

- Так! Давай, наверное, отведи гостей ко мне в каюту, - прервал Вершинин схватку взглядов полковника и майора. - Я сейчас тут закончу и приду тоже. Надо отметить встречу. Много воды утекло, наверняка есть о чем поговорить…

Резников кивнул, медленно отведя взгляд от помощника командира «Шторма».

«От этого нужно будет избавиться в первую очередь», - мысленно сделал он зарубку в памяти, надевая маску дружелюбия и улыбаясь старинному приятелю.

- Серегу с Игорьком тоже позови… Пару дней, думаю, тут без нас справятся…

Андрей заговорщически подмигнул сразу всем, как бы намекая на то, что пьянка намечается настоящей, мужской…

***

Сидели бывшие однокашники в каюте капитана безвылазно всю ночь и еще следующий день. А еще через два на корабле случилось трагичное событие, повлекшее за собой бунт и череду событий, чуть было не приведших мир к ядерной катастрофе…

***

Семь дней до катастрофы. Лайнер «Титан».

Лабораторный комплекс.

Данные с результатами тестирования населения «Афалины» начали поступать практически сразу, как только высокое начальство под конвоем отчалило в неизвестном направлении. Профессор Решетов увидел в этом самый лучший знак.

- Кот из дома, мыши в пляс, - проговорил он, как только лаборанты загрузили последние сведения и вывели их на главный монитор.

Система начала работу. Алгоритм строчку за строчкой, отсеивал неподходящие кандидатуры, оставляя на его взгляд самых достойных. За что Решетов любил машины и не любил людей – за их совершенность. Машина беспристрастна. Ей нет дела до того, кто перед ней. Она выполняет лишь заложенный в нее алгоритм. Да, человеком. Человеком, который может допустить ошибку, поддаться моральным или этическим принципам, или что-то иное, но свою работу машины выполняли от и до. Как и его детища. В этом они были похожи. К этому он, профессор Решетов, стремился.

Строчка за строчкой из длиннющего списка выпадали фамилии. Первый десяток, второй. Третий. Сотня… Профессор и не ждал, что подходящих кандидатов на роль донора будет множество. Уж кто-кто, а он точно знал, как низок процент иммунных среди выживших.

Изначально их было больше. Но с каждым днем, с каждым часом их становилось лишь все меньше… Кто погибал естественной смертью, кто насильственной. Но среди такой огромной толпы не же могло не быть того, в чьей крови течет то, что ему нужно! Вот система пикнула в первый раз, уведомляя о том, что нашла подходящего пациента, затем второй… Третий. Подождала и еще раз…

За час, что компьютер скрипел своими электронными мозгами, набралось чуть меньше десятка кандидатов. Почему кандидатов? Потому что алгоритм отсева был неимоверно сложен. Нужно было сравнивать кучу структурных данных, проводить сравнения по разным областям, и решать, насколько именно тот или иной индивид подходит под нужные требования. Профессор Решетов заранее расширил рамки поиска, чтобы у него было как можно больше резервного материала. К сожалению, в результате его исследований, профессор полной защитой от вируса ни у кого из подопытных так и не сумел обнаружить, но не найти, еще не означало, что этого не существует. Или такого нельзя создать... Всякая теорема требует доказательства. На подобии того, как в таблице Менделеева находятся пустые места для новых, еще не открытых элементов, так и в шкале Решетова, как называли ее его бывшие коллеги, пока имеются пробелы.

Для удобства классификации было принято создать некий индекс, наподобие индекса выживаемости у детей - шкалы Апгар - от нуля до десяти, где нулем являлся зараженный, а десяткой – организм, не только способный сопротивляться вирусу, но и способный его

подавить. Сам Решетов, увы, как и большинство людей, по его собственной шкале, имел всего лишь «двойку». При ней человек со сто процентным шансом заражался при попадании в организм вируса и переходил на индекс ниже - процесс активного заражения.

Для успешного эксперимента ученым требовался индекс никак не ниже пятого – способного защититься от незначительного заражения. Да, пациент будет тяжело болеть. У него появится температура, озноб, слабость, провалы в памяти и даже обмороки, но все-таки он имеет пятидесятипроцентный шанс на выздоровление.

Индекс, равный шести позволял больному излечиться от значительного заражения. И такие организмы имели уже вероятность два к трем на благополучное выздоровление.

Люди с индексом семь были способны свести на нет заражение с практически стопроцентной гарантией. Таким, к примеру, были не страшны даже единичные укусы зараженных. К сожалению, люди с семеркой и выше, по року судьбы жили гораздо меньше, чем нужно было, чтобы узнать о своей во истину чудесной способности. Чаще всего, видя, как укушенные превращались в монстров, они или сами совершали суицид, или кто-то из их окружения помогал им это сделать. прежде чем обнаруживали, что для них укусы не так опасны.

Дальше шли «восьмерки». За все время исследования, профессор Решетов всего раз видел такой результат, но, тем не менее он находился еще не на самой вершине шкалы. Пациент с индексом восемь мог с легкостью переносить единичные укусы, и с большими, но все-таки имеющимися трудностями, множественные. К сожалению и великому горю профессора, как выяснилось много позже, даже восьмое место в шкале Решетова не давало человеку сто процентной долговечной гарантии от заражения… После десятка экспериментов, больной все-таки заразился и скоропостижно умер. К слову сказать, люди с индексом пять и выше после смерти в живых мертвецов не перерождались. Ну и раз «восьмерка» оказалась не совершенной, по все той же теории Менделеева, в шкале Решетова имелись еще два места.

У людей с девятым индексом организм должен был защищаться от любого вида заражения, а с десятым… Профессор чисто из мечтательных соображений поместил его сюда. Тот должен был не только не поддаваться заражению, но и побеждать, подавляя… Лечить!

Это и было целью ученого. Создать совершенный организм... Из чьих стволовых клеток можно черпать практически неограниченный запас защитных элементов, которые бы могли наделить, к примеру, его скромную персону, вечным иммунитетом.

Машина пискнула еще раз, выводя ученого из задумчивого состояния. По итогу расчетов, система обнаружила семь подходящих кандидатур. Кто-то бы может сказал «всего семь», но для профессора это звучало как "целых семь!». Алгоритм сам выстроил их в нужной последовательности, по мере понижения силы иммунитета.

Распечатав скудный лист, Решетов поправил очки и принялся читать.

- Та-а-а-ак. Не густо… Совсем не густо… Однако! Семь единиц! Надо же! – ученый взглянул на фамилию в строке и помрачнел. – Ста-а-а-рая знакомая! Ну, кто бы сомневался! Так, так, так… - он забарабанил по клавиатуре, набирая фамилию кандидатки, уже зная результат, который выдаст машина. – Ч.е.р.н.о.в.а. На-та…

«…Погибла в результате прорыва на Афалине» - выдала система, сама поняв и отыскав вводимые данные.

- Черт! А я все ж надеялся… Эх, Наташка… Ну как же ты так! - старик скрипнул зубами. – Всю жизнь мне портишь! Даже сейчас!

Чернова оказалась самой идеальной кандидаткой на эксперимент! Решетов, кстати, не сильно-то этому удивился. Уж если кто и должен был иметь такое свойство, так это точно она! Та еще зараза, хоть и умная!

Чертов Валентин! Почему он не удосужился заранее внести в базу только тех, кто имеется в наличии!? А что если все они - погибли?!

Ученый скользнул глазами на вторую строчку и… Губы его расплылись в хищной улыбке.

- Бело-о-ова! Али-иса Евге-е-еньевна… Смотри-ка, а тут повезло! Шесть единиц иммунитета! Надо ж как судьба завернула! Вот прям как специально…

Решетов ухмыльнулся. Ему все-таки повезло! Ниже по списку шли двое мужчин с индексом «6» но в качестве доноров для будущего проекта они подходили плохо. Еще две женщины и мужчина были с «пятерками»… Если бы не новоиспеченная жена Валентина… Пришлось бы из ДНК более слабых иммуннанотов пытаться получить сначала девочку, а уже потом с ней экспериментировать, а на это ушли

бы годы, а так… Ну, шесть, так шесть… Жаль, что «Семерка» не спаслась. Очень жаль! Из ее ребенка бы получился очень сильный иммуннант! Кто знает, может быть даже «восьмерка»! И тогда! Тогда от создания совершенной «девятки» Решетова отделял бы всего лишь вопрос времени.

Еще раз посетовав на то, что ничего в жизни легко не дается, он отдал распоряжение привести в лабораторный цех всех иммунных, кроме жены Валентина. Тут нужно было действовать грамотно. Мало ли, а то заартачится еще полковничий прихвостень… Нужно подготовить речь, доводы или… Решетов посмотрел на верхний ящичек стола, в котором лежал пистолет. Если будет нужно, ни Валентин, ни даже полковник Резников его не остановят! Ему всего лишь нужно добраться до полярной станции… Всего лишь нужно потерпеть. Козырь с Беловой нужно было разыграть грамотно. Второго шанса у него не будет еще ой как долго!

***

Пять дней до катастрофы. Лайнер «Титан».

Лабораторный комплекс.

- Почему не доложили?! – злился Валентин, вернувшийся на «Титан» через сутки после того, как они с полковником улетели в неизвестном направлении, наверняка получивший информацию от Решетова через стукача в его команде. - Что значит, иммунная?

Решетов сжал зубы. Его план трещал по швам. Крыса! В его команде есть крыса! Иначе откуда прихвостень узнал о результатах исследования? Чуть склонив голову, профессор посмотрел в сторону одного из лаборантов. Он ему чем-то не нравился, а профессор своему чутью привык доверять. Но… было уже поздно.

- Да, ваша жена, Валентин, самый лучший кандидат на роль донора в нашем проекте… Без нее у нас ничего не выйдет, вы понимаете? – поспешил он объяснить саму суть проблемы. – Она – самый сильный иммуннант на корабле! Конечно, мы еще не проверяли команду с авианосца и может так случиться, что среди них найдется более достойна кандидатура…

- Нет! – надвинулся Валентин на старика. – Нет! Я сам! Пусть это будет она! Я сам взращу этого младенца! Это… Это великая честь стать отцом будущим завоевателям мира! Мы же с ней… Да мы с ней сможем создать армию совершенных людей!

Решетов мысленно выдохнул. Что ж, ему несказанно повезло трижды! Найти иммунную, обойтись малой кровью в том, что он попытался скрыть тайну и в том, что Валентин - болван! Белова – иммуннант. А он – нет. Его ДНК, как, к сожалению и ДНК самого Решетова не подходят для проекта. Им нужен такой же иммунный. Желательно с уровнем не ниже «6»… А это значит, что Валентин ни при каких условиях отцом будущего мутанта быть не сможет! В идеале, ученый снова вздохнул, им бы добыть ДНК того гибрида, с которым он повстречался в «Улье», да кто ж знал, что ни Чернова, ни ее детище не выживут…. Но! И тут судьба посмеялась над Решетовым. Ближайший кандидат, имевший такую же «шестерку» уже был слишком стар. Им оказался старшина бригады сантехников, которому уже перевалило за семьдесят. Старик, безусловно, еще был крепок, и тому, скорее всего, причиной был тот самый индекс в шкале Решетова, ведь вместе иммунитет и вирус, как не парадоксально, но всех иммунных наделяли большей силой и выносливостью. Это, к слову сказать и подстегивало профессора к созданию «девятки», а в дальнейшем и «десятки». Представить, какой силой и способностью будет обладать совершенный иммунный, он пока не мог. Как и не мог предсказать последствий, которые он вызовет как для него, так и для Валентина, и даже для целого государства… но! То история, которая свершится не сегодня, не завтра и даже не здесь. Но здесь она начнется и здесь она закончится…

***

Два дня до катастрофы. Лайнер «Титан».

Верхняя палуба.

Ее тошнило. Наталья в очередной раз едва успела распахнуть дверь туалетной комнаты. За последний час, это, кажется, был уже пятый или шестой раз. Она не считала.

- Как ты? – взволнованно позвал ее Петров через минуту, после того, как Наталья затихла.

- Нормально, - хрипло, сплюнув, ответила девушка.

Она утерла губы, бросила короткий взгляд на то, чем ее вырвало, поморщилась. "Титан" был обесточен и воды в бачке не было не то, чтобы смыть кровавую кашу, но даже умыться…

Чернова выпрямилась.

- Я сейчас, минутку, - она вздохнула, помяла кончик носа, в нем стоял неприятный привкус желчи и крови. – …утрусь…

- Точно? – настороженно, но уже более спокойно спросил Данил из-за двери.

- Да… Сейчас…

Наталья оторвала кусочек бумажного полотенца, утерла губы, высморкалась. В коридоре послышались удаляющиеся шаги. Утерев лицо еще раз, девушка чуть сгорбилась. Тело болело. Его ломило и тянуло. Тошнота чуть отступила, но она знала, что она скоро вернется. И дело было не в качке или в синяках на лице и сотрясении головы от удара прикладом, как думал Данил. Нет. В другом.

Было холодно. Мороз сюда конечно не доставал, но и комфортной температуру в комнате было назвать сложно. Девушка отдышалась от накатившего спазма и выпрямилась перед зеркалом. Посмотрев на чрезмерно худое, как-то быстро осунувшееся, бледное, с синяками под глазами и на скуле лицо, вздохнула. Медленно, ежась, она расстегнула полярную куртку, взятую из убежища во время заправки вертолета, приподняла кофту вместе с потемневшей уже от пота футболкой. Округлившийся живот вскоре будет сложно скрывать. Но она постарается. Постарается убедить, если все вскроется слишком рано, что это его ребенок. Данил, конечно, будет в гневе, но только за то, что она ему не сказала. Она буквально услышала его рев, который тот издаст, когда узнает. Он придет в гнев от того, что Наталья не сказав ему, продолжала подвергать и себя и ребенка опасности… В животе забурчало и девушке показалось, что на покрытой синими венами выпуклости проявилось движение. Конечно, для такого еще было слишком рано, но… Наталья вздохнула. А правильно ли она поступила? Сейчас, глядя на живот, она на мгновение усомнилась в том, что совершила. Но пути назад ведь уже нет. Если что и было можно сделать, то уже наверняка поздно.

Неприятное чувство, расползавшееся от паха, уже достигло груди. Ей стало трудно дышать. Захотелось разорвать на себе одежду, кожу, вынуть легкие и подставить их холодному северному небу, чтобы вдыхать такой сладкий и пьянящий голову воздух. Но она стерпела. Приступ прошел.

- Надо было остаться на «Афалине»! – Пронеслась запоздалая умная мысль. – Там хотя бы какие-никакие медицинские условия! А

здесь!.. – Девушка достала шприц из сумки и последний бутылек темно-зеленой жидкости. – А здесь ее окружает один лишь лютый холод! – игла проткнула закупорку, в шприц потекла густая субстанция. – Один холод! Куда не глянь!..

Снова приступ. Удушье. Тошнота. Головная боль. Все разом, по очереди, и друг на друге.

Ее скрутило так, что она чуть было не уронила драгоценную "дозу". Ноги подкосились, Наталья покачнулась, едва не упав. Как рожать в такой остановке? Да она попросту замерзнет во время родов! Тут в туалет-то сходить – целая история! А что говорить о нескольких часах потуг с голой задницей на холодной палубе корабля, или не дай бог, вертолета?! Нет! Нужно срочно добрать до «полярки»! Нужно добраться до цели! Там ей смогут помочь! В том, что она сможет родить обычным способом, Чернова уже не была уверенна.

Дрожащие руки поднесли шприц. Вокруг посиневшего пупка уже красовались четыре точки от предыдущих уколов. Этот будет последним. Он снимет спазм на несколько часов, но не более. А дальше… Дальше только богам известно, что случится!

Игла проткнула кожу. Поршень, поддавшись нажиму пальца ввел жидкость. Неприятное ощущение сменилось холодком и почти сразу сошло на нет.

Отдышавшись, трясясь как от лютого холода, хотя ей стало нестерпимо жарко, Наталья выкинула шприц в мусорку. Больше он ей вряд ли пригодится. Раствора нет. И взять его тоже неоткуда. Теперь только рожать… А с учетом скорости развития плода, это должно случиться в ближайшие сутки. Что ж… Чернова отерла испарину и выпрямилась. Сутки, так сутки! А дальше видно будет!

Покачиваясь, словно пьяная, отлично понимая, что организм с каждой минутой отравляется все сильнее, что его ресурсов уже практически не осталось, еще раз освежив лицо от слез бумажным полотенцем, Чернова вздохнула, задержала дыхание и медленно выпустив воздух, развернулась лицом к двери. Нужно идти! Закрыв медсумку и накинув ее на здоровое плечо, девушка неуклюже вышла, прикрыв культей за собой дверь. Ледяной ветер облизнул лицо, мгновенно заморозив мелкие капельки на щеках, прихватив ресницы. Но это было приятно. Улыбнувшись, едва сдерживая слезы от

нахлынувшего чувства разочарования и паники, страха и боли, Наталья двинулась по коридору.

***

Друзья расположились в командирской рубке. Мужчины о чем-то спорили, когда она вошла.

- Да какой смысл?! – сложив руки на груди, опершись спиной о пульт управления, ругался Буран. – Топлива на две сотни километров. Максимум. До большой земли - сто пятьдесят! До Диксона долетим, оттуда по Енисею к Ангаре… А дальше Красноярск и на юг…

- Надо найти корабль! – не соглашался Петров. – Они не могли далеко уйти! Тут до твердого льда меньше километра!

- Корабль? – не поняла Наталья.

- Да! – подошел к ней Петров. – Мы нашли это! - он показал подруге ладонь с коробочкой мп3-плеера. – Алиса успела передать сообщение. Их перевезли на какой-то корабль. И теперь они двигаются куда-то в сторону полюса, к арктической военной базе.

- Ну, так это же хорошо! Мы знаем их конечный пункт назначения!

- А если это деза? – не отставал майор. – Мы можем быть уверены? Она ничего не напутала? У нас будет всего один шанс…

- Ну не испарились же они! – рыкнул уже Николай и все сразу притихли.

По помещению ударила невидимая волна, от которой внутри у всех сразу стало как-то неприятно. С трудом подавив гнев, здоровяк, отдышавшись, продолжил более сдержанным тоном.

- Они же, правда, не испарились и не телепортировлись. Скорее всего, их действительно, перевели на другой корабль, или они пошли пешком, но до «Полярки» почти четыреста километров… так что вряд ли. Если вы не хотите или не можете продолжать путь, то подкиньте меня насколько возможно. Дальше я уже сам.

- Угу, - буркнул капитан.

- Вам со мной нельзя, - вздохнул сержант. – Я болен. Я больше не могу контролировать заразу, как там… - он мотнул головой, имея в виду события, произошедшие не так давно на заправочной станции. – Подкиньте меня до суши и еще сможете вернуться на большую землю…

- Не дойдешь, - поиграл желваками Данил.

Его разрывали противоречивые ощущения. С одной стороны ему не нравился настрой друга, что он в одиночку собирается добраться до станции, но с другой стороны – Петров снова ощутил усталость от всего.

- Авианосец, - внезапно проговорил он сам себе под нос. – Майор… Судя по ее словам, это авианосец… А что, если…

Буран хмыкнул. Он тоже обдумывал эту идею. Авианосец это вам не пассажирский лайнер! Это военный корабль! Там наверняка есть связь со штабом армии, имеется какой-нибудь план действий, наличествует топливо и… самолеты. Идея разжиться собственным истребителем, или, даже штурмовиком если все пойдет не по плану постепенно брала верх над здравым смыслом. А почему бы и нет? В лучшем случае, они смогут договориться на заправку, в худшем, он просто угонит самолет. Буран уже отлично видел и понимал, что мир и люди в нем изменились. Полковник являлся ярким примером того, как вроде бы военный человек, служащий на благо Родине и Государства, внезапно пошел по скользкой тропе и задумал невообразимое! А что если и командование этого неизвестного авианосца – такое же? Все-таки полгода прошло, кто знает, во что там уже они превратились? Может все давно друг друга, в прямом смысле слова, перегрызли, может, сумели сохранить воинский устав, а может, и вовсе, превратились в зверей и пиратов? Риск был высок. Но самолет!.. Если даже там все плохо, майор сможет что-то предпринять. Не из таких дел выкручивался! В обычное-то время уследить за одним человеком – довольно трудно, а что говорить про хаос, творящийся вокруг? Если командование корабля предало государство, то майор имеет все права на уничтожение внутреннего врага, что делать в свою очередь он умеет отменно. Что-ж! Решено! Он попытается отыскать авианосец по косвенным признакам, и, если их не собьют на подлете, разжиться истребителем, или хотя бы топливом для вертолета. Может даже сможет угнать боевой вертолет, ведь ему… Ему еще нужно «изделие», спрятанное на «Афалине» как-то вывезти. А самолету там ни сесть, не взлететь… Эх! Ему бы второго пилота!..

Буран вздохнул, впервые за долгое время вспомнив погибших на «Титане» ребят, с которыми вместе прибыл на операцию.

- Хорошо, - негромко проговорил он. – Мы попытаемся отыскать ваш корабль.

***

Четыре с половиной дня до катастрофы. Лайнер «Титан».

Каюта Валентина

- Ну что ж… - Валентин странно сиял, словно его распирало изнутри небольшое солнце. – Дорогая моя Алиса Евгеньевна… Спешу сообщить вам преприятнейшую новость! – он сделал паузу и, растянув губы в еще большей улыбке, наконец-то рассказал то, что его обрадовало. – Вы – иммунная и наилучшая кандидатура для рождения иммунного ребенка. – Алиса нахмурилась.

Она предпочла промолчать, чтобы не выдать волнения и переживания по поводу заявленной не понятной иммунности - хотя, она предположила, что это касалось, скорее всего, вируса - и уж тем более чуши о ребенке.

- Вам, милая моя, выпала великая честь стать мамой будущего правителя мира! Наш дорогой друг, профессор Решетов создал… - Валентин задумался, подбирая слова.

А что, собственно говоря, Решетов создал? Препарат? Да вроде ничего такого. Лекарство? Тоже нет. Прибор, который позволит что-то с кем-то сделать? Хм. Нет… Тогда что?

- Ал-го-ритм, - подобрал он ближайшее подходящее, как он думал, по смыслу слово, - который выявил у вас наличие особого гена, защищающий вас от вируса зомби. Его в вашей крови не так много, как бы хотелось, но по заявлениям профессора, ваш ребенок, в особенности, девочка, будет способен если не исцелять, то практически полностью блокировать вирус.

- Что?! – наконец-то решив, что пора вставить и свое мнение грубо спросила бывшая учительница.

- Ваша… кхм. Наша дочь, Алиса, будет способна практически полностью избавиться от заразы. А ее дочь… Сможет исцелять людей! Вы представляете, какая великая ответственность на вас… на нас с вами возложена?! Судьба будущей цивилизации зависит от нас с вами!

Валентин, казалось было, сейчас взорвется от внутренней радости. Его глаза сверкали нездоровым бешенством. Он обильно потел и постоянно подергивался.

- Как только мы прибудем на станцию, профессор займется вашим и ребенка здоровьем. У него уже почти все готово. Необходимое оборудование…

- Каким. Еще. Ребенком?! – Алиса встала, нахмурила брови.

- Нашим с вами, - улыбнулся, словно общаясь со слабоумным, Валентин, сделав голос более доверительным. – Нашим. С вами.

От такого напора простоты Алиса поперхнулась. Ей нечего было сказать. В голове роились сотни мыслей, но, ни одна из них не могла описать ее состояние. Она, можно сказать, опешила от такого заявления.

- Не переживайте, - по своему понял замешательство жены Валентин. – Это не больно и не страшно. Вы будете под постоянным наблюдением врачей. У вас будет отличное питание, самые свежие витамины и…

Валентин запнулся во второй раз. Хм. А как все это будет проходить? Он ведь даже не подумал. Не представил! Улыбка на мгновение сползла с его лица. Этот вопрос нужно будет тщательно проговорить с Решетовым! Все таки речь идет о его возлюбленной и о их будущем совместном ребенке! Валентин и сам, в случае необходимости, сможет обеспечить свою первую жену всем нужным. Наверняка на «Шторме» имеется высококвалифицированный врач. А если даже и не найдется, такого можно будет отыскать и на большой земле! Ведь речь идет о будущем не просто его, или жителей «Титана», или команды «Шторма». Речь идет о будущем всего человечества!

- Не переживайте так! – Валентин снова нацепил свою дежурную маску. – Все будет хорошо! Скоро мы переедем на другой корабль. Там больше места и он лучше защищен. Командир авианосца с полковником раньше вместе учились в академии. Они хорошие друзья и нас готовы с радостью принять на их борт. Там есть техника, оружие, топливо, врачебный и хирургический отдел, даже самолеты и небольшие подводные лодки! И вам и нашему ребенку там ничего не будет угрожать… У вас будет все! После мы переберемся на военную базу и уже там вырастим нашего малыша, или малышку!

Алиса молчала. Лучшей стратегией в общении с Валентином, она уже давно поняла, было именно молчание. Словоохотливый болван сам выложит весь план, распишет его до мельчайших подробностей. Но начни с ним спорить, сразу оскорбится и обидится. А роль Алисы сейчас заключалась именно в том, чтобы собрать максимум информации и успеть сообщить ее Николаю с Даниилом. Она верила,

что они живы и скоро придут ее спасти. Потому она лишь улыбнулась, стрельнув глазами в ненавидимую холеную рожу.

- Вот и здорово, - Валентин отпустил руки жены, которые так крепко сжал от волнения, что едва, казалось, не сломал хрупкие пальцы. – Тогда собирайтесь. Будьте готовы к переезду. Мы и еще несколько человек переселимся на борт «Шторма» через несколько часов, как только заправят вертолет. Пока прошу никому об этом не говорить, иначе среди населения нашего скромного дома могут начаться ненужные… - он покрутил на языке разные слова и выбрал самое подходящее, - волнения. Нам же не нужно людей беспокоить? Сейчас переселимся мы, а чуть позднее, наладим постоянную перегрузку, нам там еще, понимаете ли, кое-что нужно подготовить. Так сказать, уладить некий нюанс, во избежание всяческих ненужных инцеНдентов. Рисковать нам теперь нельзя. Потому нужно действовать точно, но аккуратно. Как только все будет улажено, за вами и остальными прилетит вертолет. Я уверен, новый дом вам понравится!

***

Валентин ее запер. Нахал снова это сделал! Выходя, он даже не скрывал, что не доверяет новоиспеченной жене. Уведомить о том, что ей придется провести в пусть и большой, но все же замкнутой каюте, несколько часов, он даже не удосужился. Просто, закрыв за собой дверь, Валентин щелкнул ключом с той стороны и ушел.

Алиса, честно говоря, надеялась на то, что муженек на такое не пойдет и она успеет хоть как-то предупредить друзей, но расслышав звук запираемого замка, она сразу все поняла. Вряд ли удастся. Единственным шансом на весточку остается момент, когда ее будут вести от каюты до палубы. Но не нацарапает же она на стене послание! И тут оставлять записку – бессмысленно. А вдруг сюда никто и никогда больше не заглянет?! Тогда что? Остается спрятать записку где-то на видном месте, где Николай с Даниилом ее точно заметят. Но нужно будет действовать быстро и аккуратно.

Немного подумав, Алиса, расхаживая по каюте решила, что стоит отложить эту мысль на потом. Какой толк от раздумий, где спрятать записку, если все равно она не знает, как ее поведут, каким коридором и когда выпадет шанс. Потому она перешла к самой записке. Что у нее есть? Оглядев рабочий стол Валентина, Алиса остановилась на стаканчике с ручками и карандашами, пачке письменной бумаге,

ноутбуке и принтере. Что надежнее? Записка может пролежать в агрессивной среде долгое время, прежде, чем ее обнаружат. Нужно было защитить текст. Взгляд сдвинулся на небольшой мп3-плеер, который Валентин подарил Алисе недавно. Хм! А вот это идея! Бумага может испортиться. Устройство тоже, замерзнуть, но ведь там есть флешка… А она может продержаться дольше. Наверное.

Разрываясь между тем, чтобы написать письмо ручкой, напечатать и распечатать на компьютере или надиктовать голос, Алиса металась в мыслях, не в силах остановиться на лучшем варианте. Бумага казалась ей более надежной, но!.. Голос!.. Друзьям будет приятнее услышать ее, чем прочитать текст. Возможно, она сможет подбодрить, придать им сил и уверенности, да и самой так будет проще. К тому же флешка или тот же плеер гораздо компактнее и не вызовет у Валентина подозрений, а вот белый лист бумаги, пусть даже спрятанный в целлофановый пакетик, к тому же еще и не так-то просто будет обнаружить!

Все! Решено! Запись!

Алиса подошла, взяла плеер и, немного подумав, включила его в режиме аудиозаписи.

***

Четыре дня до катастрофы. Авианосец 23000-Э «Шторм».

Каюта Капитана.

Вертолеты заходили на посадку. Первые переселенцы. Резников смотрел на то, как в сумраке ночи проявились очертания трех винтокрылых машин. Радость, которую полковник должен был испытать при их появлении - отсутствовала. Чертов капитан! Чертов бывший однокашник и его прихвостни! Закинув пару удочек на тему будущего, Резников с неудовольствием отметил, что, увы, без захвата власти, так сказать, по хорошему, авианосец не взять. Андрюха был слишком упертым служакой.

- Не, Илюх. Мы сейчас северным путем по-ближе к Москве доберемся, свяжемся со штабом, потом, скорее всего, или назад, Владик охранять, или через Атлантику в теплые воды и к черному морю…

Полковник вздохнул, подливая в стакан другу.

- А если там никого? Уже ж бы давно на связь вышли! У вас оборудование-то цело! И что? тишина полная? Вот! И у нас! Мы ни до

кого докричаться не могли. Помехи постоянные. Думается мне, - Резников поднял стакан, призывая уже и так запьяневшего приятеля выпить, - …остались мы тут сами по себе. Понимаешь? - Андрей кивнул. – Одни! Что там, в Москве этой? Сколько миллионов населения было до катастрофы? У нас тут! На севере-то вон, через одного мертвецы! А ты представь, что там было? Да сожрали всех уже! Понимаешь? Со. Жра. Ли! Нет там никого! А люди, Андрюх! – полковник привстал, схватил друга за затылок, придвинул его голову к своей, и зашептал, ловя опьянелый взгляд товарища. – Люди, Андрюха?! Твои, мои! Все эти, что тут! Мы должны о них позаботиться! Понимаешь? Север! Север, Андрюха, взять надо! Не удержим «полярку» - точно всем хана! Амеры залезут и все! Даже если там, в центре кто-то остался… Что они тебе скажут? – Резников отпустил руку. Вершинин плюхнулся на стул. – Столицу твоим кораблем не перекрыть. Слишком далеко! А вот здесь, весь северный путь до Баренцева моря, считай, наш! Ни одна собака сюда не сунется!

- А кому суваться? – устало поднял взгляд капитан корабля. – И-лю-ха?! Кому сюда суваться. Ты думаешь, это только у нас так? Да у всех сейчас проблемы! Думаешь, штаты полезут на северный полюс? Им своих проблем хватает. А кто еще? Китайцы? Так там наверное очаг и начался весь! Не удивлюсь, если это они опять что-то натворили… Нет, дружище! Идем прежним курсом! Заберем твоих, дойдем до твердого льда, если хочешь, а дальше, увы… У меня приказ.

Тогда-то полковник все и решил. Слишком патриотичным оказался Вершинин. Слишком… не дальнозорким. Резников еще пару раз пытался завести этот разговор, в надежде что все же достучится до однокашника, разъяснит, переманит на свою сторону, но окончательную точку в этом разговоре капитан поставил сам.

- Кончай, а, - когда Резников в очередной раз попытался вывести друга на разговор, взорвался Вершинин. – Я сказал, идем прежним курсом! Если не терпится, мы вас высадим, я обещал? Сделаю! Но давай закроем эту тему! Пока я тут главный, «Шторм» будет продолжать выполнять боевую задачу!

- Ну что ж, - подумал полковник, следя за тем, как первый вертолет опустился на палубу. - Сам сказал…

Вершинин находился здесь же. Вместе с ним, не отходя ни на шаг, в главной штабной каюте находился прихвостень-майор, и еще три-

четыре межсменных управляющих жизнью корабля офицеров и рядовых. Табельный пистолет полковнику вернули. И теперь он прикидывал, как бы половчее его применить…

Открылась дверь первого вертолета. Второй едва-едва сел. Из недр машины вышло несколько человек. Разглядеть прибывших с такого расстояния было сложно – мешало слабое палубное освещение и поднявшаяся от работавших винтов мелкая снежная дымка. Но полковнику видеть и не нужно было. Ему было достаточно условного знака.

Вертолеты выгрузили переселенцев. Тридцать человек. Элита. Самые богатые и важные. Те, кто еще могут пригодиться. Но не все. Среди них, в трех разных группах прибыли его самые лучшие солдаты. Да, на «Шторме» профессиональная команда. Военные! Настоящие! Не те, что у него, но! На их стороне фактор неожиданности, а еще то, что все-таки большую часть всего экипажа составляют гражданские – техники, электрики, повара… им, полковник надеялся, собственная жизнь важнее чем то, кто там на верхушке главный. Наверняка тут тоже насмотрелись всякой всячины и есть люди, достаточно морально подавленные, чтобы не предпринимать никаких мешающих действий.

Высаженных переселенцев погрузили в небольшой автобусик с мягкой брезентовой крышей и в этот момент, словно невзначай в толпе сверкнул красный фонарик. Резников улыбнулся. Что ж. Валентин молодец. Все сделал, как было велено. Теперь дело оставалось за малым…

Полковник отошел от окна, занимая выгодную позицию так, чтобы капитан его прихвостень майор и пара дежуривших в этот момент в рубке солдат были в поле его зрения. Собачий сын в маске в последний момент успел что-то учуять, но было уже поздно. Пистолет оказался в руке не так стремительно, как полковник рассчитывал, но все равно, чтобы кто-то что-то уже предпринял времени им уже не хватало.

Первыми же двумя выстрелами Резников поразил помощника капитана. Будучи самым опасным, его нужно было ликвидировать первым. Пули угодили кинувшемся в сторону майору в плечо и грудь, повалив на пол. Еще двумя – Резников свалил Вершинина. Полковник был не лучшим стрелком, потому стрелял наверняка, стараясь нанести максимальный урон в первые же мгновения.

Капитан корабля даже не успел сообразить, что произошло, настолько он был загружен тревожными мыслями и делами. Люди на постах успели лишь вздрогнуть. В обычное то время высший воинский состав всегда имел при себе табельное оружие, а теперь-то и подавно, но, увы, сделать они ничего не успели.

На полу заворочался недобитый майор. Резников в последнее мгновение чудом успел уйти с линии его выстрела, закрывшись широким столом с приборами. Раздался выстрел. Второй, третий. Полковник, пригнулся, и не выглядывая из-за своего укрытия, лишь подняв руку с оружием, выстрелил наугад. Майор, воспользовавшись случаем, отполз в сторону и, продолжая стрелять, уже тоже навскидку, бросился к выходу. Полковнику удалось ранить его еще дважды. В спину.

Вывалившись в коридор, пачкая пол кровью, едва сдерживая стон боли, мужчина в балаклаве выстрелил в дверной проем наугад в последний раз. Ему бы автомат! Тогда бы он точно вышел победителем, а так… Патронов не хватило. Слишком уж быстро магазин опустел. Но главной цели Александр Соловьев все же достиг – вышел из под обстрела живым. Смертельно раненым, но еще пока живым. Время шло на мгновения. Он уже слышал как предатель Резников бежит по рубке к дверям. Две секунды чтобы преодолеть расстояние, еще две чтобы выглянуть, не подставляясь. Но Александру этого хватит.

Подтянув стремительно теряющее силы тело к стене, он приподнялся и, разбив защитное стекло, что было силы, дернул, чуть было не соскользнув окровавленными пальцами, ручку тревоги.

Тишину корабля разорвал резкий звук. Завыли сирены. Замигали тревожным красным пламенем лампочки оповещения. Раздался еще один выстрел и Александр, получив еще одну пулю в щеку, медленно сполз по стене на пол. Последним его ощущениям была досада. Вот ведь знал он! Чуял, что с этим полковником что-то не так, да кто бы его слушал?!

Выстрелы, донесшиеся с верхней палубы, майор уже не слышал. Зато их отчетливо услышал полковник Резников. Для верности, прострелив голову в балаклаве, он вернулся в капитанскую рубку и посмотрел в окно. Снаружи шел бой. Полковник улыбнулся. Ну, вот и все. Теперь дороги назад нет. Заперев дверь, Резников подошел к

радиостанции. Оправив китель, словно собирается выступать перед телекамерами, он снял коробочку передатчика, и, нажал кнопку передачи.

***

Двенадцать дней до катастрофы.

Лабораторный центр исследовательского центра «Афалина»

Лаборатория была погружена в тишину и спокойствие. Приборы тихонечко гудели, шуршали, попискивали.В помещении стоял легкий полумрак. Дежурное освещение было выключено. Наталья поморщилась, разгибаясь, разминая спину. Она уже третий час сидела в неудобной позе, работая над симуляцией. Машина в очередной раз выдала результат.

- Вероятность положительного исхода тридцать два процента.

- Тридцать два, - вздохнула Чернова. - Слишком мало.

Тридцать два это всего три из десяти. А попытка-то одна… Да и то, это лишь при удачном закреплении плода! А дальше? Как вообще все пойдет? Симуляция не может дать подобного ответа. Все, что Наталья смогла рассчитать, это общий вид исходного материала. Да и то, это на пальцах. Как на деле будет, никто предугадать, пожалуй не мог. Нет. Мог. Решетов. Этот собаку, и не одну, съел на подобном, но его тут не было, да и сотрудничать с этим неприятным стариком Наталья больше никогда не желала.

Выбрав другую вкладку, она нажала кнопку «рассчитать». Компьютер загудел, сообщая о бурной вычислительной деятельности, и через несколько секунд выдал еще более не утешительную информацию:

- Шанс удачного клонирования: 11%.

Ну-у-у-у нет! Это совсем никуда не годилось! Все же старое доброе ЭКО намного надежнее, но! Всегда есть эта частица. Такая же, как статистика – вредная. «Все, что до «но» - лошадиное дерьмо!» - любила приговаривать Бабушка Натальи. Вот и действительно. Но! Большое такое. Огромное. Носителя гена, скорее всего больше нет в живых, и, все, что у Черновой есть, это несколько пробирок с его кровью, да почти не расшифрованная формула ДНК, из которых им худо-бедно, после нескольких провалов, удалось таки сотворить всего одного жизнеспособного эмбриона. Придется рисковать. Несмотря на результаты данных сканирования фолликулостимулирующего и

лютеинизирующего гормона, пролактина и андрогена, у нее был очень высокий шанс стать суррогатной матерью… дитя. Думать о нем в другом смысле ей не хотелось. Все-таки это ее детище в прямом и переносном смысле! Да, риск был высок! Как поведет себя эмбрион, на большую часть воссозданный из клеток Николая, никто предсказать не мог. Но безумная идея вырастить эмбриона, чтобы затем воспользоваться его ДНК и стволовыми клетками, посетившая Чернову не так давно, не давала ей спать.

- Наталья Владимировна, - вошел в помещение лаборант-помощник. – Все готово. Эмбрион возбужден. Можно начинать… Вы… - он замешкался. – Вы уверены, что хотите это сделать?

Чернова ненадолго прикрыла глаза, с силой надавив пальцами на веки, чтобы убрать болезненное ощущение от усталости. То, что она хотела сделать… То, на что шла… Было слишком рискованным, но она ученый! А ученый должен идти до конца!

- Да! Я иду. Подготовьте аппарат.

Процедура ЭКО и раньше была сложной и не давала стопроцентного шанса на результат, а сейчас, в это время, да без специалистов… Сложно, но не невозможно. Если у них получится, то у человечества может появиться шанс на создание вакцины от вируса. Ну, или она просто погибнет. Одна из миллиарда. Не такая уж и большая плата. Как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанского!

И она рискнула.

***

20 часов до катастрофы. Авианосец 23000-Э «Шторм».

Нижняя палуба. Моторный отсек.

Выжить удалось не всем. Сколь велико ни было бы население «Шторма», но Вершинин и его команда совершили свою главную ошибку практически сразу, как все началось. К сожалению, ошибка, это такая гадость, которую не сразу заметишь. Она обязательно выползет попозже. И хвала Богам, если при проверке, а не вот так, как у них.

Почти четыре тысячи человек, когда мир погрузился во мрак и мертвецы начали вставать из могил, оказались на гране срыва. Одни хотели домой. Другие сочли лучшим решением уйти из жизни добровольно. Третьи свои собственные планы с планами руководства

не смогли согласовать. Четвертые, которых было меньше всего, сохранили хладнокровие и самообладание.

Взгромоздив на себя груз ответственности за всех, неимоверными силами сумев подавить панику и зарождающийся бунт, Вершинин с друзьями стали основополагающим столпом их маленького мирка. Они приучили команду к тому, что командиры сами решат дальнейшую судьбу всех членов экипажа, найдут выходы из любой ситуации, и ответят на любой вопрос судьбы.

Люди все-таки подвержены апатии. Как ты ее ни скрывай, но даже в обычное время на корабле, уходящем «в море» на месяца, очень скоро начинаешь чувствовать тоску по родным и дому. Здесь же еще и мысли о том, что там с этими самыми родными, что будет дальше, как не сдохнуть завтра и сейчас, добавились, наложившись друг на друга и в итоге капитан и его команда получили общество, не способное к принятию самостоятельных решений. Зачем? Идем, и хорошо! Топливо есть, еда есть, а остальное нам до лампочки! Дадут приказ - выполним! А инициатива, как известно, в армии - наказуема!

И вот, сейчас, истекая кровью из простреленной раны, Серега Цаплин, рыча от боли, пока Илюха мотал его ногу, материл на чем свет стоял безмозглое стадо. Беда пришла, откуда не ждали. Когда начался штурм, команда сперва рьяно дала отпор пришельцам и даже, вроде бы, начала выигрывать, но… Ситуация кардинально поменялась почти сразу, как его ранили. Армейский строй строг. Есть Начальство, есть Высшее начальство, а есть подчиненные. И вот эти самые подчиненные, Сергей ощутил это на личной продырявленной шкуре, легко отказывались от сопротивления, стоило начальству, в лице самого старпома получить дырку в тушку. Вроде бы, смотри… Десяток солдат с автоматами против двух пришлых. Но стоило его, командира отделения, подстрелить, так эти молодцы побросали оружие. Жить хочется всем!

Старпому чудом удалось тогда вырваться. Ему и еще нескольким мужикам, и, теряя людей в ожесточенных боях, им приходилось спускаться все ниже. Их гнали как крыс. Вертолеты с захватчиками все прибывали и прибывали. Казалось, они летят бесконечно. Понятно, что после того, как неизвестный лайнер нагнал авианосец и расстояние между ними стало по морским меркам мизерным, времени на то, чтобы добраться по воздуху с одной палубы на другую требовалось

совсем мало, но казалось, что времени того как-то больно уж совсем мало!

Вертушки даже не садились! Просто зависали над палубой и тут же уходили на новый круг. Сказать, что штурмующих было много, нельзя. Лично сам Сергей наблюдал, что группы противника действуют тройками и четверками. При этом со стороны атакующих тоже наблюдался кадровый голод. Лишь один из трех реально что-то умел, и складывалось впечатление, что остальные просто были приданы ему в усиление. Но, как не считай, как не думай, а они проиграли.

- Как там дела? – хрипло поинтересовался он у вернувшегося с опросом бойца.

– Никак, товарищ старпом, - коротко отрапортовал тот. – Двери заблокировали. На какое-то время хватит, но они ее быстро разрежут. Здесь тридцать семь человек. Оружие – у каждого, но патронов мало. Двигатели заглушены. Взрывчатка установлена. Киреев чинит рацию. Сказал, минут пять нужно, провода перекинет на аварийное питание.

- Хорошо, - кивнул Сергей.

Он поморщился, когда друг закончил бинтовать его и затянул тугой узел на ране. - Дай курнуть, Игорь.

Старпом не курил уже лет двадцать. Но сейчас организм остро требовал никотина. Все равно жить не долго осталось, так чего себя ограничивать?

- Что думаешь?

- А хрен его знает! – Сержант достал помятую пачку сигарет, протянул старшему товарищу. – Уйти не дадут. А если и уйдем, то не далеко.

- Ска, мыши, - прикурив, сквозь зубы процедил Сергей.

Сделав глубокую затяжку, он медленно выдохнул горький дым.

- Мыши вонючие! Мы их из говна, считай, вытащили! А они! Твари! Ссыкуны! Если б все навалились сразу, задавили бы гниду! У-у-у-у очкодавы!

Старпом снова затянулся.

- Так, слушай мою команду! – тяжело поднялся он.

Народ, до этого не громко переговаривавшийся, замолчал. Даже постанывающие раненные притихли.

Старпом обвел команду взглядом. Где-то за стеной раздалось шипение.

- Они сейчас сюда дыру прорежут, но мы попробуем договориться. У нас тут взрывчатка. Движки сожжем, если что! Штурмовать нас вряд ли будут. Без двигателей – корабль, считай, мертвый груз. Далеко им не уйти. Так что будем тянуть время! Даже если договоримся, то это еще ничего не значит! Надеюсь, все это понимают? – тишина. – Молодцы! Потому не расслабляемся! Корабль нам не отбить, так что постараемся сами выжить и сообщить потом о захвате. Попробуем катер выторговать. Если не получится, пробиваемся с боем. На разминирование у них много времени уйдет, но если что, я рву! Потому сразу вопрос! Есть те, кто хочет сдаться или тут остаться? – Никто даже не дернулся. – Орлы! – ухмыльнулся старпом и добавил едва слышно, - …мать вашу. Просто если кто надумает, знайте, при худшем варианте, я все равно нажму кнопку. Мне бы не хотелось на себя грех брать, но и раздумывать не буду! Сейчас – готовимся! Если попытаются влезть, валите сразу! Потом будем говорить! Главное – сразу их сюда не пустить! Подготовьте баррикады и боекомплект! Гранаты если есть, несите сюда, распределим! В первую линию встаем я и сержант Коровайцев. Вторую и третью линию определите сами, разбейтесь на тройки! Нам тоже четверых-пятерых бойцов, кто не ранен. Делимся и шевелимся!

Группы распределились быстро. Каждый знал свою иерархию и место в социальной армейской сети. Солдаты быстро возвели укрепления, заняли оборонительные позиции, и потому, к моменту, когда плазменный резак с той стороны дорезал отверстие, все уже были готовы к схватке.

Не были они готовы только к одному… К тому, что в дыру вместо отряда штурмовиков ворвется самая натуральная орда мертвецов…

***

19 часов до катастрофы. Авианосец 23000-Э «Шторм».

Верхняя палуба. Рубка.

Все шло по плану. Было это даже как-то удивительно. Резников лично получал сводки от групп захвата, отмечая в голове их примерное расположение, словно на голографическом проекторе и улыбался все шире и шире.

- Казармы – взяты.

- Камбуз – захвачен!

- Склады под нашим контролем!

- Средняя палуба. Ведем бой.

- Средняя палуба. Огонь противника подавлен.

- Средняя палуба наша. Продвигаемся дальше!

Конечно, были и локальные неудачи, но на них полковник попросту не обращал внимания. В ходе боестолкновений связь была потеряна с тремя группами. Причем двое бойцов из одной из них позднее присоединились к другой и доложили о тяжелом ранении их командира. За ним сразу выдвинулся отряд, но бойца спасти все же не удалось.

Проблемы начались на нижних палубах. Словно вода в бутылке, по мере вкручивания в нее пресса, там, внизу, росло давление. Чем ниже продвигались его солдаты, тем сложнее им становилось. Появились первые серьезные потери.

С трудом, но все же загнав последних оборонявшихся в моторный отсек, штурмовые группы доложили о полной зачистке авианосца.

- Надо же, как легко! – даже немного расстроился полковник.

- У вас был гениальный план! Иначе просто и быть не могло! – поддакнул Валентин.

Резников вздохнул, повернулся к помощнику.

- Ты не понимаешь, Валентин! – Резников опустил взгляд. Таким растерянным помощник своего командира видел всего второй раз в жизни. – Тут же… Это… - полковник не мог подобрать слова, чтобы выразить мысли.

Мощная армейская машина дала позорную трещину. Даже не трещину! Течь! Он думал, что процесс захвата целого, мать его, авианосца будет затянутым. С кровопролитными боями, переговорами, разворотами в событиях, а то и вовсе! Даже предполагал свой крах! Но нет! Все вышло слишком хорошо! Мало обученные солдаты с легкостью подавили сопротивление армии. Резников, все еще молча, прокручивая в голове собственный монолог, внезапно удивился простоте выводов.

А с чего, он, собственно говоря, взял, что здесь вот прямо армия в чистом виде? Да, солдаты! Но! Всегда это "но"! Стоило пораскинуть мозгами раньше! Тут что, мотострелки? Полк ВДВ? «Альфа», или ЧВК? Нет! Тут простые моряки! Пилоты, офицеры, обслуживающий

персонал, радисты, инженеры, повара и рядовой состав! Конечно, их обучали войне, но какой? Дойти из порта до цели, выпустить ракету и уйти; обнаружить нарушителя госграницы, подавить РЭБом… В конце концов, припугнуть западных, восточных, или каких там? Северных или южных коллег «Ярсом»! Не более!

Конечно, нашлась тут парочка Джонов, мать их, Рэмбов, которые смогли дать кое-какой отпор, но! Это все в порядке нормы. Да и вирус этот чертов подточил ряды моряков! Как-то полковник не взял в расчет то, что не у него одного пострадало качество и количество людского боевого резерва. Это они там, на земле находились в относительно замкнутой экосистеме, как думал Резников. Но что происходило тут?! Как говорится, с корабля и подводной лодки никуда не денешься. К тому же, он, действительно, как Валентин и говорил, разработал отличный план! Ночная вахта. Большая часть команды отдыхает. Как только они захватили командный пункт, специалисты сразу же заперли все бронедвери. Система защиты корабля была рассчитана на проникновение из вне. Если кто-то попытался захватить корабль штурмом, отсюда, из самого его центра, можно было легко отсечь нападавших, заперев по каютам, остекам и шлюзам всего несколькими кнопками. Чем, собственно говоря, пьяный Вершинин и поделился в их первую ночь алкогольных возлияний. Что толку от сотни солдат, которые оказались заперты в собственной казарме? Ни оружия толкового, ни выходов эвакуации. А потом их или измором бери, или трави, или вообще забудь, пока не сдохнут... Да и людей тех у Вершинина немного осталось к этому времени. За пол года их и вирус подточил, и первый бунт. Который, к слову сказать, тоже силой пришлось подавить, а кое кого даже показательно расстрелять. Так что никакого подвоха не было!

- Полковник? – прервал его мысли Валентин.

- Нет, ничего, - наконец-то ответил Резников, улыбнувшись. – Все хорошо. Приступаем ко второй стадии плана.

И в этот момент корабль вздрогнул. По корпусу прошел гул. Он словно вздохнул. Тут же завыла тревожная сигнализация.

- Что случилось? – едва успел схватиться за ближайший поручень Резников.

- Взрыв в моторном отсеке! – тут же закричал кто-то.

***

Авианосец 23000-Э «Шторм». Нижняя палуба. Моторный отсек.

Двумя минутами ранее.

В большом и темном помещении, среди агрегатов силовой установки бродили мертвецы. В форме и гражданской одежде. С пулевыми ранениями в груди и отравленные газом. Свежие и старые. Они тупо слонялись из стороны в сторону, не имея цели, планов и направления. Все 36 человек отделения Сергея Цаплина, бывшего старшего помощника капитана первого ранга Андрея Вершинина. Все, до единого. Бой был страшным и коротким. Они ждали что к ним ворвется спецотряд... Но пришли они. Не знающие боли и страха существа, еще недавно бывшие их же собственными сослуживцами.

Цаплин лежал, истекая кровью между какими-то агрегатами. Сил пошевелиться не было. Он просто лежал, глядя на то, как бывшие товарищи бесцельно слоняются по моторному отсеку. Лежал и не понимал, почему до сих пор к ним не присоединился. Почему еще в сознании, за что ему этот ад. Видеть поверивших ему людей в таком состоянии. Не в силах покончить собственную жизнь, он лежал, неуклюже вытянув правую руку вперед. Спина уже не болела. Ни разодранная до костей кожа, ни белеющие ребра и позвоночник, ни откусанные на ногах пальцы почему-то не беспокоили его. Он вообще ничего не ощущал. Только глаза выдавали в нем еще живого человека. Грустные, наполненные слезами. Двигались лишь пальцы правой руки. Левой, кстати, уже не было. Ему ее отгрызли чуть ниже локтя. Это было страшно. Страшно до смерти, но она, курносая, почему-то не спешила...

Пальцы дернулись непроизвольно. В ладони что-то, оказывается, было.

Цаплин сосредоточил мутнеющий взгляд на руке. Небольшая с коричневая коробочка с четырьмя красными кнопочками и небольшой, всего с палец телескопической антенкой.

- Так вот что... - мысленно прошептал, так как вряд ли безгубый рот смог бы издать еще хотя бы один звук, кроме стона.

Все что он смог, это едва-едва улыбнуться и, что было сил, он нажал на кнопку, зажмурившись.

- Ну вот, братцы, - успел подумать он. - Эт за вас...

И еще, через несколько секунд:

- Какого хрена...

Ничего не произошло, хотя он отчетливо видел, как на коробочке мигнул красный светодиод. Слишком далеко? Слишком много металла, слишком...

Он не додумал. Палец машинально нажал на вторую кнопку и тут же весь моторный отсек, восставших мертвецов и самого Цаплина пожрало адское пламя, а авианосец вздрогнул, получив пробоину.

***

Глава 13. «Герои тоже умирают»

***

«И сошел на землю ледяную антихрист в образе страшном и великом.

И наслал он на окрестности болезнь смертельную, бороться с коей ни человек, ни зверь не мог.

И спустил тогда с небес Господь длань свою огненную.

И выжег он адским пламенем все вокруг, изменив облик планеты. И задышала та в предсмертных судорогах…»

Стих главный первого писания от Валентина-пророка.

Пятнадцатый год новой эры.

12 часов до катастрофы.

Авианосец 23000-Э «Шторм».

Верхняя палуба. Рубка.

Вертолеты кружили над палубой беспрестанно. Эвакуация шла полным ходом. Корабль заметно накренился, но вроде бы, тонуть пока не собирался. Пилотам приходилось приземляться аккуратно, но все они были профессионалами и, потому, перевозка снаряжения проходила без происшествий.

- Товарищ полковник! – подскочил к Резникову какой-то сержантик из местных, выводя того из размышлений. – Груз доставлен!

- Все в порядке?

- Так точно!

Молодой парнишка выглядел испуганным. Полковник ухмыльнулся, позволил себе немного расслабить позу.

- Видел? – подчиненный кивнул. – Во-о-о-от! Еще немного и таких у нас будут десятки! Никакой враг нас не остановит! Дадим прикурить всему миру! – Резников даже подмигнул парнишке. – За нами сила, понимаешь?

Сержант не понимал, но на всякий случай, снова робко кивнул. То, что он увидел там, в ящике, опутанном проводами, напугало его до ужаса. Больше всего оно походило на гигантское, гориллоподобное существо с непропорционально развитой мускулатурой, и с

человеческим, хоть и сильно изуродованным лицом. Оно плавало в желеобразной субстанции, и изредка вздрагивало, когда кто-то рядом слишком громко шумел, или пытался подолгу разглядывать его. Судя по всему, оно спало, но будить эту тварь ни у кого желания не возникло. Напротив. Хотелось вести себя как можно тише, аккуратнее. Все кто находился с ящиком рядом долго, отмечали ухудшение самочувствия и головные боли. Кто-то даже говорил о гуле в ушах. Лаборанты, находившиеся всегда рядом, заявили, что «Объект радиоактивен и находиться рядом долго нельзя», только мало кто им поверил. Сами-то лаборанты при этом не носили никаких защитных костюмов. Так что слухи о странном эксперименте уже поползли по окрестностям.

Как только сержант вышел, Резников запросил связистов по рации. Те в очередной раз пытались установить связь с полярной станцией. Сигнал доходил, это было очевидно, но на него почему-то никто не откликался. Полковник дождался рапорта и неудовлетворительно вздохнул. Изменений не было.

Если бы подобное произошло еще год назад, то по тревоге были бы подняты все рода войск, но сейчас это было уже в порядке вещей. Могло так статься, что на базе вообще никто не выжил, что Резникову было даже на руку. Ну, или она захвачена. Тогда придется брать «Полярку» штурмом, терять людей, и, что самое горькое - время. Но и первый, и второй вариант полковника по большому счету, тревожил не очень-то и сильно. С текущими ресурсами он мог выиграть даже целую войну с какой-нибудь небольшой африканской страной.

До «Полярки» «Шторм» худо-бедно дошел на запасном двигателе. Тот добросовестно тянул авианосец несколько часов на максимальных ходах, и, когда до станции оставалось менее ста километров, все же отключился, перейдя в режим "отдыха". Судно было экспериментальным и все обкатки пройти не успело. Этот выход для "Шторма" был первым, и, судя по всему, станет единственным.

До твердого льда уже было рукой подать. Резников уже был весь в предвкушении. От сюда до воинской части оставался всего один перелет… И не захудалого шестиместного вертолета, нет! Теперь в распоряжении Резникова имелась целая эскадрилья штурмовых истребителей и даже пара палубных бомбардировщиков! Последние, кстати, как раз, уже заканчивали предполетную подготовку.

- Командир, - по привычке обратился к новому начальнику один из служивших здесь, перешедших на сторону захватчиков, лейтенантов. - Бомбари готовы. Ждут команды.

Полковник степенно кивнул. Лейтенант что-то проговорил в микрофон и через пару секунд снаружи донесся рев мощных турбин. Илья посмотрел в окно. Красота! Два черных юрких тела, один за другим, быстро разогнались по покосившейся палубе и, взлетев, ушли в ночь.

- Пусть сделают пару кругов, - скомандовал полковник, не отрываясь от окна. – Посмотрят, что там и как…

Через долгие 5 минут, показавшиеся Резникову вечностью, палубная рация внезапно ожила.

- База, я «Семнадцатый». База, я «Семнадцатый». Цель наблюдаю. Вижу активное движение.

- Сделай пару кругов, - приказал Резников. – Вызови-ка их еще раз… - последнее он адресовал уже связисту.

Радист снова отправил позывной в эфир и принялся ждать.

Пара секунд… тишина. Тогда полковник жестом попросил подать ему переговорное устройство.

- Внимание! - Проговорил он властным голосом в микрофон. – «Полярка»! Это полковник Резников! Выйдите на связь или мы будем вынуждены уничтожить вас! Наши бомбардировщики уже над вами. Если вы скомпрометированы, или станция заражена, мы будем вынуждены сбросить ФАБы! Повторяю… Если станция захвачена, или персонал заражен, у меня приказ – уничтожить станцию. Если кто-то остался в живых, выйдите на связь, подайте знак или срочно покиньте место обстрела! У вас две минуты!

- Не нужно! - пришел ответ через несколько секунд. – Это «Полярка»! Мы вас слышим! Отмените бомбардировку!

- Кто это? Почему молчали, «Полярка»?

- Это Майор Терентьев замком подполковника Ушатова! - говоривший сделал небольшую паузу, словно подбирая слова, - подполковник… сложил свои полномочия, теперь базой командую я.

Почему-то Резников пришел к выводу, что Ушатов сложил свои полномочия не по собственной воле, а вместе с головой. Судя по голосу, назвавшийся майором Терентьевым, был взволнован. Он тяжело дышал и постоянно ускорял речь.

- Хорошо, - Резников ухмыльнулся. – Нам нужно убедиться. Сейчас к вам прибудет штурмовая группа. Примите их. Они все проверят и доложат!

- Есть принять группу! - С явным облегчением ответил майор, и полковник завершил связь.

- Командуй бомбарям на возврат, - скомандовал он связисту. – Готовьте группу. Слетаем, поговорим с этим майором…

***

10 часов до катастрофы. Военная база «Полярка».

Штабная комната.

На то, чтобы сформировать группу и подготовить два штурмовых вертолета, добраться до станции и спуститься в главное помещение у полковника ушло почти два часа. Этого времени ему было достаточно, чтобы проработать всевозможные сценарии развития событий, однако все прошло гладко.

Их встретили, проводили, поверхностно ознакомили с устройством базы, разместили в штабной комнате. «Полярка» оказалась намного более… масштабной, чем Резников себе ее представлял. И это не могло не радовать. Военная часть, состоявшая из штаба (главного бункерного укрепления), нескольких казарм вокруг и ангаров для техники и ее обслуживания, а также пусковыми шахтами, антеннами РЛС, и прочего необходимого для функционирования такого объекта, была рассчитана на размещение до двух с половиной тысяч солдат. Штаб, заглубленный в лед на приличную глубину, в свою очередь, состоял из нескольких этажей, имел разветвленную систему коммуникаций и помещений, и насчитывал дежурную смену почти в сотню человек… Но это было раньше.

Идя по скудно освещенным коридорам, пахнущим плесенью и от которых веяло холодом, опускаясь по ним все глубже, Резников ощущал подступающее давление.

- Шельфовый лед – надежен, - поспешил успокоить майор прибывших. – Иногда, конечно, не по себе становится, когда он «дышит», особенно «весной» - но к этому быстро привыкаешь. Лед способен на многие километры звук распространять. Но за время, что я тут служу, ни единого чрезвычайного случая, хоть как-то связанного с движением льда, зафиксировано не было... Этот лед даже ядерный взрыв пережить может...

В этот момент, словно в подтверждении его слов, где-то снаружи и сразу со всех сторон, раздался резкий низкий звук, похожий на то, как лопается стальной трос под гигантским напряжением. За ним раздался звук чуть тише, затем еще один, а по полу и стенам помещений пробежала заметная дрожь, и затем пол мягко ткнулся в ноги.

- Вот, видите… Дышит! Сейчас на станции осталось пятьдесят семь человек. Остальные погибли, - продолжил знакомить с мироустройством части майор. – Мы законсервировали внешние строения, все теперь тут обитают. Топлива пока достаточно, реактор, солнечные панели и ветреные станции дают достаточно энергии на обогрев и поддержание минимальное боеспособности.

- Шахты? – скупо поинтересовался Резников, перейдя к цели разговора.

Майор выдохнул и кивнул.

- Пусковые шахты проверяли позавчера. Все штатно. Топливо загружено, боевые части в барабанах, дежурство – боевое.

- Сколько у нас ракет?

Майор снова сделал паузу. Кажется, ему стала ясна цель прибытия высокого начальства из столицы.

- Что, все-таки война? – Резников кивнул. – С кем?

- С теми же, - меланхолично пожал плечами полковник.

Станция находилась без связи на автономке уже несколько месяцев. Однажды Ушатов, в очередном своем приступе, заставил связистов физически обрубить дальнюю связь, дабы, как сказал он, у служивых не появился соблазн выйти в эфир для связи с внешним миром. И, потому, они, как и «Афалина» и «Шторм», понятия не имели, что творится за пределами их мирка. Этим Резников и воспользовался, как только услышал про проблемы с «ДВ», представившись полковником разведки генштаба, прибывшим на станцию с важной задачей. С какой – он оставил возможность майору догадаться самому.

- И что, - майор остановился, подбирая слова.

Он аккуратно кивнул, словно что-то говоря, имея в виду все сразу: запустим ракеты, бомбанем, развяжем ядерную войну, махнем по стопочке?..

Полковник Резников остановился, медленно обернулся и посмотрел на майора пристальным, тяжелым взглядом.

- А для чего вас сюда служить отправили? Какова ваша задача? Сидеть и лед сторожить? Штаны просиживать? Бюджет проедать? Нет, майор! Вы тут с одной ясной задачей. Нажать кнопку, когда это будет нужно! И это время пришло!

Майор сглотнул. Находясь на службе на секретном объекте, расположенном где-то во льдах Арктики, он много раз задумывался о подобном. Когда-то все же придет приказ и им придется нажать ту самую кнопку и выпустить ядерного дракона. Думал, но не верил, что этот “когда-нибудь” день наступил. А если бы это и случилось, то питал скромную надежду, что жать кнопку, беря ответственность за человеческие судьбы,придется не ему, а тому, чье тело, с простреляннной головой, кстати сказать, в данный момент еще, наверное, даже не остывшее, лежало в одном из подсобных помещений.

Ушатов был против того, чтобы пускать на станцию кого бы то ни было. Он считал, что они, выжившие, должны любой ценой не дать развязать ядерную войну, защитить станцию, от любых посягательств на нее. Как внешних, так и внутренних. И это ощущение у подполковника за полгода выросло до поистине маниакальных размеров! В последнее время ему становилось хуже. Ушатов, казалось, перестал спать. Лицо его посерело. Под глазами появились черные полосы недосыпа. Он стал раздраженным и несдержанным. Ему везде чудились шпионы и заговорщики. А вчера был достигнут пик маразма! Ушатов чуть было не застрелил молодого парнишку, попавшегося за попыткой дозвониться родственникам на большую землю по спецсвязи. Подполковнику было плевать на то, что телефон был соединен напрямую с коммутатором, что с него нельзя позвонить просто так, минуя проверки, сверки, шифровку и прослушку, даже на то, что он лично отдал приказ парнишке проверить телефон, так как он, якобы, слышал в нем странные щелчки и потрескивания. Для него этот молодой испуганный солдатик был врагом народа, пытавшийся передать секретные сведения противнику. Благо Терентьев смог остановить начальника от безумного поступка, но именно тогда майор понял, что пора все брать в собственные руки. А когда на радарах появился авианосец, по связи пришел протоколированный запрос, а

над головой пролетели два палубных бомбардировщика, майор созрел. И решился на преступление.

«Они никогда не должны были нажать «красную кнопку», которая погрузит мир во мрак. Им и так хватает кары небесной в виде восставших мертвецов! Даже ценой собственных жизней они должны были не допустить врага до центра!» - Так думал Подполковник Ушатов… А майор Терентьев… Майор Терентьев страстно хотел жить и еще раз увидеть жену и дочь. Он верил, что мир хоть и сошел с ума, но не обезумел окончательно. Что это всего лишь планетарный насморк и его еще можно вылечить. Потому он сделал свой выбор.

- Так что у вас с ракетами, майор? – выдернул из раздумий полковник Резников задумавшегося офицера.

- А? – дернулся Терентьев. – Ах. Да, да… два «Ярса» и четыре заряда ПРО. Все штатно, товарищ полковник!

- Отлично, - не сдержал улыбки Резников. – Просто превосходно…

И тут впервые в жизни майор Терентьев засомневался в своем выборе…

***

2 часа до катастрофы.

Вертолет МИ-35-М.

- Привет! / пауза / Я не знаю, дойдет ли до тебя это сообщение, / пауза / но я хочу в это верить! / пауза / Нас переводят на другой корабль и потом увезут куда-то на север / пауза / Со мной все хорошо, но… / вздох / с тобой было бы еще лучше. Я верю, что ты меня найдешь. Я знаю… / пауза / И я буду ждать. Сколько потребуется, столько и буду, даже если… / пауза, вздох, печальный смешок / Нам же с тобой еще на Катунь, ты помнишь? Ты обещал / всхлип / Я… Я буду тебя ждать. Валентин и Полковник что-то задумали… Они говорили про какого-то ученого и его эксперимент. Я постараюсь узнать об этом побольше и когда ты меня найдешь, все расскажу… / пауза / Блин… / пауза / Долго думала, что сказать, а сейчас… Не знаю. Я соскучилась. Было страшно, но сейчас уже видимо бояться устала. Приходи. Не спеши. Нет… / смешок / я, конечно, не против, чтобы ты забрал меня поскорее, но я понимаю, как это не просто, и, если тебе нужно отдохнуть, собраться с силами, то лучше так и сделай. Я. Тебя. Дождусь. Главное приди. Не переживай за меня, все будет хорошо…

/ тишина, шуршание, конец записи/

Я тебя дождусь. Я тебя дождусь… Я-а-а-а тебя-а-а-а дождусь-усь-усь, - повторяло эхо в голове, колотясь о стенки черепа.

Николай полулежал, прикрыв поврежденный глаз рукой, все повторяя и повторяя запись, сделанную ей - девушкой, ради которой он сейчас живет, в прямом смысле слова. Сдаться. Уснуть. Больше не быть – все, чего сейчас хотелось. Чтобы не было боли – это, наверное, самое главное желание на данную минуту. Отдохнуть немного от нее! Хотя бы часик поспать по-настоящему, не боясь, что уже не проснется. Он не просто знал, он был уверен, что закрыв глаза, в следующий раз он их уже не откроет. А если и откроет, то уже не он…

Он умирал. Как ни прискорбно было это осознавать, но это было так. Зараза добивала его, ломая разум, лишая рассудка, поедая тело, но он боролся. «Сдаться всегда успеешь» – засели в голове слова раненного снайпера, которого отряд Николая чудом успел спасти из окружения талибов в Сирии в ответ на вопрос, как он вообще выжил в этом аду. Вроде простые слова, но, как говорится, сильные! И вот сейчас они всплыли в голове сами собой. Сдаться он еще успеет! Это легко. Это просто лечь и умереть. Но нужно было сопротивляться! Тем более, сейчас, когда до цели остался всего один шаг… Нет! Родители бы его не поняли. Не простили. Они сейчас за ним наблюдают и придают сил. И ему нельзя опозорить их.

Тяжело вздохнув, Николай позволил записи перелистнуться. Ему нужно было отвлечься. Слова любимой женщины стали для него невыразимо печальными. А сейчас ему нужен был дополнительный стимул. Всего должно быть в меру!

Гитарные аккорды ворвались в пустую голову, затягивая в нее звуки других музыкальных инструментов. Тяжелые. Низкие. Раскатистые. Вот что ему сейчас было нужно! Надежда! И злость! Злая надежда! Музыка быстро нарастала, заставляя дышать ей в такт, заряжая энергетикой. А затем… Он даже немного вздрогнул. Разбитые губы дрогнули, разрывая запекшуюся на них кровь. Он узнал этот голос. Низкий, бархатный…

- Я шёл вперёд каждый миг. Мне казалось: не зря.

Я свой маршрут размечал чередою побед.

Но с каждым шагом всё дальше был сам от себя,

И вот, похоже, назад пути нет.

Дыхание успокаивалось с каждой нотой, с каждой строчкой, с каждым звуком. Сердце стало биться ровнее, тремор, сковавший кишки, отступал. Даже, казалось, простреляннное лицо стало болеть немного меньше.

Как всегда Павел в своих музыкальных композициях бил в самую цель. Он словно пророк предсказывал будущее, и описывал его, накладывая на музыку…

– Что это, явь или сон? Всё не то и не так.

Во тьме бездонной мои изменились черты.

Но вдруг иначе нельзя? И я спустился во мрак

Узнать себя, здесь, на краю пустоты?

Шаг в темноту –

За горизонты бытия — путь во тьму,

Где плещет вечный океан. Я умру

Для мира времени. Уйду...

В пустоту.

- Колян! – позвал вдруг из кабины Петров, обрывая связь с потусторонней реальностью.

Голос друга показался возбужденным. Он просто источал ауру из радости, победы и облегчения.

- Догнали, Колян! Догн-а-а-а-али!

Гигант открыл глаза, оскалился. Дорога снова привела его к нужному месту…

Наталья кинула взгляд в иллюминатор.

Майор накренил вертолет, бросая машину куда-то вниз.

Капитан хищно оскалился.

Ему не нужно было говорить, что они там все трое увидели. Он и так знал. Он видел их глазами. Слышал их ушами. Впитывал окружающий мир их чувствами. Волоски на теле вздыбились. Внутри появилась костная дрожь. Из глубины груди к затылку поднялась ледяная волна ярости и злобы.

На горизонте, на черной неспокойной воде, среди отсветов звезд и пенных бурунов, величественно и неспешно на океанских волнах чуть покачивался освещенный палубными огнями и прожекторами вертолетов корабль. Его острые черты разительно отличались от покатых контуров «Титана» – резкие, грубые, четкие границы, словно созданного из острых игл и углов. Очертания корабля становились

более разборчивыми с каждым мгновением, что вертолет приближался к нему. Петров что-то сказал Бурану, но тот никак не отреагировал.

Сердце гиганта забилось сильнее. Он не смог больше терпеть. Вперившись в иллюминатор, он попытался пронзить расстояние взглядом, раздвинуть границы и препятствия, чтобы увидеть ее. Но тщетно. Его тянуло дальше. Не сюда. Алисы здесь не было. Он ощущал это так отчетливо, что казалось, он точно знает, словно ему кто-то сказал, что девушку увезли намного дальше.

- Она там, - переползя к окну другого борта, указал Кнехт на горизонт. – Нам нужно туда. В темноту…

***

1 час 30 минут до катастрофы.

Авианосец 23000-Э «Шторм»

Переправка грузов шла быстрее, чем полковник того ожидал. Видимо, Валентин, оставленный на пригляде, побаиваясь за свою жизнь из-за того, что судно перевернется, гонял технику, техников и всех, кто попадется ему на пути в хвост и гриву. После того, как «Полярка» была взята под их контроль, доставка ускорилась в два раза. Сначала вещи доставлялись на «берег» катерами и там выгружались, а затем уже оттуда доставлялись сухопутной техникой, предоставленной командованием базы. Важные грузы доставлялись вертолетами сразу до места назначения. Работа кипела.

Во избежание потери авиапарка, штурмовые самолеты, и палубные истребители с бомбардировщиками тоже было решено переправить «на лед». Потому в кратчайшее время на прилегающей к воинской части территории было решено создать экстренную ВПП, куда бы могли сесть небольшие, но очень полезные в будущем самолеты и вертолеты.

Такого количества техники и людей Арктика еще не видела никогда. Все гудело, шумело, дымило и пыхтело. Эко-активисты наверное, прознав про такое, обязательно бы подняли ор выше гор, но где теперь те активисты? Все что они сейчас могут – это стонать, да искать, чем бы живеньким еще перекусить. Потому в общей суматохе, где соблюдать какие-то там полетные коридоры было невозможно, никто сразу и не заметил, как ним присоединился еще один вертолет. Он спокойно пролетел почти над всем ледяным панцирем, добравшись

практически до самой военной базы. А когда присутствие чужаков было раскрыто, стало уже слишком поздно.

Бурану удалось посадить машину в небольшой ложбине меж двумя снежно-ледяными горами. Их заметили, но отделившийся от общей массы боевой вертолет, посланный им на перехват, еще был слишком далеко. Время у них было, хотя и не много.

- Спасибо, - поблагодарил Николай друзей, когда аппарель опустилась. – Дальше я сам. Уходите, пока не поздно. А я их отвлеку.

Буран повернулся к лобовому стеклу и безразлично защелкал переключателями. Это его не касалось. Свою часть работы он выполнил, пора приступать к получению награды. Ему нужен самолет. Сантименты и прощания не для него.

Петров вздохнул.

- Удачи, - он протянул другу ладонь для рукопожатия.

- Спасибо, - ответил Николай, протянув свою. – Рад был служить вместе.

- Береги себя, - вздохнула Наталья.

Они обнялись, и в этот момент невидимая стрела ударила в мозг. Черная волна нахлынула, покачнув. В голове щелкнуло как при ударе током. В один миг перед глазами гиганта все поплыло и внутренним взором, на одно мгновение предстала сюрреалистичная картинка.

Что-то черное, красное… Переплетенное, словно паутина. Какие-то темные линии, похожие на лабиринт из труб. И все вокруг словно в желе. В чем-то нематериальном. Он словно наблюдал со стороны, превратившись внезапно в маленькую точку.

Огромная масса перед ним была живой. Она пульсировала. Двигалась, расползалась, словно щупальца, словно шторы. Бум, бум – разнесся вокруг звук, словно из-под толщи воды. Бум-шшша, бум-шшша… Звук окружил его, сдавив, и в этот момент все пропало. Но за мгновение до того, как он очнулся, он смог разглядеть то гигантское пятно, что скрывалось в глубине живой массы. Ребенок. Младенец. Гигантский, словно колосс. Он висел в тугом воздухе, поддерживаемый сетью из вен, артерий и капилляров. И тогда он все понял.

Наталья вздрогнула. Испуганно посмотрела на гиганта снизу вверх. Николай отступил на шаг, не веря увиденному.

Волна страха растеклась от девушки, став чуть ли не осязаемой. Страхом за себя. За него. За Данила. За ребенка. Он хотел было сказать, но девушка внезапно как-то сникла. Взгляд ее стал жалостливым.

- Не надо, - прошептала, она ничего не сказав губами. – Прошу тебя. Не надо! Не говори! Молчи! Не надо!

- С тобой все хорошо? – насторожился Данил.

Кнехт качнул головой, выходя из ступора.

- Да, - глухо проговорил он, пытаясь сфокусировать зрение после шока.

Ребенок. У нее ребенок! Его ребенок! Такой же, как он… Такой же… не такой как все! Безумие! Откуда, что? Как?!

Они ощутили друг друга. Установили незримую связь.

В голове, затухая, стучала кровь. Как? Как такое возможно? Вспышки, словно кадры пленок. Лаборатория. Иглы. Наталья. Опыты… Она… Она… В голове не укладывалось! Она носит его ребенка! Нет, не ребенка. Что-то более сложное, тонкое… Но зачем? Почему?

Новые вспышки. На этот раз ощущения. Тревога. Ответственность. Надежда. Страх. Весь мир.

- Точно? – голос капитана снова прорезался сквозь вату.

Николай посмотрел на Наталью и задумчиво кивнул. Ощущения нахлынули на него, поглотив, и вытолкнув из пучины. Она сделала это из-за надежды спасти мир. Она готова пожертвовать собой, ради спасения всех! Надежда на то, что с помощью него сможет спасти человечество – была такой сильной, что другие ощущения по сравнению с ним – меркли.

- Да, - снова ответил Николай, сглотнув вмиг пересохшим горлом. – Я… Пошел…

Ноги казались ватными. Тело слушалось с трудом. Вспышка внутри спровоцировала усиленный рост колонии грибов и вируса. Он так долго пытался контролировать себя, пытался гасить эмоции, чтобы продержаться как можно дольше, дышал, можно сказать, в половину легких, чтобы не выдышать весь оставшийся воздух, но сейчас не смог справится с нахлынувшими чувствами.

Черные щупальца вен под почерневшей кожей взбухли, поползли дальше и глубже. Ближе к сердцу.

- Надо. Идти. – В такт действиям говорил он сам себе, выбираясь из вертолета. – Надо. Найти… Спасти. Помочь…

Сердце стучало все громче и громче, отдаваясь где-то в зубах. Грибница почуяла власть и принялась давить его сознание.

- Шаг в темноту – словно издеваясь, вновь запел Павел в наушниках, описывая его состояние. - И закрывается одна дверь, но ту,

Что предназначена лишь мне, я найду,

Открою и переступлю

За черту.

На счастье или на свою бее-е-еду...

Судорожно вздохнув, словно в последний раз, он решительно пошел вперед. Шаг. Второй. Третий… За спиной воют винты, гудит двигатель. Поднимается снежная карусель. Шаг. Шаг. Шаг. Не оборачиваться! Не смотреть! Только вперед, как упрямый бык на красную тряпку. Как пьяница, как поезд в туннеле.

Под ногами хрустит лед. Музыка в наушниках нарастает, становится более агрессивной. Сердце бьется в такт. «Бам, бам, БАМ» – стучат ударники. Гитара залилась высокими аккордами и, собравшись воедино, вместе, все инструменты грянули в унисон.

На подобии того, как ядерный взрыв разгоняет над окрестностями тучи, так и музыка раздвинула мрак в сознании. Все внезапно стало простым и легким. Понятным и четким. Усталость словно отступила.

- Спасибо, - прошептал он, выпрямившись в полный рост, глядя в след уходящему к горизонту вертолету. – Спасибо.

***

«И настал смертный час. И поднял антихрист войско свое мертвое. И повел его на живых... И те живые в схваткой той великой позавидовали мертвым. Но пришел Защитник. Ни ростом, ни силой не уступающий антихристу. И сошлись они в великой схватке за живых и за мертвых.»

Стих второй первого писания от Валентина-пророка.

Пятнадцатый год новой эры.

Час катастрофы.

Окрестности военной базы РФ «Полярка»

Он не хотел этого. Он не хотел жертв. Он не хотел убивать. Но его вынудили. Хотя за чередой убийств и моря крови на руках, десяток-два трупов будут уже не видны, но все-таки, он хотел обойтись без

кровопролития. Не вышло. Они начали стрелять, не оставив ему выбора. И были за это наказаны. Хотя и у них выбора по сути, тоже не было. Когда на тебя прет херабудина трехметровая, форменное чудище-ёбище, волей не волей, а на спуск нажмешь… А то и гранату еще кинешь и из гранатомета пальнешь, да что там! Из танка в упор жахнешь! Лишь бы остановить этакого громилу. И получился в итоге замкнутый круг. Но кто прав и кто виноват в данной ситуации – рассуждать было некогда.

Он ворвался в толпу людишек и принялся крушить и ломать их, рвать, разбрасывая по сторонам. Грохотали автоматы. Чавкали пули, попадая в тело россыпью.

Внутренний зверь тут же подавил очаги боли, сделав тело невосприимчивым к ней, а грибница быстро набирая объем, тратя запасенный строительный материал, принялась латать дыры. Пока они были на одном корабле, вирусу и грибам приходилось работать сообща. Черная сущность, проросшая в теле гиганта, старалась стимулировать надпочечники, заставляя тело буквально гореть. А вирус отключил все моральные тормоза, завладев мозгом и инстинктами.

Гигант рвал людей голыми руками под гитарные рифы, звучавшие в его голове. Впивался в их плоть зубами, ломал, словно куклы под проникновенный голос солиста, слов которого его обезумевшее сознание уже не в силах было разобрать. Злость, затопившая его, отпустило контроль. Зверь рвался наружу, руша острыми когтями и зубами ментальную дверь. Но Николай все еще старался держать его в узде. Терпел и держался.

Очнулся он не скоро. Ровно тогда, когда в плейлисте образовалась пауза в виде какой-то случайно затесавшейся туда лирической композиции. Агрессия схлынула, мозг стал проясняться. Странно, но раньше все работало с точностью наоборот. Он менялся. И менялся слишком быстро…

Багровый от крови снег выглядел не естественным. Горячие лужи и брызги остывали тут и там, впитываясь в белоснежное покрывало Антарктики, словно чернила в бумагу, сохраняя историю.

Он стоял, сжимая кулаки. Клубы пара вырывались изо рта. Тело блестело от застывающего пота. Снаряжение давно изорвалось, но он не стеснялся своей наготы. Не теперь. Не сейчас.

Кое-кто все-таки ушел. Те, что не представляли опасности. Они в ужасе убежали, бросив оружие. Но передохнуть ему не дали. На их место вот-вот придут другие… Другой. Кнехт уже слышал его тяжелую поступь. Ощущал тугую волну, исходящую откуда-то со стороны. Видел темнеющее облако, поднимающееся из недр бетонного мешка.

Бронированная дверь штабного помещения медленно открылась. Из глубины темного коридора раздался тяжелый грубый рокот.

Николай, восстанавливая дыхание, рыкнул. К нему двигался новый противник… Такой же огромный. Даже, наверное, больше его. Злой. Сильный. Весь покрытый роговыми наростами, закованный в бронированные листы. Похожий на чудище из фильмов ужасов.

Его Николай узнал сразу. И чудище его узнало тоже. Их взгляды встретились. Время замерло.

***

Где-то в темноте.

Безвременье. Место неизвестно.

Мрак. Но теперь он в нем не один. Их тут двое. Непроницаемая сфера тьмы с двумя светящимися в самом ее сердце искорками. Нигде. Ничто. И никогда.

- Дядь, Коль… Привет…

- Привет, Лех…

Искорки засветились сильнее, словно два старых друга встретились после многих лет расставания.

- Как ты так? – вздыхает первая искорка.

- Не знаю, - грустно отвечает вторая. – Странно как-то…

- Ты здесь как, зачем?

- Да за ней… - одна из искорок делает вираж, вторая резко одергивается.

- А! – вспыхивает вторая искорка. – Алиса Евгеньевна тоже здесь? И ты за ней?

- За ней, Лех…

- Бли-и-и-и-н, - вторая искорка немного гаснет. – Не получится, дядь Коль… Ты это… Уходи, а?

- Не могу, Лех. Сам понимаешь. Она там… Туда мне надо.

- Да, - еще чуть гаснет вторая. – Но я не могу тебя пропустить…

- Я понимаю, Леш. Все понимаю. А я не могу отступить…

- Да, я вижу, тебя тоже… Держат… - наконец-то подбирает правильный мыслеобраз вторая искорка.

- Угу… - поникает яркостью первая искорка.

- Тогда… Тогда извини меня, дядь Коль… Я больше не могу их держать… Они идут… Если что... я не со зла... я это не сам...

- И ты меня извини… - обе искорки гаснут, и лишь эхо еще вечность летает в пустоте, пытаясь отыскать своего слушателя.

***

Одиннадцатый шел уверенно. Сила и мощь, заключенная в его теле была безграничной. Он подходил, и кровь его закипала по мере приближения к противнику. Модифицированное тело, опутанное под бронированной шкурой датчиками и трубками, имплантами и микрочипами, напрягалось с каждым шагом. Адреналин, выбросившийся в кровь перед боем, дал сигнал хитрым устройствам, а те в свою очередь, оценив силу всплеска, подобрали необходимую дозу стимуляторов.

Спина Одиннадцатого вздрогнула, напрягаясь и стеклянные пробирки в стальной оправе, подходящие к каждому позвонку, зашипели, впрыскивая сыворотку доктора Решетова ему прямо в спинной мозг.

Гигант на мгновение застыл, пошатнулся, а потом, набрав в легкие воздух, громогласно заорал. Тугая волна ужаса ударила по окрестностям, сводя с ума всех, кто попал под ее воздействие.

Николай медленно выдохнул. Атака была такой сильной, что казалось ему по настоящему хорошенько так дали под дых кулаком, но не более. Ощутимой, но не смертельной. Он выпрямился и, сконцентрировавшись на враге, послал ответную волну. Прямую, как иглу, направленную своим острием противнику прямо в лоб.

Бил он не в полную силу, ее еще поберечь надо, а так… процентов на семьдесят – восемьдесят. Чтобы старшеклассник-выскочка не думал нос высоко задирать…

Одиннадцатый утер нос от крови. Что ж… Доходчиво. Освежает, - подумал Леха, - Но не смертельно. Далеко не смертельно…

Ударив себя огромным кулачищей по груди, он еще раз рыкнул и пошел в наступ. С этой минуты ими управляли одни инстинкты.

Никакой пощады.

Никаких промедлений.

Никаких сомнений.

Так требовало их нутро. Естество. Темная часть сознаний.

Два гиганта сошлись в схватке. Огромные тела столкнулись глухим деревянным звуком. Словно сошлись две огромные скалы. Глухо, коротко, страшно. Лед вздрогнул, снег взметнулся в стороны.

Они вступили в схватку как животные. Столкнулись, схватили друг друга кто за что и принялись бить, рвать, наносить увечья. Сросшийся в один клубок ярости, они били друг друга куда поподя. В глаз. В ухо. В висок. В солнечное сплетение. По ребрам. Снова по глазам. Пытались выдрать части тел противника из положенных мутацией и природой мест, топча и круша все, что попадалось на их пути: лед, технику, людей.

Николай едва успевал блокировать удары. Ускоренное восприятие, все еще человеческое, позволяло опережать противника, несомненно, давая преимущество. Но Леха был силен. Чертовски силен! Каждый его удар мог запросто сломать человека, перемолов в нем все кости. Но сержант больше не был обычным человеком. Усиленный вирусом скелет трещал, но стоял в обороне. Отбитые органы стонали, но пока тоже держались.

Леха умудрился провести свой коронный удар в челюсть. В школе он частенько так драку начинал и заканчивал. Боксом парень не увлекался, но всегда был коренастым и жилистым, подкаченным и стремительным. Теперь, заполучив новое тело, сохранив старые инстинкты и получив новые способности, он стал опасным врагом.

- Леха, тормози, - послал бывший школьный охранник своему бывшему подопечному ментальный сигнал, чудом устояв на ногах.

Школьный задира не ответил, вновь атаковав.

Серия мощных ударов заставила Николая отступить. Под ногу попалась неровность, запнувшись за которую он чуть было не упал.

Алексей наступал. В голову. В корпус. Ногой. Шипастые наросты на кулаках оставляли внушительные царапины, на сращивание которых грибница тратила слишком много сил.

Леха резко метнулся в сторону, схватил, кажется, снегоход. Тяжелая машина, которую не в состоянии поднять даже самый сильный человек, взлетела вверх, словно кувалда и обрушилась на голову Николаю. Тот едва успел прикрыться согнутой в локте рукой, но что толку?

Пришибло его знатно. Так, что в позвоночнике где-то хрустнуло, хотя, это может быть, что-то в самом снегоходе треснуло. Леха зарычал, радуясь победе.

Николай с трудом приподнялся, отжавшись. Встать в полный рост пока не хватало сил. Ноги не слушались. Кажется, они вообще онемели. Тело болело. Лицо от выстрела в упор еще не отошло, а тут его снова прилично так кувалдой размяли. Кровища хлещет из не затянувшихся ран, как на скотобойне. Регенерация не помогает – слишком уж сильны удары противника, и он очень устал и измотан.

- Дай я!

- Дай я! – загомонили внутренние бесы.

- Мы сможем! Мы победим! Мы порвем его! Мы съедим его!

Сержант сжал зубы. Голова загудела. Стало тяжело дышать. Он застонал а, противник, словно дожидаясь этого, стрелой кинулся к нему…

«Добить, убить, сломать» - прочитался общий фон желаний бывшего Лехи.

Смазанное движение. Пинок по лицу. Хруст. Кажется, это уже не зубы или нос. С таким неприятным хрустом ломается кость черепа. Еще пинок. Николай едва успевает подставить обезображенную руку, чтобы хоть как-то сбить удар. Но опять, что толку? Ну, отбил он один удар. Ну, второй… А третий? Это лишь вялая попытка продлить бесполезное сопротивление. Снова в голову. Куда-то в висок, щеку и лицо. Тело внезапно взлетает и с грохотом падает обратно. Одиннадцатый трепал его как пес ребенка. Разинув челюсть он примерился было откусить бывшему школьному охраннику голову, но явно переоценил свои возможности, зависнув на мгновение и, передумав, вонзил острейшие клыки ему в шею и плечо. Сжал челюсти многотонными домкратами, ломая ключицу и позвоночник.

Бросив уже не сопротивлявшегося сержанта, Леха опустился сверху и резким тычком кулака сломал противнику сперва глазницу, затем кость скулы левым хуком. Вновь зарычав, Одиннадцатый ударил кулаком себе в грудь, послал ментальный импульс победителя из радости и возбуждения и зарычал в морозное небо, задрав голову, скинул ослабевшую руку врага, которая машинально пыталась схватиться за него.

Николай улыбнулся разбитым, поломанным ртом. Зрение не восстанавливалось. Кажется, он и второй глаз потерял. Перед собой он видел лишь кроваво-черный мрак. Все что ему оставалось, это лежать на спине и дышать. Пока еще дышать.

Говорят, на войне и в падающем самолете атеистов нет… Что ж, это так… И в первом и во втором случае ты надеешься на высшие силы, так как от тебя больше ничего не зависит. Смерть уже маячит на горизонте, но ты еще не ощущаешь ее холодного дыхания. Потому так сильна вера у воинов и терпящих крушение людей. Когда-то давно он услышал одну народную мысль: «Когда у тебя проблема, не говори Богам о ней, а говори проблеме, что ты с Богами». Вроде опять, простые слова, но если подумать… А если сказать, обличить мысли в слова, то действительно, становишься храбрее и как будто чуточку сильнее. Всегда, когда жизнь прижимала его своей пятой точкой к земле, они, как и многие другие, помогали вновь расправить плечи. И сейчас, шепча разорванным ртом эту старую прописную истину, Николай ждал, что вот где-то там, в этот самый момент Боги смотрят на него и проверяют. Достоин ли этот воин края вечной войны и пира или ему положено ходить среди смертных серой безмолвной тенью. Вальхалла ему награда или Хельхейм его вечный удел.

Ментальный посыл был силен. Не зря говорят – надежда умирает последней. Не прав тот, кто сказал, что страх – самое сильное чувство. Он, бесспорно, самый древний, но где обитает страх, там и живет надежда…

Одиннадцатый среагировал слишком поздно. Все же человеческое в нем еще что-то было и, заключенный в тело монстра подросток, не смог не преминуть возможностью искупаться в лучах славы. Он победил самого опасного противника! Доказал, что он – самый здесь сильный! Что пришло его время! Что нет больше никого лучше него! Он – номер один! Самый-самый! Но… Гордыня – смертный грех и не просто так. Она застилает глаза. Самообманывает. И вот сейчас, возгордившись победой всего на миг… Он не заметил, как поверженный соперник не просто копошится пред его ногами, а сжимает...

Одиннадцатый попытался обернуться, но гипертрофированные шейные мышцы не дали ему возможность посмотреть себе за спину. Точнее на нее… А ведь если бы он смог, если бы увидел… То

наверняка бы не досчитался одной из стеклянных колб-пробирок с золотистой жидкостью.

- Ну чо, - слыша, как дыхание противника на миг сбилось, простонал Кнехт, вознося руку над грудью. – Попробуем твое штырево…

Леха не успел. Куда там… Лапища с зажатой в ней шприц-колбой метнулась вниз слишком быстро. Инъектор проткнул ткани в ране и выплеснул все свое содержимое. Золотистый стимулятор практически мгновенно, в два удара огромного сердца достиг сперва его, затем устремилась по крупным артериям и венам, дошел до мозга и…

Это было похоже на сияние тысяч солнц. Он по-прежнему был лишен зрения, в привычном его понимании, но то, что он видел теперь внутренним образом, было куда лучше. Он видел всё. И всех. Время замерло. Невидимые обычному глазу золотистые нити вырвались из его тела и устремились по сторонам, окутывая и опутывая пространство словно пальцы. Вот изгибы местности. На нем сперва не ровными волнами, затем буграми, затем контурами прорисовались люди. Точнее их тела. Эти вот уже мертвые - они темные и холодные. Те, еще живые - яркие, теплые, а вон те уже не мертвые и не живые. Пограничные. Люди, оплетенные золотистыми лучами-дорожками, словно паутиной гигантского паука, походили на веретенца. Там где у них была грудь и голова – шире. А к ногам – уже и тоньше. Чем больше в них было жизненной силы, тем нити между ним и веретёнцами становились плотнее. Одно, два три… Десять. И вот уже он чувствует, как его тело наполняется силой. Их силой. Их жизнью… Звуки стали громче. Сперва они имели отзвук. Эхо. Затем проявился цвет. Да. Звуки стали цветными. Вот от самого большого веретена, двигающегося к нему, судя по всему – Лехи, исходят волны ярко-алого цвета – гнев и ненависть. Вот появились синеватые всполохи – это страх. А вот и черная рябь промчалась – ужас…

Все вокруг стало нереальным. Другим. И тут Николай понял, что и он стал другим. Напряжение внутри росло. Сила рвалась наружу. Как несдерживаемый порыв тошноты. Она распирал его изнутри, жаждя разорвать. И он отпустил ее. Дал волю. Потому что больше уже сделать ничего не мог. Это был его последний шанс. Сам бы он никогда Леху не победил. Был бы он здоровее. Был бы отдохнувшим... Но ах, эта частица "бы"... Все что он успел сделать, это увидеть где-то

там, впереди и внизу ярко зелено-синюю, почти лазурную искорку - цвет любви и надежды. Он изо всех сил попытался подумать о том, что ему нужно спасти ее, закрыть своими огромными, сильными руками и унести как можно дальше, не причиняя ей вреда. Эту мысль он попытался запомнить навсегда. Было страшно забыть, ведь память об Алисе – это все, что у него оста…

***

И создал Бог мир. И сказал, что это хорошо… И явился он человеку, созданному по его подобию и сказал…

- Кнехт, я твой отец…

И противиться его слову человек не мог. Ибо отец есть его создатель. Его Бог, его Всё. Зверь и живые липкие, черные путы отступили под натиском света, покорно опустив головы.

Теперь частичка Бога в нем повелевала им. И она требовала отринув тьму и мрак, полностью отдаться свету. И он это сделал. Отдав себя в полное правление Богу, смерено отступив в сторону.

Теперь его путь завершен.

***

Одиннадцатый не успел совсем чуть-чуть. Буквально еще секунда, две и он бы остановил его… Но... Понял он это как-то резко и отчетливо.

Это было похоже на удар набата. Мир словно вздрогнул. По пространству прошла рябь, пронизывая все на своем пути. И все, чего оно коснулась, как-то неуловимо изменилось.

Противник вскочил слишком резко. Словно не был только что избит до полусмерти. Словно не умирал, теряя последние капли жизни с кровью…

- Я пел о том, что всегда есть дорога на свет.

Я пел другим о любви, побеждающей всё.

Но где она, когда кажется, что выхода нет?

Когда я сам уже не верю в неё…

Мир светился мириадами тончайших струнок и искорок. Все казалось не реальным и настоящим одновременно.

Десятый открыл глаза. Время вокруг было каким-то медленным и тягучим. Даже воздух вокруг при движениях создавал сопротивление, словно он купался в прозрачной воде. Снежинки зависли, словно в

клее. Даже свет, казалось, тёк, словно жидкое стекло, задевая светящиеся струны…

Чувства обострились еще больше. Он ощущал мир каждой клеточкой своего тела. Он и был тем самым миром!

Яростный и злой враг приближался.

Десятый оскалился.

Божественная сила наполнила тело. Теперь его ничто не могло остановить. Он может все!

Одиннадцатый вздрогнул, на мгновение покачнулся, ощутив сильнейший ментальный удар. Если бы не искусственно погашенное чувство страха, он бы, наверное, попятился. Но он не мог отступить. Таким его воспитали. Таким его сделали.

Время начало ускоряться. Эйфория от нового стимулятора прошла. Десятый повел могучими плечами. Кажется, он стал еще больше.

В один рывок гигант поднялся, сбросив с себя растерянного противника. Их роли поменялись. И теперь Он тут Номер один!

***

Час катастрофы.

Окрестности военной базы РФ «Полярка»

- Сажай! – Петров стиснул зубы. – Не могу я так… Надо ему помочь…

Слова вырвались сами собой. Мысли окончательно сформировались в голове.

- Сажай тут!

Майор не подчинился.

- С хрена ли, - продолжал он упорно вести свой вертолет дальше, косясь на зеркала заднее-боковой полусферы слева по борту.

- Сажай, говорю!

Капитан встал, демонстративно сдернул пальцем предохранитель автомата до упора вниз, навел ствол на пилота.

- Са-жай! Мы выходим!

Чернова вздрогнула.

- У нас там гости… Валите тогда шустрее… - пожал плечами майор.

Машина, повинуясь движению штурвала, медленно наклонилась и начала снижаться. Двигатели покорно снизили обороты, шасси мягко

прыгнули по поверхности.

- Наташ, собирайся, уходим, - опустив автомат, бросил Данил косой взгляд на подругу.

Майор хмыкнул. Голос у капитана был фальшивым до невозможности. И что, она, дурочка, поверит? Ха! Смотри-ка, поверила! Он вернул руку с кобуры на штурвал. Байкал его движение заметил, и на его лице на миг проявилось удивление. Пилот хмыкнул, словно говоря, мол, а ты как хотел? Перед тобой не простой солдат, а целый майор спецназа, ты забыл?

Петров и вправду забыл… Как-то не корячилось ему то, что этот дядька в каске опасный и опытный боец, в одиночку выживавший на корабле запертый в ограниченном пространстве с международными террористами и мертвецами несколько месяцев… Надо же, а умеет, бес его побери, маскироваться и притворяться, зубы заговаривать… Или капитан все-таки стареет и теряет хватку? Нет, скорее всего, просто усталость.

Черный, антрацитово-непроницаемый шлем повернулся к Данилу и медленно качнулся вниз. Капитан тоже едва заметно кивнул, посмотрел на выходящую из вертолета девушку, убрал автомат.

- Иначе никак, - оправдался он одной непонятной, кроме них двоих сейчас фразой.

- А я думал, ты мудак, капитан, - хмыкнул майор, и, как только Петров снова кивнул, дернул рычаг штурвала вверх. – Думал, ты друга боевого бросишь.

Винты взвыли, подняв пургу. Наталья оступилась, повалилась в снег. Резко, предчувствуя нехорошее, обернулась к распахнутой двери. Данил показался в проеме через мгновение… И тут она все поняла.

- Нет! – крикнула девушка дрожащим голосом.

- Оставайся тут, - с грустью ответил майор. – Тебе с нами нельзя!

Взгляд ее был полон боли. Наталья смотрела на него как на предателя.

- Гад! – выкрикнула Чернова, но ветер захлестнул ее и девушка задохнулась хлопьями снега.

Данил закрыл дверь, вернулся в кабину.

- Ты меня только довези, - угрюмо попросил он. – А дальше я сам… И забери ее на обратном пути. Подкинь, пожалуйста, до куда-

нибудь. Просто подальше. Если через "Афалину" полетишь, высади там, а мы позже доберемся. Тут уже очень опасно стало...

Петров старался не смотреть в окно. Почему-то у него появилось ощущение, что девушку он видит в последний раз. Что-то не хорошее витало в воздухе и от того становилось лишь грустнее. Но так было правильно. Так было лучше. Тащить ее с собой на верную гибель было нельзя. Пусть лучше она побудет тут, а, если у них вообще все получится, то все вместе подберут ее на обратном пути.

- Капитан, - позвал майор и качнул черным шлемом куда-то вперед. – Кажись у друга твоего проблемы…

Данил нахмурился.

Впереди, чуть справа и ниже, опустив хищный нос, кружился по спирали боевой вертолет. Кабина и нижняя ее часть периодически освещались вспышками и Данил готов был отдать здоровую руку на отсечение, за то, что принадлежали эти вспышки - курсовой крупнокалиберной пушке.

- Держись, - наклоняя вертолет вперед, скомандовал Буран. – Сейчас мы его чуть напряжем…

Двигатели взвыли. Вертолет набирал ход, выравниваясь, ложась на курс.

***

Час до катастрофы.

Военная база РФ «Полярка».

Штаб управления.

Сигнал тревоги ворвался в коридоры внезапно. Отражаясь от бетонных стен. Он ударил резко, заставив вздрогнуть.

- Что там происходит? – нахмурился полковник Резников, недовольно обращаясь к Валентину.

Помощник тут же завертелся, вылавливая взглядом из толпы окружающих того, кто мог бы ответить на этот вопрос, так как и сам он ничего не знал.

- Ты! – безошибочно определил он жертву. – Быстро выясни!

- Есть! – отрапортовал молодой парнишка и тут же набрал на стоявшем неподалеку столе телефону короткий номер.

Пара секунд ожиданий. Такой же, как номер, короткий вопрос. Нахмуренные брови, обескураженное выражение лица.

- Там… Там говорят, монстр какой-то… Обезьяна гигантская…

Дальше говорить было не нужно. Валентин и полковник все поняли без слов.

- Они живы! – ударил кулаком по столу Резников. – Какого хрена?!

Старый урод обманул его! Рукожоп! Не доделал дела!

- Выжили, гады!

В том, что капитан тоже выжил, полковник не сомневался. Он просто чуял это пятой точкой, которая, к слову сказать, немного сжалась. Впервые за долгое время Резников почувствовал страх. Они выжили и пришли сюда… Что ж… Ладно! Пусть попытаются...

- Валентин! - обратился он к помощнику. – Пусть Решетов свою обезьянку выпускает! А вы, - он обернулся к бывшему начальнику базы. – Подготовьте солдат! Всех, что есть! Эта тварь вредная и ее нужно уничтожить! С ней наверняка еще один вояка. Обоих валите без лишних разговоров!

- Тварь? – переспросили его.

- Вы справитесь, - отмахнулся Резников. – Возьмите пару пулеметов и гранатомет. Что там у вас есть, то и берите! Этого будет достаточно. Он живучий, но не бессмертный! Выполняйте! Че встали?!

Бывший командир военной базы козырнул и быстрым шагом отправился выполнять приказ нового начальства.

- А вообще, если можете, - догнал его голос, - постарайтесь взять эту обезьяну живой! Валентин, профессору позвони, наши старые знакомые с того света как-то вернулись. Теперь у него есть шанс получить его сраные образцы…

***

Отряд двигался быстро. Лейтенант, поставленный в командование, бежал впереди, подавая пример подчиненным. Он рвался в бой. На лице играла зловещая улыбка. Поле того, как люди стали вставать после смерти, он один из не многих, кто не то, что проклял тот день, а даже восхвалил его! Наконец-то что-то случилось! Наконец-то этому гребаному миру пришел полярный зверь! Наконец-то он сможет развернуться на «полную»! Показать и проверить себя!

Он был благодарен тому дню, который подарил ему свободу. И теперь, всякий раз, когда происходило нечто подобное, он внутренне

ликовал. Сейчас он постреляет! Сейчас его клинок напьется крови! Сейчас он вновь вступит в схватку и победит!

Он не боялся. Чего бояться тупых мертвяков? Медленных, замерзших, слабых? Бей. Круши. Кр-р-ромсай! Влетай в толпу и выходи из нее победителем! Что может быть проще? Просто соблюдай простейшие правила и будешь цел! И чего все эти распи… расхлебаи их боятся? Главное не давай приблизиться и все! Будешь на коне! Будешь победителем! Бессмертным уничтожителем восставших мертвецов!

Вперед, вперед! Вон, уже и створки погрузочных ворот в поле видимости появились! Еще чуть-чуть! Он непременно должен быть первым! Шестьдесят семь уничтоженных мертвецов! Всего шестьдесят семь! Мало! Нужно больше! Больше!

Ворота начали открываться. Инженеры, завидев приближающийся вооруженный отряд, запустили процедуру открытия ворот. Загудели моторы. Зашуршали ролики по металлу и стальные створки покатились в разные стороны.

Лейтенант ускорился. И! Вот! Он первый! Сейчас…

И он обомлел. Картина, представшая его взгляду, показалась не реальной. Вместо десятка, ну двух, от силы трех мертвецов из пришлых, он увидел… нечто. Два огромных человекоподобных монстра яростно избивали друг друга до вздрагивания льда под ногами. А вокруг… Все вокруг было красного цвета и лейтенант мгновенно понял, что это такое…

- Своего не зацепите! – пришел приказ по рации.

- Господи, - попятился лейтенант, когда один из громил легко и играючи подхватил снегоход и со всей дури огрел им по голове другого.

- Тут еще и наш есть?!

Лейтенант нервно поднял автомат, заслышав за спиной догнавшие шаги его отряда. Горилообразный монстр после сокрушительного удара упал всего на секунду. После чего резко поднялся.

В небе грохнула авиационная пушка. Пули, а, скорее, снаряды ударили в тело одного из гигантов, но тот лишь зарычал от боли и, отскочив в сторону, зло глянул на летучего обидчика. Не более.

- 12.7, - мысленно отметил лейтенант калибр пушки, со страхом осознавая, что в его распоряжении лишь старенький автоматик…

Кто-то закричал, выстрелил, попятился, наткнулся на сослуживца. Образовалась сутолока. И это стало триггером. Спусковым крючком. Все сорвалось с места, закружилось и полетело под откос.

Одиннадцатый атаковал и стремительно отступал. В прямой схватке ему было не победить. Десятый получил «частицу бога» и теперь превосходил его и в силе и в скорости. Инстинкты мутанта были направлены на одну цель – убивать, но частичка человека, все еще оставшаяся где-то в глубине сознания, предостерегала монстра от необдуманных атак. Десятый же, заполучив в свои руки безграничную мощь, шел в атаку открыто. Не боясь.

Вытянув руки, он схватил противника за голову, не дав бывшему школьнику отскочить после сильного удара кулаком в грудь. Схватил, дернул на себя. Тело взмыло в воздух. Ноги оторвались от земли и огромная туша плашмя грохнулась о лед грудью. Клацнули челюсти. Хрустнули кости. Ощутимо вздрогнуло. Люди почувствовали тугую волну, ударившую в ноги.

Лейтенант вскинул автомат и вжал спусковой крючок. Он целился в морду одержавшего победу гиганта. Инстинктивно он выбрал его своей целью. Голый, сверепый, огромный, внушавший одним только видом страх и ужас, он казался большей опасностью, чем второй.

Существа сколь были похожи, столь и отличались друг от друга. Тот, что побольше – смахивал на гориллу. Даже какие-то человеческие черты лица имелись. А тот, что сейчас упал – имел более крокодилообразную рожу. Да и сам весь был… Иной. Сразу было видно – вот этого создали, а вон над тем мать природа отдохнула. К тому же на крокодилоиде даже какая-то броня была, и что-то вроде рукотворных приборов, проводов, а гамадрил-переросток был абсолютно голый и тело его, было покрыто невероятной плотной кожей. Не нормальной, но, казалось, все же, природного характера.

- Огонь! – заорал лейтенант, меняя магазин. – Трубы к бою, мать вашу! В гориллу! В гориллу бейте!

Сзади ухнуло. Реактивная струя пронеслась над головой лейтенанта и ушла далеко вперед, взорвавшись, ударившись о ледяную гору. Монстр увернулся от снаряда. Движения его были для такой туши слишком резкие.

Рыкнув, десятый подхватил первое, что попалось под руку. Какой-то ящик. Подняв его, он с силой швырнул коробку в сторону людей.

Снаряд почти угодил в цель. Десятый не ставил задачу попасть. Ему нужно было отвлечь назойливых блох от главной задачи.

Противник вставал. Силы постепенно начинали таять. Стимулятор вот-вот закончит свое действие, и Десятый это понимал, потому спешил как можно быстрее разобраться с главным врагом.

- Опасность! – взвыла грибница, уловив ментальные всполохи.

Зверь мгновенное среагировал и бросил тело в сторону. В этот момент в лед, где они только что стояли, впился десяток смертоносных металлических комаров.

Пилот чертыхнулся, повел вертолет на второй круг и вновь вжал спуск, полевая цель с небес из зоны недосягаемости.

Десятый прыгнул снова и снова, уходя от залпов. Он был силен и крепок, но не бессмертен.

Отскочив от противника слишком далеко, Десятый резко метнулся обратно. Назойливые людишки и стрекочущий где-то в вышине вертолет нарочно не давали гигантам сблизиться, давая одиннадцатому время на передышку и восстановление, изматывая и раня Десятого.

- Ближе! Ближе! – требовала грибница, рисуя в голове образы.

- Тогда ему помочь не смогут! – соглашался внутренний зверь. - Слишком важная цель! Слишком большие силы были вложены в его создание… нужно быть ближе!

Гигант ринулся вперед, напрягая мышцы, заставляя работать их на пределе. Прыжок. Второй. И десятка метров как ни бывало. Пули ранят тело, мешают продвижению, но смертоносный рывок уже было не остановить.

Мгновение, два и гиганты вновь сошлись в жуткой схватке.

Крокодилообразный гигант нанес удар в челюсть. Сдаваться он не собирался. Десятый покачнулся. Перед внутренним взором зарябило. «Струны» задрожали, мигнули. Времени совсем нет. Нужно скорее заканчивать! Если способность видеть мир пропадет, если «частичка бога» перестанет действовать, он точно проиграет, а его время жизни в этом мире подходило к концу.

Десятый атаковал. Он схватил противника мощными руками, обняв его, словно старого друга и принялся давить, одновременно с этим вонзая мощные челюсти везде, куда доберется. Одиннадцатый тоже пустил в ход клыки.

Они драли друг друга словно псы, вырывая куски плоти, орошая снег и лед вокруг черно-желтой кровью, наносили мощные удары куда придется, старались задушить друг друга. Оба были на пределе. Кто первый сдастся, тот и проиграет.

Упали оба. Силы покидали гигантские тела вместе с вытекающей из ран жидкостями. Кровью эти субстанции назвать можно было лишь косвенно. Оба еле дышали. Оба умирали

Десятый лежал, видя, как жизненная сила противника гаснет с каждым мгновением. Слушая удары собственного сердца, он радовался. Победил! Он победил! Снова! Но радость его была печальной. Он победил противника, но не выиграл войны, не успел сделать чего-то еще, чего-то важного. Чего именно, он не мог вспомнить, но ощущение пустоты от приближающейся смерти заставляло сердце щемиться.

Внутри стало как-то не уютно. Мир угасал. Он стремительно темнел. Десятый уже слышал победоносный рев внутреннего зверя, и радостное шуршание грибницы, которые, выполнив последний приказ воли человека, готовились к последнему рывку. Теперь они накинутся на него, разорвут, уничтожат последнее человеческое, что в нем осталось…

Десятый видел, как вертолет готовился к атаке, заходя на новый вираж, как к нему со всех сторон спешат люди с оружием наперевес. Но сил уже не было. Какая разница, от чего умереть? От выстрела из гранатомета, авиационной пушки или его расстреляют из пулемета в упор. Это уже будет не он… Все что он еще может, это попытаться продать свою жизнь еще хоть чуточку дороже – дотянуться до окружавших его сгустков сознаний, сломить их волю. Он не надеялся, что у него получится, но попытаться стоило… Сдаваться без боя не хотелось даже сейчас. Особенно сейчас, когда смерть дышит ему в шею, а прекрасные валькирии уже протягивают свои руки, чтобы принять душу воина и отвести ее в край вечной войны. В светящийся золотом Асгард…

- Чушь какая-то, - усмехнулось угасающее человеческое сознание. – Не хило меня вшторило…

- Ослепший старый маг…

Ночью по лесу бродил… - внезапно загудело в голове.

- На кладбище разлил…

Он волшебный эликсир… - подпели беззвучно губы.

- И лишь проговорил…

Собрав все оставшиеся силы, Десятый пустил ментальную волну по окрестностям. Самую сильную. Предсмертную. Такую, на какую только был способен. По крайней мере он в это верил... Она содержала всего лишь один приказ. Одну мысль. Одну идею.

- Уничтожить всех, во что бы то ни стало!

Сознания вспыхнули алыми вспышками. Армия мертвецов, коих тут наплодилось благодаря ему же, зашевелилась. Кто смог, тот встал. Кто не смог, пополз. А кто не смог ни первое, ни второе, лежал и злобно скалился в нужном направлении.

Десятый вздохнул, набрав полную грудь воздуха, и медленно выдохнул, выпуская последний горячий воздух из легких, частичку жизни и души из тела, а в месте с ними микроскопические черные споры из организма.

Грибница получила свое. Мельчайшие семечки взметнулись в ледяной воздух и, гонимые ветром, устремились вперед, неся в каждой своей частичке копию себя. Операция «Сев» была завершена. Профессор Решетов был бы рад, узнав об этом, но ему было не до этого…

Мертвецы встали и единым фронтом двинулись на обреченную военную базу. Ворота в нее были открыты. Запирать их было уже некому....

***

Час до катастрофы.

Окрестности военной база РФ «Полярка».

Борт штурмового вертолета.

- Держись! – прорычал майор, увод вертолет в сторону за мгновение до выстрела.

Вражеская машина заметила их слишком поздно. Или пилот в суматохе, не сразу разобрался, приближается к ним свой или чужой, или так сильно был занят расстрелом гиганта, но Бурану это оказалось на руку.

Они практически задели винтами друг друга, но все обошлось. Неизвестный пилот отклонился влево. Майор тут же качнул свою машину за ним вслед. Отпускать далеко от себя боевой вертолет было опасно. Из всего вооружения у них есть – пара автоматов да пулемет,

снятый с того изувеченного пикапа на пункте заправки недалеко от "Афалины". Его, кстати, капитан сейчас и готовил к бою. Конечно, не авиационная скорострельная пушка с умным наведением через электронику со стабилизатором, но калибр внушительный! 14,5 это вам не 5.45 или 7.62 «Калаша» и даже не 12.7! Это вам, мать вашу опасная хреновина! В ближнем бою она способна не то, что вертолет! Целые дома и тяжело бронированные машины разобрать! И было бы все совсем чудно, будь у них лафет или подготовленная для стрельбы площадка… Стрелять с пола, с незакрепленного орудия, в открытую боковую дверь вертолета… Это уже, к сожалению, мать нашу… Каким бы стрелком капитан ни был, но тут даже самому лучшему без подвеса и пристрелки попасть будет не просто! Оба вертолета постоянно маневрируют, меняют скорость и высоту, а передний, падла, еще и тепловые ловушки раскидывает. А они, между прочим, не хило так дымят и жгутся!

Байкал старался вести правее, подставляя для стрельбы левый борт. Вертолет вам – не квадрокоптер, боком лететь так же быстро, как носом – не может. Автоматика не дает, распределении веса, углы наклона и хвостовой стабилизатор. Так что единственные моменты, когда Петров мог стрелять – это когда вражеская машина ныряла вниз и влево, но там пилот тоже не пальцем деланный оказался, быстро все понял и старался держать машину выше и правее, крутя врага по часовой стрелке. Если б у него был какой-нибудь там КА-50 или КА-52, давно бы и майору и капитану гореть на льдине, у тех пушка вращается во всех плоскостях, а у этого штурмовика пушка плюс-минус только вперед смотрит, так что поживут еще, побарахтаются, но собака! Насколько же он маневреннее и быстрее!

- Не догоним! Надо уходить, пока есть время! - прорычал майор, понимая, что погоня на открытом участке совсем не главный конек его техники.

К тому же, их явно заманивали. Впереди показались быстро приближающиеся черные точки. Да и главную задачу – отвести от союзника опасного врага, они выполнили. Вступать в настоящий бой в планы майора не входило. И тут машину тряхнуло.

От грохота заложило уши. В кабине сразу же завоняло горелым, загудели приборы, запоздало сработала система предупреждения ракетной атаки. Видимо били почти в упор. Вертолет наклонился на

левый борт. Капитана бы, не схватись он за ручку, бросив пулемет, наверное, выкинуло бы. Но он едва смог удержался на краю открытой двери. Машину тряхнуло. Она словно провалилась в яму и принялась стремительно падать, начиная вращаться.

Вернуться в кабину Петров не смог. Слишком уж большое вращение у падающего вертолета образовалось. В кино показывают подобные аварии и в них техника падает ровно. На деле же все оказалось страшнее. Дикая тряска, вращение во всех плоскостях и полное не понимание что происходит. Все слишком быстро. Петров где-то слышал, что в падающем вертолете шансов выжить больше чем в самолете. На сколько – он не проверял, да это было и не важно. Тут пятьдесят на пятьдесят. Два варианта. Или погибнет или выживет. Конечно, за то, что погибнет – шансов больше, тут и ежу противотанковому понятно, хотелось бы верить, что так как варианта всего два, то и шансов поровну…

Кабину затянуло дымом стремительно. Штурвал в руках дергался коброй. Педали не откликались… На лицо по всем признаком поражение в главный двигатель и топливные баки. Винт пока был цел, крутился, гася падение, но нос уже клевал. Еще чуть-чуть и попадут в сваливание… Буран принял единственное, по его мнению, правильное решение – не бороться с падением, а попытаться уменьшить вращение машины. Левый бак уцелел, в нем было еще достаточно топлива, потому быстрыми, отточенными движениями пилот отстегнул его, уменьшив и сбалансировав вес машины. Но это не помогло. Не та высота...

Хлопок. Снова машина вздрогнула. Если бы не шлем, голова, которой майор приложился о боковой фонарь, наверное, бы, треснула как орех. У него аж в глазах потемнело. А так… Шлем спас, подарил еще пару мгновений жизни. Но не больше.

Майор словно в замедленной съемке видел, как приближается поверхность. Как огненными каплями с его вертолеты вниз срываются фрагменты физюляжа и огненным ливнем течет горящее топливо.

Два удара сердца и темнота.

Как они упали, майор уже не узнал. Его тело от жесткого удара по касательной выбросило вместе с креслом в сторону, перевернуло несколько раз и подмяло под обломки вертолета. Кровь хлынула носом и из ушей, но Буран на тот момент был еще жив…

***

Глаза открылись не сразу. Сперва он подумал, что ослеп, но, все же, зрение постепенно начала к нему возвращаться.

Вертолет горел. Машина была смята и сильно повреждена, но цела, и не развалилась.

С трудом поднявшись, Данил осмотрелся. Если он выжил то и майор мог. Нужно было срочно уходить от видимого за десяток километров маяка в виде поднимающегося к небесам столба черного дыма.

Кровь бежала по лицу, заливая глаза. Судя по состоянию организма, пролежал без сознания Петров не долго – не успел еще замерзнуть. Подняв взгляд, он увидел в небе летящие к ним вертолеты. С открытой местности нужно было валить. Благо, что они почти дотянули до «Полярки». Упали не так далеко, а тут и торосы и холмы, в общем, есть где укрыться…

- Буран! – позвал Данил, ковыляя к горящему вертолету.

Обойдя вертолет с подветренной стороны так, чтобы дым укрыл его от ненужных глаз, майора он нашел почти сразу. Кресло, с сильнейшими по виду повреждениями, кажется, спасло пилоту жизнь. Тот вяло, но шевелился.

- Твою мать!

Опустившись на колени перед Бураном, Байкал скрипнул зубами. Не совсем пилоту повезло… Правой ноги чуть ниже колена не было. Кровищи натекло – море. Майор как раз пытался перетянуть рану обрывком ремня безопасности.

- Кажись, - простонал спецназовец. - Отлетался.

- Давай, я, - отстранил Данил руки раненного и сам наложил жгут.

Затянув ремень как можно туже, обмотав его над коленом несколько раз, Петров попытался освободить Бурана от удерживавших его строп. Замки, разумеется заело. Пришлось резать стропорезом, находившимся на боковой грани сиденья как раз для таких вот случаев.

Над головой прогрохотали винты. Черный тяжелый дым сразу метнулся в разные стороны. Жар от огня усилился.

- Надо уходить, - заходя со спины пилоту и беря его подмышки, прокряхтел Данил.

Голова у самого гудела, плохо соображая, но вбитые в подкорку инстинкты заставляли тело действовать на автоматизме. Утершись от крови, Данил потащил напарника к ближайшему торосу. Конечно, их наверняка заметят, но там хотя бы опасности от взрыва остатков горючего или прямого расстрела не такая высокая. Задачи нужно решать постепенно, а не все разом!

Оттащив Бурана, Данил выругался. Надо было прихватить аптечку! В вертолете что-то хлопнуло. Не громко, но как-то не хорошо. Желание возвращаться к пылающей машине сразу пропало. Нужно было что-то делать.

Петров сморкнулся, выбивая из ноздрей сгустки крови.

- Ска, - вздохнул он, глядя на стоявшую невдалеке военную часть. – Держись. Сейчас попробуем тебя подлатать!..

Вновь подняв отключившегося от шока и боли пилота за подмышки, капитан поволок тело раненного в сторону «Полярки». Выбора не было. Там он хотя бы как-то может помочь Бурану. Авось, повезет…

***

Двадцать минут до катастрофы.

Окрестности военной база РФ «Полярка».

Центральные ворота.

С такими ранами не живут. Петров это понял практически сразу. Даже Ему было не выжить…

Данил не мог поверить. Он стоял, задумчиво глядя на тело гиганта. Недвижимое. Бездыханное. Вокруг были видны следы схватки. Разорванные тела, окровавленный снег, стреляные гильзы и даже одноразовые трубы гранатометов, какие-то обломки техники.

- Колян, - позвал он друга, не рискуя подходить слишком близко к лежащему в кровавой луже телу великана.

Бой, видимо был серьезный. Не меньше трех десятков тел. Разорванных, расстрелянных, опаленных. Чуть впереди сразу за распахнутыми воротами – подобие наспех собранного блокпоста. Ящики, мешки, две станины с пулеметом. Воняло жутко. Смесь кишок, испражнений, крови, пороха и горелой плоти, который даже поднявшийся морозный ветерок не разгонял. Друга, кажется, даже огнеметом пытались остановить, вон, в углу под стеной что-то похожее

валяется – смятый баллон с лямками на обломке чьей-то спины. Точнее ребер… В общем на том, что осталось от человека.

- Колян? – в надежде на ошибку, еще раз позвал Данил, подходя ближе.

Слева в застывшей луже крови шевельнулся прилипший мертвяк. Байкал сделал шаг в сторону. Верхняя часть тела бывшего человека лениво потянулась изломанной рукой в его сторону, но сил у мертвеца явно не хватало, чтобы сдвинуться с места.

- Эй, - еще раз, громче позвал Данил. – Колян!..

Он подошел ближе, толкнул гиганта. Вздрогнул. Тело великана буквально горело. Пульса не было. Как Данил не старался, но не мог отыскать ни на шее, ни на руке бьющуюся ниточку.

– Кончай, давай. Вставай…

Верить не хотелось. Такого не могло быть! В груди разгорался огонь. В горле рос ком. В глазах что-то начинал щипать. Руки как-то сами опустились.

Петров горько вздохнул. Смерть. Она всегда была с ними рядом и одновременно как-то далеко, словно за пуленепробиваемым стеклом. Вроде вот, видел ее, сам на краюшке ходил, не раз чуть не погиб, но всегда был от нее защищен. Абстрагирован. Но теперь... Сейчас он явственно ощутил ее присутствие. Чей-то пересказанный сон, компьютерная игра, в которую он играл, фильм, в котором он – зритель… внезапно все изменилось. Вот она. Смерть. Рядом. Тут. У его ног… Настоящая. Горькая. В это не хотелось верить. С головы словно спал мешок.

Взгляд капитана скользнул по телу мертвого друга. Мертвого. Мертвого. Мертвого – забилось страшное слово в голове. Видел он смерти. Ни раз. И просто мертвых людей. И умиравших на его глазах и, даже на руках, причем не сейчас, когда мир с ног на голов перевернулся, а еще там, можно сказать, в мирной, обычной жизни. Но сейчас. Сейчас ему стало страшно по-настоящему. Сердце забилось сильнее.

Первой мыслью, посетившей его начавшую трезветь голову, была: «Брать Наташку и пешком, на снегоходе, да хоть на храмом майоре, но валить из этого опасного места». Они наломились в лоб и закономерно получили по нему кувалдой. Судьба сказала, мол, ребятки, поиграли и

хватит. Сколько можно вам, дуракам, намеки делать? Не послушали? Получите, распишитесь!

Обидно. Вот то точное ощущение что он сейчас испытал. Столько прошли и все зря! Даже попрощаться нормально не успели. Колян, Колян! Говорили же тебе, угомонись, отдохни! Нет! Пер напролом, никого не слушал!..

Он вздохнул. Сколько не стой, слезы по погибшему другу не лей, а помочь ему уже никак нельзя. Мертвым, как говорится, уже все равно, все в нашей голове. Данил был военным и за годы службы в различных местах не так, чтобы часто, все же в основном занимался подготовкой бойцов, но иногда нет-нет, да хоронил друзей и знакомых. В последнее время их стало больше. Гораздо. Но страх за собственную жизнь и жизнь Натальи все-таки взяли верх.

- Ты как? – спросил он у лежащего не вдалеке майора.

Тот что-то прохрипел в ответ.

- Дотащу тебя до базы. Поищу аптечку, а потом надо обратно, валить отсюда. Коляна больше нет и мне надо вернуться за Наташкой. Понимаешь? – кивок. – Полежи тут, я сейчас…

С этими словами Петров быстрым шагом направился в сторону открытых дверей «Полярки». Там можно было отыскать аптечку и технику. Таскать на своем горбу тяжелючего майора в шубе – дело было явно не благодарным.

Проходя мимо тела друга, Байкал снова вздохнул. Не правильно было его так оставлять, но сейчас он ничего сделать не может, надо побеспокоиться о безопасности живых. Отъедут подальше, потом вернется за товарищем. Оставлять тут он его не намерен. В курсе делишек профессора… Если надо будет, вернется с ротой солдат и отобьет тело, да нормально ,по человечески похоронит.

Взгляд зацепился за руку друга. В огромной лапище было что-то зажато. Он медленно наклонился, разжал окоченевшие пальцы. Усмехнулся. Вот жжешь судьба, собака…

Теперь в его руке, словно переходящее знамя, лежала небольшая пластиковая коробочка с наушниками. Данил мысленно взвыл. Опять! Он сделал с ним это снова! Да что же с ним происходит? Что за эмоциональные качели? Старость? Усталость? Предчувствие?

Скрежетнув зубами, капитан убрал устройство во внутренний карман под шубу и бронежилет.

- Давай, дружище, - решительно опустился он перед бездыханным телом, положив на лицо друга свою ладонь, согревая веки. Не дело воину так лежать... – Твой путь закончился. Отдыхай. Отдыхай, дружище… - веки друга закрылись навечно. – Теперь моя очередь…

В горле стало тесно. В глазах снова защипало. Он отдавал себе отчет, что поступает не логично. Опасно, но словно вселившийся в душу дьявол, бес, монстр, заставлял его поступить именно так!

Он хмыкнул. Как закончится его жизнь? В глубокой старости, на скамейке перед домом? Будет сидеть, смотреть на закат и вырезать ложку внукам? Ха! Трижды ха! Он, же, мать его, солдат! Офицер Российской Армии! Он, бл, в конце концов, человек! Алиса же в них верит, ждет… И как он будет дальше жить, зная, что свернул с пути, отказался от боя в двух шагах от цели? Да! Пускай не его! Но какая разница! Он! Должен! Это! Сделать!

- Я закончу, - негромко прошептал Петров, поднимая автомат. – Я закончу, Коль. Закончу…

Глава 14. "Герой погиб! Да здравствует герой!"

***

Полчаса до катастрофы.

Окрестности военной базы РФ «Полярка».

Сильная боль сковала тело так, что Наталья не смогла сначала даже вздохнуть.

- Схватки! – пришла мгновенная мысль. – Это схватки!

Корча и выбивая из девушки дух, спазм длился примерно минуту. Когда стало чуть легче, она смогла отдышаться.

- Что делать, что делать? – зашептала она сама себе, в такт горячему дыханию.

Обежав взглядом окрестности, Чернова пришла к закономерному результату – делать это здесь – никак нельзя. Петров улетел, никого рядом нет, а ей нужна профессиональная помощь. Роды сами по себе дело сложное, а тут еще и с такими… С такими обстоятельствами. Ноги похолодило ветром. Воды отошли! А она и не заметила. Снова в животе и ниже стало нарастать неприятное чувство.

- Сколько… Сколько времени…

Голова совсем не соображала. Мысли в панике разбежались по окрестным сугробам и замерзли в них напрочь.

- Раз, два, три… - начала считать в слух Наталья, почему-то твердо подумав, что ей важно знать время между порывами… Или время самих схваток… Не важно. Нужно просто считать! Сконцентрироваться на счете!

Снова боль. Глаза закрылись сами собой. Наталья инстинктивно приняла позу эмбриона. Уф, уф, уф, - задышала она чаще, пытаясь пережить невероятную боль.

- Еще рано, потерпи, потерпи…

Она с трудом снова встала. Трудно, больно, а что делать? Тут рожать нельзя. Нужно к людям! В тепло! Желательно… Снова боль. Желательно к кому-то из научных сотрудников. Найти такого, захватить, если будет нужно, заставить провести операааааааа… Опять приступ боли. Уф… В общем, надо двигаться. Надо дви-гать-ся.

Единственной правильной мыслью, была – «Добраться до «Полярки». Авось, сразу не убьют, войдут в ее положение и помогут. Потом уж как-нибудь все решится. Данил тут рядом, Николай тоже. Вытаща-а-а-а-а-ат… она поморщилась от новой волны боли. Идти. Идти…

Колени дрожат, слезы на глазах почти сразу превращаются в изморозь, сердце бьется, и дыхания не хватает. Но надо, надо...

Наталья поковыляла в сторону базы. Не так и далеко, но и не близко. "Может ей вообще удастся за местных сойти?" - Проскользнула очередная шальная мысль. "Ну, за тех, кто прибыл с корабля. Вдруг они друг друга еще плохо знают, да и к беременным даже у вояк отношение иное… Лишь бы на Решетова не нарваться!" Ай… Больно… Идти, идти…

Как она добралась до ворот, Наталья помнила смутно. Голова к тому времени, казалось, вот-вот разорвется от боли. Она вся вспотела. Ей не хватало воздуха и каждый шаг болезненным ударом отдавался под дых, но она это сделала.

Совершенно не обращая внимания на неприглядную картину вокруг, девушка, едва уже держась на ногах, буквально ввалилась в бетонный мешок коридора. Зрение, ослепленное белым снегом, не сразу пришло в норму. Продвигаясь вдоль правой стены на ощупь, она отыскала, судя по ручке – дверь. Открыла, вошла на подкашивающихся ногах.

Боль прострелила от пяток по задней стороне ног, через ягодицы в спину, оттуда в позвоночник и мозг. Чернова упала, заплакав. Прикрыла дверь.

- Эй, - донесся чей-то голос и Наталья мысленно вздрогнула.

Мысленно – потому, что тело отказалось ее слушаться. Под коленями сухожилия натянулись так сильно, что казалось, они вот-вот ей ноги местами поменяют, перекрутив в судороге.

- Вы ранены? - Чьи-то руки коснулись ее. – Ой!

Женский голос. Это… Хо-ро-шо… Наталья вскрикнула. Жен-щи-на. Э-то. Хо-ро-шо. Это о-о-о-чень хорошо!

- Я… рожаю… - едва смогла выдавить из себя Наталья. – По-моги…

- Ох, тыж, мать твою, - донесся второй, мужской, голос из мрака, в который Чернова начала стремительно проваливаться.

- Давай, скорее, оттащите ее в угол…
- Ты сума сошла?! Прямо тут будешь…
- А что…
- Она же…
- И?

Слова доносились все реже и тише. Стук собственного сердца в ушах заглушил все, нарастая, с каждым ударом раскачивая тело до того момента, пока Наталья наконец-то не потеряла сознание, провалившись с блаженное беспамятство.

***

Приходила в себя она долго и мучительно больно. Первым что Наталья ощутила – резкий запах медикаментов. Вторым ощущением была резкая боль в глазах, причем даже не от показавшегося ярким света, а от простейшего движения зрительными органами. Затем, слово отклик от второго пришло третье - боль по всему телу. Ей показалось, чтоее выкрутили, как постиранное белье и побили палками.

На то, чтобы прийти в себя окончательно потребовалась буквально секунда. Мысли быстро, хоть еще и были вялыми от наркоза, заставили ее взбодриться. Чернова дернулась, но удерживавшие путы не сплоховали. Звякнуло железо.

- О-о-о-о! – раздался до тошноты знакомый противный старческий голос откуда-то из вне поля зрения через секунду. – Голубушка очнулась!

Появилось ехидное лицо Решетова. Старик масляно улыбался. Сложив руки на груди, он их мелко-мелко потер, от чего сразу же стал похож на зайца, но через мгновение приобрел более точное сравнение - муха. Жирная, зеленая, вонючая, навозная муха.

- Хорошо! А я уж думал что все, лапки протянешь! А нет. Но это даже к лучшему, может, успеем поговорить!

Наталья попыталась напрячь мышцы, чтобы выбраться из оков, но все что у нее вышло – это поочередно подвигать коленями, да вяло – рукой, в которой все еще находилась игла капельницы.

- Куд-да, со-бралась?! - притворно удивился Решетов. – Лежи, лежи, тебе нельзя ходить. Мы же еще не закончили…

Чернова рыкнула. Что с ней сделали - она поняла практически сразу. Тут никаким аналитическим складом ума обладать не нужно. Ребенка в ней больше не было.

- Сышь, ты… - пьяным языком начала было Наталья но замолчала, тяжело переживая подкативший вдруг приступ тошноты и головокружения.

Препараты, которыми ее напичкали, еще не перестали действовать, а резкими движениями и стрессом Чернова спровоцировала ускорение сердцебиения и, как следствие, еще более активное действие веществ.

- А ты не поменялась, Наташенька, - улыбнулся Решетов, поджав губы.

Его взгляд скользнул по ее телу.

Чернова вздохнула, попыталась успокоиться. Нагота ее не смущала. Сейчас ей было не до этого. Что с ребенком, где он, что с ним? – Это было узнать куда важнее собственного обнаженного тела под масленым взглядом старика.

- Что. Те-бе. Ну-жно? – едва проговорила она, сглотнув кислые слюни. – Где… Ре-бе-нок… Что с ним?

- Много чего, - еще шире улыбнулся старик. – Даже больше, чем ты предполагаешь! А с образцом… С ним все хорошо. Не переживай. Он находится под наблюдением и контролем. – Решетов помолчал. - Нужно признать, ты молодец, Наташенька! Рискнула пойти на такой опасный эксперимент! – профессор притворно похлопал в ладони. – Настоящий ученый! И ведь получилось! – старик явно радовался своему доминирующем во всех смыслах положению. – Жаль, что-о-о-о… - Он вздохнул. – Жаль что пришлось вот так… Но время нет и оно диктует свои правила. Не мне вам рассказывать о самоотдаче и самопожертвовании ради науки…

- Науки! – фыркнула Наталья, собираясь с силами.

- Именно ей! А ты не согласна? Вот то, что ты сделала и то, что я продолжу – именно она же и есть! Настоящий ученый должен уметь рисковать! Ставить на кон все! Развивать свою идею, если он в ней уверен! - он указала ладонью на девушку, словно говоря, вот, посмотрите, это она и сеть! То, о чем я говорю! – Я уже сделал все необходимые анализы. Ты, по истине, гений! Тебе удалось совершить невероятное!.. Ну, и сэкономить мне несколько лет экспериментов! За что вам наша благодарность. Мне вот интересно, как ты это сделала? ЭКО? Наверняка… ну не спала же ты с… ним… Не раскроешь формулу? – Наталья дернула щекой. – Ну, я так и думал! – Цокнул

зубом Решетов и двинулся куда-то в сторону. – В любом случае мутанта мне будет достаточно.

Наталья дернулась, выгнулась, силясь удержать старика в поле зрения. Что он сказал?! Она была готова в этот момент разорвать старика зубами! Гавнюк старый!

Решетов вернулся через полминуты, держа в руках колбу с… Младенцем в руках в огромной банке, похожей на пробирку.

- Познакомьтесь... - ехидно улыбнулся старик, всколыхнув инкубатором.

Здоровый на вид ребенок болтался в маслянистой жидкости, посасывая большой палец и мирно спал, не смотря на тянувшиеся от основания инкубатора к надетой на голову полупрозрачной сеточки провода, и воткнутые в худенькие ручки и ножки иглы капельниц, по трубкам в которых текла желтоватая жидкость.

- Что. Ты. Делаешь?! - тяжело ворочая языком, выкрикнула Наталья, пытаясь разглядеть полуотвернутое лицо младенца.

Вроде, нормальный, – отметила она со страхом и замиранием сердца. Ручки ножки, голова – все обычного размера. Никаких видимых мутаций… Но, это еще ни о чем не говорило. То, что младенец в колбе не совсем человек – она понимала как никто другой. Понимала мозгом, но не душой.

- Обучаю, - сощурился, словно мартовский кот Решетов. – Доделываю твою работу! Совершенствую! У тебя почти получилось, а я только подправлю кое-что, и вот тогда, в дальнейшем, с этим материалом уже можно будет работать!

- Что... – непонятно даже для себя, то ли спросил, то ли хотела что-то сказать Наталья.

- У-со-вер-шен-ству-ю!.. Сейчас обучим, вложим мою основную базу, блоки ментальные поставим… подкачаем тут, откачаем там и получим базовый материал, а из его ДНК и стволовых клеток потом можно будет создать нормальный образец, без всех этих поправок и вашего поломанного гена, Наталья… У тебя получилось формулу составить почти идеально, но ты, как и я уткнулась в проблему одного, но, зараза, самого важного гена, отвечающего за жизнеспособность всего организма. В твоем гиганте иммунитет считай, приобретенный, а тут, в образце, - Решетов вновь встряхнул банку. - Здесь он природным должен быть. Но против природы не попрешь, по крайней мере, так

просто. Потому я чуть поправлю сейчас его геном, обработаем препаратами и вот уже его… клон, можно так сказать, будет более совершенным. Иначе мы сталкиваемся с проблемой отторжения. Ты же изучала этот вопрос? – Профессор усмехнулся. – По глазам вижу, что изучала. Я даже поверхностно глядя, понял, что даже тот твой гигант не жизнеспособен… Сколько ему оставалось? Месяц? Два? Горит… - старик вздохнул, поглядел на младенца. – Они все горят изнутри. Сами себя сжигают. Потому им нужен холод… Да. Мне это очень знакомо, но я нашел способ как это исправить.

- Не тронь ребенка! – прорычала Наталья.

- Ребенка? Ха! Наташ, это не человек. Пойми! Это мутант! Ну и он все равно вряд ли больше двадцати лет проживет. Наши симуляции показали такой предельный срок жизни. Один шанс на миллион что он смог бы протянуть больше двадцати циклов. Я даже больше скажу, с вероятностью в 90% он погибнет на первом же годе жизни. Так что забудь. Это эксперимент! Относись к нему так. Тебе нельзя волноваться. У тебя зараженная кровь. Тебе самой-то пару часов осталось от силы. Иммунитет конечно у тебя сильный, но вот он, - Решетов снова посмотрел на банку. – Он тебя знатно кровушки попортил… Хах! Такой маленький, а уже! – усмехнулся Решетов своей шутке. – Ну ладно, надо сворачиваться. Что-то я разболтался. Надеюсь уже все, что нужно было/ погрузили, включая вашу подружку. Твои друзья дел наделали на поверхности, упертые какие! Так что мы временно переместимся в более безопасное место. Вас, к сожалению, взять с собой не могу. Мест, понимаете ли, маловато. Так что-о-о-о… Спасибо, как говорится за сотрудничество и удачи в ваших… окончаниях. Привет всем передавайте…

- Ты… Урод… - скрежетнула Чернова зубами, сжимая в бессильной злобе кулак.

В этот момент база вздрогнула. Сильный взрыв, произошедший где-то наверху, заставил вещи на столиках задрожать. Звонко зазвенели ложки в кружках, заволновались растворы в колбах, тревожно мигнул свет, возмущенно запищали блоки бесперебойников.

Решетов вздохнул. Через мгновение закрякала сирена.

- Ну вот, - притворно-разочарованно вздохнул он. - Опять они там что-то ломают! Какие неугомонные у вас друзья! Но ничего, ничего.

Мой подопытный сейчас их остановит… Я над ним хорошо поработал…

Решетов двинулся куда-то в сторону. Наталья дернулась, чтобы сделать хоть что-то, мысленно обругала себя за то, что пропускала уроки физкультуры и делала упор на мозги. Нормально развитому человеку наверняка бы удалось разорвать ремни или поломать крепления, а вот ей… Рывок. Еще… Нет. Не выходит. Вокруг тем временем все пришло в движение. Люди заволновались. Кто-то даже коротко пробежался. В воздухе повисло напряжение. Чернова изо всех сил дернулась еще раз. Каталка под ней вздрогнула, но только и всего. Тогда она зажмурилась и стала искренне верить в чудо.

И чудо произошло… Оно не могло не произойти, ведь снаружи явно все шло не по плану, и этот хаос наверняка внесли Данил с Николаем. Сейчас они придут и камня на камне от этого места не оставят! Сровняю с землей… со льдом эту чертову базу! Порвут на кусочки всех тут к чертовой матери и спасут ее…

Наталья помотала головой. Ага, два раза! А кто о ней знает-то?! Ее же высадили снаружи, сказали сидеть и не дергаться, а она тут!

Николай, конечно, мог как-то почувствовать ее, а Данил, вернувшись, не обнаружив, смекнуть, куда девушка отправилась, но… это все так слишком сложно, тонко и на грани совпадений. Однако, раз они тут, и действуют по плану – спасают мир, пытаясь добраться до полковника с Валентином, а попутно Алису, ей лишь нужно подать им какой-то знак. А потом спокойно лежать и не дергаться.

Профессор быстрым шагом прошел мимо нее, направился к двери. Он выглядел злым.

- Ваши друзья опять все испортили! – услышала Чернова обрывок его речи. – Не имеется им! Срочно улетаем!.. – кинул он кому-то в рацию, направившись к дверям лаборатории. – Я эвакуирую образец. Заберите ме…

Он не договорил. Дверь сама открылась прямо перед его носом. Даже не так. Не открылась и не перед носом. Она распахнулась, больно ударив старика по этому самому носу и… Лаборатория тот час же наполнилась страхом и ужасом, гонимыми зловещим клекотом десятка зараженных, ввалившихся в помещение.

Первые вбежали так резво, что охрана даже не сразу сориентировалась. А когда кто-то все же выхватил оружие, было уже

слишком поздно.

Мертвецы оказались слишком близко и заполняли оказавшуюся внезапно какой-то маленькой лабораторию через чур быстро. Стрелять было уже нельзя, да и бессмысленно. Автоматов охрана не имела, а зараженных, казалось, насчитывалось никак не меньше полусотни. Пистолетом тут не отбиться. Всего за десяток секунд вокруг разыгрался настоящий ад. Кто-то все же начал стрелять, но казалось, что пальба была хаотичной.

Наталья задергалась. Она видела как профессор, получив удар дверью, упал и отполз к стене, прижав к груди пробирку с младенцем. Открытая дверная створка закрывала его от взгляда зараженных, но стоило последнему войти, как Решетов наверняка бы попытался сбежать. Сделать этого ему Чернова позволить не могла.

Рывок. Еще… Когда твоя жизнь висит на волоске, вокруг рычат, кричат, булькают горлом и прочими отверстиями в телах умирающие люди, силы берутся словно из неоткуда. Между ближайшим мертвецом и ней – расстояние совсем не большое. Мужчина с обглоданным и обмороженным лицом кинулся на нее с самого входа. Скованная, без возможности оказать сопротивление она являлась главным блюдом шведского стола для всегда голодных зомби. Перед глазами встала картина, как мертвецы, обступив каталку, разрывают ей живот, вытягивают из еще живой девушки внутренности и, смакуя, порыкивая от удовольствия, наслаждаются пиршеством. А она еще жива, дергается от непереносимой боли, но ничего не может сделать…

Ужасное зрелище придало сил. Девушка вновь дернулась всем телом, вкладывая силы, предчувствуя, что это ее последний рывок. Каталка наклонилась на бок, зависла на мгновение и грохнулась в другую от мертвеца сторону. Раздался звон. Вместе с каталкой упали и рассыпались по полу еще какие-то металлические инструменты, что-то разбилось, деревянно стукнуло, влажно чавкнуло… но звуки смешались с всеобщим гвалтом, выстрелами и падением мебели, так что никто на этот конкретный случай особо даже не обратил внимания. Сейчас каждый, кто находился в лаборатории, боролся за собственную жизнь. А Наталья - сразу за две! Потому стараться ей тоже нужно было вдвойне.

Ремни такого падения, естественно, не выдержали. Или они не были рассчитаны на такую нагрузку, или ответственный за фиксацию

схалтурил, но ремень, удерживавший ее тело в районе груди, оставив ожог от рывка, треснул и разорвался.

Не долго думая, Наталья, прикусов губу от резкой боли, прокатившейся по всему телу, культей смогла дотянуться до ремня второй руки. Раненную руку фиксировать ей не стали - наверняка посчитав, что ей девушка не сможет оказать какое-нибудь маломальскоесопротивление, а зря! Когда зверь загнан в угол, он способен на многое!

Резкая боль, выстрелившая в глаз, заставила ее вскрикнуть, но Чернова не остановилась. Сжав зубы сильнее, девушка сумела подцепить бинтом культи стальную пряжку и неуклюже оттянуть ее в сторону так, чтобы язычок зажима отщелкнулся. Вовремя. Мертвец ударился в кровать с другой стороны. Ее тряхнуло. Что там происходит, девушка не видела, но, судя по звукам, кто-то еще пока живой отбивался от не совсем уже живого. Прямо за тонкой перегородкой из кровати, стоял неприятный хруст и слышался булькающий звук. Наталья телом ощущала возню у нее за спиной, от чего становилось только страшнее.

Сердце пропустило удар. Чавканье, казалось, раздавалось над самым ухом. Под боком стало сыро и тепло. Скосив глаза, замерев, Наталья увидела растекающуюся под ней лужу крови. Внизу живота кольнуло, словно кто-то изнутри схватил ее за кожу и потянул, выкручивая, вовнутрь. Губы задрожали, на глазах появились слезы, но она удержалась, лишь выпустила сквозь зубы остатки воздуха из легких.

Чавканье продолжалось. Крик и паника в лаборатории не стихали.

Девушка аккуратно отвела освободившуюся руку, дотянулась до раскиданных по полу инструментов. Скальпель - такое себе оружие, но человека им убить вполне возможно… Можно в порыве схватки и горло вскрыть и при неосторожной операции сосуд перерезать, и морду так располосовать, что коллектор не узнает, а вот толстый череп мертвеца пробить таким предметом вряд ли было возможно. Даже если в глаз ткнешь, и то не факт что достанешь до мозга. У некоторых и при жизни-то он размером с орешек… Да и вообще, против мертвеца – это одноразовое оружие – обратно можешь не достать, если неудачно ткнешь. Но ее целью был не мертвец. Зараженные волновали ее сейчас меньше всего.

Наталья, снова переждав спазм боли, аккуратно согнулась. Тело болело. Операция не прошла не заметно. Швы закровили, кожа лопнула в двух местах, но ей было плевать. Скорее всего, рывок, который она запланировала, будет для нее последним. Ей всего-то нужно было дотянуться до старика любым способом. Даже ценой своей жизни.

Нужно было его остановить! Малышу мертвецы ничего не сделают. Вряд ли для них он выглядит аппетитно, а Данил с Николаем рано или поздно доберутся до лаборатории и спасут его. Ее – уже вряд ли. Тут без помощи квалифицированных врачей не обойтись, а если то, что говорил Решетов, действительно, правда и она отравлена, то и нечего даже мечтать о дальнейших планах. Ее жизнь закончится здесь и сейчас – накачивала девушка себя адреналином. Нужно действовать! Малышу страшно! Его нужно спасти! Им перерезали пуповину, но незримую связь ребенка и матери не разрушить простым отрезанием плоти.

Силы пришли, словно из неоткуда. Конечно, если бы Наталья могла смотреть сквозь предметы, она бы увидела, что заточенный в капсулу младенец открыл свои ярко синие, почти фиолетовые глаза и смотрит на нее словно через пространство, пока еще неумело напитывая маму энергией. Она бы смогла понять, что все последние минуты, она действует уже не совсем по собственной воле… Что это его пробудившееся сознание ведет ее, помогая, усиливая собственные эмоции и желания, словно приправа в лапше быстрого приготовления.

Собрав дух и силы в кулак, а ноги под себя, Наталья выстрелила собой как пружиной.

Боль пронзила ее молнией, но тело уже было не остановить. Пара зараженных среагировали на нее, немного заторможено, не своевременно, что позволило девушке преодолеть половину расстояния быстрее, чем она думала. Но быстрее, это не означало – мгновенно. Это чуть медленнее, чем бы ей хотелось.

Ее схватили за руку, попытались остановить. Чернова выдернула культю, при этом, чуть было не упав, от новой вспышки боли. Но та же боль придала ей еще больше сил. Начало действию положено. Оставалось лишь завершить маневр. Тело слушалось плохо, но многого девушка от него не требовала. Главное ноги переставлять, держать вертикальное положение и крепко сжимать скальпель,

который она вонзит в испуганную рожу Решетова. А она все ближе и ближе.

Пять метров… ноги скользят по уже мокрому от крови полу.

Четыре метра… Голова предательски кружится, и Наталью начинает заваливать на бок.

Три метра. Решетов пытается вскочить, но не успевает… Вытягивает руки в надежде закрыться, защититься.

Два метра. Старику все же удается опереться спиной о стену.

Метр…

На лице ученого отпечатался ужас. Настоящий. Древний. Такой, который сковывает все тело, заставляя мышцы деревенеть. Мозг ученого словно сжали тисками. Он не мог оторвать взгляда от разъяренной женщины. Обнаженная, вся в крови, со злобным лицом… и развивающимися волосами. Она была ужасна и прекрасна одновременно. Смертоносна и невинна. Решетов не мог описать собственных чувств в этот момент. Он хотел бежать и отдаться этой прекрасной воительнице без остатка. Обругать и признаться в любви. Унижать и восхвалять. Вырвать ей сердце чтобы растоптать и подарить свое… Сейчас она стала его целью жизни и ее концом.

Малыш закрыл глаза. Силы покинули его. Решетов вздрогнул, выходя из транса. Но было уже поздно. Острое лезвие скальпеля вонзилось ему в горло, вскрывая кожу, продираясь меж хрящами в трахею. Наталья вложила в удар все оставшиеся силы и инерцию разогнанного тела. У нее была всего одна попытка. Суицидальная. Последняя.

Они упали вместе. Решетов – захрипев, пытаясь перекрыть рану в горле. Наталья – обессилено, так, словно из нее вынули скелет. А сверху на них - два бывших подчиненных профессора. Голодных. Ничего не понимающих, жаждущих лишь крови и человеческого мяса.

***

Те же полчаса до катастрофы.

Военная база РФ «Полярка».

Первый надземный этаж.

База гудела как огромный улей. Гул голосов, перемешанный с кряканьем сирены, сбивал и отвлекал внимание. Красные всполохи аварийных ламп не давали сосредоточиться, пугая своими тенями.

Данил шел вперед осторожно, перекатываясь с пятки на носок, стараясь не шуметь. Автомат плотно прижат к плечу, мушка следует за невидимой точкой в пространстве примерно на уровне груди теоретического противника. Конечно, убивать просто так он не хотел. Он бы вообще хотел обойтись без жертв, но кто его будет спрашивать? Для обитателей базы, обычных солдат, выполняющих приказ или людей Резникова, он, капитан Данил Петров – теперь "враг номер один". В него будут стрелять без вопросов и разговоров, так что выбора у него нет. Хотя был… Данил снова мотнул головой.

- Задолбал! - прорычал он сам на себя.

Опять в голове сомнения: «Ему это все зачем? Мало смертей?» Друга больше нет, ему, так-то по хорошему, теперь все равно. Он уже в Вальхалле, в краю вечной войны или где там еще? Что таким, как они уготовано после смерти? А Байкал еще тут. Живой. Тоже пока «еще». Можно было бы уйти, но вот в том и загвоздка. Всегда во всем виновата эта ма-а-а-аленькая частичка «бы». Частичка-неуверенность. Если БЫ, что было БЫ… Но оно ведь как? Петров давно уже для себя решил: лучше плохо, но без сожаления, чем хорошо, но вот с этим «бы»… Да, дурак, что сюда полез… Что во все это встрял, но что теперь? Теперь надо как-то вылазить… И эта самая «бы» сейчас не давала ему просто развернуться и пойти обратно. Снова. Да, друга больше нет. Но он-то есть! Он тут, он жив! Нет! Решил – делай. А сделал – не сомневайся!

Впереди мелькнула тень. Данил замер на полушаге. Тень тоже замерла. Настала относительная тишина.

- Ты кто? – раздался наконец-то из темноты голос неизвестного.

- Майор Иванов, - расслышав молодой, неуверенный голос ответил Данил.

Тишина.

- Вы с корабля?

Данил улыбнулся.

- Да! Мы с корабля. Что тут у вас произошло? Нас отправили разузнать и вам помочь.

- Да сами не знаем... Прорыв... А где остальные? Кто с вами?

- Да хрен его знает! У вас тут как в катакомбах! Ребята у входа мертвяков встретили, я пошел узнать, что у вас тут творится!

Снова тишина. Затем шорох. Тень отлипла от стены, неуверенно сделала шаг вперед. Данил опустил автомат. Ситуацией нужно было пользоваться, пока неразбериха играла ему на руку.

- Где штаб? Мне нужно доложить полковнику о ситуации. У вас связь не фунциклирует! - добавил Данил командным голосом, когда парнишка приблизился и вышел на освещаемый аварийной лампой участок коридора. – Ты кто? Как звать?

- Игорь… - моргнул парнишка.

Совсем молодой, лет, наверное, двадцать. В очках, лицо в крови, напуган. В руке какая-то железяка.

- Звание? – более строго спросил Петров, соображая, как воспользоваться замешательством паренька.

- Рядовой! – выпрямился назвавшийся Игорем.

- Ну, - сделал вопросительное движение Байкал. – Фамилия, рядовой? Давай скорее, не тяни кота за яйца… Времени нет! Там мертвецов пол коридора и горилла трехметровая… Рожай давай уже…

- Рядовой Игорь Петров! – еще больше вытянулся парнишка и Данил мысленно хмыкнул. Однофамилец…

- Давай, в штаб веди! Тут у вас черт ногу сломит, пока доберется…

Игорь замешкался, но быстро сориентировался.

- Да-да, товарищ майор, нам туда…

***

База оказалось запутанной. Было похоже на то, что ее схему срисовали с маршрута пьяных червей. Одни повороты, изгибы, подъемы и спуски. Зачем? Для чего? – было не понятно, но все это наверняка имело какой-то смысл. Возможно, такая схема была обусловлена местом расположения воинской части – льдами, шельфами, рельефом и боги знают, чем еще. Как военным удалось выстроить такой бункер, да еще в условиях вечной мерзлоты и полярной стужи, Данил ума приложить не мог. Но результат впечатлил!

Они спустились на три этажа ниже, и затем сделали еще пять поворотов, прежде чем дошли до нормально освещенного сектора. По пути им встречались люди, но Данил старался вести себя спокойно. Игоря узнавали, а вместе с ним пропускали, не обращая особого внимания, и чужака, идущего с ним. Байкал старался вести себя

подобающе. Прямая осанка, четкий шаг, острый взгляд. И максимально недовольное хлебало, словно тог осамого супа поел из семи различных сортов колбас. Стоило кому-то только подумать спросить о том, «а что это за хрен с тобой», как Данил тут же командным голосом находил, по его мнению, праздношатающемуся солдатику, дел на месяц вперед. Сразу вспомнилась родная армия.

- А навыки-то не пропьешь, - удивляясь, откуда что берется, ухмыльнулся Данил, когда он в очередной раз отправил таскать круглое и перекатывать квадратное кажется, какого-то капитанишку…

- Там, - указал пальцем солдат, когда они дошли до очередного пандуса, ведущего ниже. – Вперед по коридору, не ошибетесь. Большие двери.

- Спасибо, рядовой, - отмахнулся от него Данил как от надоевшей мухи. – Дальше я сам. Ты пока давай за рацией смотайся, моя села… Надо ребятам звякнуть. Объяснишь им, куда идти, а то они так до весны там будут плутать…

Игорь отдал честь и рванул куда-то назад по коридору, а Данил неспешно двинулся вперед, обдумывая дальнейший план. А его, к слову, и не было! Так что и обдумывать было тоже нечего! Он вообще не думал о том, что будет делать. Как-то не успел. Его задачей было отыскать Алису… А для этого, скорее всего, нужно было найти Валентина. Но раз уж он оказался в самом логове, то можно заодно и полковника прихлопнуть. Только бы они там все вместе были и ему хватило времени… И патронов!

Спустившись по лестнице, Петров дошел до двери. Взявшись за ручку левой рукой, он поудобнее положил руку на рукоять автомата, висящего на груди, стволом вниз. Эх, - запоздало подумал он, - надо было патронами разжиться… Ну да ладно! Авось хватит! Чуть опустив голову, чтобы его узнали не сразу, Байкал вошел, словно в омут с головой нырнул.

И сразу же вынырнул.

В штабе никого не было. Нет, не так. В штабе не было того, кто ему был нужен! Пара дежурных на телефоне, один у компьютера и все.

Люди посмотрели на вошедшего, переглянулись.

- Где все, мать вашу? – мгновенно сориентировавшись, рыкнул Байкал, зло глядя на солдат.

- Э-э-э, - начал было тот, что сидел за радиостанцией.

- Майор Петрушин! – представился Данил и быстро, уверенно прошел на середину круглой комнаты.

На дальней стене висел огромный монитор с картой мира, по которой ползли различные точки и пометки. Справа стояла группа компьютеров из трех рядов по четыре штуки, слева - большой штабной стол для брифинга, правее место радиста или связного и все. Как-то пустовато. Хотяяяя… Петров прикинул. Человек десять смена, не более. Зачем тут больше народу держать? Остальные, наверное, на боевых постах снаружи быть должны, или отдыхать, или заниматься излюбленным армейским делом: парко-хозяйственной деятельностью.

- Где. Все? – еще раз, делая паузы, повторил Данил, надвигаясь на радиста.

Этого, в случае непредвиденной ситуации, нужно было валить первым. Вроде лейтенант, судя по пагонам… Старший офицер, должен быть самым сообразительным.

- Полковник где? Или Валентин Олегович! У меня срочный доклад с поверхности! Почему рация не отвечает, мать твою, лейтенант! – Байкал перешел на рык, навис над связистом, который от такого напора сел обратно на свое рабочее место.

- А… Э…

- Там бойня, а ты тут блеешь! – продолжал импровизировать капитан. – Где начальство? Где замком? Кто за главного?! Вы что, все тут, охренели?!

- Валентин Олегович в лаборатории должен был быть, - попытался собрать мысли в кучи связист. -Вместе с товарищем полковником и майором… И доктором… ученым этим… профессором…

- Ну?! - через пару мгновений сверления взглядом лейтенанта нетерпеливо потребовал Данил. – Лаборатория ваша где?! – видя не понимающий взгляд младшего офицера, сжал скулы Байкал.

- А! Это назад по лестнице, направо и ниже… Пятый этаж. Лифт там слева…

- Вниз слева… - рыкнул, немного поразмыслив, Байкал. – Рацию проверь! Лейтенант, какого хера до тебя не докричаться!?

Лейтенант сглотнул, покосился на станцию, хотел было что-то сказать, но передумал.

- Так работает все… товарищ… товарищ… майор… Вот… - лейтенант поднял наушники с приборной панели, показывая что устройство работает и в полном работоспособном состоянии.

- А хренали мы тогда до вас достучаться не можем? Канал какой?

- 466.115, - машинально ответил солдат, но для верности скосил глаза на указатель радиочастоты.

Данил неопределенно махнул рукой и вышел. Времени мало. Пока тут сейчас разбираются, кто такой майор Петрушин, пока наверняка передают по связи в лабораторию, о его присутствии… Пока может и вправду рацию в тестовый режим переведет, мало ли, что-то отключилось, ему нужно успеть. Пока ему тут все на руку, но, сколько так еще продолжаться будет? Как бы не потратить весь запас оставшейся удачи!

Лаборатория, - размышлял Данил, ища гребаный лифт или лестницу, ведущую ниже. – Лаборатория это хорошо! Там и гнида Решетов обретается и эти все вместе! И Алиса тоже, скорее всего, с ними! Если нет, то хотя бы главных уродов разом всех прихлопнет, а девчонку отыщет позднее. Да, не-е-е-е-ет! – цокнул он языком мысленно, – раз все трое тут, то и она должна быть рядом, ну сто процентов! Хотя-я-я-я! Могли и на поверхности оставить и на авианосце… Ла-а-а-адно! Это, как говорят, в компьютерных играх, "второстепенный квест". Сейчас, пока они не знают о нем, у капитана есть отличный шанс отрубить голову гадюке, из-за которой у всех тут одни проблемы…

Вспомнив про полупустой магазин, капитан тормознул пробегавшего мимо солдата и, грубо буркнув что-то о том, что ему оружие по сроку службы не положено, отобрал его автомат. Вот сразу еще и минус один боец, это хорошо, если потом придется пробиваться с боем, то чем меньше местных останется с оружием, ем ему лучше… Раз методика работает, надо ей пользоваться! У двух следующих он сделал тоже самое. Пока его принимают за какое-то новое высокое начальство, нельзя таким пренебрегать! Хаос и недопонимание были на его стороне.

Через какое-то время Данил наконец-то нашел необходимую дверь. Нашел и тут же замер. Сразу за ней парочка восставших мертвецов устроила себе шведский стол. Два тела. По одному каждому. Одно в белом лабораторном халате, второе в военной форме.

Выбирай, как говорится, что по вкусу… Мясное, но тупое, или костлявое но с кучей мозгов в черепушке.

Вокруг все было измазано кровью и грязными следами. Все они вели вперед. Туда, куда ему, скорее всего и было нужно. Это заставило Петрова напрячься.

Несколько точных ударов ножом и мертвецы попадали головами прямо в «блюда». Затихли. Стрелять пока не хотелось. Шум мог привлечь нежелательное внимание.

Дальше двигаться пришлось осторожнее. «Где два, там и тридцать два» - подумал Данил, наступая на грязный пол как можно осторожнее, вслушиваясь в возню, доносящуюся впереди: звуки хрустящего и бьющегося стекла, стоны, всхлипы, гудение электрических ламп или какого-то высоковольтного оборудования… И запах. Запах едкой химии, соленой крови и горелого пороха. Ему точно туда…

***

Когда он добрался до лаборатории, было уже слишком поздно. Скрываться больше не имело смысла. Лаборатория была разрушена и наполнена зараженными. Их было слишком много, но свинца на всех у Данила бы хватило. Первым порывом было развернуться и уйти. Вряд ли Резников со своими прихвостнями остались тут его дожидаться. Зная этих тварей, сейчас они не о зараженных, и не о бывшем командире силовиков Афалины думал, а сбежали первыми. Если бы тут шел бой, это одно. А от пусть в меру шустрых, но пустоголовых оживших мертвецов, эта троица уж точно смогла улизнуть. Но здраво рассудив, что раз уж он добрался до этого места, то не плохо было бы осмотреться, Петров все же ринулся в бой. И не зря…

Ее тело он нашел не сразу. Лишь оглядевшись, капитан увидел обнаженную женскую ногу, торчащую из-под кучи трупов у двери. Наталья уже едва дышала. Перемазанная кровью, абсолютно голая, обессиленная, но она еще была жива.

- Эй! - первым делом скинул с себя куртку и накрыл ей подругу Петров. – Ты как? Что с тобой? Ранена? - Девушка вздрогнула. - Тише. Тише. Это я… - одернул руки капитан, в страхе, что мог причинить ей боль. – Наташ, что случилось?..

- Да-нил, - наконец-то заговорила Наталья слабым голосом, собравшись с силами и мыслями.

- Идти можешь? - Тишина. Легкий выдох. - Погоди! – Петров засуетился, аккуратно пытаясь помочь подруге встать. – Тебя укусили?

- Н-нет…

Голос у Натальи был странным. Слабым, но при этом резким. Словно она сильно обезвожена и, подбирает слова, экономя силы.

Данил огляделся. Ему не нравились шорохи за дальними столами. Вроде всех кто рядом был, перебил, но кто-то видимо, уцелел.

- Наташ, - снова позвал Данил подругу. – Идти можешь? Надо уходить… Сейчас на шум еще придут. Резникова с Валентином не видела? А Решетова?

- М-могу, - сквозь боль простонала Чернова. – Ре… Ре-шетов…

Данил без лишних слов принялся помогать девушке подняться. Да, больно. Он знает! Но надо, милая, надо, родная! Засиживаться здесь опасно! Или мертвецы нагрянут, или какая-нибудь группа зачистки! И тогда им точно не уйти! Вопрос, что Чернова делает тут, а не находится снаружи, где ее оставили, Данил решил приберечь на потом. Причин много, и наверняка, они резкие. Так что сцену скандала разыгрывать в стиле «я где тебе сказал находиться, а ты где оказалась», он не стал. Потом.

Стоять ровно она могла с трудом. В обычной жизни, или кино, герой бы взял уставшую, раненую спасенную героиню на руки и так с ней и вышел, переступая через трупы поверженных врагов, но в настоящей жизни такой клоун не прошел бы дальше первого противника. И сам бы пуль нахватал и ее, скорее всего, обрек бы на мучительную и болезненную смерть. Как-то обычно упускают то, что враги – не дураки. Раз они находятся тут, то наверняка чего-то да стоят…Засядет так вот какой-нибудь крысюк где-то в темном углу, и все, одной очередью их обоих и положит. Да или просто в коридоре на патруль или заслон наткнешься – тоже радости мало. Пока девку скинешь, пока автомат вскинешь... А девки ж еще народ пугливый, за шею наверняка норовит схватиться и завизжит еще, что твоя сирена, когда ты попытаешься от нее избавиться. И все. Приехали. Точнее пришли. Петров может в чем-то и не соображал, но в ведении боя – разбирался отлично! Так что, Наташенька, придется тебе через боль, через «не могу» но идти за своим избранником собственными ножками…

- Готова? – не оборачиваясь, спросил Данил, проверяя автомат.

По всей базе продолжала выть тревога, раздаваться приглушенные взрывы и выстрелы. Причем последние, казалось, стали раздаваться все ближе.

- Да, - тихо ответила девушка и положила капитану руку на плечо.

- Тогда не отставай. Нужно выбираться и поскорее!

- А с остальными что? Алиса, Николай?

Слово «выбираться» Наталье не понравилось. Как-то оно не так прозвучало. Не «выбираться, нас ждут», не «выбираться, помочь» и даже сама интонация какая-то… Ледяная. Он сказал это как-то обреченно.

Данил не ответил. По гробовой тишине девушка все поняла. Сердце кольнуло, однако ей было настолько плохо и больно, что внутри не осталось места больше ни на что, кроме этой адской боли, сводящей с ума. Мгновенная секундная реакция на слова и все. Вновь. Пустота. Возможно позже она осознает все глубину этой безответной тишины… Если у нее будет это «позже». Но сейчас действительно, нужно спешить. С каждой минутой ей становилось хуже. Сколько она еще продержится, девушка не знала. Но ей нужно было, во что бы то ни стало, спасти ребенка. Банку-инкубатор она ни уползающему в корчах Решетову не отдала, ни Данилу оставить не разрешила. Вцепилась в нее мертвой хваткой. То, что ученый выжил, Наталья знала точно – такие твари так легко не подыхают.

Петров резко распахнул дверную створку, приникнув к прикладу, и дернул Наталью вперед, от чего все мысли кроме одной, «боль, боль, боль», - вмиг покинули ее голову.

***

Пробиваться пришлось с боем. «Полярка» пала. Зараженных было слишком много. Повсюду шатались бывшие солдаты разных силовых структур: армия станции в уставной «зеленке», солдаты полковника в «зиме», ученые-лаборанты в халатах, в черной – моряки со «Шторма». Все они смешались, превратив военную базу в филиал ада за считанные минуты. О том, что во всем этом был замешан Николай, Данил говорить не стал. Наталья несколько раз спрашивала, что случилось, но каждый раз Петров уходил от ответа. Он сам плохо понимал происходящее. Вопросов, как всегда было больше чем ответов.

Зевать было некогда. Зараженные перли группами. Благо, что в оружии и патронах Данил сейчас был не ограничен. Вон! Только успевай поднимать! На каждом шаге, как грибы в лесу после дождя! Тут тебе автомат, там тебе пистолет… А у этого огрызка человека даже «Муха» за спиной… Там вон целый импровизированный заслон с пулеметом и гранатами доедает своего командира… Но все это было цветочками до тех пор, пока Данил с Натальей не добрались до уровня, где находился штаб. Здесь людям все же удалось выстроить оборону и сдержать натиск нежити, что для беглецов задачу лишь усложняло.

Не широкий коридор, они преодолели мгновенно. Казалось, стоит неосторожно сглотнуть, шаркнуть ногой или бряцнуть оружием, как их тут же заметят стоявшие спиной к ним бойцы в глубине коридоа. Конечно, в общей какофонии неутихающих боев их услышать было не возможно, и это всего лишь им казалось из-за запредельного напряжения. Открыв штабную дверь, еще только делая первый шаг, Данил ощутил тревогу, но было уже поздно.

***

Двадцать пять минут до катастрофы.

На этот раз штаб был далеко не пуст. Валентина Петров узнал сразу же, ровно, как и этот выродок его. Взгляд просто прилип к уроду. Уперся прямо в него. Вот только вскинуть автомат Данил уже не успевал. Крыса в человеческом обличии завизжала так громко и резко, что этот вой, поистине женский, отразившись от потолка и стен, резанул по ушам так, что Данил чуть было, не зажмурился. Ей Богу, Валентин выл громче сирены… Его нотам позавидовал бы сам Славяс – певец из девяностых, славящийся своими высокими нотами. Да что там Славяс! Этим писком можно было радикально настроенных демонстрантов разгонять! И, наверное, даже пытать!

- О-о-о-о-он! О-о-о-о-о-он! – только и успел выкрикнуть полковничий прихвостень, как тут же события, произошедшие далее, завертелись в безумном водовороте.

Что «он» или кто «он», солдаты, окружавшие предателей, разбираться не стали. Они тоже были взвинчены до предела. Мертвец, или еще пока живец перед ними – им было уже безразлично. Спусковой крючок был вжат, пружина распрямлена, порох в гильзе воспламенен. Остановить, одним словом, ничего уже было нельзя.

За три мгновения, которые Данил пережил после этого, он успел понять три вещи:

противников слишком много;Наталья стоит на линии огня справа, и мешает вскинуть ему автомат;застрелят сейчас, скорее всего, их обоих…

Совершенно на подсознательном уровне Петров толкнул Наталью в сторону. Грубо. Больно. Но, возможно, это бы спасло ей жизнь… Можно было конечно крикнуть, мол, «не стреляйте, сдаюсь», или опустить оружие… Но, Данил не поверил в то, что это могло сработать. Слишком уж у солдат в штабе рожи грубые и злые. Такие сначала стреляют, потом спрашивают, в кого…

Грохнуло одновременно со всех сторон. Вояки, окружавшие Валентина были не дураками и сразу же посыпались в разные стороны, дабы не составлять из своих тушек статичную групповую мишень. Может это Байкала и спасло… Хотя… Что значит спасло? Так… Продлило жалкое существование.

Схватка была не долгой. Такое обычно не затягивается. С обеих сторон хорошие стрелки, обе стороны одинаково застигнуты врасплох, обе - напротив друга и между ними лишь офисная мебель. Данил может быть чуть-чуть был быстрее, потому что уже находился на кураже… Чуть-чуть… На самую малость, но не на такую, чтобы суметь предотвратить последствия. Будь тут Николай, исход трех-четырех-пятисекундной схватки наверняка был бы иным, но тут его не было, как и больше запаса везения. Все-таки все потратили.

Финалом короткого сражения, его жирной точкой стала граната. Ухнуло так, что заложило уши и голова пошла кругом. С потолка посыпался мусор. Было бы это на открытой местности, такого эффекта разрыв не возымел, а тут, в бетонном мешке… В общем, не лучшая идея была для обеих сторон. Казалось, что даже сами стены зазвенели, когда граната разорвалась. Данил даже ориентации в пространстве на мгновение потерял – настолько сильно хлопнуло по голове.

Почему-то он оказался на коленях. Морда вся в известке, из правого уха, или со щеки, кажется, текла кровь. В глазах - пелена. Мозги - требуют перезагрузки после встряски. Каждое движение тут же отдавалось куда-то в основание черепа.

Наталья лежала рядом, спрятавшись за невысокую ступеньку перед основанием комнаты. Лежит не шевелится. Плохой знак. Петров

крикнул, позвал подругу. Тишина. Ну да! Он сам-то себя слышит как из бочки, за счет проводимости одних только костей, что там о ней говорить …

Чисто по наитию, видимо сработала интуиция, Данил успел перезарядиться и выпустить половину магазина прямо в рожу сунувшегося было в двери пулеметчика. Видать один из тех, кто в коридоре держали оборону, решил узнать, что тут происходит. Узнал. Как говориться, любопытной Варваре на поле боя нос, вместе с челюстью и частью затылка разорвали… Плеснуло знатно! Вся стена и половину коридора, кажется, мозгами и осколками черепа заляпал!

Прямо в след падающему телу Петров бросил гранату. Чисто на автомате. Та успела ровнехонько за мгновение до того, как створки сомкнулись… Ну, это ему так по крайней мере показалось. На деле же там был запас по времени, но кого это волнует? Данила? Совсем нет! Пусть те двое напарничков неудачника об этом теперь переживают. Красиво, не красиво, картинно, не картинно у него это вышло - главное что за первым больше никто не сунулся… А еще то, что Наталья еще дышала… Еще…

- Наташ, - прокричал, оглохший Байкал, оглядываясь, контролируя помещение. – Наташ!

Он потормошил тело подруги, отвлекшись всего на мгновение. Затылок зажгло.

Вскинув автомат, он вжал спуск в попытавшегося прицелиться в него раненного бойца, лежавшего посреди комнаты. Добил остаток магазина. Последний. Останься кто-нибудь в живых еще и ему бы не повезло, но трус Валентин, как, вроде бы и еще один из солдат, сбежали через другую дверь. Это Данил видел собственными глазами. Тварь опять ускользнула! Но и это Данила волновало сейчас не сильно. Волновала его она…

- Зацепили, - рыкнул Данил в гневе. – Суки зацепили, как же так, Наташ, как же так…

На собственную кровь, текущую по рукам из подмышки, а по лицу из порванной насквозь щеки и сорванного осколком гранаты или шальной пули скальпа, Байкал внимания не обращал. Сердце билось как мотор "Боинга", разгоняя по организму горячую кровь. Голова отказывалась соображать. Контузия, нервы, шок… все подряд! Все свалилось разом и не отпускало.

- Наташ, Наташ! – кажется, продолжал кричал Данил, пытаясь зажать рану на ее животе.

Крови из нее набежало – будь здоров! И остановить ее не удавалось.

Если бы он был сейчас более вменяем… Если бы мог соображать… Если бы… Ах, снова эта чертова частица «бы»! Тогда бы он понял, что рана на животе подруги нанесена ей ни пулей, ни осколком, а острым скальпелем проклятого профессора, вырезавшего из ее тела того самого младенца, которого она так сильно прижимает сейчас к груди, накрыв своим телом.

- Данил, - прошептали окровавленные губы, покрытые белой известкой. – Да-нил!

Петров оторвал от ее рубахи кусок, смял его, прижал к ране.

- Забери малыша! – попросила девушка громче. – Слышишь? Забери малыша! Унеси его отсюда!

Какого малыша?

Данил замер, глядя на Чернову непонимающе. Взгляд его прыгал от ее лица к банке, от банки к ране и снова к банке… Прыгал и не мог остановиться. Капитан ничего не осознавал. Мозги все еще не встали на место после контузии…

- Уходи, унеси его, - продолжала стонать Наталья.

- Угу, - буркнул Данил, прикидывая, что же можно сделать.

- Я все равно не выживу… Данил. Слышишь?!

Наталья взяла его лицо в свои руки и попыталась поймать взглядом взгляд. Удалось. Мгновение и Данил вздохнул. За этот ничтожный промежуток времени он все понял. На лице подруги, бледном, сухом, больном, отразилась вся гамма переживаемых чувств. Ей действительно, оставалось не долго. Не всякий мужик с такой кровопотерей выживет… А уж в кровопотерях он разбирался отлично.

Наталья поморщилась.

- Данил… - голос ее был таким слабым, что Петрову пришлось замереть и прислушаться, чтобы не упустить ни звука. – Спаси его, пожалуйста! Уничтожь это место! Его не должно быть! Уничтожь, пока не поздно! Он… - девушка всхлипнула и заговорила быстрее, словно пытаясь успеть… - Он создает чудовище. Не дай ему закончить эксперимент! Не дай им это сделать! Он… Малыш… Малыш ключ к лекарству от всего! И он же – смерть! Увези его и спрячь! Пожалуйста.

Спаси. Спаси нашего ребенка… Прошу тебя! Заклинаю! Увези его как можно дальше! Не дай им добраться до него! И уничтожь здесь все! Здесь… Здесь… слишком… много…. Всего…

Девушка еще раз поморщилась и замолчала. Сил на слова уже не было.

- Прошу, - договорила она одним лишь взглядом и медленно, словно в замедленной съемке закрыла глаза. – Спаси. Сына…

Дыхание ее еще какое-то время вздымало грудь, но с каждым разом становилось все реже и реже, пока совсем не затихло.

- Эй, - позвал Данил, потормошив девушку за плечи через какое-то время. – Наташ? Ты чего! Не спи, не спи, родная! – голос мужчины становился все громче и более озабоченным.

Верить в то, что он только что потерял второго любимого и близкого за каких-то полчаса человека, не хотелось. Да как это может быть? Сердце скрутило. Внутри стало неуютно.

- Ната-а-а-а-аш?! Кончай, давай! Ты, это… дыши!

Он еще раз потормошил тело.

- Слышь! - Встал он перед ней на колени, и, как учила мединструктор, наложил руки на грудь, на два пальца выше мечевидного отростка, для непрямого массажа сердца.

Делать это конечно было уже бесполезно, да и вообще, в такой ситуации – бессмысленно, но Петров уже не отдавал себе отчета. Мозг грозился вот-вот скукожиться и отключиться. Внутри разливалось что-то горячее и горькое, а затылок постепенно нагревался, как будто кто-то подносил к нему утюг. Паника, страх и злоба грозили вот-вот захлестнуть его и утопить в своих темных водах.

- Ты давай… Кончай это… - два нажатия. – Слышишь?! – нажатие. – Не делай так! – Нажатие. – Слышишь?! – Нажатие. – Не-взду-ма-й! – Нажатие…

Оторваться, зажать нос, вдохнуть два раза и снова за «насос». Снова оторваться, вдохнуть, качать. Вдохнуть, качать. Вдохнуть. Качать… И так вечность.

Вечность.

Вечность.

Вечность…

Ровно столько пока силы не покинули его… А точнее сказать не свалило с ног осознание, что все тщетно.

Он опустился рядом с ней. Слезы. Давно забытое ощущение, когда из тебя вытекает что-то кроме крови, мочи и блевотины. Глаза резануло от самой глубин, от мозга, до роговицы. Сердце застучало в ритме, который невозможно повторить или посчитать. А все тело вздрогнуло непроизвольно, как от лютой стужи. Стужи, которая растекалась от сердца… от самой души. Такой, которой можно заморозить все вокруг. И эту станцию. И эти проклятые льды. И весь этот гребаный мир! Все! Кроме боли. Всеобъемлющей. Бесконечной. Тоскливой.

Он сидел, опустив голову, тихо рыдая. Руки обжигали капли слез, падавших на них. Смешивались с кровью и грязью. Они смывали все, оставляя его чистого, голого, беззащитного перед страданиями. Ему было глубоко безразлично, на то, если бы сейчас сюда кто-то ворвался. Он, наверное. Даже ждал этого! Ждал скинуть оковы и обязанность, ответственность и груз. Убили б и хрен с ним! Тишина и покой. Наконец-то!

- Сука, - выдохнул он и в сердцах ударил кулаком по бетону.

Боли не было. Он ударил еще раз и еще.

- Сука, сука, сука! – заорал Данил уже в полную силу, проклиная и ненавидя всех и себя в том числе.

Себя больше.

Надо было остановиться! Надо было завершить все это еще тогда! Отказаться… не пускать ее! Пусть лучше бы он подох, чем она! Кому теперь молиться? Кого просить поменяться с ней местами?!

А некому, Байкал, дружище, некому! Только этим бетонным стенам, да темноте. Можешь еще морозу уличному помолиться. Или проклясть его. Можешь всех разом проклинать и ругать. Это. Ничего. Не. Изменит. Не воскресит. Не исправит. Ни ее, ни его… Теперь тебе остается только одно. Завершить начатое ими дело, если ты, конечно, мужик! И… А дальше… Дальше пулю голову. Больше потому, что никак…

Бульк… Рядом раздался глухой звук. Бульк… Бульк…

Петров поднял заплывшие глаза.

Младенец в банке встрепенулся. Раз… другой... Дернул маленькой ручкой. Ножкой.

Внутри зародилось странное чувство. Словно где-то в груди стало внезапно тепло.

Данил тяжело, со всхлипом вздохнул. Поморщился.

За ребрами кольнуло. Нет, не от грусти или печали… Это шевельнулся осколок, прилетевший ему в подмышку. Артерию, благо, не задело, но крови натекло как с поросенка. Отсюда и слабость.

Подтянув инкубатор к себе, он аккуратно поднял его, посмотрел на малыша.

Ребенок. Настоящий. Живой!

«Сын… Спаси сына», - вспыли ее слова перед смертью. Чьего сына? Сердце кольнуло, на этот раз не от осколка. Чьего сына? Ее? Его? Их?! От догадки Данилу стало плохо. Ее тошнота, температура… Плохое самочувствие, и настроение… Все встало на свои места. Так что… Наталья была… Беременна?! Но как? Когда? И… И-и-и-и-и как… Почему не сказала?!

Он дернул губами. Какая уже разница… Положив банку на колени, Данил медленно потрогал рану. Рубашка разорвана, под ней мокро. Дырка не глубокая, в мясе, но боль от нее сильная. Стреляет до самого глаза. А вот еще одна… В ноге… Выше колена… и еще одна – чуть ниже. Так его не хило оказывается, зацепило!..

- Тампонада! – сами собой вспомнились слова инструкторши в лагере на обучении. – Самое главное сразу остановить кровь! Если вытечет слишком много, уже не откачают. Потому мота-а-а-а-аем, ту-у-у-у-у-уго. Чем туже, тем лучше!..

Слова из другой жизни. Откуда-то из очень далекого прошлого. Такие тихие, словно дыхание ветра. Мир стал другим… Раньше все в нем было понятно. Это враг, в него стреляй. Это дырка – ее латай… А сейчас… А сейчас ничего не ясно. Об мира – тот, что снаружи и тот что внутри у Данила перевернулись мгновенно. Сначала погиб лучший друг. Столько прошли вместе… Вроде недавно познакомились, в той проклятой школе, ночью... А уже считай, целая жизнь прошла! Теперь вот она… Сколько еще смертей нужно этой ненасытной вселенной?! И наступит ли он тут когда-нибудь, мир этот?!

- Зато ты стал отцом… - тихонечко сказал внутренний голос.

Данил улыбнулся.

От-цом… Смешно… Он прошептал чуть громче: «Па-па»…

Губы сами собой растянулись в слабой улыбке. Мозг от недостачи кислорода и кровопотери начал бредить. Ему показалось, что малыш в банке улыбнулся ему в ответ…

- Эх, - подумал Петров, глубоко вздохнув. – А своего отца я так и не повидал… Жив ли старый?.. Так ведь за все это время и не поинтересовался! Даже не вспомнил! А теперь… Теперь, когда костлявая уже за спиной, дышит в затылок, готовясь поцеловать своими ледяными губами, почему-то вспомнился отец… Тот, из-за которого он и пошел в армию… По стопам, как говорится. Вредный. Упрямый. Хотел доказать, что не хуже… Доказал?!. Сын называется! Пол года не вспоминал, а как в жопу ужалили, так сразу про папу подумал… Но что уже сделаешь? Жаль, не позвонить, ни письмо не оставить о том, как его сын погиб…

Данил зажмурился. Представил на мгновение отца… Вот он, старый, сидит за своим столом где-то в Екатеринбурге… А Данил, тут, за тысячи километров, перед самым концом шлет ему мысленную весточку… Услышит ли? Почувствует?.. Хотелось верить…

В легких забулькало. Данил судорожно вздохнул.

- Извини, сынок, - прошептал он, открывая глаза, – не судьба, видать нам выйти…

За спиной что-то затрещало. Трещало, кстати, давно, только Петров раньше не придавал этому звуку внимания. Да и уши видать, только разложило, свист в голове прошел.

Данил запрокинул голову. Узел радиосвязи. Тот самый, который он уже видел здесь в прошлый раз. А! Вон, кстати и парнишка тот… Лежит, дыркой в легком булькает… ну что-ж, сынок. Не повезло тебе… А что поделать? Время такое! Я бы помог, да патронов маловато.

Ослабевшей рукой Байкал дотянулся до переговорного устройства. Тяжело поднялся, уселся в кресло, надел наушники. Нет, не уселся. Упал. Оглядел станцию. «КВ, ВЧ, УК-РП, ЁКЛМН»… от обилия сокращений голова заболела сильнее.

Отыскав что-то похожее на подстроечную частоту, щелкнув переключатель «антенна» в положении «вкл.», «питание» на «аккум.», «Связь» на «прдч.», пододвинул микрофон.

Выбраться ему, видать, уже не суждено, а вот исполнить вторую волю умершей, он еще был в силах. Уничтожить это место. Разрушить до основания, испечь до самого ада… Не зря видать старика вспомнил. Ох не зря! Теперь бы только дозвониться... Только допроситься!

- «Струна»… «Струна», - проговорил он не громко… - Это «Байкал»… «Струна» - «Байкалу», «Струна» - «Байкалу»… - шипение в эфире, шипение в легких и в носу. - «Струна» - «Байкалу»! Ответь!

Тишина… Треск помех. Второй канал бубнит неясным голосом. В ушах звон. Сильнее и сильнее, в зубах уже отдает…

- «Струна» - «Байкалу», прием… «Струна» - «Байкалу», прием… - в глазах темнеет.

- «Струна»… Это «Байкал»… «Струна»… Это «Байкал»… Пап… Ответь…

«Ш-ш-ш-ш-ш-ш, фр-фр-фр-фр, ву-у-у-у-а»… И тишина. Ничего.

Данил покачнулся. Голова поплыла. Но он удержался. Рядом кто-то заворочался. Оглядываться он не стал. Достучаться! Дозвониться! Докричаться до отца сейчас для него стало приоритетной задачей. Он знал, что он его услышит… Нужно лишь погромче позвать… Мозг вспыхнул, в последней вспышке и Данил упал.

***

Ему снился сон… чудесный, светлый. Такой, какой уже не снился давно. Его в последнее время вообще сны не посещали. А тут. На тебе! Столько всего разом! Но!..

Петров открыл глаза.

Поднялся.

Кровать скрипнула, нарушив тишину.

В коридоре раздался торопливый шаг. Видимо он его и разбудил. Глянув на часы, отметил, что проспал совсем не много. Надо же! А ощущения отличные! Полон сил, и… В груди кольнуло…

- Товарищ генерал! – ворвался в помещение молодой солдат-посыльный.

Парень тут же отдал честь, вытянувшись в струну.

Петров нахмурился.

- Что там? – пробасил старик, поднимаясь.

- Сигнал! – звонко крикнул ефрейтор.

- Что за сигнал?

- Не могу знать, товарищ генерал! Товарищ капитан за вами послал, сказал срочно!

Генерал нахмурился. Встал. Накинул китель на плечи. Ощущение сна, стремительно ускользало. Появилось какое-то напряжение. Случилось что-то явно не стандартное, а в это время все не

стандартное обычно ничем хорошим не заканчивается. Старый генерал вышел из комнаты, запер за собой дверь.

- Надо же, - подумал он, - впервые сын приснился…

***

Петров проснулся. Голова гудела как после похмелья. Во рту сухость. Руки дрожат… Но он проснулся! А ведь уже и не думал…

- «Байкал» - «Струне»! «Байкал» - «Струне»! – сквозь вой прошуршало в наушниках.

Едва слышно, словно показалось.

- «Байкал»! «Байкал»! Я «струна»! Прием!

- Пап? – Данил поднял голову.

Плывущий взгляд красных глаз уперся в сиреневое марево. Понятно. Галлюцинации. Он так сильно хотел услышать отца, что мозг в последней конвульсии мозг решил поддаться и сыграть с ним в эту игру. Значит, он еще спит…

- «Струна», я «Байкал», - едва ворочая языком, прошамкал капитан.

- Сынок, ты где?! – раздалось в голове внезапно так отчетливо, словно отец был и вправду рядом.

- Да вот, - развел руками Данил. – «Тут».

- Где? Что с тобой, сынок?!

Точно… Улыбнулся Байкал. Чтобы сам Генерал Максим Петров, главнокомандующий войсками РВСН назвал его «сынок»?! Ха! Да ни в жизнь!

- Да, пап… - невпопад ответил Данил. – Устал немного…

- Данил, Данил! – голос отца казался встревоженным. – Где ты?

- Потом, пап, - отмахнулся капитан Петров проявившемуся в мареве образу генерала Петрова. – Времени мало!

Фигура отца проявилась в комнате и сделала шаг. Они обнялись. Внезапно Данил почувствовал тепло в груди. И запах. Знакомый. Родной. Забытый. Надо же! А старый все также курит… Те самые дешевые, вонючие сигареты, по штуке в день. Не много, но и не бросает. Скорее привычка. И одеколон… Из детства. Такой сейчас и не найдешь же.

- Что с тобой, ты ранен? - Образ генерала Петрова отстранился, оглядел капитана Петрова.

- Немного… ерунда, - стушевался Данил. – До свадьбы заживет… - отец укоризненно поглядел на сына. - Да не переживай! Нормально все. Ты как? Жив?

- Жив, - удивился генерал. - Что мне станет то? В бункере своем заперся и сижу.

Данил улыбнулся.

- Так, где ты? - Максим Петров огляделся. - Что это за место?

- Да-а-а, - капитан отмахнулся. - На севере я. Сначала на "Афалине" был, охраной руководил, теперь вот на "Полярке".

- Полярка? Как тебя туда занесло?

- Долго рассказывать. Слу-у-у-у-ушай, а выручи, а?!

Внезапно Данил удивился пришедшей в голову мысли. А что если все что он сейчас видит – интерпретация событий, происходящих наяву? Может он бредет, но ему действительно удалось установить связь с отцом? Может умирающий, уставший мозг лишь частично играется с ним? Последнее что он помнил - то, как пытался вызвать отца по радио. А вдруг у него вышло?

- Чем могу?!

- Знаешь же, где «Полярка»? – образ отца нахмурился. – Ну, знаешь же. Знаешь… Можешь дать туда чем-нибудь тяжелым?! Я знаю, у тебя есть. – Данил почувствовал, как мир вокруг начал темнеть.

- Данил? О чем ты?!

Петров улыбнулся. Он всяких чудес уже повидал. А вдруг сработает?!

- Долго объяснять, а у меня времени нет, пап… Можешь дать чем-нибудь тяжелым, а?! Это очень важно!.. Тут такие дела творятся, не поверишь. Мутанты, гиганты, ученые сбрендевшие. Война целая! Перевороты политические! – Данил усмехнулся. – Как в кино, ей богу! Я может уже и умер, не знаю… - он осмотрелся. – Странное место, да? Нооо вдруг. Вдруг это не сон, а… - Данил не смог подобрать слов. – Да хрен его знает, бать. Бахни сюда чем-нибудь, а? Если слышишь…

Мир начал внезапно начал меркнуть. Данил еще что-то говорил, но ответа больше не было. Марево в конце концов пропало и он погрузился в черноту. В черный шар, с единственным источником света над головой. Где-то рядом и одновременно далеко…

***

- Связь! – прорычал генерал Петров, когда в эфир внезапно ворвался вой помех.

Связист попытался восстановить соединение. Застучал кнопками клавиатуры, попытался что-то куда-то перенастроить, перенести, но все тщетно.

- Сигнал не проходит, товарищ генерал! – удивленно и нахмуренно поднял голову солдат через несколько безуспешных попыток. – Приема нет… Система не может соединиться. Говорит, что ретранслятор не существует… Ничего не понимаю… наверное, снова возмущения в канале.

Генерал опустился на стул, тяжело задышал.

- Товарищ генерал? – позвал кто-то и Петров внезапно осознал, что в помещении штаба воцарилась полная тишина и вся смена бункера управления сейчас смотрела на него.

Все слышали странный разговор. И все теперь ждали…

- Ребятки, - тяжело начал старик, обдумав слова. – Это мой сын. Точно он! Я уверен! И ему нужна помощь. Приказать я вам такого не могу. Все сами понимаете, но прошу как человек, как мужчина, как отец. Мое последнее к вам обращение. Просто так бы он о таком не просил. Я Данилку знаю. Шутить не станет и под прицелом такого никогда не скажет!

- Товарищ генерал! – нарушая субординацию, поднялся полковник Чешников и для Петрова это был плохой знак.

Чешников огляделся.

- Этого нельзя допустить… Это наша часть! Наше ПРО! Без него мы останемся оголенными против врага!

- Какого врага?! – усмехнулся подполковник Игнатенко со своего места. – Вон он, враг наш… за дверями топчется. Там уже никого кроме них и не осталось, пока мы тут сидим…

- Я все понимаю, - прервал Петров. – Еще раз говорю! Требовать не могу. Но если Данил о таком попросил, значит, дела там и правда не чистые. Мы уже давно с «Поляркой» связаться не можем, спутники нулевую активность показывают, и удаленно база не отвечает… Что толку от ПРО, если мы им не управляем? А ну как ее захватили? Придет приказ уничтожить врага, а нашу ракету наше же ПРО и собьет?

- А от нас и не надо ничего ждать, товарищ генерал, - улыбнулся Игнатенко, оглядев дежурную смену. – Вы нам коды только дайте…

Петров тоже улыбнулся. Видимо было в словах и голосе сына что-то такое, что проняло всех...

А через несколько минут, нарушая все протоколы безопасности, в семи уцелевших подземных бункерах раздались звонки красных телефонов и оглашая окрестности ревом, покрывая их пеплом и остатками несгоревшего топлива, в небо взметнулись и устремились куда-то на север пять ракет. А старый генерал Петров, вновь, схватившись за сердце, медленно опустился на стул и так больше с него никогда не поднялся.

***

Военная база «Полярка».

Пятнадцать минут до катастрофы.

Данил встал, гонимый неизвестной силой.

- Ска, - выругался он. – Даже сдохнуть нормально не даешь!

- Не дам! – прошелестело в голове. – Мама тобой довольна!

Данил скрежетнул зубами. Осознание того, что он говорит с существом в банке пришло как-то разом. Словно кто-то просто взял и поместил в его голову понимание этого. Как будто это всегда было нормальным для него. Теперь он узнал все. То, что было заключен в младенце – действительно было важно для всех и ему нужно было, во чтобы то ни стало, спасти его. Но тело было слишком слабо, а разум – истощен. И тогда на помощь пришел он. Малыш обещал помочь, и, похоже, начал выполнять обещание.

Петров повел руками. Боль ушла. Не сразу и не вся, но отошла на второй план. Стала тупой. Фоновой. Не главной. В перед вышла злость, а за ее спиной маячили ненависть, гнев и жажда мести. Он пообещал Наташе, что исполнит ее волю. Выполнит ее просьбу. Он встал и снова пошел! Как обычно!

Сил не было, но для солдата слова «не могу» не существует! Данил напряг плечи, ощущая, как от груди по телу раскатывается тепло. Пробуждается сила. Открывается скрытый резерв.

Он поднял инкубатор. Младенец, глядел на него пронзительно фиолетовыми глазами.

- Ну че, погнали?

Бульк.

Петров сделал первый шаг. В голове загудело. Губы сами собой зашевелились, шепча.

- Страха нет! Страха нет! Нет страха! – рыкнул монстр вместе с человеческой оболочкой, заставляя стены содрогнуться. - Есть злоба, что сжигает душу в прах! Нет правды - есть истинна, что на сердцах кровью написана! - Существо, поселившееся внутри, набирало силу. Оно рычало, требовало крови, требовало сопротивляться, поглощая человеческое сознание. - Нет страха! – уже в полный голос прорычал капитан, сжимая кулаки до хруста, ничего больше не чувствуя. - Я не боюсь быть мёртвым! Нет страха! Воин жив, пока из памяти не стёрт он! – Он шел, перешагивая через трупы к разрушенному взрывом блокпосту. Поднял забрызганный кровью пулемет.

- Палач стучит в набат, готовя плаху! Но и перед ним у меня нет страха! Я посмотрел на небо, небо затянулось мраком. – Данил поднял крышку пулемета, оглядел внутренности, удовлетворительно качнул головой и медленно поднял голову к потолку. - «Отец, не оставляй меня, мы все ждём знака»… Нет страха! Не-е-е-ет! Он умер вместе с болью!

Дайте человеку удочку, и он будет обеспечен рыбой на всю жизнь. Архимеду – точку опоры и он перевернет весь мир, а капитану Российской Армии Данилу Петрову пулемет и две ленты патронов, и его ничто никогда больше не остановит!

- Я вытер кровь с клинка, я снова брошусь в бой! Я снова с головою брошусь, во тьму кромешную, ибо нет страха! Пусть нас вешают! Мятежный дух страха не ведает! Пусть мы поляжем все, но мы отметим смерть победою! Я слышу ветер! Он пророчит смерть, но смерть трусливо прячется в руинах краха! Она боится тех, в ком нету страха! А если страх вселился в душу твою - ты проиграл! Ты пал! Твой дом… разрушен!

Человеческая сущность растворилась полностью. Двенадцатый сделал твердый шаг. Затем второй. Третий. Четвертый. И поступь эта была столь решительной, что никто несмел противиться ей.

***

Он шел словно в тумане. Вперед, вперед! Не останавливаться! Тело действовало на автомате. Человек больше ему не мешал. Теперь он мог в полной мере воспользоваться своей силой. Рефлексы на максимуме. Скорость – запредельная. Отсутствие боли и моральных

тормозов. Он делал то, что хотел. А хотел он - убивать. Рвать. Калечить. Отбирать жизни у всех, кто встретится на его пути. Его тянуло вперед. На свежий воздух. Под ледяные тяжелые тучи. К свету.

Он сносил блокпост за блокпостом, практически не останавливаясь, уничтожая все на своем пути. Ресурс тела был ограничен, оно было изможденно, ранено и стремительно теряло силы, но двенадцатый вытягивал из него все соки. Новые ощущения и видения окружающего мира давали безграничную власть. Он видел всех, словно играя в какую-то стрелялку с запрещенным программным обеспечением. Ни одна живая душа не могла укрыться от его взгляда.

В ушах звенел набатом чужой голос, придавая сил. Слова существу казались странными. Они складывались друг с другом, образовывая что-то необычное…

- Не долго живёт штурмовая пехота!

Вот только мне нравится эта работа!

Бронебойный напарник не подведёт -

Крупнокалиберный пулемёт!

Четырнадцать и пять пробивает стены.

Кромсает в фарш – отрывает члены!

На пол километра разрывает броню,

А вплотную я и танк похороню!

Побратим трясся в руках, заплевывая тесные для него туннели военной базы смертоносными росчерками. «Утес», конечно, вам не КПВТ, предназначенный для того, чтобы останавливать бронированные машины, но и он с легкостью разрывал тела на части, отрывая конечности, и превращая людей в фарш в одно мгновение. Точнее сказать за три-пять, как и ему и было заложено в тактикико-технических характеристиках отцом-прародителем.

- Я заряжаю – ты убегаешь! – продолжало шуметь в голове, придавая двенадцатому сил и стремления. - Я нажимаю – ты умираешь!

Две тысячи метров не успеваешь!

Прицельную дальность ты скоро узнаешь!

Наконец-то очередной блокпост пал и бывший капитан Петров вышел на финишную прямую. Его глаза уже видели разбитые ворота, ведущие на свободу. Лицо ощущало дуновение морозного воздуха. Тело потряхивало от адреналина. По туннелю от него бежали люди.

Они убегали так, словно сам дьявол шел за ними. Двенадцатый зычно и хрипло рассмеялся.

- Я заряжаю – ты убегаешь!

Я нажимаю – ты умираешь!

Не можешь ответить – ты не попадаешь!

Так неотвратимость ты постигаешь! – Проорал он уже в голос, вжимая спуск.

«Утес» запел ему в унисон. Две машины смерти встретились, чтобы отдать честь Богу войны и отправить на тот свет новенькие, свеженькие души… В разные стороны вновь плеснула кровь, на пол попадали тела, полетели обломки, обрывки и осколки тел.

- Залп!

Залп!

Залп!

Остужай и меняй ствол! – плеер, который капитан прихватил у друга, попытался выдать самые громкие звуки, на которые был только способен, захрипев, но бывшему капитану Данилу Петрову на качество звука было уже наплевать. Главное - магия звука действовала! И давала ему сил! А на то, что наушники вот-вот треснут, или кровища из израненного тела хлещет словно из дуршлага, ему было ровным счетом наплевать!

- И сно-о-о-о-ова в бой! – продолжал петь Павел, словно описывая все происходящее вокруг. - Мой патрон с твоей губой!

Мальчишка! Не шути со мной!

Лафет козлит и ствол ведёт,

Но тебя то не спасёт!

Излом бойка – уже всерьёз!

КПВ меняем на «Утёс»!

И снова в бой!

Хой!

***

Очнулся он от холода. Тело болело так, как не болело еще никогда. Силы у младенца иссякли, и он больше не мог контролировать человека. Что это за монстр, думать Данил не хотел. Он тупо шел куда-то вперед, словно зомбированный, словно один из тех зараженных, что сейчас бесновались в погибающей базе.

Он оказался на берегу океана. Вокруг него, как и везде, где он побывал, валялись трупы. Кто погиб от пулевых ранений, кто не выдержал волны ужаса и страха, идущей от странного человека пришедшего откуда-то со стороны воинской части. Ощущение, как он с легкостью дотягивался до сознания людей, как брал их мозг и просто разрывал – пьянило до сих пор. Никогда еще убивать так просто ему не доводилось. По истине! Это была чудесная, божественная сила! Иметь ментальную власть над людьми – это нечто! Наверное, такие же чувства переживал Кнехт. А ведь его сила сравнима с силой этого младенца!

Данил опустился на колени, выложил инкубатор на снег. Малыш вновь заснул. Он очень устал. Смертельно. Как и он сам… им нужно было отдохнуть… Они выбрались из ада.

Грудь сдавило. Петров харкнул кровью на снег.

Нет, он не выбрался… Только ребенок…

В небе раздался нарастающий гул. Словно там, в тучах, летела одновременно тысяча тяжелых бомбардировщиков. Низкий рокот отражался от льда, усиливаясь, заставляя Антарктику гудеть.

Байкал успел заметить красный росчерк, метнувшийся из-за ближайшего тороса, где находилась умиравшая в корчах военная база и тут же в небе что-то оглушительно хлопнуло. Тучи озарились, словно вспыхнув, и вздыбились, как от дыхания великана.

- Первая, - машинально отменил Данил.

ПРО работала! База пала, но искусственный интеллект продолжал выполнять заложенную в него программу по защите и целостности территории. Первая из четырех противобаллистических ракет отработала как и положено, сбив наведенную спутником ракету.

Данил рыкнул, неуклюже встал и побежал вперед, спотыкаясь. В небе творился хаос. Тучи заклубились. Пролился жидкий огонь. Вмиг ночь превратилась сперва в яркий день, затем в огненный закат.

Петров доковылял до стоявших, уже начавших вмерзать в корку льда десантных катеров. В небе снова загудело.

- Вторая…

Опять с земли к цели устремился росчерк и вновь взрыв потряс окрестности. Данила повалило с ног. Ударная волна оказалась сильнее первой. Поднявшийся ураган взметнул снег, а в небе уже рокотала третья ракета…

Ему снова помог младенец, иначе сам бы он точно не справился. Чудовищных сил Данилу стоило перевалится через борт, до ползти по обмерзшему железу до рубки, дотянуться до рулевого управления и дернуть рычаг газа…

Он успел в последний момент.

Четвертая ракета грохнула над самой головой. Катер бросило с боку на бок. Показалось, что суденышко вот-вот перевернется… Лед затрещал, загудел, вздыбились волны. Где верх, а где низ – понять было можно только по силе, тянувшей его ослабевшее тело то в одну, то в другую сторону… И сквозь весь этот хаос, творившийся вокруг, он услышал ее…

«Ярс» лениво раздвинул тучи. Неспешно, преодолев тысячи километров за восемь с половиной минут. Он был похож на огромную пылающую руку. Длань небесную. Разделившись на пять частей, словно пальцами, он врезался в ледяную корку Антарктики, пробудив невиданный до селе хаос. Ни здесь, ни где то было еще.

Лед буквально испарился в месте, куда упали боеголовки, а вместе с ним и люди, и техника и даже сама военная база почти вся «Полярка» распылилась на атомы.

Огромный кусок льда откололся от шапки поверхности, подняв вместе с взрывной волной невероятной силы цунами. Волна помчалась, набирая силу, пенясь и кружась, кипя и смешиваясь с небесами, стирая с лика Земли все и вся: ломая палубы и переборки накренившегося на один борт авианосца, переворачивая его вверх дном, взламывая береговой лед, поднимая к небесам и обрушивая о твердый берег плавучую научно-исследовательскую базу, перекатывая ее по отмелям, словно мелкий песочек, разливаясь среди низин, смывая все на своем пути… Меняя не только облик и очертания прибрежных районов, но и климат всей планеты. Переписывая истории, судьбы и целый мир.

***

Глава 15. Эпиллог

Эпилог.

***

Полярная военная база МО РФ.

Минута до катастрофы.

- Быстро! Быстро! – подгонял пинками Валентин, спешивших к вертолету людей с носилками.

Бросить бы старика, - подумал он, глядя на Решетова, укрытого одеялами, с замотанным горлом и интубационной трубкой в прорези гортани, да эта скотина слишком важна для них…

Следом за носилками с Решетовым несли вторые.

- Ну вот, - улыбнулся, оскалившись Валентин, склонившись, над связанной девушкой. – Опят нам, милая моя, помешали… Ну, ничего, ничего… Мы еще с вами все успеем! Правда, голубушка?

Алиса попыталась дернуться, но куда там… Руки, ноги и даже голова с шеей – все стянуто тугими жгутами, по трубкам в вену поступает сильнодействующие препараты, подавляющие волю, на лице – кислородная маска, в нее какой-то зеленоватый газ подается, от которого хочется чихать, кашлять и блевать одновременно. И ничего не сделать. Совсем…

- Не надо так дергаться, милая… В вашем состоянии сейчас это опасно… Вам нужно быть здоровенькой, так ведь? – с этими словами Валентин ехидно улыбнулся и положил ладонь девушке на живот. Чуть выше свежего наспех зашитого операционного отверстия. – Вам нужно заботиться о ребеночке. Так что не дергайтесь и все будет хорошо…

Вертолет взлетел в небо за мгновение до первого удара. Машину тряхнуло, но не так сильно, как предполагал Валентин.

Он глядел на игру света в кучевых тяжелых облаках, наливавшихся всеми цветами радуги от красного до зеленого, и не мог оторваться от этой завораживающей картины.

- Божественно, - выдохнул он, глядя на то, как с неба льется огненный дождь, осыпаются ливнем осколки ракет, а над всем этим зарождается самый настоящий шторм. – И сошел на землю ледяную

антихрист в образе страшном и великом, – зашептал он сам себе под нос, – и наслал он на окрестности болезнь смертельную…

***

Атлантический океан. Окрестности полярной военной базы МО РФ. Проектное судно «23000-Э «Шторм».

Минута после катастрофы.

Волна, поднятая ударом ядерных боеголовок, росла на глазах. Если бы авианосец был цел, возможно, он был смог выстоять, смог устоять, но накренившись на один борт, получив серьезную пробоину, некогда грозный и величественный, сейчас он обреченно ждал своей участи.

Люди, кто успел, вышли на палубу. Когда в небе хлопнула первая ракета, брошенные моряки без слов поняли то, что последует вскоре. А куда деваться? Тут, как с подводной лодки… Кто-то правда попытался, прыгнул в оставшиеся катера, кто-то к подводным батискафам побежал, кто-то себе пулю в лоб пустил, но большинство просто стояло и тупо пялилось на разгорающийся над ледяной шапкой ядерный гриб.

Ударная волна пришла позже, сбив с ног тех, кто не успел схватиться за что-то твердое. А волна добила остальных… Лишь несколько человек, устоявших на ногах после чудовищной силы ветра, пронесшегося над океаном, смогли увидеть то, как мимо, невзирая на опасность, в последней попытке выжить, ревя двигателями, разгоняясь, пронесся один из палубных истребителей. Кто был тем пилотом, кто догадался до такого банального решения, никто разглядеть под плотным непроницаемо-черным шлемом не смог. Пилот даже не обернулся на них. На тех, кто решил сдаться, остаться тут и погибнуть.

Он выжимал форсаж до упора, тянул штурвал изо всех сил, напрягал все мышцы, лишь бы успеть… И он успел! Самолет взметнулся в небеса и, махнув крылом, заложив крутой вираж, ушел куда-то влево под облака.

Лишь когда прошла дрожь фюзеляжа, а тревожная сирена, сигнализирующая о радиационной опасности затихла, и нос истребителя вынырнул из-под черных облаков, в такое же черное, но удивительно чистое и спокойное небо под самыми звездами, лишь тогда пилот смог расслабиться.

Он бросил взгляд назад и вниз. Черные клубы туч и пара, расходились от места взрыва, открывая удивительно красивую, стремительно отдаляющуюся картину.

Вздохнув, он потрогал жгут на ноге чуть выше калена, как раз над обрубком и, сглотнув, перетерпев приступ боли, направил самолет в сторону горизонта. К большой земле. Домой. К семье.

***

Где-то. Когда-то…

Когда небо вздрогнуло и рухнуло, когда ночь на миг превратилось в день, и пришла большая вода, Саамы были готовы. Старый Шаман-Нойд заблаговременно предупредил их и все селение собралось на вершине большой горы. Ничего подобного в своей жизни люди севера еще не видели. Картина была одновременно красивой и страшной.

- Боги сошлись в схватке! – прошептал нойд, глядя на бегущие по небу искры. – И пришел спаситель…

Вода ушла быстро. Схлынула, как и пришла, оставив после себя много всего: странный, зеленоватый порошковый налет, черную сажу, обломки льдин и лодку… О ней Нойд поведал так: «И придет к нам Великан. И спасет нас от чуди и злого Этхе, но сам отдаст душу бесу. Сам он погибнет в огне адском и муках душевных, не обретя того, чего ищет, но оставит после себя важное»…

Саамы сошлись вокруг выброшенной чудовищной волной искореженной лодки. Видно было, что судну пришлось не хорошо и если бы кто-то там находился, то, наверняка бы погиб… Так и есть.

Тело они нашли сразу. Закоченевшее, бело-синее.

- Неба тебе мирного, - опустив голову, прошептал Нойд, склонившись над мужчиной, крепок что-то к себе прижимающего.

Они его узнали. Именно он помогал Нюргу спасти их поселение от чуди и злых Этхе. Именно он. Ошибки быть не могло.

В руках у мужчины было стеклянное яйцо. Внутри – черная, непроглядная, густая жижа. От яйца несло страхом, но страх тот был обоснован. Существо, что было внутри, не пыталось напугать Саамов, оно боялось само.

Нойд поднял яйцо.

- И придет, говорили духи, спаситель… - инкубатор внезапно треснул в его старческих руках. – И спасет землю один из внуков

Богов. Сын Нюрга! Заступника земель и людского рода! Нюр-гу-стан Чуун-Койра!..

Черная жижа потекла через трещины, пачкая руки старика, затекая ему в рукава, стекая ледяными струйками по телу, но он продолжал стоять, и благоговейно глядеть на яйцо. Мгновение и окрестности огласил детский плач новорожденного.

- И должны мы его спасти, как он спасет нас! - закончил Нойд, прижимая младенца к груди. – И ты, Айва, - он поглядел на уставшую девочку, лежавшую на нартах, - станешь ему второй матерью…

***

Алтайский край.

Река Катунь. Порог "Горизонт" (Бывшие)

18 лет после "дня Х"

Она шла, едва передвигая ноги. Переход дался тяжело. Босые ноги, стоптанные в кровь, оставляли алые следы на камнях. Простые одеяния, скорее похожие на рубище или подпоясанный алым, плетеным пояском мешок с прорезью для головы, почти не защищали от осенней прохлады. Уже было не жарко, но еще и не холодно. Скоро настанет глубокая осень и первые снежные хлопья опустятся на эти земли.

Река, прорезавшая себе путь в скале шумела и бурлила порогом. Здесь русло делало резкий поворот, создавая боковой поднос с прижимом к скале. Уставшие, побелевшие от горя и боли уже почти не видящие глаза озарились искоркой радости. Несмотря на возраст, выглядела женщина на много старше своих лет. Тяжелая судьба лежала за ее плечами. Годы мучений и десятилетия испытаний. Но ей наконец-то удалось выбраться. Удалось сбежать из своего плена и добраться до места, о котором когда-то мечтала.

Бирюзовые воды Катуни, становящиеся в этом месте серо-белыми из-за пенных перекатов и бочек, манили ее своей силой.

Женщина вздохнула. Она смертельно устала. Ее сердце забилось невероятно сильно.

Медленно опустившись на камень, поросший мхом, помогая себе посохом, женщина ощутила умиротворение. Закатное солнце нежно коснулось ее лица. Она закрыла глаза и на мгновение ощутила себя моложе. Той озорной девчонкой, мечтавшей когда-то с любимым оказаться здесь...

- Я пришла, - тихо прошептала Алиса и замерла, привалившись к дереву, уже навсегда.

***

Конец.

Николай Малунов,

29 марта 2022 - 2 июля 2024

От автора. Ну, что ж! Свершилось! Сегодня выходит заключительная, 14ая глава книги. Вместе с ней закончится трилогия и история героев. Шли мы к этому долго, но все-таки дошли. Возможно финал понравится не всем, для кого-то он предсказуем, а кому-то понравится и запомнится, но он такой, как есть. "Шторм" не просто третья, завершающая историю книга, это предыстория многих других. Именно из "ШТОРМА" растут ноги других событий. Именно "ШТОРМ" дает жизнь новым героям...

Может быть, когда-нибудь я и вернусь к этому сюжету, ведь есть еще пара сюжетных линий, которые можно "раскрутить", но, как показывает практика, делать этого не стоит. Конец, так конец. Всем, кто дождался выхода - огромное спасибо, надеюсь, я вас не разочаровал!